

Санкт-Петербургский государственный университет
Филологический факультет

XVIII Международная
конференция
студентов-филологов
СПбГУ

6–11 апреля
2015 года

Тезисы докладов

Санкт-Петербург
2015

УДК 81-22
ББК 81.2, 83.3

Информация о конференции представлена на сайте
<http://conference-spbu.ru/conference/31/>

XVIII Международная конференция студентов-филологов СПбГУ, Санкт-Петербург, 6–11 апреля 2015 г.: Тезисы докладов / Отв. ред. Д. Н. Чердаков. — СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2015. — 289 с.

ISBN 978-5-8465-1465-2

Сборник включает тезисы докладов, сделанных на XVIII Международной конференции студентов-филологов СПбГУ 6–11 апреля 2015 г.

УДК 81-22
ББК 81.2, 83.3

ISBN 978-5-8465-1465-2

© Авторы, 2015
© Санкт-Петербургский государственный университет, 2015

РУССКИЙ ЯЗЫК

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Из наблюдений над заударным вокализмом южнорусских говоров XVII века (на материале отказных книг)

Спиричева Маргарита Вадимовна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. М. Б. Попов

В акающих говорах современного русского языка в заударных позициях наблюдается совпадение гласных неверхнего подъема в /e/ или в /i/. Развитие системы до современного состояния изучено недостаточно.

В южнорусских рукописях XVII века наблюдается мена букв *e* и *я* в заударных слогах (например, *крестьяня*), что обыкновенно трактуется как проявление заударного яканья — вида безударного вокализма, при котором на месте гласных неверхнего подъема после мягких согласных возникает фонема /a/. В то же время отмечается и влияние морфологических факторов.

В работе Б. И. Осипова, Л. П. Батыревой и Е. Б. Сухоцкой было отмечено, что в основном мена букв *e* на *я* происходит во флексиях и некоторых суффиксах (в частности, в суффиксе притяжательных образований *-ев*). Они объяснили это выравниванием по твердому типу: притяжательные образования от твердой основы имеют суффикс *-ов* (в безударной позиции /av/ : /af/), по аналогии с которым в образованиях от мягкой основы появляется /a/, орфографически *я* (ср. написания *Матвеяв*, *Степанав*).

По подсчетам Б. И. Осипова, Л. П. Батыревой и Е. Б. Сухоцкой, в Южнорусских отказных книгах мена /e/ на /a/ в суффиксах притяжательных образований характерна для 14% написаний. Однако нами обнаружено, что у некоторых писцов Брянской, Курской и Воронежской отказных книг подобной замены /e/ на /a/ в указанных суффиксах не происходит, в то время как у других она проводится довольно последовательно (до 68% замен). Кроме того, у второй группы писцов можно наблюдать определенные закономерности постановки гласных в суффиксе, которые могут быть вызваны фонетическими причинами.

Цель исследования — выявить условия мены /e/ и /a/ в суффиксах притяжательных образований в Курской, Брянской и Воронежской отказных книгах.

Исследование выявило, что одни писцы руководствовались морфологическим принципом при написании суффиксов притяжательных образований, а для других характерны отступления от него, отражающие, на наш взгляд, особенности говора писцов. Анализ этих отступлений позволил

обнаружить тенденцию к написанию *я* после /*j*/ и *е* после других мягких согласных (ср. *Голенева*, но *Дмитряева*). Также наблюдается некоторая зависимость написания гласного в суффиксе от гласного предшествующего слога. У отдельных писцов суффикс притяжательности имеет написание *-ев* после слога, содержащего /*a*/, и написание *-яв* после слога, содержащего /*e*/ (ср. *Минаев*, *Сергеев*). На этом основании можно выдвинуть предположение о действии в заударных слогах диссимилятивного принципа.

С кем и против кого лучше воевать

Генералова Валерия Антоновна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. С. С. Сай

В русском языке существуют глаголы, способные управлять именными группами в разных падежах и/или с разными предлогами. Варьируемые формы могут быть синтаксическими синонимами. Так ведут себя, например, некоторые симметричные предикаты, конструкции с которыми и стали объектом настоящего исследования. Симметричными предикатами называются лексические единицы, которые имеют две эквивалентные в смысловом отношении синтаксические валентности, например, *дружить*, *ссориться*, *переглядываться*, *бороться* и др. В докладе рассматриваются конструкции, в которых используется глагол *воевать* с предлогами *с* и *против*. Исследование проведено на материале Национального корпуса русского языка. Цель исследования заключается в выявлении особенностей распределения предлогов *с* и *против* при глаголе *воевать*. Среди параметров, характеризующих саму конструкцию и влияющих на выбор предлога, важнейшим является тип контрагента. В настоящем исследовании под термином «контрагент» подразумевается сила, против которой направлено действие. В ходе исследования по грамматическим и морфологическим признакам была выделена 21 группа контрагентов. Некоторые типы представлены небольшим количеством примеров, поэтому выводы можно сделать лишь о девяти. По результатам исследования можно заметить, что при глаголе *воевать* группа с предлогом *против* употребляется реже всего в том случае, если контрагент выражен местоимением *кто*, несколько больший процент употребления предлога *против* наблюдается при контрагентах, выраженных конкретными одушевлёнными существительными в форме единственного числа. С почти одинаковой частотой предлог *против* выбирается при контрагентах, обозначающих национальности и при местоимении *друг друга*. Значительно чаще предлог *против* используется при контрагентах, обозначающих лидеров и страны, а также при одушевлённых исчисляемых существительных в форме множественного числа. Наивысший процент наблюдается при абстрактных и собирательных контрагентах. Эти данные позволяют предположить, что в целом при абстрактных и обобщённых существительных предлог *против* выбирается чаще, чем при конкретных. Кроме того, можно заметить, что предлог *против* выбирается при одушевлённых контрагентах чаще, чем при неодушевлённых.

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

Термины и терминосочетания со значением 'лишить жизни' в договорах Руси с Византией и Русской Правде

Носов Илья Сергеевич

студент 4 курса, Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева

Научный руководитель – д. пед. наук, проф. В. П. Киржаева

Договоры Руси и Византии и Русская Правда являются древнейшими памятниками древнерусской письменности, культуры и права. Данные документы интересны нам как источник древнерусской юридической терминологии. Семантика интересующих нас терминов и терминосочетаний устанавливается на основе анализа словарных статей историко-лингвистических, этимологических и юридических словарей, трудов историков языка, государства и права. Как показывает контекстный анализ терминов и терминосочетаний, где излагаются условия осуществления противоправного действия «лишить жизни» и устанавливается наказание за него также путем лишения жизни, действие «лишить жизни» реализовано в вышеизложенных документах рядом синонимичных слов и словосочетаний, выражающих противоправное деяние (*убьет, сотворивый убийство, разбой, убить в разбое* и др.), имеет значение совершения убийства как акта осуществления внесудебного правосудия — кровной мести (*месть, убить во пса место* и др.), реализует значение казни как акта осуществления правосудия (*да умрет, убиен будет, убиение за голову* и др.). Настоящее исследование расширяет и дополняет наблюдения над семантикой терминов и терминосочетаний со значением 'лишить жизни', которые представлены в наших прошлых работах, основанных на Краткой редакции Русской Правды по Академическому I списку (сер. XV в.).

Глаголы движения как реализация мифологемы пути в «Сказании отца нашего Агапия», памятнике литературы Древней Руси XII–XIII вв.

Шуплецова Анна Сергеевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. О. А. Черепанова

Исследуется текст апокрифического памятника «Сказание отца нашего Агапия», входящий в состав Успенского сборника XII–XIII вв. Основное теософское содержание памятника раскрывается через мифологему пути: описание реального движения отца Агапия есть одновременно его духовное движение к постижению божественных заповедей. Описание реального пути реализуется через употребление большого числа глаголов движения. Их анализ с точки зрения семантики, морфемной структуры и употребления в тексте позволил выделить следующие особенности данной группы глаголов. 1. В лексико-семантическую группу глаголов движения входит

32 глагола, которые представлены 135 словоупотреблениями. 2. Архисемой данной глагольной группы является значение последовательного изменения местоположения предмета на протяжении некоторого отрезка времени. 3. Общее для всех глаголов группы значение уточняется в различных аспектах: самостоятельность/несамостоятельность движения, направление, среда, в которой происходит движение, транспорт, способ перемещения. 4. В наиболее общем виде идея движения-перемещения выражается в глаголах *ити, нести*. Глагол *ити* — самый частотный глагол этой группы в памятнике. 5. По критерию самостоятельности/несамостоятельности движения выделяются три подгруппы глаголов со следующими значениями: самостоятельное движение субъекта, одновременное перемещение субъекта и объекта и перемещение объекта. 6. Глаголы употребляются с различными приставками, которые обозначают направление движения по горизонтали (*итити*), вертикали (*съниде*), внутрь (*въниди*), наружу (*изльзоу*), фазу движения (*поити, прити*), отношение к пределу (*доидеши*). 7. В аспекте среды перемещения глаголы более однородны. Большая часть глаголов обозначает движение по суше (*ити, ведоу, изльзоу, исходить*), перемещение орла по воздуху также описывается глаголом *ити* (*итиде шт нгюо орль*). Для обозначения передвижения корабля по морю используется глагол *плавати* (*оузърь корабль плавающъ*). 8. В основном перемещение осуществляется по суше без транспортных средств. Как уже упоминалось, перемещение корабля называется глаголом *плавати*. Кроме того, в контексте, когда транспортным средством является корабль, используется глагол *пръвезти* (*въльзи къ намъ въ корабль и пръвеземъ та амо же хоцещи, азъ ъсмь дътищъ малыи иже та чръсь море пръвезохъ*). Итак, для текста «Сказания» характерны большая частотность употребления глаголов движения и их семантическое разнообразие. Эта группа является одной из самых употребительных в языке и речи, при этом в данном памятнике глаголы движения служат раскрытию мифологемы пути. Памятник дает возможность увидеть существенную роль словообразовательных элементов, прежде всего приставок, в создании семантического богатства этой лексической группы.

Парные именованя в памятниках письменности XI — начала XIV вв.: опыт лексикографического описания

Никандрова Софья Исломовна,

студент 5 курса, Владимирский государственный университет

Морозова Ксения Владимировна

студент 5 курса, Владимирский государственный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, доц. М. В. Артамонова

Доклад посвящен проблеме создания словаря парных именованй древнерусского текста XI — начала XIV веков.

Парные именованя — разновидность устойчивых сочетаний древнерусского текста, в которых эксплицирована концептуально-языковая категория бинарности, обусловленная мировоззрением древнего русича. По ряду признаков парное именоване сближается и со словом, и со сво-

бодным словосочетанием. Парные именованья представляют собой паратаксистическое соединение двух структурно и семантически связанных компонентов (например, *радость и веселье, грех и беззаконие, честь и слава*).

Парные именованья в разработанном словаре располагаются в алфавитном порядке (по первому компоненту парного именованья). Статья, толкующая значение парного именованья, включает в себя следующее: а) парное именованье в исходной форме; б) семантическую характеристику (толкование) сочетанья; в) иллюстративный материал. В качестве образца статьи, толкующей значение парного именованья древнерусского текста, мы приводим следующую схему:

Вера и любовь. 1. Уважение. «...яко же имеа велию веру и любовь к преподобному...» (Жит. Серг. Рад., с. 398); «Ты убо, владычице, веси веру нашу и любовь, еже к сыну твоему...» (Пов. Благовещ. церк., с. 464); «не презри нас, верою и любовию чтущих тя» (там же, с. 424). 2. Доверие. «...и послуша великаго князя веры его ради и любве, иде на Коломну...» (там же, с. 390); «Мнози же убо елици к нему веру и любовь имуще...» (там же, с. 424); 3. Мудрость. «И аще будише брат покорлив, и смирен, и тепл на веру и на любовь божию...» (там же, с. 340); «Ты убо, владычице, веси веру нашу и любовь, еже к сыну твоему...» (Пов. Благовещ. церк., с. 464).

В словаре отмечается явление лексического варьирования, при котором происходит изменение состава компонентов, то есть замена одного компонента другим семантически равнозначным членом оппозиции. Для этого мы выписываем лексический вариант в его начальной форме полужирным шрифтом и в пределах этой же словарной статьи даем иллюстративный материал к этой синтагме.

Огонь и вода. Наказание. «Яко же и железо огнем разгарается и водою калиться остроты ради...» (Жит. Серг. Рад., с. 224); ~ **и мечь** «...иже сугубую смерть претерпесте — от огня и меча...» (Пов. Тохтамыш., с. 202); «...избави пленныа наша от поганых, от огня и меча, напрасныа смерти...» (Пов. Темир. Акс., с. 236).

Здесь повторяющийся компонент мы обозначаем знаком «~» и даем толкование синтагмы в одной статье, если значение парного именованья не изменяется.

Энклитическое местоимение «и/нь» в Житии Андрея Юродивого и «Пчеле»

Харламова Анастасия Вадимовна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Т. В. Рождественская

1. Настоящее исследование употребления древнерусского энклитического местоимения мужского рода винительного падежа *и/нь* в переводных памятниках проводится с опорой на наблюдения А. А. Зализняка над

- эволюцией энклитик древнерусского языка. На предшествующем этапе, на основе анализа материала из датирующегося XII в. Жития Андрея Юродивого (далее — ЖАЮ), были сделаны некоторые предварительные выводы относительно причин выбора формы *нь* или *него*, специфических для данного памятника. В частности, было установлено, что выбор может быть обусловлен не только синтаксической структурой и стилистикой древнерусского текста, но и особенностями греческого подлинника.
2. На данном этапе работы для сравнения был привлечён материал из другого памятника, относящегося к XII–XIII в. и также представляющего собой перевод с греческого — древнерусской «Пчелы». Как и ЖАЮ, это перевод восточнославянский и датируется приблизительно тем же периодом. От ЖАЮ «Пчелу» отличает то, что это памятник книжной ориентации. Энклитика *и/нь* в нём представлена большим количеством случаев, чем в ЖАЮ, хотя часто энклитическая форма может присутствовать только в одном или некоторых списках, в то время как в остальных или употребляется полноударная форма, или местоимение опущено вообще.
  3. Из характерных для ЖАЮ и «Пчелы» причин выбора энклитических форм *и/нь* вместо полноударных *его/него* нами выявлена одна, являющаяся общей для обоих памятников — наличие параллелизма в тексте. Однако немногочисленность таких случаев параллелизма пока не позволяет как-то анализировать эту закономерность.
  4. При исследовании текста «Пчелы» было обнаружено, что наиболее часто *и/нь* присутствует в тех участках текста, которые переведены с греческого вольно или даже полностью добавлены писцом. В связи с этим мы можем предположить, что перевод «Пчелы» делался с опорой на более архаичные древнерусские источники, в которых энклитики ещё активно употреблялись.

Сравнительное изучение двойственного числа в Троицком сборнике XII–XIII века, Изборнике XIII века и Толстовском сборнике второй половины XIII века

Шаяхметова Эльвира Халитовна

студент 5 курса, Казанский (Приволжский) федеральный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. О. Ф. Жолобов

Предметом исследования являются три компилятивных сборника толково-поучительного содержания: Троицкий сборник XII–XIII века (РГБ, ф.304.1, №12), Изборник (ГПБ, Q.p.1,18) и Толстовский сборник (ГПБ, Ф.п.1.39), далее Тр12, Изб13 и Тол соответственно. Тр12 изучался по электронному набору рукописи (опубликован на сайте <http://mns.udsu.ru/>), Изб13 — по публикации Палаты книгописной (Wątróbska, 1987), Тол — по фотокопии рукописи.

Цель работы — проследить и описать формы двойственного числа (далее — дв. ч.), используемые в текстах, установить случаи их замены фор-

мами множественного числа. Также целью исследования было выявить различия функционирования и возможные ошибки в употреблении дв. ч. в сборниках в связи с их различной временной датировкой. Основным методом исследования является сплошная выборка, поскольку для того, чтобы составить верное представление о характере употребления грамматической категории в тексте, необходимо учесть все контексты её использования (как верного, так и ошибочного) и неиспользования (ошибочного).

При описании дв. ч. мы опирались на работу О. Ф. Жолобова, который, с учетом предшествующих исследований, выделяет пять подтипов дуалиса: свободное дв. ч. (в том числе дистрибутивные формы), связанное дв. ч., прономинально-вербальное дв. ч., дв. ч. в конструкциях с двумя именами и конгруэнтное дв. ч.

В ходе исследования в Тр12 на 202 листах рукописи был выявлен только один пример некорректного употребления (примеры даны в упрощенной орфографии): *вижду гвоздизя въ дланьхъ сыноу моемоу* Тр12 35об — мн. ч. местн. пад. вместо дв. ч. Также в Тр12 был обнаружен пример использования личного местоимения в дв. ч.: *глагола къ рекама на кого вы грядета кифе и лоукапре. кто вы прьльсти оставити поуть ваю* Тр12 45об. Как видим, перед нами омонимия форм им. пад. дв. ч. и мн. ч. 2 л. личного местоимения (*вы* место *ва*). В Изб13 (196 листов) нам встретилось одно не совсем ясное место: *Христосъ отъ небесе. отъ девы не роуками. не отъ плъти. нъ отъ небесе отъ Бога* Изб13 21об; и форма дв. ч. существительного с основой на *а, образованная по *о-склонению: *между двьма горома* Изб13 179об. В Тол (184 листа) были обнаружены более яркие отступления от правильного использования дв. ч.: *посредь ста двою алумпиадъ* Тол 154об.; *придоша двъ женъ* Тол 11об.; *видъвшие же людье града того преславное се чудо прослависта всемилостиваго Бога* Тол 64об. В данных случаях формы дв. и мн. ч. смешиваются в результате соседства сходных контекстов с плюральным и дуальным деятелем. Формы же дистрибутивного дв. ч. и мн. ч. парных существительных варьируются во всех сборниках.

Наблюдаемая ситуация соответствует современной теории относительного хронологии утраты дв. ч., согласно которой утрата дв. ч. в древнерусском языке была длительным процессом, продолжавшимся с рубежа XII—XIII веков до начала XV века.

Причастия и их функции в тексте

«Повести о Петре и Февронии Муромских»

Тимофеева Мария Андреевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — д. филол. наук, проф. О. А. Черепанова

«Повесть о Петре и Февронии Муромских» — литературный памятник XVI века, в котором гармонично сочетаются элементы агиографического жанра и новеллистической сказки. Цель работы — дать грамматическую характеристику причастий в тексте повести, описать их синтаксические функции, показать роль причастий в синтаксической организации пред-

ложения в этот период. На основе анализа текста с учетом некоторых статистических данных можно сделать следующие выводы.

1. Полные причастия действительного залога настоящего времени имеют атрибутивное значение и выражают в качестве признака действие или процесс (*содѣтелю и творцу... си премудростию свершающему, и строящему всяческая...*).
2. Ряд кратких причастий действительного залога настоящего времени выполняет функцию предиката (*...ибо аще какову древу **стоящу** на земли, солнцу же с небеси **сияющу** на нь...*).
3. Большое количество кратких причастий действительного залога утрачивают связь с определяемым словом и по функции приближаются к деепричастиям, выражая действие, сопутствующее основному (*Она же, **отмѣрив** пядию, рече...*).
4. Некоторые причастия подвергаются субстантивации (*[Петр] встрѣти нѣкоего от **предстоящих** брату его...*).
5. Полные причастия страдательного залога употребляются в качестве определений (*О сем бо рече сосуд **избранный** Павел...*).
6. Краткие причастия страдательного залога употребляются в качестве именной части составного сказуемого (со связкой и без нее) (*Не будите раби человеком, **купленн** бо есте ценою*).
7. О книжном стиле текста свидетельствуют причастные и деепричастные обороты (*...содѣтелю и творцу..., **строящему всяческая**; Богъ же..., **создав человека**,... надо вѣсьм земнымъ существомъ царемъ постави*).
8. Причастие на -л- употребляется в тексте в составе глагольных форм как со связкой, так и без нее (*...его же ей Богъ и по смерти неразлучна **обещал** есть ; Аще бы кто **требовал** князя твоего себя*).
9. Наиболее продуктивными для данного текста являются инфинитивные основы с суффиксами -а-, -и-.

В целом можно констатировать, что причастия играют немаловажную роль в организации предложения в тексте «Повести», в частности в оформлении его предикативного ядра.

Историческая динамика словообразовательного гнезда: гнездо с вершиной -ход-

Янковский Олег Игоревич

студент 5 курса, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. О. И. Дмитриева

Исследование словообразовательных подсистем в их эволюции — одно из приоритетных направлений современной русистики. В последние годы появляется все больше работ, посвященных вопросу становления и развития словообразовательных гнезд (СГ), типов, моделей в истории русского языка. В ходе изучения исторической динамики гнезда нами используется термин «этимолого-словообразовательное гнездо» (ЭСГ), обозначающий такое СГ, в котором восстановлены этимологические связи и в которое включены элементы, не входящие в современное СГ в силу фонетических,

морфологических, семантических и других изменений, произошедших в языке. Глаголы с семантикой движения часто восходят к общиндоевропейскому праязыку, поэтому историческое изучение ЭСГ с корнем *-ход-* позволяет выявить изменения, наиболее характерные для языковой системы в целом. В докладе освещается эволюция ЭСГ от древнерусского периода до периода становления национального литературного языка (то есть с XI по XVIII в.), поскольку именно в это время оформилось семантическое многообразие гнезда и отдельных его частей, сформировались словообразовательные парадигмы, определился деривационный потенциал гнезда. Материалом для лексико-семантического и словообразовательного анализа гнезда послужили данные этимологических и исторических словарей, относящихся к обозначенным периодам развития языка. В результате проведенного анализа выявлены основные тенденции эволюции ЭСГ *-ход-*: 1) формирование ЭСГ происходит уже в древнерусский период; 2) в старорусский период (XV–XVII вв.) складываются основные глагольная и именные парадигмы гнезда; 3) динамика формирования гнезда в XVIII в. определяется сокращением количественного состава глагольной парадигмы, появлением производных с научной семантикой, активизацией процесса словосложения, ростом числа словопроизводственных моделей, вовлеченных в образование слов именной части гнезда.

Лингвотекстологические наблюдения над Олонецким сборником заговоров XVII в.

Алексеева Алина Сергеевна

студент 4 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. А. А. Гиппиус

Сборники рукописных заговоров XVII в., являясь ценнейшим источником для исторической фольклористики, представляют и значительный историко-лингвистический интерес. Текстологическая гетерогенность таких сборников, включающих в себя материалы разного — устного и книжного — происхождения, проявляется и в языке, обуславливая соединение в текстах черт разных языковых регистров. Будучи наиболее ранним и наиболее полным собранием рукописных заговоров, Олонецкий сборник 2-ой четверти XVII в. (БАН 21.9.10; далее — ОС) послужил предметом значительного количества исследований (преимущественно фольклорно-исторической направленности) и публикаций. Однако ряд мест рукописи по-прежнему требует лингвистического и текстологического комментария.

Так, в последнем издании ОС, выполненном под редакцией А. Л. Топоркова, приводится фрагмент записи №41 «Обряды с новорожденным теленком» (орфография упрощена; в круглых скобках исследователь восполняет буквы под титлом и дает конъектуры, выносные буквы вносятся в строку):

*3 ж обволокси, поклонит(ь), а 3 ж говори; да взят(ь) гверстанной
камен(ь), да обвязат(ь) в белой платок, а вязат(ь) куколкой, да кра-*

снoй ниткoй обвит(ь), да пoложы в нoги в задние, где кoрoва стoит, в нaвoз; а гoвoри:

(2) *Вoсе тебе, зeмля мат(и), вeрчa от сeй живoтинe; старoй пoблуди, а мoлoдoй пoдрoди.*

Опираясь на контекст и данные словарей русских диалектов, А. Л. Топорков определяет значение лексемы *верча* как 'платок, связанный в виде куколки и обвитый ниткой'. Повторное обращение к копиям рукописи позволяет отметить, что на месте буквы «ч» достаточно надежно читается «г» («ч» обычно имеет более глубокую чашечку). Вероятно, перед нами древнейшая фиксация прибалтийско-финского заимствования *верги*, одно из значений которого, согласно Словарю русских народных говоров (далее — СРНГ), — 'заклинания: чары, колдовство'. В примере из СРНГ *ставитъ верги* слово относится к жертвенным приношениям, совершаемым в случае болезни кого-то из домашних или домашнего скота. Интересно, что в записи ОС употребляется освоенная форма Nom. Sg., в отличие от словарных примеров, причем с подчеркнuto предметным значением, что еще более сближает значение лексемы с фин. *verha* 'жертва', к которому возводится форма Acc. Pl.

В докладе предлагаются альтернативные чтения некоторых мест ОС с опорой на данные словарей древнерусского языка и русских народных говоров, а также на классические пособия по палеографии, исторической грамматике и диалектологии.

Способы образования обращений в Петровскую эпоху

Папушикова Анна Сергеевна

студент 5 курса, Владимирский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. М. В. Артамонова

В эпоху петровских преобразований возникла настоятельная необходимость в упорядочении чинов и должностей. Сложилась целая система титулования, и в связи с этим появилась система обращений, которая подчеркивала особое, привилегированное положение официальных лиц в соответствии с присвоенным чином. Важную роль в развитии коммуникативной культуры и становлении речевого этикета сыграли следующие документы Петровской эпохи: «Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению, собранное от разных авторов» (1717), «Генеральный регламент» (1720), «Табель о рангах» (1722).

На основе данных документов можно сделать вывод об особенностях образования и функционирования обращения в Петровскую эпоху. Выделяются следующие способы образования обращений:

- 1) образование сложных слов: *подполковники-инженеры, камер-юнкеры, капитаны-лейтенанты, ундер-лейтенанты, аудитор-цейхвартеры*;
- 2) образование словосочетаний, построенных по моделям: а) «существительное + прилагательное»: *тайный советник, сарваэр корабельной, действительный камергер, надворной советник, титулярный камергер*; б) «существительное + существительное в Р. п. с предлогом и без него»:

капитаны первого ранга, адмирал протчих флагов, президент от коллегив, подполковники от артиллерии, вышней надзиратель лесов; в) «существительное + существительное в П. п. с предлогом»: *генералы-адъютанты при генерале, вице-президенты в надворных судах, экзекутор при Сенате, генералы-адъютанты при генералех полных, регистраты в губерниях*; г) распространение словосочетания: *Тебе ...наше сие прошение, державнейшая монархиня наша, сильная силнаго наследница; Благодушествуй же и ты, державнейшая государыня наша, мать всероссийская, всего великодушия, всего любомудрия твоего употреби...* (Ф. Прокопович); *Како бо весьма осиротелых нас наречем, когда державное его наследие видим, прямого по нем помощника в жизни его и подобравнаго владетеля по смерти его, тебе, милостивейшая и самодержавнейшая государыня наша, великая героина, и монархиня, и мать всероссийская!* (Ф. Прокопович);

- 3) преимущественное использование принципа социального статуса в образовании обращения: *Вы же, благороднейшее сословие, всякаго чина и сана сынове российстии, верностию и повиновением утешайте государыню и мать вашу, утешайте и самих себе...* (Ф. Прокопович).

Таким образом, нормы обращения в деловом стиле общения начали формироваться в Петровскую эпоху, которая создала ряд документов, кодифицировавших эти нормы, и литературные образцы употребления слов и словосочетаний, использовавшихся в качестве обращения, а также определила традиции нового русского речевого этикета, воспринявшего правила западноевропейской коммуникативной культуры.

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА В ДРЕВНЕМ И НОВОМ СЛОВЕ

Репрезентация понятия «святой» в современной периодике

Мацкевич Александра Игоревна

студент 3 курса, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Е. И. Колосова

Слова *святой* отражает ключевой концепт русской культуры, который переплетается со множеством других концептов, таких как «душа», «Родина», «любовь», «долг», «честь» и множество других. В докладе обосновывается необходимость приложения концепта к публицистическому тексту, неизменно опирающемуся на базовые понятия свойственной данному обществу картины мира. Актуализация констант отражает коммуникативную установку медиатекста и становится действенным средством внедрения идеологически значимых смыслов в сознание аудитории СМИ. В работе использовались методы лингвистического, этнофилологического и дискурсивного анализов письменных текстов. Объектом исследования выступили современные публицистические издания, подобранные в соот-

ветствии с учетом их популярности и дискурсивного разнообразия, за период с 1 января по 31 декабря 2014 года: «Аргументы и Факты», «Известия», «Вечерняя Казань», «Спорт-Экспресс», «Коммерсантъ» и др. В ходе комплексного анализа газетных публикаций было подтверждено, что в современной русской действительности более частотны сакральные значения слова *святой* (в среднем 75% употреблений), а также выявлено, что чаще всего концепт реализуется как субстантив в значении ‘канонизированный церковью’. Кроме того, были обнаружены несакральные значения, ранее не обозначавшиеся в словарях, к примеру, *светские святые* — ‘современные кумиры, уважаемые люди’, и новые сочетания слов, например *святая политика* и т. д. Важно отметить, что метафорические значения слова *святой* в медиатекстах связаны с воплощением национальных ценностей (святые: правда, дело, убеждения, обязанности, вера, Победа, Россия, Русь и т. д.). Было выявлено, что описание понятия «святой» в словарях разного времени неоднородно: варьируется соотношение религиозных и светских значений. Была выдвинута гипотеза, согласно которой соотношение употреблений слова в разных значениях зависит от культурной эпохи. Рассмотрение употребления слова в разные периоды показало, что пик частотности светских значений приходился на пушкинскую эпоху и советские годы, а сейчас мы наблюдаем тенденцию к отмиранию несакральных значений. Вывод об уменьшении значимости светских значений в современности сделан на основе анализа лексикографических источников (ср. «Толковый словарь» В. В. Лопатина 1998 г., где на первом месте стоят религиозные значения, причём из трех представленных только одно светское; «Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения» 2002 г. под ред. Г. Н. Складневской, в котором приведены только религиозные значения) и анкетирования (опрос студентов Казанского федерального университета, согласно которому 90% респондентов воспринимают слово *святой* только в религиозном контексте).

Лингвокультурный типаж «крестьянка» (на материале журнала «Крестьянка» советского периода)

Кирсанова Анастасия Андреевна

студент 4 курса, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Научный руководитель – к. филол. наук, доцент О. В. Коротун

Объектом исследования является лингвокультурный типаж (ЛКТ) «крестьянка» в сознании советского человека. Предмет исследования — вербальное воплощение разнообразных характеристик исследуемого лингвокультурного типажа (на материале журнала «Крестьянка» советского периода). Цель работы заключается в описании средств репрезентации лингвокультурного типажа «крестьянка» и реконструировании его языкового образа. В докладе рассмотрен ЛКТ крестьянки в 1970-е гг. Материалом для изучения выбран журнал «Крестьянка» за 1970–1975 гг. Во всем материале около 70% занимает вербализация социальной ипостаси. На первом месте у крестьянки работа, ее труд. Она здесь представлена как

женщина-труженица, жена-передовик, активистка, общественница. Она гордится своей работой, *самоотдача в труде и сплоченность с коллективом* — все это неразделимо в ее жизни. Яркой приметой является и то, что все она *делает успешно*, зачастую выполняя *сверх нормы* от того, что от нее требуется. Ничто не способно помешать ей выполнить поставленную задачу. Женщина-крестьянка также стремится поставить себя вровень с мужчиной: она может делать *мужскую работу* и делает ее *успешно*. Третью часть в журнале занимают материалы, в которых можно наблюдать специфику отношений в семье, роль женщины в судьбе человека. Так, периодически можно встретить статьи, рассказывающие о непростых судьбах женщин, об их героическом поведении, о ценности материнских чувств. Роль матери и жены высоко ценится и ставится превыше всего: «Задушевный разговор с мамой и ласковая ее улыбка значат больше, чем умелые, неутомимые материнские руки». Главным увлечением женщины является спорт. Спортивная активность культивируется из номера в номер с завидной регулярностью. «Спорт — залог трудовых успехов» — под таким девизом женщины катаются на лыжах, занимаются плаванием, играют в теннис. Следиет отметить и тот факт, что *спорте женщина тоже чемпионка* — каждая статья описывает историю побед в том или ином соревновании. Победы ей даются легко — у нее *ко всему природные способности*, передающиеся из поколения в поколение, т. е. любовь к спорту — это семейное увлечение. И здесь женщина должна быть на первом месте. Это и в удовольствие ей, и «...чувствуешь, как тело силой наполняется, и уже легче работать, и больше хочется трудиться». Итак, составляющие ЛКТ «крестьянка» таковы. 1. Роль — работница, женщина-передовик, активистка, общественница; заботливая жена и мать. 2. Стереотипное представление о крестьянке связано с её социальным успехом: она его непременно добивается и всегда неутомима. 3. Личные черты крестьянки транслируются через письма, рассказы о судьбах женщин и лирические произведения: это верная, всегда готовая ждать женщина, покорная своей судьбе, но верящая только в лучшее.

Поэтическая мифология С. А. Есенина в статье «Ключи Марии»

Савинкова Инга Викторовна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — д. филол. наук, проф. Т. С. Садова

«Ключи Марии» (1918 г.) — главная теоретико-философская работа С. А. Есенина о существе творчества. Основное содержание статьи — размышление о словесном искусстве и природе русского языка. Интересны и самобытны рассуждения Есенина о происхождении народного творчества, его попытки классификации изобразительных средств русского языка, «наивная» интерпретация элементов русского кириллического алфавита.

Можно утверждать, что С. А. Есенин на основе литературных источников и народных мифологических воззрений выстраивает собственную систему взглядов о природе поэтического творчества.

Речевая ткань статьи — метафоричный язык, который обрекает текст на неоднозначность интерпретации. Связность текста создается с помощью различных языковых средств — прежде всего синтаксического (скрепы-повторы, параллелизм и др.) и лексического уровней (ключевые слова-символы, сквозные метафоры и др.).

Один из ярких символов — Мировое древо, некое единство языческого и христианского начал, — реализуется в тексте посредством целого ряда «растительных» образов. Главными их выразителями выступают различные виды метафоры:

- 1) простые (*шишки слов и дум*);
- 2) развернутые (*Они увидели через листья своих ногтей, через пальцы ветвей, через сучья рук и через ствол — туловища с ногами, — обозначающими коренья, что мы есть чада древа, семья того вселенского дуба, под которым Авраам встречает Святую Троицу*).

Важной для «Ключей...» оказывается метафора-формула *узловая завязь природы с сущностью человека*, которая отражает главную идею Есенина о неразрушимом единстве мира природы и человека. Черты этой же идеи проявляются и в авторской интерпретации букв русского алфавита: *Пуп есть узел человеческого существа, и поэтому, определяя себя или ощупывая, человек как-то невольно опустил свои руки на эту завязь, и получилась буква в*.

Поэтический метаязык статьи — отражение нетривиального, творческого отношения поэта-мыслителя к родному языку.

Женские антропонимы в дореволюционной Чувашии

Авдеева Анна Ивановна

студент 1 курса,

Чувашский государственный педагогический университет им. И. Я. Яковлева

Научный руководитель — ст. преп. Е. Г. Таратина

В чувашской антропонимике, как и в любой другой, выделяют два хронологических периода — дохристианский (примерно до конца XVIII века) и христианский (начиная с конца XVIII века).

В дохристианский период женский антропоним представлял собой языческое имя, которое имело определенное значение или должно было каким-либо образом повлиять на жизнь человека. Например, имя *Телейпи* произошло от слова *телей*, которое означает ‘счастье’, а само имя переводится как ‘счастливая’, *Чечекпи* — от слова *чечек* — ‘цветок’, откуда следует, что имя означает ‘девушка, похожая на цветок’ и т. д.

После начала христианизации (XVIII в.) изменилась структура женского имени: оно стало двухчастным. При этом возможны следующие ситуации.

1. Официальное имя, т. е. христианское имя, данное при крещении, и отчество, которое представляло собой притяжательное прилагательное от имени отца женщины. Например, *Евдокия от отца Иванова, Елена Никитина* и др.

2. Неофициальное, или семейное, имя, которое давалось в бытовой среде и представляло собой обычное видоизмененное русское имя. Отчество при таком обращении утрачивалось. Например, *Агриппина* звучало на чувашском как *Крахвине*, *Елена* — *Алиме* и т. д. Это связано со сложным усвоением чувашским народом христианской религии.

Таким образом, имена становились полуязыческими-полухристианскими.

В XIX в. мы можем наблюдать все большее количество христианских имен. Однако и они, в силу ряда фонетических, морфологических и семантических причин, несколько видоизменялись. Например, *Ирина* заменялось на *Оринка*, *Хавронья* на *Хевруня*, *Катерина* на *Кётерне* и др. В основном это связано с особенностями произношения чувашей.

Итак, изменение структуры женских антропонимов в дореволюционной Чувашии прошло долгий путь. Некоторые имена и имяобразующие элементы заимствованы в ходе истории от других народов, но чувашский народ старался сохранить свои исконные элементы.

Пространство и время в диалектной языковой картине мира

Секиро Ольга Олеговна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. С. А. Аверина

Исследование посвящено пространственно-временному фрагменту диалектной языковой картины мира. Целью исследования является построение моделей восприятия пространства и времени диалектоносителями в условиях языковой интерференции (влияния пространственно-временного фрагмента картины мира, свойственной белорусскому языку). Задачи исследования: 1) выявление контекстов употребления исследуемых единиц, анализ их семантики; 2) классификация языковых единиц на основе оппозиций (например, для единиц со значением пространства: «относительность — абсолютность оценки»); 3) анализ описаний пространства единицами с семантикой времени и рассмотрение обратного явления; 4) выявление пространственно-временной лексики и предложно-падежных сочетаний данного говора, свойственных белорусской языковой системе. Исследуемый материал был собран во время полевой экспедиции на территории Невельского района Псковской области. Ход исследования предполагал отбор контекстов употребления наречий и предложно-падежных сочетаний с пространственно-временной семантикой. С опорой на современные концепции языковой картины мира был проведён анализ контекстов, построены оппозиции (например, «цикличность — линейность» для временных единиц). Отдельно, в соотношении с традиционной моделью пути, было рассмотрено сочетание «за мяне», существующее в данном говоре и литературном белорусском языке. Проанализированы случаи описания времени в терминах пространства и описания пространства с использованием лексики и предложно-падежных сочетаний со значением времени. Анализ был проведён на материале единиц литературного русского языка и диалектных образований.

Результатами исследования стали следующие выводы.

1. Сочетание «за мяне» проявило себя как вариант традиционной модели пути, свойственной другим славянским языкам. Устойчивость данного сочетания в речи диалектоносителей, несмотря на разрушение диалектов, свидетельствует о том, что традиционная модель пути — фундаментальная. Употребление сочетания только в контексте указания на возраст позволяет выдвинуть гипотезу о том, что исследуемый вариант модели пути сложился в эпоху родоплеменных отношений.
2. Описание времени в терминах пространства, как и описание пространства в терминах времени, свидетельствует о пространственно-временном синкретизме архаической картины мира.
3. Анализ оппозиций позволил классифицировать единицы в связи с тематикой контекстов, определить место линейного времени в языковой диалектной картине мира и в результате дал основания для построения моделей восприятия пространства и времени диалектоносителями.

Традиционные формулы в сказках Б. В. Шергина

Шеркунова Арина Андреевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — д. филол. наук, проф. Т. С. Садова

Исследовательская литература, посвященная фольклорной формуле как конституирующему факту устнопоэтического текста, огромна и разнообразна. Формула — одна из основных универсалий фольклорного текста, во многом создающая т. н. «фольклорное повествование». Благодаря формульности текст авторской сказки часто «принимает облик» народной, что и происходит со сказками Б. В. Шергина. Большинство исследователей выделяют константные признаки, присущие сказочным формулам: стереотипность, устойчивость, повторяемость, а также (что важно) вариативность. Но при этом термин «формула» понимается и трактуется весьма неоднозначно. Традиционная формула устойчива, но при этом пластична: устойчивость выражается на уровне смысла, пластичность выявляется на уровне грамматики, лексики. Формула не может быть строго статична в силу большого числа «авторов», обращающихся к ней, но данный факт никоим образом не отменяет основных признаков формулы. Как отмечает Г. И. Мальцев, традиционные формулы — «устойчивые культурные языковые штампы, но в аспекте лексико-синтаксической организации — свободные словосочетания. Несвобода компонентов формулы обусловлена комплексом традиционных значений, которые и создают художественный канон». В этом основное отличие формулы от фразеологизма: фразеологизм отличается устойчивостью по составу и структуре. Основная задача исследования — проследить и описать функциональные и стилистические особенности традиционных формул в сказках Б. В. Шергина. Автор, пересказывая фольклорный сказочный сюжет, в полной мере использует народный язык (диалектизмы, пословицы и поговорки, устойчивые структуры), при этом прибегая к трансформациям формул и синонимическим

заменам. Помимо собственно сказочных устойчивых выражений, в тексте функционируют былинные формулы (*Только Иванкой жонат бывал, только Егорович сжоной сыпал!*), а также формулы внеобрядовой лирики (причитаний — *резвы ноженьки, очи ясные*). Верность традиции, выраженная в использовании народных языковых элементов, в особенности разнородных фольклорных формул, делает авторские сказки Б. В. Шергина в стилистическом отношении максимально приближенными к народной прозе.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ И СТИЛИСТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Многозначность в глаголах-зоофонах
(на материале псковских говоров)

Кузьмина Ксения Викторовна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, ст. преп. Е. Б. Кузьмина

Проблема семантики глаголов-зоофонов в говорах, как и любых диалектных слов, связана с пересечениями различных лексико-семантических полей и групп в семантической структуре многозначного слова, с механизмами формирования переносных значений. Предметом работы является рассмотрение многозначности на примере глаголов, передающих издаваемые животными звуки, в псковских говорах.

Специфика исследуемой диалектной группы глаголов состоит в том, что они обладают более разветвленной, по сравнению с зоофонами в литературном языке, семантической структурой, что может быть обусловлено особым взглядом диалектоносителей на живую природу, которая их окружает. Рассмотрены диалектные глаголы-зоофоны с максимальным количеством значений (например, *гуркать, каркать, кокотать*), а также один из наиболее распространенных в литературном языке типов регулярных переносов (по Ю. Д. Апресяну) — ‘издавать характерный для животного звук’ и ‘говорить, издавая такой звук (о человеке)’.

В лексико-семантическом аспекте исследование опирается на работу И. В. Ивлиевой, в которой исследователь обращается к зоофонам как к одному из типов производных глаголов звучания в русском языке.

Ономастика Брянской области
(на примере топонимов и гидронимов)

Кошкина Екатерина Игоревна

студент 2 курса, Брянский государственный университет им. И. Г. Петровского
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Е. А. Бурдина

Историческое прошлое, физико-географические особенности и сегодняшний день Брянского региона нашли отражение в топонимике и гидро-

нимах Брянска. Брянск входил в Киевскую Русь, Северскую землю, Черниговское княжество, был под гнетом монголо-татар, под властью польско-литовского княжества. Каждый исторический этап накладывал отпечаток на топонимию. Проанализировав собранные топонимы и гидронимы, мы сгруппировали их по лексико-семантическому принципу. Топонимы — 742 номинации, они разбиты на группы в зависимости от характера мотивирующего элемента: от именованний — людей (*Демьянки*), древних племен (*Кривец*), национально-культурных феноменов (*Коляды*), ремесел (*Гута*), географического пейзажа (*Курганы*), событий (*Эдазия*, *Латышовка*), языческого культа (*Навля*), животных (*Соловьевка*), растений (*Клюковники*), цвета (*Белые Домики*), административных объектов (*Мостечня*); от воинской терминологии (*Хоружовка*). Выделяются омонимичные (*Кубань*, *Кавказ*, *Берлин*, *Венеция*) и составные (*Верхняя Злобинка*) топонимы. Гидронимы — 269 номинаций, выделены группы: отражающие признаки гидрообъекта (звуковые — *Вабля*, цветковые — *Иржич*, особенности течения — *Вырка*, особенности русла — *Рассуха*, особенности поймы — *Локна*); фитогидронимы (*Дебря*); зоогидронимы (*Вепринка*); отражающие деятельность, состояние человека (хозяйственная деятельность — *Язвеца*, добыча полезных ископаемых — *Сядра*, социальный статус — *Солька*, болезнь — *Псуря*, мифологическое мышление — *Волосовка*, эмоции — *Чаянка*); антропогидронимы (*Титва*); этногидронимы (*Радица*). Выделяются гидронимы с образно-метафорическим значением (*Ипуть*), составные (*Малая Уса*) и неразгаданные (*Будемежь*, *Важеребка*, *Госома*). Топонимия несет важную культурно-историческую информацию. На основании анализа номинации топонимов возможно восстановить потерянные звенья истории.

Особенности функционирования жаргонизмов ролевых онлайн-игр в языке интернета за пределами игрового сообщества

Толстикова Полина Сергеевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — к. филол. наук, доц. Н. М. Марусенко

Развитие компьютерных технологий стало почвой не только для развития интернет-коммуникаций, но и для популяризации сетевых ролевых онлайн-игр — MMORPG. Эти игры интересны тем, что игроку предлагается роль вымышленного персонажа, который может взаимодействовать с персонажами других игроков, а поскольку в игровом мире нет установки на соответствие реальности, то игрок может выбрать себе любую «маску», что иногда позволяет создать новую языковую личность. Коммуникация в MMORPG происходит в основном посредством синхронного текстового чата, а использование языка предусматривает как номинацию реалий игрового мира, так и обсуждение тем, не связанных с игрой.

Д. С. Палмер указывает, что игроки MMORPG поддерживают относительную замкнутость сообщества и используют язык как средство для указания на причастность к сообществу. Можно говорить о лексике, исполь-

зубом в таких играх, как о жаргоне, если понимать под ним разновидность речи, используемой относительно устойчивой социальной группой, объединяющей людей по признаку интересов или возраста. Активными процессами являются тенденции к использованию аббревиации (*афк*, *лвл*) и заимствованной лексики. Нужно отметить большое количество заимствований среди жаргонизмов MMORPG: среди выделенных 24 единиц, которые явились общими для всех разновидностей игр, все оказались заимствованиями из английского языка, причем частеречная принадлежность заимствований часто не совпадает с английской, а ассимиляция может быть неполной, что выражается в неустоявшейся грамматической принадлежности единиц (*афк* может быть как существительным, так и наречием).

В сфере общения игроков MMORPG жаргон может использоваться для наименования: действий игроков (*кастовать* — ‘накладывать заклинание’, *го* — ‘идти’); реакции других игроков (*грац* — ‘поздравлять’); элементов игрового мира (*моб* — ‘монстр’); типажей игроков (*танк*); игрового процесса (*левел* — ‘уровень’, *экспа* — ‘опыт’).

При проверке функционирования жаргонизмов вне игрового сообщества был проведен поиск единиц на женском форуме woman.ru, форуме автомобилистов auto.ru и студенческом форуме spbg.ru/forum. Было выявлено, что только 9 единиц из 24 встречаются вне игрового контекста, а семантика этих слов приобретает дополнительные коннотации (*кастовать* — ‘создавать’). Например, на сайте *auto.ru* найден контекст: «И когда кастовать бабло в Москве перестанут?» Следует отметить, что ввиду установки интернет-коммуникации на анонимность нет возможности установить принадлежность говорящего к игровому сообществу.

В целом было установлено, что только жаргонизмы, обладающие отвлеченной от игрового процесса семантикой или потенциально способные расширить семантику, позволяют использовать их в ситуациях, не связанных с обсуждением игры, а круг их функционирования не так широк.

Интердискурсивность в русской политической коммуникации начала XX века (на примере речей Епископа Омского и Семипалатинского Гавриила)

Романова Татьяна Юрьевна

студент 4 курса, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Т. П. Рогожникова

В начале XX века в Российской империи обострился конфликт общества и власти. Поражение в Русско-японской войне, неудачи во внутренней и внешней политике, а также возрастающее влияние радикально настроенной интеллигенции привели к бурной общественной полемике о дальнейшем пути России. Как раз в это время на одну ступень с традиционным письменным политическим дискурсом становится дискурс устный.

Материалом нашего исследования послужили публичные выступления одного из инициаторов создания в Омске отдела Союза русского народа, епископа Омского и Семипалатинского Гавриила (в миру Григория Васи-

льевича Голосова, 1839—1916). Анализируя данный материал, мы пришли к выводу, что можно говорить об интердискурсивности в политической коммуникации монархистов. Стоит отметить, что явление интердискурсивности является одним из наиболее актуальных объектов исследований в современной лингвистике: этому феномену посвящены исследования О. А. Мельниковой, В. Е. Чернявской, О. С. Сачава и других учёных. Под интердискурсивностью мы понимаем взаимопроникновение различных текстовых моделей в рамках изучаемого дискурса. При этом интертекстуальность подчиняется интердискурсивности и маркирует её. В процессе текстопроизводства первичный (политический) дискурс взаимодействует с дискурсом вторичным (в нашем случае религиозным), и благодаря этому создается сильный воздействующий эффект на адресата выступления.

Церковнославяно-русская омонимия существительных в евангельском тексте

Баденкова Елизавета Викторовна

студент 4 курса, Южный федеральный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Л. В. Табаченко

Существует мнение, что церковнославянские тексты следует перевести на общедоступный русский язык. Однако есть опасность, что современный русский язык придаст евангельскому тексту оттенок повседневности. Мы присоединяемся к тем, кто выступает за сохранение церковнославянского языка в Евангелии. Однако могут возникнуть определенные сложности в понимании лексики евангельского текста. На наш взгляд, сложность для понимания составляют не столько слова, которых нет в современном русском языке (*прузжие, мрежа, язя* и др.), сколько слова на первый взгляд известные современному читателю, однако имеющие в церковнославянском языке другое значение — т. н. церковнославяно-русские омонимы. В докладе рассматривается церковнославяно-русская омонимия существительных в Евангелии от Матфея. Выделим несколько групп таких омонимов на основе соотношения их семантики.

1. Слова, значения которых сохранились в русском литературном языке, но в другом объеме. 1.1. Более широкое значение представлено в церковнославянском языке: *домъ, отрокъ, леть, глагол, зима*. 1.2. Более широкое значение представлено в современном русском языке: *достоиние, правда, хранилище*.
2. В современном русском языке церковнославянское значение слова сохранилось как устаревшее или книжно-поэтическое: *брань* 'война', *живот* 'жизнь', *князь* 'начальник', *мзда* 'плата', *владыка* 'властелин'.
3. Слова, разные значения которых находятся в пределах одного семантического поля (т. н. «дрейф» значений): *сапоги, неприязнь, книжник, сад, бисер*. Для правильного понимания евангельского текста следует изучать церковнославянский язык, обращая особое внимание на межъязыковую омонимию. В практическом плане мы предлагаем издавать церковнославянские тексты с комментариями (в примечаниях) тех мест, которые обычно понимаются неправильно.

Тематические группы лексем, репрезентирующих жизненные приоритеты, в объявлениях о знакомстве

Мачехина Карина Олеговна

студент 2 курса, Брянский государственный университет им. И. Г. Петровского
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Е. А. Бурдина

Объявления о знакомстве впервые появились в Англии в конце XVII в. и распространились по Европе в XVIII в. На протяжении всего периода своего существования этот вид самопрезентации выполнял две функции, характерные в первую очередь для публицистического стиля: информативную и воздействия. К жанровым чертам современного объявления о знакомстве мы можем отнести ограниченность в объёме и клишированность построения, которая, впрочем, последнее время нередко нарушается в связи с желанием адресанта привлечь как можно больше внимания со стороны потенциальных партнёров. Немаловажную роль в подобной речевой ситуации играет лексическая репрезентация жизненных приоритетов. Изучив объявления о знакомстве, представленные на различных сайтах, мы считаем возможным выделить несколько тематических групп, лексемы из которых наиболее активно упоминаются в текстах объявлений о знакомстве.

1. «Намерения». Включает в себя ключевые лексемы *с/о (серьезные отношения), вторая половинка, для совместной жизни, создание семьи* и другие.
2. «Внешность». Эта тематическая группа наиболее обширна и включает в себя более 20 различных лексем: *красавчик, симпатичная, милая, спортивного телосложения, стройная* и т. п.
3. «Личностные характеристики». Ключевые лексемы *добрая, верный, надежный, умный, забота, искренняя, состоятельный, обеспеченный, инициативный* и многие другие.
4. «Жизненные обстоятельства». Ключевые лексемы *дети, дом, место жительства, обеспеченность, здоровье*.
5. «Статус во взаимоотношениях». Ключевые лексемы *одиночество, одинока, свободна, холост, не замужем: «устала от одиночества», «свободна душой и телом», «не умею жить одна»*.
6. «Занятия». Ключевые лексемы *готовить, спорт, танцую, пою* и другие.

Особо хотелось бы отметить стремление адресанта нарушить стандартизированность жанра, что находит отражение в речевом оформлении информации о себе или потенциальном партнёре, допустим: «Неужели найдется мужчина, который сможет подарить мне аленький цветочик» (орфография авторская). В отдельных случаях составителем объявления используется графический знак «смайлик» :). Полагаем, что подобный приём связан с желанием придать подобной полуофициальной информации выразительность, наделить её эмоциями.

Таким образом, тексты объявлений о знакомстве в какой-то степени сближаются с рекламными текстами в функциональном плане. Однако основной их целью является не просто информирование читателей о сво-

их характеристиках, а лексически эксплицированное обозначение жизненных приоритетов, выдвигаемых на первый план в качестве требований к потенциальному партнёру или же, напротив, позиционируемых как неприемлемые.

«Расстрельный грамматический список» как пример наивной лексикографии

Петренко Елена Викторовна

студент 3 курса, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. В. А. Ефремов

Интернет-движение граммар-наци (ГН) признает своей идеей борьбу за чистоту и правильность русского языка. Называя движение радикальным, его участники агрессивно настроены по отношению к малограмотным пользователям. На основе часто встречающихся в интернете ошибок ГН составили «Расстрельный грамматический список», который может быть рассмотрен как пример наивной лексикографии.

Основная часть электронного ресурса — это расположенные в алфавитном порядке словарные статьи, большинство из которых построено по антиортологическому принципу: от неправильного написания (или произношения) — к правильному (например, «*Втихоря* вместо *втихаря*»).

После заголовочного слова в статье чаще всего приводится комментарий, тем или иным способом представляющий реакцию на ошибку, как то: 1) семантизация неправильного варианта («*Дикообраз* вместо *дикобраз*. Дико образно, мы понимаем, но всё же “о” в слове только одна»); 2) информация о возможных способах запоминания правильного варианта («*Превеллегия* вместо *привилегия*. В некоторых местах воспитания граммарюгенда учат запоминать это слово, как составленное из двух: **прививка** и **легион**»); 3) угроза для ошибившегося пользователя («*Полюс* в значении *полиса (страхового)*. Ошибка как бы намекает, что пациента следует лечить электричеством»).

Наивные лексикографы, систематизируя чужие ошибки, часто сами ошибаются при написании комментария к статье: например, не учитывают вариантность языковых единиц (вариант *орангутан* не признается равноправным варианту *орангутан*) или смешивают научную и наивную картины мира («*Вес* вместо *масса*. Когда речь идёт о килограммах — это масса. Если ньютоны (или дины) — это вес»).

После основной части «списка», оформленного в алфавитном порядке, приводится отдельный раздел, посвященный ударению, а также такие справочные разделы, как: «Склонение», «Спряжение», «Устоявшиеся обороты», «Вопросы пунктуации».

ГН в «Расстрельном грамматическом списке» стремятся отразить актуальные трудности современного русского языка, однако не всегда учитывают динамику его развития и связанную с ней подвижность нормы, кроме того, часто допускают разного рода ошибки, ориентируясь на собственный языковой опыт, а не на авторитетные источники.

Лексическая экспликация категории времени в сборнике Т. Толстой «Ночь»

Никикина Екатерина Васильевна

студент 2 курса, Брянский государственный университет им. И. Г. Петровского
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Е. А. Бурдина

Категория времени — одна из основополагающих сущностей, непосредственно характеризующих представление человека об окружающем мире. С развитием знаний о природе, времени, способах его измерения происходит развитие темпоральной лексики. Стоит заметить, что выражение временной семы в структуре определённых лексем может быть не только прямым, но и опосредованным. Члены категории времени определяются отношением «части к целому», в лексикологии это служит основанием для классификации лексики с временным значением. Особое выражение категории времени находит в художественном тексте. В прозе Татьяны Толстой лексема *ночь* приобретает обобщённо-символическое значение. Столкновение в контексте лексем, отражающих различные временные понятия, рождает особого рода антитезу: «Трезвое утро вымело волшебных вечерних птиц, ушла на дно рыбка-девочка, спят под толщей жёлтого песка золотые трёхглазые статуи Атлантиды» («Свидание с птицей»). Категория времени нередко «оживает», что становится возможным благодаря наложению лексем с темпоральной семантикой на семантический комплекс «человек»: «Время всё съело» («Соня»). По нашему мнению, здесь явно прослеживается связь с древнегреческим мифом о титане Кроносе, персонифицирующем время, который безжалостно поедал своих детей. В данном цикле рассказов мы наблюдаем следование литературной традиции, заключающейся в метафорическом переосмыслении лексем «весна», «лето», «осень», «зима», которые устойчиво отождествляются с периодами человеческой жизни. «На четыре времени года раскладывается человеческая жизнь. Весна!!! лето. Осень... зима?» («Милая Шура»). Таким образом, наряду с индивидуально авторскими представлениями о времени, в лексическом составе текстов находят отражение свойства времени как философской категории.

Топонимы в поэтических текстах Н. С. Гумилева

Кожушная Екатерина Юрьевна

студент 2 курса, Брянский государственный университет им. И. Г. Петровского
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Е. А. Бурдина

Изучение языковой картины мира поэта является важнейшим аспектом лингвистического анализа художественного текста. Задача нашей работы состоит в том, чтобы выявить особенности мировосприятия Гумилева, отражаемого посредством топонимов.

В творчестве поэта топонимы представлены в изобилии, что требует их упорядочения. Мы выделили две ступени, служащих основой для классификации.

1. По географическим регионам: 1. Европейские топонимы: Северная Европа: *Тот сон о Стокгольме, такой беспокойный, / Такой уж почти и*

не радостный сон... («Стокгольм»), Швеция, Северное море; Западная Европа: *Моя любовь к тебе сейчас — слоненок, / Родившийся в Берлине или в Париже («Слонёнок»), Брабант, Сена*; Южная Европа: *Судьба Италии — в судьбе / Её торжественных поэтов («Ода д'Аннунцио»), Генуя, Кастилья*; Восточная Европа, включая Россию: *Русь бредит Богом, красным пламенем («Старые усадьбы»), Нева, Киев*; 2. Азиатские топонимы: Центральная Азия: *И Уч-Кудук, и Киндерли, / И русский флаг над белой Хивой («Туркестанские генералы»), Иран*; Западная Азия: *Ты, для кого искал я на Леванте / Нетленный пурпур королевских мантий («Пятистопные ямбы»), Бейрут, Стамбул*; Восточная Азия: *Только в Китае мы якорь бросим («Путешествие в Китай»), Индия, Тибет*; 3. Африканские топонимы: *И уносит владыкам Судана / Дорогую добычу свою («Судан»), А вокруг города, точно горсть виноградин, / Это — Бусса, и Гамба, и царь Тимбукту («Нигер»), Тибести, Замбези*; 4. Американские топонимы: *Я — попугай с Антильских островов («Попугай»), Фриско, Елизабет*. Особо следует сказать о топонимах, связанных с мирами: античным: *Был бы он первым героем Эллады, / Если б с нами отплыл в Илион («Возвращение Одиссея»), Микены, Итака*; религиозным: *Туда иди: там Мекка, там Медина («Паломник»), Иерусалим, Фавор*; сказочным: *И гонит к дому стадо / Из Броселианы («Дева-птица»), Атлантида*.

- II. По характеру обозначаемой местности: 1. Гидронимы — водные объекты: *И Красное пылающее море / Пред ним свои расстелет багрецы («Паломник»), Босфор, Сена*; 2. Оронимы — формы рельефа: *Орошая Дамьетские скалы / Розоватыми брызгами пен («Египет»), Фавор, Абиссинские горы*; 3. Дримонимы — леса, сады: *Как странно — ровно десять лет прошло / С тех пор, как я увидел Эзбекие («Эзбекие»), Броселиана*; 4. Ойконимы — любые населенные пункты: *Средиземное море засыпят они, / И Париж, и Москву, и Афины. («Сахара»), Каир, Стамбул*; 5. Хоронымы — регионы, области: *Я свет руками заслону / И буду плакать о Леванте («Ослепительное»), Сибирь, Либерия*.

В докладе дан анализ семантического функционирования топонимов в стихотворениях Гумилева, выявлены особенности изображения Африки, Восточной Азии, России.

«Пятое-десятое»:

особенности употребления в роли маркера-аппроксиматора

Кудлаева Алёна Игоревна

студент 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — д. филол. наук, проф. Н. В. Богданова-Бегларян

Исследование посвящено конструкции *пятое-десятое* как одному из ряда маркеров-аппроксиматоров русской речи, частично кодифицированных (*то-сё, всё такое (прочее), и так далее* и т. п.), частично «несловарных» (*туда-сюда, все дела* и т. п.) и очень характерных для устной речи (следствие действия принципа экономии). Даже при наличии кодификации анализ корпусного материала все же позволяет увидеть некоторую специфику функционирова-

ния исследуемого маркера. Так, обнаружилось, что в разных позициях во фразе он может выступать в роли обобщающего слова при перечислении либо заменять как весь такой ряд, так и часть его членов. Обращает на себя внимание еще одна особенность функционирования конструкции *пятое-десятое*: ее способность «притягивать к себе» другие подобные маркеры. Так, по данным Устного подкорпуса Национального корпуса русского языка, в изолированном употреблении *пятое-десятое* зафиксировано только в 44,8% контекстов. В остальных случаях (более половины!) этот маркер выступает в комбинации с другими подобными единицами:

[Ирина, жен] *Везде писали про ботанический сад и все и пятое-десятое*. [Тренинг туристической фирмы // Из коллекции НКРЯ, 2007].

Постоянно ездит в Москву / она постоянно ездит в Москву / по всем командировкам / и всё такое / пятое-десятое [Разговор о поездке в Волгоград // Из коллекции Саратовского университета, 2002].

Самая частотная комбинация исследуемой конструкции - с маркером *то-сё*, выступающим в качестве ее своеобразного «дублера»:

[№8, муж, 26] *Но с другой стороны делают агитацию / обещают то сё / пятое-десятое / а хотя те же представители этих партий занимают высокие посты* [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Самара) // Фонд «Общественное мнение», 2003];

[Виктор Леонидович, Р. Быков, муж, 51, 1929] *А я вот не рискнул бы тебе... как дипломату... рекомендовать / как тебе там то-сё / пятое-десятое / делать свою внешнюю политику* [Н.Губенко. Из жизни отдыхающих, к/ф (1980)].

Наблюдается комбинация и с «дублером» *туда-сюда*:

[Ю. К., жен, 19] *Ездит в Москву / там / что-то начальство / высшее посылает там туда-сюда / пятое-десятое* [Разговор о поездке в Волгоград // Из коллекции Саратовского университета, 2002].

В докладе предлагается анализ употребления конструкции *пятое-десятое*, а также вариантов ее комбинаций с другими маркерами-аппроксиматорами. Конечной целью такого исследования может стать подготовка материала для создания словарной статьи на эту дискурсивную единицу в потенциальном «Словаре русской повседневной разговорной речи» или «Словаре прагматем русской устной речи».

**Конструкция-редупликация «то (...) сё»:
функционирование в устной речи**

Попова Татьяна Ивановна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Н. В. Богданова-Бегларян

В устной речи существует множество явлений, отражающих закон экономии речевых усилий: эллипсисы, восполняемые жестом, мимикой; ал-

легровые (редуцированные) формы наиболее употребительных слов и т. п. Вместе с тем в речи немало избыточного, в частности, как отмечает в своей статье «Штучки-дрючки устной речи (повторы отзвучия)» Н. А. Янко-Триницкая, «разнообразных повторений, созданных не столько для передачи нового содержания, сколько для выражения экспрессии и даже просто для „украшения“ речи». В устном дискурсе функционирует немалое количество конструкций, образованных от местоименных наречий и включающих элементы с близким звучанием: *то-се, туда-сюда, там-сям, так-сяк, такой-сякой, так-этак* и некоторые др. Повторение слов, сопровождаемое фонетическими изменениями, или редупликация, — активное явление разговорной речи, однако в научной литературе пока нет цельного описания редупликатов как единого множества со сходными функциями. Ведь, вопреки мнению Янко-Триницкой об отсутствии содержания в подобного рода явлениях, детальный анализ материала из устного подкорпуса Национального корпуса русского языка и блока «Один речевой день» Звукового корпуса русского языка демонстрирует не только появление новых, отличных от описанных в словарях значений, но и формирование у исследуемых конструкций определенных функций в устной речи. Так, например, исследуемая конструкция *то-сё* приобретает новое значение ‘все, что сопутствует чему-то, вытекает, следует из чего-то’, граничащее с основным, зафиксированным в словаре, но имеющим некоторые особенности (*Ну так надо-то ухаживать / там эти... прививки / то-сё... там всякие дела; Приглядишь кого поинтеллигентнее / разок-другой на глаза ему покажешься / тодасё*). Кроме того, находясь в препозиции к ряду перечисления, *то-сё* может выполнять функцию обобщающего слова (*Герасимов хотел сначала снимать Мордюкову / но пока тодасе / разрешения / справки / деньги / она уже по возрасту не подходит / и тогда Быстрицкая*). Конструкции-редупликации могут выступать в значении маркеров-аппроксиматоров, частично или полностью заменяющих перечисление (*Но с другой стороны делают агитацию / обещают тосё / пятое-десятое / а хотя те же представители этих партий занимают высокие посты. Ср. Ты реализатором сидишь, ты и должна знать про проценты, про цены, туда-сюда, всякое такое*). В докладе приводятся результаты анализа особенностей употребления редулицированной конструкции *то-сё*.

« (...)как это(...) » как один из способов
метакомментирования в устной речи

Верховцева Татьяна Андреевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — д. филол. наук, проф. Н. В. Богданова-Бегларян

Гезитационные явления разного рода можно признать одной из особенностей устной спонтанной речи. Они возникают естественно в самой ситуации речепорождения, когда говорящий вынужден говорить и думать одновременно, при этом подбирать подходящие для коммуникации слова или выражения. Показателями такого рода сомнений говорящего в речи

могут служить различные маркеры. В докладе конкретным предметом анализа является единица (...)как это(...). Материалом послужили контексты с интересующей единицей, отобранные из Национального корпуса русского языка (устный подкорпус) и Звукового корпуса русского языка (блок «Один речевой день»). С помощью данной единицы говорящий может вербализовать свое отношение к собственной реплике или свои затруднения в подборе следующего слова или фрагмента речи. В первом случае функцию такой единицы в речи можно определить как рефлексив, когда говорящий, найдя слово или выражение, выражает свое отношение к результату этого поиска, причем чаще всего остается неуверенным, что нашел именно то, что нужно, ср.:

- 1) *мне кажется что вот / такие трудности всё-таки есть / во всяком случае я чувствую что вот / (э-э) меня не всегда понимают / что я хочу сказать // *П *В считают слишком заумным и(:) слишком абстрактным мыслящим / *П вот таким / оторванным от действительности / как это //*
- 2) *были(э) как-то вот / (э) (...) вот эти / как их? лямблии? или как это?*
Кроме того, в ходе анализа были выявлены примеры, когда единица (...)какэто(...) функционировала как препозиционный маркер нетривиальности последующей реплики, ср.:
- 3) *ну посмотрим / посмотрим чего там как // *П ой-ой-ой / *П ну (:) знаете / как это / вашими устами / да мед пить /;*
- 4) *в натуре катарсис чувствуешь // как это блин () Грачева говорила надо // *В очищение через страдание //.*

В приведенных контекстах найденной оказывается целая фраза или устойчивое выражение (*вашими устами / да мед пить; очищение через страдание*). Можно предположить, что говорящий искал именно такую образную формулировку своей мысли, поэтому и в своей речи привлек к ней внимание собеседника.

Таким образом, можно сказать, что подобные наблюдения над единицами устной речи позволяют выявить особенности их функционирования. Результаты такого анализа корпусного материала могут быть использованы в дальнейшем при работе над лексикографическим описанием устной спонтанной речи.

Зависимость появления дискурсивной единицы «(и) все такое (прочее)» от типа устной речи

Турчаненко Владимир Владимирович

студент 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Н. В. Богданова-Бегларян

Для нашей повседневной устной речи вполне типичны высказывания такого типа: *мы ходили в кино / развлекались / всё такое*. Казалось бы, что мешает говорящему продолжить начатое перечисление: *ходили в кино, развлекались...?* Активный словарный запас среднестатистического носителя языка составляет не менее 10 тыс. единиц, и среди них нетрудно было бы найти подходящие синонимы для завершения начатого ряда. Однако сраба-

тывает известный закон экономии — и говорящий прекращает перечисление, полагая, что остальное слушатель (собеседник) поймет и без лишних слов.

Закон экономии речевых усилий, который Е. Д. Поливанов назвал «ленью человеческой» и который является «основной пружиной», двигателем всех языковых изменений, постоянно реализует себя в устной речи. Подобные процессы являются объектом реализации коллоквиалистики (лингвистического направления, занимающегося анализом и теорией разговорной речи), которая, наряду с эллипсисами разного типа, редуцированными формами слов и словосочетаний и другими вариантами сжатия текста, выделяет ряд слов или конструкций (дискурсивных единиц), способных заменить собой часть предполагаемого перечисления или даже весь ряд возможных однородных членов (*и так далее, и тому подобное, и прочее, и все дела, пятое-десятое, туда-сюда* и т. п.). Так, фраза *И юбилей там отмечать и всё такое* воспринимается как полноценная смысловая конструкция, хотя ключевое выражение *юбилей отмечать* продолжено лишь конструкцией *и всё такое*, семантически нагруженной весьма слабо. В ней содержится разве что сама идея подобия, сравнения с тем, что, как полагает говорящий, непременно содержит ассоциативное поле произнесенного выражения и хорошо знакомо слушающему.

В процессе анализа контекстных употреблений дискурсивной единицы (*и все такое (прочее)*) были обнаружены три основные функции ее использования в устном дискурсе; она может выступать 1) в роли маркера-аппроксиматора как заместителя всего перечисления (реализация «стратегии замещения» в терминах В. И. Подлесской), 2) как заместитель части перечисления («стратегия совмещения») и 3) как фрагмент алгоритма в конструкции со стартовым элементом перечисления.

В докладе предлагается анализ контекстных употреблений исследуемой дискурсивной единицы с примерами, а также статистическая систематизация ее использования в зависимости от типа устной речи, что является новой составляющей исследования, посвященного созданию специальной словарной статьи на данную конструкцию в потенциальном «Словарерусской повседневной разговорной речи» или Словаре прагматем русской устной речи».

Прецедентные тексты в произведениях Ф. Кривина

Сорока Мария Станиславовна

студент 3 курса, Дальневосточный федеральный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Е. С. Шереметьева

Термин «прецедентные феномены» (ПФ) был введен в современную лингвистику Ю. Н. Карауловым в середине 1980-х гг. ПФ являются общим фондом знаний, то есть частью когнитивного пространства множества коммуникантов. Явление прецедентности изучалось в разных аспектах, в том числе с точки зрения использования ПФ в художественных произведениях конкретных писателей.

Цель нашего исследования — изучение функционирования ПФ в произведениях Ф. Кривина. В докладе на материале цикла «Из записок Коцея

Бессмертного» мы рассмотрим приемы использования прецедентных текстов (ПТ), направленные на решение художественной задачи.

Прецедентной основой «Записок Кощея Бессмертного» являются сказки Ш. Перро, братьев Гримм, П. Ершова и А. С. Пушкина. Кроме этого, сферой-источником ПФ становится русский фольклор — докучные сказки, потешки, присказки. Используются и фразеологические единицы. Особенность прецедентного мира Ф. Кривина заключается в том, что автор использует тексты, значимые для русской нации, узнаваемые независимо от возрастных и гендерных признаков читателя.

Основной прием Ф. Кривина — прием разрушения прецедентного текста. В данном произведении этот прием является основополагающим в художественном отношении: «Записки Кощея Бессмертного» — одно из самых пессимистичных произведений, разрушающее все иллюзии. Разрушение иллюзий осуществляется языковыми средствами — путем разрушения всех типов ПФ.

1. Разрушение литературных ПФ. Прежде всего разрушаются сами сюжеты сказок: добрые и светлые сказки со счастливыми концами превращаются в приземленные бытовые истории, из которых пытаются вырваться герои с прецедентными именами (Золушка, Баба-Яга, царевна-лягушка и др.). Канонический устойчивый оборот всех счастливых развязок «жить-поживать да добра наживать» получает прямо противоположное значение — это тупик, конец не только сказки, но и жизни.
2. Разрушение фразеологизмов. Основной прием — использование компонентов фразеологизмов в прямом значении: фразеологизм «белая ворона» в контексте трансформируется в птицу белого цвета. То же самое происходит с фразеологизмом «ловить ворон». Компонент фразеологизма «раз, два и обчелся» разрушается за счет продолжения: «не хватает кого-нибудь третьего»; «шут гороховый» превращается в реально-го шута царя Гороха.
3. Структурообразующим элементом оказывается докучная сказка про белого бычка. Она повторяется рефреном в начале, в середине и в конце. Многократное повторение этого ПТ создает картину бессмысленного хождения по замкнутому кругу. Эта картина поддерживается и трансформацией выражения «протоптать тропинку»: герой ходит по тропинке по кругу (отсылка к Пушкину — хождение ученого кота), сознательно не желая из этого круга вырваться.

Функционирование итальянизмов в «Сказках об Италии» М. Горького и «Новых сказках об Италии» авторов-постмодернистов

Василенкова Лариса Борисовна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, доц. Д. В. Колесова

Работа посвящена употреблению заимствований из итальянского языка в текстах, представляющих собой авторские впечатления об Италии. Оба

произведения повествуют о Капри — об острове, ставшем местом вдохновения для Максима Горького и нескольких поколений российских литераторов. Несмотря на многочисленные исследования по теории заимствований, лексика, пришедшая в русский язык из итальянского языка, до сих пор изучена недостаточно глубоко. Кроме того, употребление заимствований в большинстве случаев рассматривается в трудах ученых обособленно от функционально-стилевого закрепления языковых средств, а также обособленно от содержания того текста, в котором они использованы. В представленной работе итальянизмы анализируются в определенном контексте — исследователь рассматривает функцию итальянского слова в художественном тексте начала XX–XXI веков, а именно в «Сказках об Италии» М. Горького и сборнике «Очарованный остров. Новые сказки об Италии», созданном 8 авторами-постмодернистами к столетию первой публикации горьковских новелл. Автор обращает внимание на фонетическую и морфологическую стороны адаптации заимствований, однако основная цель исследования — выявление функций заимствованных слов в произведениях. Также указываются сферы употребления того или иного итальянизма в «Сказках» авторов. Создан разнородные описания и отойдя от оригинальной сюжетности, современные писатели, на первый взгляд, разорвали литературную связь между двумя сборниками. Однако связь их очевидна, но не на уровне сюжета и проблематики, а на уровне итальянского слова, которое и Горький, и постмодернисты умело используют в своих рассказах, будь то культурно-историческое эссе (Геннадий Киселев), анекдот (Андрей Аствацатуров), рассказ-диалог (Владимир Сорокин), метафизическая зарисовка (Эдуард Лимонов) или же непосредственно сказка (Герман Садулаев), отдаленно напоминающая горьковский текст.

Тематические группы «Медицина» и «Литература» в эпистолярном наследии А. П. Чехова

Булохова Мария Игоревна

студент 5 курса, Брянский государственный университет им. И. Г. Петровского
Научный руководитель — к. филол. наук, доц. Е. А. Бурдина

В работе рассматривается фрагмент языковой личности А. П. Чехова, а именно лексическая экспликация его отношения к литературе и медицине, которая отражена в эпистолярном наследии. Основанием для этого послужило высказывание самого А. П. Чехова в письме к И. И. Островскому: *Медицина — моя законная жена, литература — незаконная. Обе, конечно, мешают друг другу, но не настолько, чтобы исключить друг друга*. Если проследить содержание писем, то можно отметить, что литературная и медицинская тематика присутствуют практически в каждом письме, только в разном качестве, количественном преобладании и взаимопроникновении. Третьим тематическим компонентом становится болезнь А. П. Чехова. Мы полагаем, что она имеет косвенное отношение к разновидности медицинской тематики, т. к. к своему тяжелому заболеванию писатель относится в первую очередь как врач-диагност, но в то же время средства её описания,

метафоризация, ирония и т. д. указывают на явный писательский взгляд на своё состояние, например: *Температура нормальная, потов ночных нет, слабости нет, но снятся архимандриты, будущее представляется весьма неопределенным и, хотя процесс зашёл ещё не особенно далеко, необходимо всё-таки, не откладывая, написать завещание, чтобы ты не захватил моего имущества.* Тематическая группа (ТГ) «Литература» находит реализацию в нескольких аспектах: собственное творчество, критические замечания относительно творчества адресата или конкретного текста, автора, отношение к литературной деятельности вообще. ТГ «Медицина» в свою очередь состоит из описания А. П. Чеховым собственной работы, поставленных диагнозов, принятых больных, медицины вообще. В любом случае в эпистолярном наследии мы находим такие явления, как сравнения, метафоры, оценочная лексика, ирония и т. д. Например: *Я имею несчастье быть медиком, и нет того индивидуя, который не считал бы нужным «потолковать» со мной о медицине.* Смешение обеих ТГ и сложность их дифференциации происходит в момент, когда А. П. Чехов компилирует медицину и литературу. С одной стороны, он точно, ясно, лаконично описывает симптомы, ставит диагноз и даёт «рецепт» излечения (физической болезни пациента или нравственной болезни человека или общества в целом). С другой стороны, поэтично оживляет описываемые картины, делает их образными, близкими и понятными, как и свои произведения. Одновременная связь с медициной и литературой не позволяла А. П. Чехову смотреть на мир сквозь призму одной профессии, их смешанное влияние отразилось на его творчестве (в том числе и эпистолярном наследии), послужив базой формирования языковой личности.

Стилистические особенности медицинской байки
(на материале сборников М. Малявина «Записки психиатра, или всем галоперидолу за счет заведения» и «Новые записки психиатра, или Барбухайка, на выезд!»)

Соломонова Алина Алексеевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. А. Д. Степанов

Почти все рассказы-зарисовки М. Малявина имеют не только одинаковую тематику и сюжет, но и композицию. Обращаясь к нарративным, стилистическим и лексическим экспериментам, писатель добивается разнообразия своих текстов на иных, условно «внелитературных», уровнях. Реализуя установку на имитацию живой речи, писатель получает свободу в языковых экспериментах. Помимо игры слов, создания неологизмов, постмодернистского использования измененных цитат, М. Малявин прибегает к «интертексту на уровне слова», расширяя ассоциативное поле внутри текста, употребляет своеобразные «лексические остранения», выполняющие функции создания комического или замены обцененной лексики нетривиальными эквивалентами, создает коллажи как из слов (напр., «заDOOMчий»), так и из целых речевых клише. Благодаря этому происходит и ими-

тация-пародия известных и узнаваемых нарративов, и порождение имплицитных интертекстуальных связей с текстами М. М. Зощенко, и вовлечение читателя в активное разгадывание стилистически-языковых ребусов, и формирование орнаментальной прозы.

Номинативная составляющая художественного образа (на примере образа Дафны из литературного сериала Д. Емца «Мефодий Буслаев»)

Белькова Мария Александровна

магистрант 2 курса, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. С. О. Горяев

В докладе мы анализируем номинативную составляющую одного из центральных образов литературного сериала. Дафна, спутница главного героя Мефодия Буслаева, выделяется среди прочих не только характером, но и поведением, имея репутацию «безалаберной особы» и «разгильдяйки». Характер Дафны сочетает в себе удивительную доброту и терпение наряду с импульсивностью, бойкостью и склонностью к авантюрам.

Ее внешность описывается достаточно подробно: «Светлые пушистые волосы, завязанные в два хвоста. Джинсы. Колечко в нижней губе. Рюкзак с какой-то дудкой», «вздернутый нос, пухлые губы и общее скучающее выражение лица».

Полное имя героини — *Дафна* — в русской лингвокультуре известно прежде всего как имя мифологического персонажа. Древнегреческая нимфа Дафна, возлюбленная Аполлона, скрываясь от него, превратилась в лавровое дерево (греч. *daphne* — *лавр*). Сходство персонажей проявляется в том, что они обладают исключительной внешней красотой. Кроме этого, коннотативную связь с божеством поддерживает развитие событий в сериале: Дафна, страж света, обитающий в Эдеме, вынуждена спуститься на землю и жить в мире людей.

Чаще в сериале употребляется не полная, а деминутивная форма имени — *Даф*, которая фонетически ассоциируется с англ. словом *Dove* — *голубь*. Связь с птицей подчеркивается наличием крыльев и умением летать.

Помимо этого, Дафна имеет псевдоним, созданный героями сериала: *Пименова Дарья Афанасьевна*. Фамилия *Пименова* восходит к каноническому мужскому имени *Пимен*, в переводе с греч. — *пастух*, в переносном значении — *руководитель, наставник*. Выбор такой фамилии не случаен: по сюжету сериала она является наставницей, стражем-хранителем (в буквальном смысле — ангелом) главного героя и пытается оградить его от влияния мрака.

Личное имя *Дарья* восходит к мужскому *Дарий*, которое пришло из греческого и восходит в итоге к древнеперс. слову со значением 'обладающий, владеющий + добрый, благой'.

Патроним *Афанасьевна* отсылает нас к греч. *athanasios* 'бессмертный' — эпитету Зевса, Геи и других богов. Дафна по сути своей является бессмертным существом.

Также возможно, что автор, учитывая звучание имени, развернул его на личное имя и патроним: «ДА — АФНа» — «Дарья Афанасьевна». Художественные значения, возникающие у каждого имени в контексте литературного сериала, во многом пересекаются и взаимно поддерживаются. Смена имени коррелирует со сменой хронотопа: из Эдема в мир людей. Предполагается, что псевдоним решительно противопоставлен исходному имени, одночленное имя, поддерживая мифологическую традицию, отражает божественное начало героини, трехчленная форма традиционного русского антропонима (личное имя, патроним, фамилия) подчеркивает земное начало.

Аналит-оним как формант нового словообразовательного типа

Кудашкина Анна Юрьевна

студент 3 курса, Омский государственный педагогический университет
Научный руководитель — к. филол. наук, доц. Е. Ю. Виданов

В исследованиях, посвящённых анализу современного состояния русского языка, в качестве одной из главных тенденций выделяется тенденция к аналитизму, которая проявляет себя в увеличении числа слов, выражающих грамматическое значение вне словоформы. Среди явлений, выступающих показателями обозначенного направления, учёные особо выделяют пополнение группы аналитических прилагательных, или аналитов, — единиц агглютинативного характера, являющихся модификатором производящей базы в акте словообразования. В результате увеличения группы аналитов закономерным становится появление в языке новых словообразовательных моделей и типов. В центре нашего исследования — рассмотрение одного из продуктивных типов, в котором формантом является аналит-оним. Особенность имени собственного как форманта состоит в том, что его значение автономно, более конкретно по сравнению с «обычными» морфемами. Поэтому для полной реализации семантического потенциала, заложенного в слове, требуется контекст: *Горбачёв-Фонд* (фонд, президентом которого является М. Горбачёв). Позиция форманта в данном словообразовательном типе строго не обозначена. При общем мотивационном значении ('организация, имеющая отношение к указанному имени') и/или общем компоненте она может быть различна: *Арена-Омск*, *Минск-Арена*. Однако в большинстве случаев преобладает препозиция, что можно объяснить соотношением указанных словообразовательных единиц с приставками (вследствие агглютинативного характера последних). Мода на использование иностранных языковых моделей также объясняет продуктивность типа. Влияние иноязычных наименований особенно отчётливо прослеживается на примерах организаций, которые в создании и ведении дела ориентируются на зарубежную тематику: *Лондон Паб* (паб, стилизованный под английское заведение). На это указывает и сосуществование в языке различных форм написания. Одним из главных преимуществ использования аналит-содержащих единиц является экономия языковых

средств. Анализ показывает, что одинаковые / одноструктурные слова могут иметь и раздельное, и дефисное написание: *Арена Омск / Арена-Омск*, что указывает, на наш взгляд, на переходное состояние словообразующего элемента: от основы к аффиксу. Причиной данного состояния является соотнесение в сознании носителей языка имён собственных, выступающих в качестве префиксоида, с их регулярной ролью полнозначной лексемы. Опираясь на обозначенные в работе факты, мы приходим к выводу, что данные единицы являются полусложными словами с аффиксоидом аналитического характера. Таким образом, расширение группы аналитических прилагательных и, как следствие, увеличение слов, содержащих в своей структуре аналит (в частности аналит-оним), ведёт к появлению новых словообразовательных типов на фоне общей тенденции к аналитизму в системе русского языка.

Реализация коммуникативной тактики «Снижение имиджа» в имиджевом дискурсе

Швецова Анастасия Сергеевна

магистрант 1 курса, Томский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Т. А. Демешкина

Изучение моделирования имиджа как способа речевого воздействия с необходимостью приводит к вопросу о коммуникативных стратегиях и тактиках, выделяемых в лингвистической науке как неотъемлемый компонент деятельности речевого воздействия. Коммуникативная тактика является более частным вариантом коммуникативного процесса по сравнению с коммуникативной стратегией как общей основой коммуникативного поведения.

Тактика — способ речевого воздействия, представляющий собой совокупность языковых средств и в то же время путь реализации стратегии. Цель, поставленная в рамках стратегии, определяет выбор средств и приемов ее реализации, следовательно, речевая стратегия и тактика связаны как род и вид. Речевой приём состоит в выборе определённых языковых средств, с помощью которых реализуется главная задача коммуниканта.

В рамках исследования мы ставим своей целью рассмотреть коммуникативную (речевую) тактику «Снижение имиджа», используемую в рамках стратегии «Создание положительного имиджа» и актуализированную в текстах СМИ, тематически отнесенных к освещению событий (форума), происшедших в Томской области.

Тактика «Снижение имиджа» представлена введением в тексты отрицательной оценки действий субъектов, интересы которых расположены в одной сфере деятельности. Данная тактика реализуется при использовании приема противопоставления двух субъектов для создания положительного имиджа одного из них. В анализируемых текстах противопоставление происходит на нескольких уровнях. Оппозиции строятся по географическому признаку: «Томск — Сколково», по признаку целеполагания (обсуждение проблем — развлечение) и др.

Тактика «Снижение имиджа» вводится в тексты при помощи речевых приемов: использование оценочных прилагательных и причастий, ирония, использование прецедентных феноменов и аллюзий. Один из вариантов использования данной тактики — снижение имиджа своеобразных конкурентов и высвечивания на их фоне положительного имиджа форума и Томска. Второй вариант — первоначальная негативная оценка описываемого события, отражающая сомнение в целесообразности его проведения, и развенчание этой оценки по ходу развертывания текста, что придает создаваемому положительному образу большую эффективность.

ГРАММАТИКА И СЕМАНТИКА РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация филологического издания
как тип рекламного текста (синтаксические особенности)

Мусяенко Виктория Витальевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, доц. С. В. Вяткина

В докладе рассматриваются аннотации к научно-популярной филологической литературе с точки зрения их синтаксической организации.

Аннотация определяется как «сжатый», «вторичный текст» по отношению к первичному. Свертывание информации в тексте аннотации приводит к повышению информационной емкости научных сведений благодаря «уплотнению знания» (термин Д. И. Блюменау). Аннотация является примером метаинформации, т. е. «ключа» к пониманию организации информации в первичном тексте, и в то же время содержит в себе элементы информации из него. Аннотация как «вторичный» текст несет информацию о потенциальном адресате, заявленном в первичном. Она сохраняет фокус извлечения информации, заданный читателю в соответствии с его потребностью в первичном документе.

Аннотация представляет собой один из жанров письменной научной речи, что определяет ее синтаксические особенности: преобладание сложноподчиненных предложений с большим количеством придаточных, составные подчинительные союзы, употребление именного сказуемого, причастные и деепричастные обороты, страдательные конструкции, цепочка из существительных в форме родительного падежа и другие черты. Синтаксис и лексика аннотации отражают черты рекламы с заключенным в ней перлокутивным эффектом, что предопределяет использование обращений, парцелированных и вопросно-ответных конструкций, стилистически окрашенных слов и других вербальных составляющих для привлечения внимания широкого круга читателей к предлагаемому изданию.

Сравнение аннотаций к научно-популярным изданиям с текстами, помещенными на обложках тех же изданий, показывает, что и аннотации, и тексты на обложках несут научную информативную составляющую, в то

же время во втором случае для воздействия на читателя составители прибегают к средствам языка рекламы (вербальные составляющие) и к визуальному ее сопровождению: фотографии авторов работ, цветовой фон, плакаты на обложках книг.

Определение соотношения информативной (ориентация на научный стиль) и прагматической (рекламной) составляющих и составляет предмет доклада.

Язык и жанр письменного комментария в интернет-среде

Печенкина Анфиса Сергеевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Д. В. Руднев

1. В связи с новыми средствами коммуникации зарождаются новые жанры. Интернет-жанры — это единство формы и содержания, обладающее специфическими чертами коммуникативного характера и служащее для реализации отдельных интенций пользователя. Интернет-жанр — способ самовыражения онлайн-личности в коммуникативном аспекте.
2. Важнейшее отличие интернет-жанров от их бумажных эквивалентов — синхронность коммуникации. Это понятие связано с понятием устности, а понятие асинхронности — с понятием письменности. Для синхронной формы характерны такие черты спонтанной речи, как экономичность, неформальность, эмоциональность. Однако в интернет-жанрах есть черты, характерные и для асинхронной коммуникации, например письменная форма, дистантность.
3. В виртуальном пространстве невозможность использования паралингвистических средств (тембра голоса, его силы, жестов, мимики) компенсируется особыми конструкциями. Так происходит ввиду близости интернет-комментария устному общению и тенденции к демократизации общения и упрощению речевых структур.

Языковые способы самопрезентации в брачных объявлениях

Иванова Анна Андреевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Т. С. Садова

Брачное объявление — разновидность межличностной рекламы, сочетающая жанровую специфику объявления и собственно рекламы. Цель — предложение адресанта, то есть одного из субъектов коммуникации, в качестве брачного партнера, а также представление адресанта и адресата как носителей некоторых характеристик.

Языковая специфика речевого жанра «брачное объявление» создается взаимодействием разнонаправленных тенденций к стандартности и выразительности. Характерная особенность брачного объявления — эвфемиза-

ция (как способ манипулирования информацией о цели знакомства, возрасте, наличии/отсутствии материальных ценностей, вредных привычек и т. д.), лексико-фразеологическая «креативность» (как способ выделить свое объявление среди других).

Композиционная структура брачного объявления характеризуется наличием определенной системы субтекстов. Их комплекс обеспечивает смысловое единство, стандартность построения текста при вариативности расположения этих субтекстов или специфичности их языкового оформления.

Конституирующей жанровой стратегией «брачного объявления» следует считать самопрезентацию, которая реализуется тактиками оценочного информирования, рациональной аргументации, завышенной самооценки адресанта.

Текстообразующий потенциал потери: предсобытие и постсобытие

Шарогазова Татьяна Александровна

студент 4 курса, Сибирский федеральный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, доц. И. Е. Ким

Традиционно пропозитивная модель действия рассматривается в пределах высказывания. Однако глагол «потерять» как центр высказывания со значением потери обладает признаком каузации: он отражает определенные изменения в ситуации, т. е. можно говорить о его текстовом потенциале. Таким образом, для семантики потери становятся существенными предтекст и посттекст высказывания. Само высказывание обозначает в идеале событие потери, а текстовый потенциал включает в себя предсобытие и постсобытие.

Цель исследования — с помощью анализа текстообразующего потенциала глагола «потерять» выявить особенности семантики потери, которые сложно выявить в пределах высказывания.

На основе анализа выборки из Национального корпуса русского языка и форумов сети Интернет в предтексте и посттексте мы выделили наиболее частотные компоненты предсобытия (характер отношения субъекта и объекта, описание процесса протекания события, участие третьих лиц в совершении события и др.) и постсобытия (фиксация момента потери, оценивание субъектом события потери, мотив поиска и др.), в том числе те, экспликация которых в самом высказывании не встретилась (для предсобытия характерны: причина того или иного отношения к ситуации, индивидуальное восприятие времени, другие макро- и микрособытия, реализация/нереализация попытки избежать потери; для постсобытия: предположения или догадки о месте нахождения объекта, причины необходимости потерянного объекта, последствия потери для субъекта, ментальные действия, ряд событий, спровоцированных потерей, поведение объекта/субъекта, активизация памяти).

Данные компоненты дополняют семантику потери, позволяют наиболее полно раскрыть содержание высказывания. Они представляют интерес с точки зрения когнитологии, антропологии, психологии, помогают выявить особенности мышления и причины определенного поведения в исследуемой ситуации.

Кроме того, произведенный анализ показал численное преобладание и разнообразие компонентов постсобытия над компонентами предсобытия.

Характерно, что, обнаружив потерю, субъект пытается восстановить в памяти цепочку предшествующих событий, действий, причин, которые привели к потере (что проявляется в предсобытии), анализируя ситуацию и снабжая рассказ о потере разными деталями. В постсобытии проявляются чувства и эмоции, оценка события, действия и поведение, последствия; в большей степени, чем для предсобытия, характерно проявление работы мышления (анализ ситуации, воспоминания, предположения, догадки и др.).

Таким образом, можно сделать вывод, что в случае потери поведение субъекта обусловлено ситуацией и чувствами «здесь и сейчас», а дальнейшее развитие событий оказывается наиболее интересным.

Синтаксические особенности речевого жанра памятки

Ратанова Вероника Максимовна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Д. В. Руднев

1. Памятка представляет собой средство вербальной и визуальной передачи информации, содержащей важные сведения и алгоритмы, которыми необходимо руководствоваться в определенных ситуациях, чаще всего угрожающих жизни или здоровью человека. Речевой жанр памятки набирает популярность в современных средствах коммуникации органов власти с населением.
2. Речевой жанр памятки является продуктом гибридизации вторичного речевого жанра инструкции, поэтому памятка имеет некоторые отличия от этого жанра на разных языковых уровнях, обладая в то же время рядом общих с ним языковых черт.
3. Тексты памяток отличаются особой краткостью и точностью изложения. Для них характерны односоставные инфинитивные (например, *Подготовить средства оповещения посетителей*) и определенно-личные предложения с глаголами в форме повелительного наклонения (например, *Старайтесь избегать контактов с террористами*), однородные члены предложения (например, *Постарайтесь взять себя в руки, не падать духом, наберитесь терпения, старайтесь дышать глубоко*), причастные и деепричастные обороты и др.
4. Тексты памятки имеют своеобразную модель построения, сочетающую признаки делового и публицистического текста. Заголовок и ведущий абзац памятки привлекают внимание читателя и побуждают его к дальнейшему чтению.

Метакоммуникация

в спонтанных монологах разного типа

Зайдес Кристина Денисовна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Н. В. Богданова-Бегларян

Метакоммуникация как особый вид коммуникации, обсуждающей, поясняющей, комментирующей непосредственно коммуникацию, в настоящий момент привлекает внимание лингвистов в связи с особой дискурсивной ролью. Метакоммуникация, являясь одним из способов организации текста, предоставляет говорящему возможности, которых в обычной коммуникации он зачастую лишен. К таким возможностям относится самокоррекция, самокомментирование, осмысление собственного речевого портрета и др.

Явление метакоммуникации в речи рассматривается нами в узком понимании, т. е. в круг исследования мы включаем только лексически развернутую метакоммуникацию, а не потенциальную метакоммуникацию — метакоммуникацию «в зародыше» (например, смех). Выразителями такой функции речи, как метакоммуникация, являются метакоммуникативные вставки (МВ), например: *ну / в принципе / да / тяжеловато конечно / описывать такую картину // ну скажем так / ещё неглубокая осень* [ж, 36 лет, средний уровень речевой компетенции, экстраверт; описание несюжетного изображения].

Наше исследование лежит в пограничной области психолингвистики, социолингвистики и собственно полевой лингвистики. Материалом исследования послужили тексты спонтанных устных монологов различных типов (чтение сюжетного и несюжетного текстов, пересказ сюжетного и несюжетного текстов, описание сюжетного и несюжетного изображений, свободный рассказ), представленные в формате расшифровок аудиофайлов и организованные в Сбалансированную аннотированную текстотеку. Тексты-стимулы для порождения монологов были сгруппированы по признаку сюжетности. Устная спонтанная речь информантов разного пола, возраста, профессиональной принадлежности, имеющих различные психологические характеристики и уровень речевой компетенции (УРК) анализируется на предмет наличия и характера МВ. В докладе основное внимание уделено количественным результатам обработки материала и закономерности появления в речи МВ в зависимости от пола, возраста, профессиональной принадлежности, УРК и психологических характеристик говорящего, а также типа спонтанного монолога. В докладе представлена классификация МВ по коммуникативной направленности, тематике, синтаксической структуре.

К перспективам исследований такого типа можно отнести полноценный многоаспектный анализ устной спонтанной речи носителей русского языка и изучающих русский язык как иностранный. Исследование вносит вклад в создающуюся грамматику речи, законы построения которой значительно отличаются от законов построения грамматики языка.

Либретто балетного спектакля как жанр: язык и структура

Тютюкова Анастасия Евгеньевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Т. С. Садова

Либретто балетного спектакля — это краткое, схематичное изложение сюжета балета, которое, как правило, помещается в театральную программу. В балетном спектакле либретто является единственным каналом вербальной коммуникации постановщика со зрителем. Этим обуславливается особое место жанра либретто балета среди подобных — для опер, оперетт, мюзиклов и др.

Цель либретто — сжатое изложение фабулы литературного произведения, которое лежит в основе театральной постановки. В самом общем виде либретто как текст представляет собой повествование с элементами описания.

Текст либретто балетного спектакля отличается содержательной лаконичностью, компрессивностью, выраженной большим количеством предложений с парцелляцией, множеством номинативных и неполных предложений, эллиптических конструкций («Весеннее утро», «Озеро лебедей» и др.). Язык либретто характеризуется наличием эпитетов, оценочной лексики («Ротбардт торжествует», «он был жестоко обманут»). Эмоционально-экспрессивный фон повествования создается при помощи обильного употребления глаголов и имен прилагательных.

Языковая природа политического афоризма

Миникеева Алзира Ахсяновна

студент 3 курса, Казанский (Приволжский) федеральный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Г. К. Гималетдинова

Афоризмы являются предметом специального изучения в ряде лингвистических исследований. Различные аспекты создания и функционирования афоризмов изучаются на примере русского, немецкого, английского, французского и других языков. Антропоцентрический принцип переключает интерес исследователей с объекта познания на субъект, т. е. предполагает анализ человека в языке и языка в человеке.

Определенный интерес для современных исследователей представляют вопросы афористики, изучаемые наряду с фразеологизмами и паремиями. В частности, отмечается сходство афоризмов с паремиями в отношении целостности их структуры, дидактичности и назидательности. И паремии, и афоризмы представляют собой устойчивые сочетания, характеризующиеся экономией речевых усилий за счет передачи аргумента емкими и компактными мозаичными сочетаниями.

Целью исследования является изучение переводных русскоязычных афоризмов в политической сфере. Несмотря на имеющиеся исследования по теории афористики, выполненные на примере различных языков, актуальность исследования подтверждается растущим научным ин-

тересом к вопросам дальнейшего изучения афоризмов в политическом контексте.

Проведенный анализ структурно-семантических особенностей более 100 афоризмов выявил, что афоризмы выражены одним сложносочиненным предложением в 13% случаев, сложноподчиненным предложением в 49% случаев, сложным бессоюзным предложением в 6% случаев. В составе сложных предложений могут быть использованы осложняющие элементы. В составе сложной синтаксической конструкции, представляющей собой афоризм, встречаются односоставные предложения, разные виды неполных предложений, а также эллиптические и нечленимые. Подобные конструкции составляют около 20% случаев.

В афоризмах используются средства экспрессивного синтаксиса.

Предпринятое исследование позволяет сделать вывод о том, что политические афоризмы могут употребляться как в исходной форме, так и подвергаться разнообразным изменениям с добавлением или видоизменением компонентов, расширением структуры, всегда сохраняя свою лаконичную форму.

Анализ функционирования предлога «вроде» на материале устных текстов

Савченко Дарья Сергеевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Н. В. Богданова-Бегларян

Доклад посвящен анализу функционирования предлога *вроде* в русской устной речи. Материалом для анализа послужили все контексты с данным предлогом из Устного подкорпуса Национального корпуса русского языка (куда входят также контексты из корпуса «Один речевой день»).

Предлог *вроде* рассмотрен в нескольких аспектах. Во-первых, показывается, что его значение неоднородно, у него можно выделить два семантических подтипа: ‘похожий на’ (значение схожести; *я лечился там ... от нервной болезни / вроде падучей*) и ‘например’ (приведение характерного примера; *самые такие новаторские биологические теории / вроде теории Митчелла*).

Во-вторых, рассматриваются конструкции, содержащие предлог *вроде*, их состав, значение и некоторые аспекты прагматики. Конструкции с данным предлогом, как правило, трехчленны: то, что сопоставляется (левый контекст) + предлог + то, с чем сопоставляется левый контекст. Правый контекст является общим для всех конструкций (он обозначается В), варианты левого составляют разницу между ними. На основе анализа материала устной речи были выделены следующие конструкции:

А *вроде* В (левый контекст — однозначный элемент, слово или сочетание слов: *прийдохи вроде моей соседки*);

Х *вроде* В (левый контекст — неопределенное местоимение: *что-то вроде куклы*);

А (это) Vf (X) вроде В (усложнённая конструкция, повторяющая структуру определения: «простой объект» — это нечто вроде элементарной частицы; он представляется чем-то вроде неудачного Аверченко);

Граед вроде В (левый контекст — предикат, правый контекст с предложением обозначает признак предиката: звучит *вроде набатного колокола*).

У данных конструкций есть также специфически речевые функции — главным образом, они используются в качестве средства хезитации и поиска слова:

- 1) *И показывают какой-то же... **вроде детского сада** / женщину в небольшой комнате / у ней там штук десять / пятнадцать / этих самых младенцев //*
- 2) *Ну / так же бывало шо это / так он с ним / а в Архануовке у них там / было / ну / курень / как говорили тоуда /ну с ветвей сделано / **вроде палатки** / тока не палатка / а такой / ну из ссс... / всего... [Надежда Ивановна, жен, 77]; *Шалаш* *вроде* [Наталия Ивановна, жен, 81] *Шалаш* // Ага //*

Результаты анализа, представленные в исследовании, могут быть использованы при лексикографическом описании данной единицы.

Функциональные возможности конструкций со словом «да»

Шершнева Дарья Михайловна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Н. В. Богданова-Бегларян

В устной спонтанной речи, которая подвержена постоянным и весьма заметным изменениям, часто можно наблюдать процесс прагматикализации, или десемантизации, значимых единиц. Говоря иначе, слова теряют связь со своими кодифицированными значениями и выполняют в дискурсе различные функции, которые далеко не всегда оказываются зафиксированы в словарях русского языка. Не является исключением и такое частотное слово, как *да*. Обладая в изолированном употреблении множеством «несловарных» функций, *да* как дискурсивное слово может выполнять эти функции и в составе различных конструкций устной речи. В докладе описывается функциональное разнообразие подобных конструкций со словом *да* на примере контекстов, извлеченных из блока «Один речевой день» Звукового корпуса русского языка. Среди этих функций следующие:

- 1) вербальное заполнение паузы хезитации: *двенадцать / дальше / *П двенадцать / по следующей шкале / это девятый стен / # девять / да / потом девять / здесь восемь / # и так далее / **да вот** / всё расставили // @ но тут же получается этот (...) холерик?*
- 2) поддержание беседы (контактоустанавливающая функция): *да они все тут питерские / это потом @ они все @ они все стали московскими блин // **ну да#** даже тот же самый Кинчев / потом переехал в Москву;*
- 3) тимиологический маркер (оценка по значимости): *мне нравились / **да и** сейчас / кстати / даже нравится / песня / где он там с этим / с женским вокалом *Н @ алло.*

Выявление подобных особенностей функционирования слова *да* в устной речи поможет создать его лексикографическое описание в словарях русской повседневной разговорной речи или русских прагматем.

Междометия в составе основных словарей русского языка и классификация междометий

Исакова Александра Михайловна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Ю. В. Меньшикова

В докладе представлены результаты сопоставительного анализа классификации междометий, предложенной последней академической грамматикой (условное обозначение — РГ-80), и системы подачи этой лексики в основных современных словарях русского языка. При проведении анализа были использованы Грамматический словарь русского языка А. А. Зализняка 1980 г. (условное обозначение — ГС) и Большой толковый словарь русского языка под редакцией С. А. Кузнецова 1998 г. (условное обозначение — БТС).

В ходе исследования были решены следующие задачи:

- 1) составление базы данных по междометиям, перечисленным в РГ-80;
- 2) составление базы данных по ГС;
- 3) составление базы данных по БТС;
- 4) статистический анализ полученных баз данных;
- 5) сопоставление материалов составленных баз данных.

Сопоставление показало, что хотя и ГС, и РГ-80 были изданы в 1980 г., тем не менее более 50 % междометий, встречающихся в РГ-80, не упоминается в ГС, а совпадает всего 27 % междометий. В БТС, изданном в 1998 г., встречается уже около 36 % междометий, упомянутых в РГ-80. Около 34 % междометий, встретившихся в БТС, не встречается в обширном иллюстративном материале РГ-80, хотя принцип отбора лексики в целом соответствует классификации РГ-80. Таким образом, БТС включает в свой состав гораздо больше единиц, которые относятся к междометиям, но взгляды авторов этого словаря преимущественно совпадают со взглядами авторов РГ-80. В то же время в БТС присутствует тенденция к отнесению интересующих нас словарных единиц к другим частям речи — прежде всего к частицам и вводным словам. В тех случаях, когда анализируемые словарные единицы трактуются как частицы, по предварительным данным, следует говорить о грамматической омонимии частиц и междометий. Использование термина «вводное слово» для частеречной характеристики представляется неоправданным, так как в современной грамматике не выделяют такую часть речи (см., например, РГ-80). Следует отметить, что наиболее полно в БТС отражены заимствованные, эмоциональные (ядро категории) и звукоподражательные междометия. В ГС наиболее полно отражены заимствованные междометия, достаточно хорошо отражены звукоподражания, зафиксированные в РГ-80.

Параметрические прилагательные в русском языке:
старое и новое в семантике и сочетаемости
(на материале толковых словарей
и Национального корпуса русского языка)

Попова Анастасия Витальевна

студент 4 курса, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Д. В. Салмина

В языке очень часто используются прилагательные, имеющие семантику размера. Доклад посвящен параметрическим прилагательным, их специфике и проявлению в речи. Параметрические прилагательные, или размерные прилагательные, — это лексико-семантическая группа прилагательных со значением размера. Как отмечает М. Б. Ташлыкова, параметрические имена являются одним из нетривиальных способов оценки личности и характеризуют в своем исходном значении основные измерения материального объекта. Особенностью параметрических прилагательных является то, что они отличаются способностью к градации — процессу сравнения исследуемых объектов, признаки которых располагаются на шкале оценок. В семантическом плане параметрические прилагательные представляют собой важную группу слов, потому что обладают широкой сочетаемостью и составляют лексическую базу любого языка. Следует отметить динамичность данных прилагательных, так как они описывают и характеризуют окружающий нас мир, события, впечатления, отношения к происходящему, предметам и явлениям.

Цель исследования — рассмотреть лексико-семантическую группу параметрических прилагательных, их семантику и сочетаемость, найти новые значения, коннотации и случаи сочетаемости внутри данной лексико-семантической группы.

Задачи исследования:

- 1) рассмотреть семантику параметрических прилагательных в толковых словарях, объединить по категориям размера, найти сходства и отличия в семантике некоторых прилагательных и в реализации морфологических категорий этих лексем;
- 2) составить глоссарий этих прилагательных, включающий значения, коннотации, речения и примеры; сгруппировать прилагательные по категориям размера;
- 3) рассмотреть в подкорпусах Национального корпуса русского языка контексты, где употребляются параметрические прилагательные, найти новые значения, коннотации;
- 4) сделать вывод о том, какие новые значения и новая сочетаемость были выявлены (или не выявлены) в ходе исследования.

Для рассмотрения параметрических прилагательных были использованы Толковый словарь русского языка С. И. Ожегова, Словарь русского языка в 4-х томах под ред. А. П. Евгеньевой, Национальный корпус русского языка. В исследовании прилагательные были объединены по следующим категориям размера: величина, высота, длина, ширина, глубина. Также в

исследовании выделены подкатегории тех параметров, с которыми соотносятся те или иные прилагательные.

Результат исследования: было выявлено, что в Национальном корпусе русского языка мы можем найти те значения параметрических прилагательных, которых мы не найдём в толковых словарях. В Национальном корпусе зафиксированы предложения, содержащие примеры словосочетаний, реализующихне зафиксированную в словарях сочетаемость.

Категория одушевленности в тематической группе «Механические устройства, подобные человеку по виду и функциям»

Котельникова Анастасия Сергеевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Е. В. Генералова

Грамматическая категория одушевленности / неодушевленности является одной из самых молодых в русском языке. Окончательно она сложилась к XVII веку. Относительная молодость этой категории объясняет неопределённый статус некоторых слов русского языка. К сложным явлениям в русском языке относится тематическая группа «Механические устройства, подобные человеку по функциям и внешнему виду». Основными лексемами данной тематической группы являются *робот*, *андроид* и *киборг*. Основная задача исследования — проследить и описать динамические процессы, происходящие в этой тематической группе в начале XXI века. В ходе работы была рассмотрена история лексем данной группы, их распространение и употребление в различных стилях. Исследование выполнено на материале Национального корпуса русского языка, выявлены особенности использования анализируемых слов и соотношение проявления категории одушевленности / неодушевленности в этих лексемах. В современном мире роботы прочно вошли в повседневную жизнь людей, приобрели антропоморфный вид и функции, подобные действиям человека. Благодаря экстралингвистическим факторам, а также частым упоминаниям в публицистическомстилероботчаще воспринимается как одушевленное существительное. Благодаря публицистическому стилю одушевленность *робота* проникла и в научный стиль, в котором ранее слово употреблялось только как неодушевленное. Сейчас *робот* — одушевленное существительное во всех функциональных стилях по грамматическим и семантическим признакам. Статистика Национального корпуса русского языка даёт 88 примеров употребления слова *робот* как неодушевленного существительного и 1 839 вхождений как одушевленного. Таким образом, *робот* сближается с *киборгом* и *андроидом*, которые со времени появления в языке осмыслились как одушевленные. История этих слов может быть косвенным подтверждением выводов данной работы. Русское языковое сознание, продолжая отмечать механическую сущность робота, его отличия от человека, все же видит здесь и некоторые сходства, которые усиливаются по мере развития научно-технического прогресса и изобретения новых антропоморфных роботов.

Синтаксическая позиция согласованного определения в русских переводах «Сентиментального путешествия» Л. Стерна

Аравина Светлана Андреевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – ст. преп. Д. Н. Чердаков

Проблема словорасположения является предметом многочисленных исследований отечественных и зарубежных ученых, таких как И. И. Ковтунова, О. Б. Сиротинина, П. Адамец. Как отмечает Сиротинина, порядок слов в письменной речи может выполнять три основные функции: коммуникативную, грамматическую и стилистическую. Последняя функция особенно характерна для языка художественной литературы.

Материалом нашего исследования послужили переводы нескольких глав из романа Л. Стерна «Сентиментальное путешествие по Франции и Италии», выполненные Н. М. Карамзиным (1791 г.), анонимным переводчиком (1806 г.), Н. П. Лыжиным (1865 г.) и А. А. Франковским (1940 г.).

Предметом анализа являются согласованные определения, выраженные полными прилагательными, местоименными прилагательными, одиночными причастиями и причастными оборотами. Одиночные полные причастия и местоименные прилагательные, относящиеся к разрядам указательных, определительных, неопределенных и отрицательных, не встречаются в исследуемых текстах в постпозиции, в связи с чем в центре нашего внимания оказались причастные обороты, полные прилагательные и притяжательные местоимения.

Анализ текстов показал, что позиция согласованных определений, выраженных полными прилагательными и причастными оборотами, уже в конце XVIII века в целом соответствовала нормам современного русского языка. Позиция же притяжательных местоимений, одиночных или употребляемых в соседстве с прилагательными, представлена более сложно.

В текстах Лыжина и Франковского постпозиционное употребление притяжательных местоимений встречается достаточно редко. Характерно, что в этих переводах как правило сохраняется прямой порядок слов в словосочетаниях, включающих в себя два определяющих компонента, местоимение и прилагательное. Основным же условием для постпозиции притяжательного местоимения является употребление его в анафорической функции. Вместе с тем постпозиция притяжательных местоимений, будучи характерной особенностью языка сентиментальных романов, в данных текстах используется в качестве средства стилизации.

В большей степени постпозиция притяжательных местоимений характерна для языка конца XVIII — начала XIX века. Порядок слов в сочетаниях существительного с притяжательным местоимением в переводах Карамзина и анонимного автора нередко связан с семантикой главного слова. Местоимение в подавляющем большинстве случаев стоит в постпозиции при словах: описывающих душевное состояние человека; обозначающих предметы, соотносимые с душевным состоянием человека; обозначающих близкого герою

человека. Существует также зависимость порядка слов в атрибутивном словосочетании от функционально-смыслового типа речи: большая часть постпозитивных согласованных определений приходится на описание чувств и мыслей героев, в повествовании же они практически отсутствуют.

Явление контаминации как причина ошибок в нестандартных текстах русского языка

Пужаева Светлана Юрьевна

магистрант 1 курса,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Н. А. Зевахина

На протяжении долгого времени в лингвистике ведущим был традиционный подход, при котором грамматика рассматривалась как свод правил, большее внимание уделялось описанию нормы — кодификации тех или иных лингвистических явлений и единиц. Интерес к изучению ошибок, допускаемых при освоении языка в целом или определенного стиля языка, обусловил возникновение учебных корпусов, в том числе Корпуса русских учебных текстов (КРУТ), содержащего тексты, написанные студентами разных вузов, и Корпуса эритажного русского языка, содержащего тексты, написанные людьми, изучающими русский язык (L2), и детьми эмигрантов, для которых русский язык становится «унаследованным». Тексты в обоих корпусах снабжены несколькими типами разметки, в том числе разметкой по ошибкам, что позволяет производить поиск примеров на определенный тип ошибки.

Предлагаемое исследование проведено в рамках двух основных направлений современной лингвистики — грамматики конструкций и грамматики ошибок. Цель проведенного пилотного исследования — выявить те случаи, когда причиной ошибки становится контаминация конструкций в текстах студентов, носителей русского языка, и сопоставить их с типичными причинами ошибок в конструкциях, взятых из Корпуса эритажных текстов.

Таким образом, материал исследования включает в себя две части:

- 1) примеры из КРУТа, помеченные тегами:
  - a. «cause, contam» — «причина: контаминация»,
  - b. «lex, phrase» — «ошибка в конструкции внутри клаузы», включая комбинацию тегов «lex, phrase, cause, contam»;
- 2) примеры из Корпуса эритажных текстов:
  - a. «constr» — «ошибка в конструкции внутри клаузы»,
  - b. «constr, gov» — «ошибка в управлении внутри конструкции»,
  - c. «constr, lex» — «ошибка в конструкции на уровне лексемы».

Заметим, что разница в тегах обусловлена разной классификацией ошибок, используемой в каждом из двух корпусов. В ходе проведенного исследования удалось выяснить, что для текстов КРУТа типичными становятся ошибки, обусловленные контаминацией на уровне коллокаций, например:

Особое место в европеизации Российской империи сыграла деятельность Петра I.

(играть роль — занимать место);

*Но при этом, я считаю, что мне <...> удалось **выполнить** поставленную мною **цель**...*

(выполнить задачу — достичь цели).

Исследуемые контексты удалось классифицировать, выявив наиболее типичные случаи.

Вместе с тем для примеров из Корпуса эритажных текстов наиболее частой причиной ошибки становится калькирование синтаксических конструкций родного языка, в то время как контаминация конструкций встречается значительно реже.

*Друг это **человек вы любите**.*

*Это человек вы слышали русскую музыку с кем, **чего-то работаю с кем**.*

Из этого можно сделать вывод, что освоение многих конструкций и усвоение лексической сочетаемости — сложный аспект в изучении языка как для иностранцев, так и для носителей языка.

ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПИСАНИЯ И ИЗУЧЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Комментирование языковых единиц как обучающий элемент урока в практике русского языка как иностранного на примере имен существительных ЛСГ ‘наименование человека по профессии’

Теущакова Марина Петровна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. С. В. Кириченко

В докладе рассматриваются экспрессивные имена существительные с общим значением ‘характеристика человека’, определяется коннотативный компонент значения указанных единиц. Основой наименования человека по какому-либо признаку стали наименования профессий (ср. *клерк, мясник, артист*). В практике РКИ, как известно, пристальное внимание лингвистов уделяется языковым уровням, наиболее тесно связанным с культурой. Это прежде всего лексический уровень, в наибольшей степени значимый при чтении иностранными учащимися художественного произведения. Поэтому преподаватели-практики всегда стремятся к наиболее рациональному и эффективному комментированию лексических единиц в иностранной аудитории. В модель комментирования считаем целесообразным включение таких составляющих, как:

- 1) заголовочное слово;
- 2) контекст употребления;

- 3) толкование слова с опорой на данные толковых словарей (исходя из положения, обозначенного В. Н. Телия: «коннотации имеют место преимущественно в переносных значениях», — включаем прямое значение лексемы и переносное);
- 4) комментарий лексемы с выявленными оценочным, эмотивным, образным, стилевым и национально-культурным компонентами коннотации. Например,
  - 1) Клерк;
  - 2) *Ничего от артиста — серый клерк или поп из провинциального прихода.* [В. Кичин. Таблетка для рыдания. На экранах — Нанни Моретти, плачущий в темноте (2001) // «Известия», 2001.11.14], — *А я свободен, — с шалой усмешкой, с вызовом даже отвечает Мельников, словно он неприкаянный, но гордый люмпен, а она — уныло-старательный клерк* [Г. Полонский. Доживем до понедельника (1966—1968)].
- 3) конторский служащий, ведущий делопроизводство, составляющий отчеты. Переносного значения не зафиксировано, словарных помет не имеет;
- 4) в современных контекстах употребления слово имеет ярко выраженную негативную оценку; профессия воспринимается как *скупная*, представитель этой профессии *серый, унылый, грустный, несчастный*.

Таким образом, языковые факты становятся в практике РКИ чрезвычайно ценным источником актуальной лингвистической информации, необходимой для правильного понимания и употребления той или иной единицы. Комментарий же, представленный на уроке, должен носить обучающую направленность.

Лексико-семантическая группа глаголов с общим значением 'создание объекта в результате интеллектуальной деятельности' (на фоне китайского языка)

Чжан Ди

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
 Научный руководитель — к. филол. наук, доц. Т. Ф. Куприянова

Лексическое значение глагола является важным инструментом закрепления в языке деятельности человека. И в системе китайского языка, и в системе русского языка существуют глаголы, не эквивалентные по значению, функционированию и роли в синтаксической системе языка. Исследователи разделили их на лексико-семантические группы. На этой основе мы рассматриваем разницу между глаголами русского и китайского языков.

Мы выбрали лексико-семантическую группу глаголов с общим значением 'создание объекта в результате интеллектуальной деятельности'. Глаголы данной группы интересны тем, что, отражая мыслительный процесс: появление замысла создания изобразительного, литературного или музыкального произведения, обдумывание этого замысла, трансформация замысла в процессе работы над его осуществлением, — эти глаголы отражают также и элемент физического, конкретного участия автора в создании

этого объекта, что в языке соединяет глаголы мыслительной, интеллектуальной деятельности с глаголами физического воздействия на объект.

В «Толковом словаре русских глаголов» под редакцией Л. Г. Бабенко глагольная лексика делится по семантическим полям и группам. Эта иерархическая организация относит глаголы нашей группы к семантическому полю «Действие и деятельность», подполю «Глаголы интеллектуального воздействия на объект». Проанализировав значения данных глаголов по «Большому толковому словарю русских глаголов» Л. Г. Бабенко, «Толковому словарю русского языка» С. И. Ожегова, «Толковому словарю русского языка» под ред. Д. Н. Ушакова, «Современному толковому словарю русского языка» Т. Ф. Ефремовой, соотнеся выделяемые этими словарями значения глаголов указанной группы с данными Национального корпуса русского языка, мы обнаружили следующее. В русском и китайском языках существует почти одинаковое количество глаголов с общим значением 'создание объекта в результате интеллектуальной деятельности'. Их приблизительно по 150 в каждом языке.

Мы разделили эти глаголы на 11 подгрупп. Глаголы этих групп отличаются значениями, особенностями употребления и стилистической принадлежностью: 1) не все глаголы указанной группы эквивалентны по значению в русском и китайском языках; 2) идентичные по значению глаголы русского и китайского языков не идентичны по возможностям лексической сочетаемости: возможное в русском языке следование определённой лексической единицы может быть недопустимым с точки зрения законов сочетаемости в китайском языке; 3) некоторые русские глаголы рассматриваемой группы меняют значение при использовании в текстах разного стиля; 4) соответствующие им глаголы китайского языка не меняют своего значения и не употребляются в разговорном стиле речи.

Особенности семантики и функционирования русских глаголов «апеллировать» и «взывать» (на фоне китайского языка)

Цинь Ян

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. М. С. Шишков

В докладе рассматриваются два глагола («апеллировать» и «взывать»), входящие в лексико-семантическую группу глаголов обращения. Рассматриваемые глаголы образуют подгруппу глаголов с дополнительным значением 'с целью получить поддержку, помощь'.

Особую сложность для китайских студентов, изучающих русский язык, представляет сопоставление этих глаголов с их аналогами в китайском языке. В связи с этим было предложено рассмотреть как русские, так и соответствующие им китайские глаголы по следующей схеме:

- а) проанализировать семантику глаголов по данным толковых словарей;
- б) определить стилистические особенности глаголов, отмеченные в словарях;
- в) выделить возможные валентности глаголов в соответствии с их семантикой;

- г) на основании анализа контекстов употребления определить возможные сферы использования глаголов;
- д) установить особенности функционирования, в том числе наиболее частотную сочетаемость.

На основании проведенного анализа каждой единицы было проведено сопоставление русских и китайских глаголов.

Глаголы «апеллировать» и «взывать» имеют общее значение ‘обращаться к кому или чему-либо за чем-либо’. Отличие между глаголами отмечается только в стилистической маркированности («взывать» — высокий стиль, «апеллировать» — нейтральный или книжный).

Контексты употребления позволяют выделить сферы употребления глаголов, при этом «апеллировать» чаще всего употребляется в политической и социокультурной, иногда в бытовой ситуациях, а глагол «взывать» не может употребляться в бытовой ситуации не в ироническом значении.

Для каждой из сфер были определены субъект, объект и цель обращения. Например, глагол «апеллировать» в социокультурной ситуации требует в качестве субъекта обобщенное лицо или общественное явление. Цель чаще всего — обратиться за пониманием. Особая группа употреблений — в политической ситуации, когда субъектами становятся *страна, комиссия, глава администрации, министры* и др.

В китайском языке эту подгруппу глаголов обращения составляют восемь глаголов: 诉诸, 呼吁, 请愿, 倡议, 吁求, 倡导, 申诉, 号召 (в словаре — ‘апеллировать’ и ‘взывать’). Особенности китайских глаголов следующие: неоднородность в стилистическом отношении (книжн., устар., нейтр.), большая дифференциация относительно субъекта и объекта обращения, закрепленность за определенными сферами употребления и др. Кроме того, в семантике глаголов этой подгруппы есть большое разнообразие дополнительных компонентов, связывающих их с глаголами других подгрупп анализируемой лексико-семантической группы. Все это представляет сложность для выбора адекватного русского глагола при переводе.

Семантические особенности глаголов со значением неоседлого образа жизни человека (на материале произведений Д. Рубиной)

Канаева Ксения Валерьевна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. А. В. Хруненкова

Исследование проводилось с целью изучения лексико-семантической группы глаголов со значением неоседлого образа жизни человека, которая до настоящего момента не была разработана и может представлять трудность для иностранных учащихся. Цель исследования — анализ семантических и функциональных особенностей данной группы глаголов для представления их в иностранной аудитории. В процессе исследования был решен ряд задач. Из толковых словарей русского языка и толкового словаря русских глаголов под ред. Л. Г. Бабенко были отобраны глаголы с общим

значением неоседлого образа жизни человека, составившие лексико-семантическую группу. Затем была проведена их классификация, результатом которой стало разделение единиц на три группы.

1. Глаголы, обозначающие образ жизни человека, который ведется не по собственному желанию, вынужденно. Целью такого образа жизни может быть выживание. Глаголы, вошедшие в данную группу, вызывают у носителя языка негативную реакцию. Анализируемая группа представлена следующими лексическими единицами: *бродяжничать, бомжевать, бездомничать, мыкаться, мотаться, таскаться*.
2. Глаголы, обозначающие образ жизни человека, который ведется по собственному желанию. В данную группу вошли такие глаголы, как: *кочевать, скитаться, странствовать*. Следует отметить, что рассматриваемые глагольные единицы не вызывают негативной реакции носителей русского языка.
3. Глаголы, обозначающие либо бесцельный образ жизни человека, либо образ жизни, когда человек находится в поисках чего-то. В состав анализируемой группы входят следующие глаголы: *блуждать, бродить, шататься, слоняться, болтаться, шляться*.

Следующим шагом исследования стало описание семантических и функциональных особенностей отобранных единиц. Материалом для анализа послужили примеры употребления анализируемых глагольных единиц произведений современной русской писательницы Д. И. Рубиной.

Обращение к изучению данной группы обусловлено сложностью понимания значения описываемых глаголов, поскольку в толковых словарях русского языка многие из них характеризуются как синонимы, что вызывает трудности при презентации их в иностранной аудитории. Таким образом, необходимо провести семантизацию данных глаголов, в процессе которой будут выявлены оттенки в значении описываемых лексических единиц, что позволит учащимся правильно употреблять их в своей речи, а также лучше понимать аутентичные тексты на русском языке.

Семантические особенности приставочных глаголов лексико-семантической группы передачи объекта

Чнь Вэйцзя

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Т. Н. Колосова

Префиксальный способ играет важную роль в глагольном словообразовании. В курсе РКИ глагольным приставкам традиционно уделяется большое внимание, так как их изучение сопряжено у иностранных учащихся с рядом трудностей. Это связано с большим количеством префиксов в русском языке. Кроме того, присоединение префикса часто влечёт за собой перестройку семной структуры глагольного слова, то есть приводит к изменению его лексического значения. Трудности у иностранных учащихся вызывает также формально-семантическое соотношение между дериватом и производящим словом. В связи с этим нам представляется практически важным обращение к приставочным глаголам.

Важное место занимают приставочные глаголы в составе лексико-семантической группы (ЛСГ) передачи объекта. На основе анализа словообразовательной структуры глагольных слов в составе данной ЛСГ нами выделено 15 различных приставок и 64 приставочных глагола. Мы рассмотрели основные значения каждой из них и пришли к следующим выводам.

1. Все приставки многозначны. Например, приставка *вы-* имеет три значения:
  - 1) 'движение изнутри, удаление, выделение, добывание из чего-либо';
  - 2) 'исчерпанность действия, тщательное совершение действия';
  - 3) 'получение желаемого результата в течение длительного времени благодаря действию, названному в основе глагола'.
2. Семантическая общность глагольных лексем сопровождается их морфемным сходством. Например, глаголы с приставкой *вы-* (*выдать, выплатить, выслать* и *выменять*) реализуют словарное значение 'движение изнутри, удаление, выделение, добывание из чего-либо'.
3. В качестве основных системообразующих принципов ЛСГ выявляются парадигматические. Об этом свидетельствует наличие значительного количества словообразовательных гнезд (13), образованных *отдать, платить, считать, слать, дарить, делить, менять, сквитать, наградить, поручить, продать, поднести, сунуть*. Самое большое гнездо образуют 12 глагольных слов с корнем *-да-*: *выдавать, додавать, недодавать, отдавать, передавать, придавать, раздавать, пораздавать, сдавать, пересдавать, насдавать, подавать*.
4. Наибольшее число значений свойственно приставке *по-* (9 значений). Узким диапазоном обладает приставка *с-*, реализующая на нашем материале только одно значение.
5. Один и тот же префикс может употребляться в составе разных глагольных слов, например: *выдать, выплатить, выменять, выслать*.

Как следует из сказанного, значения приставок определены и стандартны, они не растворяются в общей семантике слова, наоборот, обособлены в ней достаточно четко и ясно.

Проблемы представления русских паремий в учебном словаре для иностранцев (на материале пословиц с компонентом «огонь»)

Маточкина Анна Евгеньевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Е. И. Зиновьева

Пословицы изучаемого иностранного языка всегда вызывают трудности у учащихся. В настоящее время является актуальным вопрос о создании учебного словаря пословиц. Сегодня существует достаточно словарей пословиц, ориентированных на носителей языка. Главным отличием учебных словарей от «академических» является ориентация на уровень владения изучаемым языком учащимися, соответствие лексическому минимуму данного уровня, нормативность единиц, входящих в их состав. Исследователи

указывают, что учебный словарь должен представлять собой модель современного языка. Однако словари, ориентированные на носителей русского языка, содержат большое количество вариантов одной и той же пословицы, а также единицы, содержащие устаревшую, региональную, обсценную лексику. Пословицы приводятся списком в алфавитном порядке по стержневому компоненту. Некоторые издания приводят примеры употребления пословиц, взятые из классической литературы, а это затрудняет понимание студентами смысла единицы и актуальности её функционирования в современной речи. Объектом нашего исследования стала структура словарной статьи учебного словаря пословиц.

Материалом для анализа послужили русские пословицы с компонентом «огонь». Сначала из «Большого словаря русских пословиц» В. М. Мокиенко и Т. Г. Никитиной (М., 2007) было выбрано 168 единиц с компонентом «огонь». Целью исследования является создание модели словарной статьи для учебного словаря, поэтому нами была проведена минимизация материала. Мы исключили единицы, содержащие обсценную, устаревшую и региональную лексику. Затем был проведён опрос носителей языка с целью выявления неизвестных им единиц. В результате исследуемый материал сократился до пяти единиц: *огня маслом не заливают; не играй с огнём — обожжёшься; без огня дыма не бывает; ни огня без дыма, ни дыма без огня; из огня да в полымя*. Далее среди иностранных студентов-филологов, изучающих русский язык не менее 5 лет, был проведён опрос с целью установить, насколько им понятны указанные выше пословицы. Респондентам было предложено, не пользуясь словарями, дать своё толкование единиц и привести примеры их употребления в речи. Оказалось, что подавляющее большинство информантов не в состоянии справиться с этой задачей.

На наш взгляд, словарная статья учебного словаря должна включать в себя следующие зоны: заголовочная единица, зона толкования значения; ситуация употребления; выражаемая интенция; зона этимологического комментария; выражаемая установка культуры; образность единицы; пословичные биномы, зона иллюстративного материала, зона, описывающая современные тенденции употребления единицы. Необходимо отметить, что часть названных зон являются факультативными. Обязательными следует считать зоны толкования значения, ситуации употребления, выражаемой интенции и установки культуры.

Фразеологические единицы, обозначающие черты характера человека (на фоне китайского языка)

Ли Пу

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, ст. преп. И. С. Бродт

Фразеологические единицы, отражая в своей семантике длительный процесс развития культуры народа, фиксируют и передают от поколения к поколению культурные установки и стереотипы, эталоны и архетипы.

В типологии черт характера большинство учёных выделяет две очень важные группы: положительные и отрицательные. В ходе поиска исследуемых фразеологических единиц по словарным ресурсам мы замечаем, что число найденных русских фразеологических единиц со значением отрицательных черт характера больше, чем число фразеологических единиц, обозначающих положительные черты. Это явление может связываться с общенациональными жизненными ценностями, национальными культурными стереотипами и традициями, историческими событиями.

В Китае люди ведут себя в жизни согласно этикетным нормам, они мало критикуют поведение других людей, чтобы не вызвать конфликт или не обидеть другого человека. В отличие от китайцев русские более откровенны, если они считают, что здесь что-то не так, они прямо указывают на ошибки.

В группе фразеологических единиц, обозначающих положительные черты характера, в русском языке больше таких, которые обозначают «откровенность», «самостоятельность», «ответственность», «доброту», «энергичность», тогда как в китайском языке есть фразеологические единицы подгрупп «ум», «упорство», «опыт». Подгруппы «смелость», «честность», «щедрость», «трудолюбие» представлены одинаково богато.

В группе фразеологических единиц, обозначающих отрицательные черты характера, в русском языке больше таких, которые обозначают «хитрость», «жадность», «болтливость», «глупость», в китайском языке больше фразеологических единиц, обозначающих «несерьёзность», «нечестность», «жестокость», «двуличие». А подгруппы «посредственность», «странность», «непостоянность», «несговорчивость», «лень» и «трусость» в обоих языках примерно одинаковы по величине. Вероятно, этот факт можно объяснить отражением во фразеологии национальных черт характера данных народов.

Фразео-семантическая группа «Квалификация человека как глупого» в русской языковой картине мира (на фоне китайского языка)

Чжоу Шо

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. С. В. Кириченко

В докладе рассматриваются фразеологические единицы (ФЕ) как языковые единицы, наиболее ярко отражающие национальные особенности. В основу отбора ФЕ положен принцип группировки по семантике. Основным критерием выделения фразео-семантической группы «Квалификация человека как глупого» является интегральная сема 'очень глупый человек, тупица, болван, дурак'. Эта сема так или иначе выражается каждым членом группы. В практике РКИ целесообразно опираться на модель семантизации ФЕ, в которой мы выделили следующие составляющие: 1) ФЕ; 2) значение ФЕ; 3) контекст употребления; 4) наличие или отсутствие аналога в китайской языковой картине мира; 5) лингвокультурологический комментарий. Например:

- 1) *Голова дубовая*;
- 2) *Голова дубовая* — «Прост. Тупой, бестолковый человек; тупица» (Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А. И. Молоткова. М., 1987. С. 112);
- 3) «— Что же ты, *дубовая башка*, так дерёшься? — Их благородие изволили говорить режь — я и резнул» (А. В. Сухово-Кобылин. «Смерть Тарелкина»);
- 4) 榆木脑袋 — '*вязовая голова*';
- 5) ФЕ *дубовая голова* актуализирует, по-видимому, такое качество дуба, как твердость древесины, позволяя квалифицировать человека как глупого в своем упрямстве, нечуткого, не отличающего гибкостью ума, что может привести к необратимым последствиям. В китайском национальном сознании человек квалифицируется как глупый через ФЕ *вязовая голова* (вяз среди твердых пород деревьев чрезвычайно распространен в Китае), в которой, по аналогии с ФЕ в русском языке, глупость человека проявляется в неумении прислушиваться к чужому мнению, учитывать ситуацию в своих оценках.

На основании данных, представленных в докладе, можно сделать вывод, что ФЕ в русской и китайской языковых картинах мира квалифицируют человека как глупого с позиций одинаковых жизненных установок — отрицательная оценка глупого человека через реалии действительности, связанные с окружающим человека миром.

Коннотации номинаций птиц в русских и китайских паремиях

Цюй Юян

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
 Научный руководитель — к. филол. наук, ст. преп. И. С. Бродт

Для каждого языка и для каждой культуры характерно образование специфических созначений, именуемых коннотациями. Коннотации являются формой ценностного освоения мира, которая влияет на внутреннюю детерминацию поведения. Коннотация обладает способностью не только создавать, но и удерживать глубинный смысл, находящийся в сложных отношениях с семантической стороной слова. Закрепляя этот смысл в языке, коннотация участвует в создании культурно-национальной картины мира. Проблема коннотации имеет большое значение для преподавания русского языка как иностранного, потому что для наиболее полного понимания языковых явлений необходимо принимать во внимание культуру страны изучаемого языка и понимать, почему то или иное слово имеет свойственное именно ему дополнительное значение. В исследовании мы описываем коннотации наименований птиц в русском языке на фоне китайского языка. Паремии с номинациями птиц в русском и китайском языке имеют множество отличий. Коннотативная семантика одних и тех же номинаций может быть совершенно различной. Материалом исследования служат данные русских и китайских паремиологических словарей. Было проанализировано около 100 паремий, в состав которых входят но-

минации птиц. Нами была проведен анализ коннотаций с точки зрения оценки (наименования птиц с положительным, отрицательным или нейтральным дополнительным значением в русском и китайском языках), а также с точки зрения соотношения коннотаций в русском и китайском языках (эквивалентного, безэквивалентного и фонового типа). На примере лексемы «курица» проиллюстрируем ход и результаты исследования. В составе паремий русского языка встречаются 4 наименования домашних птиц. К ним относится и курица. Всего было выписано 60 русских паремий с наименованием «курица». Далее приведем несколько паремий из китайского языка: 闻鸡起舞 — «услышав пение петуха, встрепенуться» (обр. в знач.: 'подняться по первому зову; вовремя воспрянуть'); 偷鸡摸狗 — «воровать кур и искать собак» (обр. взнач.: а) 'тащить что попало'; 'вор'; б) 'вести бесчестный образ жизни'); 嫁鸡随鸡 — посл., «курица всегда следует за петухом» ('жена всегда следует за мужем'). Следует отметить, что в китайском языке и петух, и курица обозначаются одинаковым иероглифом 鸡. Анализируемые фразеологизмы указывают на то, что в русском языке «курица» в составе паремий является в основном символом воспроизводства, материнской заботы, символом кропотливого труда, нерасторопности, суетливости, бестолкового шума, символом глупости. В китайском языке наименование курицы в составе паремий является символом простого народа, символом мелочи, безделицы, ничтожности, не заслуживающей внимания. Исследование указывает на необходимость дальнейшего изучения коннотаций, что во многом облегчит преподавание русского языка иностранным студентам.

Прецедентные псевдонимы как фрагмент русской языковой картины мира

Мухина Вероника Артемовна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — к. филол. наук, доц. Т. Н. Колосова

Имена собственные порой бывают более информативны, чем имена нарицательные. Присутствующая культурно-историческая информация делает слова данного типа «закрытыми» для людей других культур. Оно-магический материал позволяет работать с лингвокультурологической и прагматической информацией.

Подлинное значение искусственно образованных имен — псевдонимов — может быть понятно представителям только одного социума, для остальных без специальных объяснений и комментариев оно так и остается тайной. Псевдонимы являются примером безэквивалентной лексики: они непередадимы, их сложно семантизировать.

Материалом данного исследования являются данные словаря псевдонимов И. Ф. Масанова, а также энциклопедий, справочников и интернет-ресурсов. На основе анализа отобранных для исследования единиц была составлена классификация, опирающаяся на реальные модели образования русских фамилий, исходя из их семантики и морфологии. Псевдонимы

политических деятелей (69 лексических единиц) вошли в состав следующих групп:

- 1) псевдонимы, образованные от крестильных имен греческого, латинского, еврейского и арабского происхождения (27): наибольшее количество псевдонимов образовано от греческих имен (*Никитин, Мартынов, Арсеньев*);
- 2) псевдонимы, образованные от прозвищ (1): (*Суханов*);
- 3) псевдонимы-зоонимы (12): чаще всего для образования псевдонимов данной группы были использованы названия диких животных (10), реже — домашних (1). При этом названия хищных животных и птиц встречались чаще, реже — названия рыб (*Барсов, Орлов, Осетров*);
- 4) псевдонимы-топонимы (10): в данной группе чаще встречались слова от названий русских топонимов (5), реже — от названий зарубежных городов (4) (*Минский, Лившиц*);
- 5) псевдонимы-гидронимы (4): все единицы, входящие в данную группу, происходят от названий русских рек (*Ленин*);
- 6) псевдонимы-физионимы, то есть используемые для описания характера через времена года, явления природы, месяцев (4): в данной группе преобладают единицы, связанные с весной (2) (*Мартов, Майский, Зимин*);
- 7) псевдонимы-френонимы (5): авторы данных псевдонимов использовали звучные лексемы, чтобы у представителей русской лингвокультуры возникала соответствующая ассоциация (*Сталин, Саблина, Молотов*).

Задача преподавателя — объяснить на практических занятиях по русскому языку как иностранному мотивированность данных псевдонимов, показать важные с точки зрения культуры и истории символы, которые за ними стоят. Для этого необходимо дать лингвокультурологический комментарий, при составлении которого нужно опираться на целый ряд фактов, связанных с культурой и историей страны, что поможет иностранцу в изучении языка и формировании культурологической компетенции.

Концепт «поле» в русской языковой картине мира

Ботин Владимир Алексеевич

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, доц. С. В. Кириченко

Одной из функций любого национального языка является фиксация и хранение всего комплекса представлений и знаний того или иного языкового сообщества о мире, являющегося результатом накопленного коллективного опыта. В конце XX века выделилась особая научная дисциплина, исследующая связь языка и культуры, — лингвокультурология. В настоящее время пристальное внимание ученых сосредоточено на изучении концептосферы русского языка. Особо актуально это в связи с проблемами преподавания русского языка как иностранного, так как изучение языка невозможно без изучения культуры носителей данного языка.

В докладе представлены результаты исследования концепта «поле», являющегося одним из ключевых концептов, составляющих русскую язы-

ковую картину мира. Нами был проведен комплексный анализ концепта «поле», включающий в себя историко-этимологический анализ, анализ понятийной, образной и ценностной составляющих, а также анализ словообразовательной парадигмы. Источником материала выступил Национальный корпус русского языка. Также мы пользовались рядом толковых и этимологических словарей.

Этимологический анализ помог нам проследить этимологию лексемы *поле* и установить ее родство с лексемами других языков (латинского, польского, украинского, болгарского, литовского, шведского, албанского), имеющих схожую семантику, что говорит о его индоевропейских корнях.

Далее был проведен анализ понятийной составляющей концепта. Компонентный анализ позволил выявить 14 сем («безлесная равнина», «обрабатываемая под посев земля», «обширное природное пространство», «площадка, оборудованная для каких-либо действий», «фон, на который нанесено изображение», «пространство, на котором производятся действия», «носитель физических взаимодействий», «область деятельности», «чистая полоса вдоль края листа бумаги», «край шляпы», «работа в природных условиях», «охота», «судебный поединок», «месторождение полезного ископаемого»).

В ходе анализа образной составляющей были выделены некоторые сферы употребления переносных значений слова *поле*, частотная конструкция «поле + сущ. в род. пад.» и прилагательные, влияющие на формирование переносного значения.

Анализ ценностной составляющей показал, что поле воспринимается как нечто очень важное, как источник пропитания, а также символ Родины. Словосочетания *мои поля*, *родные поля* вызывают у русского человека теплые чувства.

Анализ словообразовательной парадигмы подтвердил значимость концепта для русского лингвокультурного сообщества: как отмечают исследователи, концепт заключен не в слове, но во внутренней форме слова. Корень «пол-» является достаточно продуктивным (42 единицы). Были проанализированы некоторые наиболее частотные лексемы.

Все вышесказанное указывает на важное место концепта «поле» в ряду ключевых для русской лингвокультуры концептов.

Специфические гезитации в русской речи китайцев: корреляции с характеристиками говорящего

Чэн Чэнь

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Н. В. Богданова-Бегларян

Настоящее исследование выполнено по методике формирования Сбалансированной аннотированной текстотеки в составе Звукового корпуса русского языка. Были записаны монологи 10 информантов-китайцев: описания изображения (сюжетного и несюжетного) и свободные рассказы о каникулах; всего 30 текстов, около полутора часов звучания. Все тексты были расшифрованы на основе слухового анализа и представлены в псев-

доорфографическом виде с расстановкой пауз разного типа, а также фиксации всех хезитационных и паралингвистических явлений.

В докладе представлен анализ корреляций между специфическими хезитациями в русской речи китайцев и такими характеристиками информантов, как гендер, уровень владения русским языком и психотип.

Специфическими хезитационными явлениями (ХЯ) анализ материала позволил признать следующие:

- 1) огласовка конечных согласных предлогов: *·он-н / пошёл / и подош... / (со вздохом) и подошла **кы-ы** // продавце;*
- 2) скандированное (с разбивкой на слоги) произнесение: *·он увидел что а на голове уже / а // **рас... рас-тут** н / новые волосы;*
- 3) разрыв слова: *·волосы / ста... **станется** ~~станется~~ длиннее и длиннее / наконец / е... ему **неб... о-обходимо** / отрезать-ть свои волосы каждый день.*

Установление зависимости появления данных ХЯ от характеристик говорящего полезно как в теоретическом отношении (описание устной спонтанной речи на неродном языке в аспекте социо- и психолингвистики), так и для практики преподавания русского языка китайским учащимся.

Рассмотрение градации имен прилагательных «большой/маленький» на занятиях в иностранной аудитории (на материале художественных произведений)

Асинская Анастасия Юрьевна

магистрант 1 курса, Тюменский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Э. О. Гаврикова

Лексика — обширный пласт языка. Чтобы быть активным участником речевой среды, иностранцу необходимо владеть умением различать градацию имен прилагательных. В лингвистике существует множество определений градации, которые включают указание на то, что признак, выражаемый ею усиливается/ослабляется к концу градационного ряда.

В первую очередь следует обсудить с иностранными студентами понятие «градация», а затем, путем выявления прилагательных из приведённых примеров, перейти и к градуальной семантике данной части речи.

Градация будет рассматриваться на примере слов *большой/маленький*, так как подобные прилагательные достаточно часто встречаются на всех уровнях владения русским языком. Прежде всего стоит обратить внимание на семантическую структуру градуальных слов, состоящую из многих мыслительных операций. Например, студенты приходят к тому, что прилагательное *большой* рассматривается как ‘значительный по размерам’ в предложении: *Кругом, в воде, все **большие** рыбы плавают, а он всех меньше...* В следующем предложении студенты определяют прилагательные как ‘значительный по величине, площади’: *Моя **маленькая** Москва при мне, а в **большую** Москву... дай, господи, хоть под старость вернуться.* Приводятся и другие варианты: ‘значительные по силе’, ‘обозначающие физиологический возраст’. Отдельно следует рассмотреть градуационный ряд прилага-

тельного *большой/маленький* на примере предложений и составить шкалу по возрастанию/убыванию признака. Так, зачитывается первое предложение: *Да еще умудрялась непрерывно встряхивать челкой, над которой огромной бабочкой торчал гранатовый бант*. Находим прилагательное, которое бы соответствовало слову *большой*. Выясняем, что градуальное слово *огромный*, в сравнении с прилагательным *большой*, включает семему 'очень большой'. В примерах встречаем прилагательное *громадный*, которое имеет семантику 'очень большой' и передает высокую степень проявления признака: *Ничего не понимая, я пошел за ним и, приблизившись к громадной корзине из-под белья, с любопытством заглянул в нее*. При составлении шкалы градации стоит воспользоваться дополнительным материалом, который поможет более точно семантизировать слово. Различные иллюстрации и предметы помогут прояснить градационный ряд.

По итогам занятия градуальная шкала состоит из прилагательных *огромный, громадный, громаднейший, величественный*, которые восходят к общему *большой*, и прилагательных *махонький, малюсенький, миниатюрный*, восходящих к общему *маленький*.

Таким образом, градуальные прилагательные служат для пополнения лексического запаса, развития интеллектуального и логического мышления иностранных студентов и отображают признаки, объективно принадлежащие лицу, предмету, действию и представляют собой мыслительно-речевое построение.

Формирование коммуникативной компетенции на уроках РКИ (на материале аудио- и письменных рекламных текстов)

Сычёва Надежда Анатольевна

магистрант 1 курса, Тюменский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. С. М. Белякова

Образовательный процесс для иностранных студентов может протекать со сложностями, возникающими из-за разнообразных трудностей в языковом отношении. Следовательно, без овладения коммуникативными компетенциями невозможен успешный процесс обучения и формирование настоящего профессионала, отвечающего требованиям современного рынка труда.

Коммуникативно-ориентированная методика обучения РКИ направлена на создание на занятиях всевозможных ситуаций, которые будут максимально приближены к реальным, естественным, а также на формирование у студентов как учебных, так и внеучебных навыков владения языком, что достигается обращением к аутентичным, реально встречающимся в окружающей обстановке, текстам и погружением в естественную языковую среду. Именно поэтому на занятиях РКИ много внимания уделяется устной разговорной речи и художественной литературе. Но стоит отметить, что при выходе за пределы учебной аудитории студенты встречаются с большим количеством разнообразных текстов, смысл которых им не всегда понятен. К таким текстам можно отнести аудио- и печатные рекламные

тексты, которые отражают все изменения, происходящие в русском языке, поэтому их использование при обучении РКИ мы считаем обоснованным.

Наиболее важным аспектом коммуникативного подхода можно назвать работу студентов в малых группах и в парах. Преподаватель на занятиях РКИ создает всевозможные ситуации, в которых учащиеся смогут использовать имеющиеся знания языка в реальном речевом общении. Такой вид работы дает студентам возможность преодолеть языковой барьер и научиться находить ошибки в своей речи и в речи своего собеседника, при этом самостоятельно исправляя их. При обсуждении самых разнообразных тем учащиеся могут проработать максимальное количество вариантов речевых конструкций для наиболее полного и понятного выражения мысли. Можно предложить разыграть ситуацию телефонного разговора агента, предлагающего услугу подключения скоростного интернета, и потенциального покупателя, при этом один из учеников играет роль звонящего, другой — отвечающего на звонок.

Не менее важным является аудирование как один из основных видов речевой деятельности. Именно аудирование оказывает огромное влияние на формирование у иностранцев навыков говорения, чтения и письма. Преподаватель может предложить студентам прослушать рекламную аудиозапись, а затем раздать печатный текст этой аудиозаписи с пропущенными в ней словами. Задача студентов — заполнить эти пропуски.

Подводя итог, еще раз подчеркнем, что рекламные аудио- и печатные тексты служат отличным материалом для обучения коммуникативному аспекту РКИ в силу использования наиболее часто употребляемых речевых конструкций и отражения изменений, происходящих в современном русском языке.

Аутентичный текст как учебный в аспекте преподавания РКИ

Сенчакова Ксения Эдуардовна

магистрант 1 курса, Тюменский государственный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, доц. Е. В. Тумакова

Проблема использования аутентичных текстов в методике преподавания русского языка как иностранного привлекает внимание современных исследователей, так как образовательная парадигма сейчас имеет компетентностную направленность. Иными словами, при обучении любым иностранным языкам должны формироваться не знания, умения и навыки, а прежде всего коммуникативные компетенции (способность решать коммуникативные задачи в реальных ситуациях общения). Основой формирования подобных компетенций является работа с художественным текстом, в частности аутентичным текстом (текстом, созданным носителем языка для носителей же языка). Обучение может и должно строиться с использованием на занятиях текстового материала.

На начальных этапах обучения языку зачастую используются учебные тексты, составленные искусственно и направленные на отработку определенных грамматических правил и речевых конструкций. По мере овладения

учащимися изучаемым языком все более привлекаются художественные тексты. Художественный текст отвечает всем общетекстовым дефинициям: он обладает структурно-смысловым единством, упорядоченной последовательностью единиц, его составляющих, законченностью, коммуникативной целенаправленностью. Аутентичные тексты отражают реальный характер социальной коммуникации, речевого общения, а значит лежат в основе коммуникативно-деятельностного подхода, который является наиболее эффективным при изучении русского языка как иностранного.

Для создания текста автор использует единицы языка и грамматические правила их соединения, но сам текст не является языковой единицей, так как в отличие от нее каждый раз заново создается, творится. Большинство современных ученых сходятся во мнении о том, что текст — это коммуникативная единица, единица речи/речевой деятельности. Следовательно, каждая языковая единица в художественном тексте расширяет свои границы, приобретает новые смыслы в каждом определенном контексте. Восприятие смыслового аспекта требует умения восстановить подразумеваемое, уяснить имплицитные смыслы. Текст в наиболее полном осмыслении характеризуется как «произведение речетворческого процесса, обладающее завершенностью, которая отражает целенаправленность этого процесса, состоящее из ряда сверхфразовых единств» (И. Р. Гальперин).

Таким образом, анализ различного рода аутентичных художественных текстов позволяет развивать все речевые компетенции и формирует у учащихся способность порождать собственные тексты-высказывания.

Функции частиц в ситуациях диалогического общения (на материале рассказов Е. Гришковца)

Яценко Анастасия Владимировна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, доц. И. М. Вознесенская

Доклад посвящен рассмотрению функций частиц в художественном тексте, в тех его фрагментах, где изображается диалог. Материал для наблюдений — рассказы Е. Гришковца.

Частицы как незначительная часть речи традиционно изучается в системно-языковом аспекте, однако семантика частиц в речевом аспекте, в составе высказываний и определенных ситуаций общения оставляет достаточно вопросов для исследования. Их решение значимо и в связи с преподаванием РКИ, потребностью научить иностранных студентов распознавать значения, привносимые в речь использованием тех или иных частиц в определенных ситуативных условиях.

Цель работы — выявить особенности функционирования частиц, используемых в диалогическом общении персонажей рассказов Е. Гришковца. В докладе обосновывается подход к исследованию частиц в общении, описываются наиболее часто встречающиеся контексты употребления частиц в репликах персонажей. Частицы (*ну, же, да* и др.) анализируются с точки зрения их семантики в составе определенных высказываний (напри-

мер: *Ну что ты так суетишься? Ты же знаешь, что... Да взять-то я возьму...*), в связи с чем выделяются особенности конситуации, влияющие на выбор частиц, описывается семантика, определяется роль частиц в формировании тональности диалога. Также в речи частицы выступают как маркер затекстовой информации, то есть отсылают к контекстам, которые отсутствуют в тексте, но подразумеваются говорящим. Другой функцией частиц, ярко проявленной в исследуемом материале, можно считать маркирование социальных отношений между участниками общения.

Описание функций частиц в диалогическом общении требует выявления представительных контекстов, которые рассматриваются с учетом разных аспектов — особенностями конситуации, социальными характеристиками коммуникантов, содержанием пресуппозиций и импликаций, отраженных в речи. В ходе работы были выявлены некоторые факторы, влияющие на выбор и употребление частиц в репликах персонажей, относящиеся как к характеру отношений между адресантом и адресатом, так и к информации, представленной в тексте имплицитно и актуализированной, в частности, посредством использования частиц.

Видовременные формы русского глагола в художественно-образной конкретизации на фоне французского языка

Загороднюк Антонина Алексеевна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. О. В. Хорохордина

Вид глагола в числе других грамматических категорий может выступать в качестве средства создания художественно-образной конкретизации.

В художественном тексте глаголы совершенного вида, как правило, обозначают последовательные, точечные события, порождая повествование и выполняя функцию сюжетоведения. Глаголы несовершенного вида чаще всего служат для передачи повторяющихся или продолжительных по времени действий и процессов, организуя описательные фрагменты текста.

Во французском языке, где категория вида отсутствует, для передачи русских видовых значений используются ограничительные (*Passé Simple/Passé Compose*) и неограничительные (*Imparfait*) времена для совершенного и несовершенного вида русских глаголов прошедшего времени соответственно, каждое из которых играет в тексте роли, аналогичные вышеназванным текстовым функциям глаголов СВ и НСВ.

В случаях, когда данное соответствие нарушается, можно говорить о недостаточности французских грамматических форм для передачи значения вида русского глагола и необходимости дополнения грамматического значения лексическими средствами во французском тексте. Иногда точный перевод русской видовременной формы невозможен в силу внутриязыковых причин французского языка, при этом в переводном тексте часть значения может утрачиваться или, наоборот, добавляться.

В результате анализа нерегулярных соответствий и случаев перевода с добавлением/утратой значения были сделаны следующие выводы.

1. Компонент «разобшенность действия с моментом речи» общефактического значения русского несовершенного вида во французском языке может быть передан только ограничительной временной формой глагола с обстоятельством времени, показывающим, что действие прекратилось недавно (*encore, jusqu'ici*). В русском языке момент окончания действия имплицитен.
2. В силу правила согласования времен, система французского языка может требовать употребления неограничительного времени, даже если в русском тексте оно соответствует совершенному виду, при этом французский глагол приобретает процессное значение. Такое явление возможно, если лексическое значение глагола предполагает компонент «процессность», не активизируемое совершенным видом.

Сравнение использования особенностей функционирования глаголов двух данных языков может быть применено для прогнозирования трудностей в употреблении видовременных форм русских глаголов носителями французского языка.

Особенности функционирования глаголов передачи объекта в русских волшебных сказках

Чэн Цзиньтао

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
 Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Т. Н. Колосова

В основе лингвистических исследований, выполненных в рамках вербоцентрического направления, лежит положение о ключевой роли глагола в семантико-синтаксической структуре предложения.

Глаголы лексико-семантической группы (ЛСГ) передачи объекта служат для выражения ситуации передачи объекта — широко распространенного типа взаимоотношений между субъектом и адресатом. Как и другие каузативные глаголы, глаголы передачи объекта могут «увязывать в общий узел аргументы различной семантики» (Н. Д. Арутюнова), то есть сочетаться как с именами конкретной (вещественной) семантики, так и с абстрактными именами существительными. Ср.: *дать полцарства — дать совет, подарить клубочек — подарить улыбку*.

В сказочных текстах, взятых из сборника «Народных русских сказок» под редакцией А. Н. Афанасьева (1873) употребляется 16 из 54 членов данной ЛСГ. Идею передачи выражают также глаголы других ЛСГ, имеющие в своей семантике семы субъекта, адресата и объекта (*разбрасывать деньги слугам, нести письмо царю*). Большинство членов ЛСГ реализует свои валентные связи по типовой модели сочетаемости: S1 — Vf — O4 — A3.

Наиболее распространенной является ситуация, участникам которой выступает какое-либо лицо или сказочный персонаж (*леший, чудовище, Баба Яга, дочь Бабы Яги* и др.), а в качестве объекта используется материальный предмет (*деньги, богатство, перо Жар-птицы* и др.). Наряду со сказочными персонажами встречаются и реальные (*царь, государь, сын, старик, охотник*). В качестве предиката чаще всего выступает базовый глагол *давать* и груп-

па лексем, наиболее близких к нему по характеру выражаемого действия (*платить, дарить, подать, отдать, выдать, раздать, наградить, продать, присылать, поставлять, сдавать, одарять, передавать.*). Наименее распространенной оказалась ситуация, в которой задействован нематериальный объект передачи. Например: *Как выйдет к тебе корабль, в то самое время отдай дубу трижды приказ, чтоб он затворился; да смотри не забудь!* (Иван Быкович).

Как следует из примеров, в сказочных текстах семантика глагольных актантов разнообразна: в качестве участников передачи могут выступать реальные лица, волшебные персонажи, животные, предметы и т. п., так как фантастика в сказках переплетается с реальностью.

Лексические средства выражения косвенного побуждения в рекламном тексте

Гун Тяньи

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Л. В. Сретенская

Сегодня все чаще в коммуникации прямые формы побуждения заменяются непрямыми. Они представляют собой высказывания, побудительная семантика которых может быть выведена путем анализа речевого контекста или ситуации в целом.

Задачи данной работы состоят в том, чтобы исследовать лексические средства, выражающие косвенное побуждение в рекламном тексте, обобщить разные лексические средства, используемые для выражения косвенного побуждения в рекламе.

Язык рекламы рассматривается как особый феномен, обладающий своими функционально-стилистическими особенностями. Лексические средства русского языка, косвенно выражающие побудительное значение в рекламе, многочисленны и разнообразны. В эту группу входят лексические единицы с положительной оценкой, с побудительным значением, а также нейтральная лексика, получающая в контексте позитивное значение. Исходя из этого, мы разделяем лексические средства выражения косвенного побуждения в рекламном тексте на 3 группы: 1) существительные, 2) глаголы, 3) прилагательные и наречия.

Самыми типичными существительными являются такие, в семантике которых заключена идея получения выгоды, бонуса, преимущества, положительного результата: *акция, подарок, доход, распродажа, победа, скидка, качество, порядок, гарантия, здоровье* и т. п.

Типичными для рекламного текста являются глаголы, имеющие значение возможности получения положительного результата, изменения в лучшую сторону, позитивного воздействия и преобразования, и нейтральные глаголы, получающие это значение в контексте. Самыми типичными из таких глаголов являются следующие: *помочь (помогать), способствовать, улучшить, воздействовать, усилить, стимулировать, увеличивать, увлажнять, смягчать, уменьшать* и т. п. Самыми типичными из перформативных

глаголов являются: *предлагать, советовать, рекомендовать, приглашать, приказывать, обещать, гарантировать, возражать, отказываться, запрещать* и т. п.

Самыми типичными прилагательными и наречиями являются: *настоящий, натуральный, уникальный, дешевый, удобный, качественный, эффективный, настоящий, здоровый, красивый, уникальный, природный, безопасный, мощный, специальный, простой, выгодный, надёжный; быстро, бесплатно, просто, удобно, надежно, выгодно* и т. п.

Проанализировав 209 рекламных текстов, отобранных методом сплошной выборки из газет «Аргументы и Факты» и «Комсомольская Правда» за период с января по июнь 2014 года, мы увидели, что в 43 (20,6 %) из них используются существительные для выражения побуждения, в 65 (31,1 %) из них используются прилагательные и наречия для выражения побуждения, в 36 (17,2 %) из них используются глаголы (*просить, умолять, предлагать, советовать, приказывать, взывать, требовать, заставлять* и др.), кроме того, в рекламных текстах могут использоваться вместе разные средства выражения побуждения.

Сопоставительный анализ речевого поведения инициаторов студенческого форума

Го Нань

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, ст. преп. Е. В. Косарева

Целью доклада является рассмотрение особенностей речевого поведения участников студенческого форума, являющихся инициаторами общения. Форум представляет собой особый жанр интернет-коммуникации, в котором важную роль играют участники общения.

Проведенное нами исследование позволило выявить специфику речевого поведения двух инициаторов студенческого форума (www.stydney.ru): молодого человека (Buddy) и девушки (Miss lonely).

Оба инициатора в ходе обсуждения той или иной темы прибегают к таким тактикам, как предложение темы, запрос информации, одобрение, поддержание контакта, согласие, несогласие, позволяющим им не только активно участвовать в обсуждении темы, но и контролировать процесс общения.

Указанные тактики реализуются инициаторами по-разному. Так, при реализации тактики предложения темы Buddy чаще всего прибегает к вопросу (*Ребята, кто-нибудь владеет другими языками кроме английского? в какой степени, где изучали и для чего?*), Miss lonely не только обращается к участникам форума с вопросом, но и дает объяснения, при необходимости описывает ситуацию (*Вы проводите встречи с одноклассниками? Я имею в виду не так втроем пиво попить, а попробовать собрать большую часть класса, в котором учились. Если еще не закончили школу, то как думаете: будете ли вы стараться регулярно встречаться с классом? Я понимаю, что многие закончили школу не так давно, но все же интересно. Просто если сразу запустить это дело, то можно больше и не встретиться*).

При обсуждении темы Buddy в отличие от Miss lonely чаще обращается к тактике несогласия, для реализации которой используются различные языковые средства, например: риторический вопрос (*да еще работа...какая здесь учеба?!*).

Итак, проведенный сопоставительный анализ особенностей речевого поведения участников студенческого форума позволяет представить общие и отличительные черты речевого поведения инициаторов студенческого форума.

Речевая тактика информативного представления

Аэрэй Елю

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, ст. преп. Е. В. Косарева

Тактика информативного представления является одной из важных речевых тактик, к которой прибегает ведущий в ходе деловой презентации, поскольку основной целью презентации является информирование аудитории.

Данная речевая тактика реализуется с помощью следующих приемов.

1. Описание — элементарное представление товара или услуги, базовая информация о товаре или услуге. Например: *Talk Fusion была создана в 2007 году в Соединенных Штатах. Компания вышла на рынок с новыми видеокommunikационными технологиями и стала одной из самых быстро растущих и уважаемых компаний в сфере прямых продаж.*
2. Изложение известных фактов. Обычно адресант берёт в качестве примеров общеизвестные компании или организации. Ведущий намеревается ознакомить слушающих, подбирая более понятные и знакомые им аналоги. Например: *Думаю, тебе прекрасно известно, что Facebook совершил революцию в социальных сетях, точно также и Talk Fusion совершает революцию в самом быстро растущем сегменте Интернета — видео.*
3. Объяснение — как инструкция к товару или услуге. Нужно отметить, что приём описания чаще передаёт информацию с примерами. Например: *Видеогазета. Новый инструмент, щас компания его инновационировала. Как работать? Смотрели Гарри Поттера, там была газета такая, и картинки там двигались. Ну там новости, новости. И этот инструмент, там, соответственно, новости, новости.*

При осуществлении данной тактики выбор приёмов оказывается случайным. Так, в неподготовленной аудитории говорящий прибегает к приёму описания, поскольку слушающие не знакомы с представленными товарами; в профессиональной аудитории говорящий чаще применяет приёмы изложения известных фактов и объяснения.

Таким образом, речевая тактика информативного представления имеет ряд особенностей, основными из которых являются выбор приемов и учет фактора адресата.

Речевое поведение ведущего свадебного торжества: коммуникативно-прагматический аспект

Васильева Валерия Александровна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Т. И. Попова

Доклад посвящен описанию речевого поведения ведущего свадебного торжества в двух аспектах: коммуникативном и прагматическом. Свадебное торжество рассматривается как сложное речевое событие, в котором тамада выступает в двух функциях: как организатор и как коммуникатор. Речевое поведение тамады анализируется в аспекте «стереотип и творчество». Ведущий свадебного торжества помимо социальной роли организатора и коммуникатора является языковой личностью, имеющей определенное воспитание, образование, мировоззрение и т. д.

В докладе проанализированы образцы современной устной речи тамады с точки зрения наличия в них элементов стереотипности и спонтанности, а также представлены определенные коммуникативные стратегии ведущего. Мы можем увидеть, каким образом за короткий промежуток времени ему удается организовать и соединить незнакомых людей в целостный речевой коллектив.

Новизна работы связана с тем, что до сегодняшнего дня изучалась речь радио- или телеведущих, однако о ведущих свадебного торжества на данный момент исследований практически нет. Теоретическая значимость исследования заключена в пробном описании неформального фатического группового общения ранее незнакомых друг с другом людей, принадлежащим двум группам (сторона жениха и сторона невесты), регулируемое ведущим. Выявляются факторы, определяющие успешность коммуникации между представителями данных групп: социальный статус, возраст, внешность, голос и др.

К вопросу о жанре романа М. Шишкина «Письмовник»

Лисова Олеся Олеговна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. О. В. Хорохордина

Целью данной работы является рассмотрение жанровых особенностей романа М. Шишкина «Письмовник» (2010). Существуют трудности в определении жанра данного произведения: исследователи говорят о нем как об эпистолярном романе, сам автор выносит иное жанровое определение в заглавие. Главное различие между письмовником и эпистолярным романом заключается в присутствии различных субъектов – комментатора или редактора (для эпистолярного романа) и составителя (для письмовника), имеющих разные функции. Задача комментатора / редактора – дать читателю сопутствующую информацию о тексте (когда найдена переписка, при каких обстоятельствах публикуется), функция составителя заключается в отборе писем, их организации в единое целое.

Присутствие того или иного субъекта определяет субъектную организацию произведения и меняет схему коммуникации между автором — текстом — читателем. Произведение М. Шишкина имеет жанровые особенности как эпистолярного романа (художественная форма, присутствует коммуникация между героями, организованная письмами), так и письмовника (наличие составителя, наделенного функциями автора).

Фигура составителя (повествователя) присутствует в письмах героев и выявляется путем анализа синтаксических особенностей текста. Оппозиция «односоставное — двусоставное предложение» и «личное — безличное предложение» помогает развести двух разных субъектов — повествователя (составителя) и автора писем.

Произведение «Письмовник» — полидиалогическая структура со сложной субъектной организацией, при которой стираются границы между различными субъектами: как между авторами писем и героями, о которых они рассказывают, так и между авторами писем и фигурой составителя (повествователя). В связи с этим необходимо найти прием, позволяющий отделять повествующих субъектов в тексте. Описание синтаксических особенностей романа — один из способов выявления межсубъектных переходов.

ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Березка как метафора в фильмах-сказках А. А. Роу

Кобелева Таисия Вячеславовна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. И. С. Веселова

Береза всегда воспринималась у восточных славян как особое дерево; так, согласно словарю «Славянские древности», береза являлась важным элементом календарной ритуальной обрядности, магических практик. В наше время существует множество случаев квазифольклорного использования образа березки. Если ввести в поисковой системе Google запрос «Березка», то среди ссылок упоминаний дерева не будет в числе первых: сначала мы видим ссылки на магазин купальников «Виктория Сикрет», затем на кафе «Березки», хостел, ансамбль «Березка», подростково-молодежный кружок, кинотеатр, магазин «Березка» из СССР, санаторий, водку, детский лагерь и прочее. При сопоставлении современного и традиционного использования образа и слова «березка» видны различия: постепенно произошел переход от использования образа конкретного дерева и его частей к ситуации, когда березкой можно назвать что угодно, и это слово активно используется в коммерческой и медийной сферах. Причины такой популярности можно объяснить общностью ассоциаций вызываемых этим словом в сознании русского человека. Предположительно по этой же причине образ березки используется и в кинематографе, но при этом происходит возврат к традиции: березка — дерево. В фильмах А. А. Роу общие панорамные планы природы всегда содержат березы. Так, в фильмах «Василиса Прекрасная», «Золотые рога», «Огонь, вода и медные трубы» присутствует множество планов с березами и березовыми рощами. Примечательно, что все эти кадры сняты общим планом и располагаются в начале фильма. Предположительно этот прием использован для того, чтобы с помощью стереотипных образов настроить восприятие зрителя на определенную волну. Так в сознании вызывается цепь ассоциаций, эстетическое восприятие образа происходит благодаря способности «к распознаванию содержащихся в нем символов», возникающей «в результате причастности к соответствующим культурным (религиозным, торговым, обрядовым и т. д.) практикам» (А. Корбут). При смене типа медиапрезентации меняется и роль березы: если в ритуале с большей вероятностью её можно отнести к атрибутам, хотя роль персонажа ей отчасти присуща (считалось, что она может стать источником несчастья, причиной смерти), то в фильме береза

является скорее только атрибутом, который включался в сценарий как образ, который найдет отклик в сознании большого количества людей, так как при виде березы срабатывают ассоциативные связи, выработанные долгой историей проживания в определенном месте — в ареале произрастания именно этого дерева; возникает чувство патриотизма, милое сердцу ощущение причастности, защиты, спокойствия.

Повести, рассказы и другие «романы»: «Вадимов» А. А. Бестужева-Марлинского и теория романа 20–30-х гг. XIX века

Полякова Анна Александровна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, доц. Е. Н. Григорьева

Доклад посвящен особенностям жанровой природы неоконченного романа А. А. Бестужева-Марлинского «Вадимов» (1833–1834). Изучение текста в этом аспекте сопряжено с целым рядом трудностей — хотя бы по той причине, что в рассматриваемый нами период не была сколько-нибудь определена даже родовая принадлежность романа. Но большее внимание мы попытаемся уделить тем двум проблемным уровням, которые возникают при попытке осветить жанровую природу «Вадимова». Один из них — это возникающее со- и противопоставление двух жанровых вариаций внутри корпуса текстов самого писателя. В этом случае выделяется ряд повестей и рассказов (например «Аммалат-Бек»), которые многочисленными восторженными поклонниками творчества писателя и порой он сам — не без доли иронии — называют «романами». Но по письмам Бестужева-Марлинского (например, к А. М. Андрееву) нам становится очевидна та разница, которая существует между «романами», жанровое определение которых связано с гендерными предпочтениями читателей первой трети XIX века, и романом, чья природа становится объектом теоретических споров 20–30-х годов. Здесь уместно обратиться ко второму проблемному уровню — попытке вписать «Вадимова» в контекст современной русской философской эстетики и тех споров, которые разворачиваются в конце 20-х — нач. 30-х годов внутри и вокруг журналов «Московский Вестник», «Телескоп» и «Московский телеграф». Композиционные особенности самого романа показывают, что, несмотря на то что Бестужев-Марлинский, друг и единомышленник братьев Н. и Кс. Полевых, выступает союзником «Московского телеграфа», ему оказались почти в равной степени близки идеи каждого из враждующих между собой лагерей. Кроме того, более важным оказывается тот факт, что текст Бестужева-Марлинского в каком-то смысле предвещает движение критической мысли и развитие теории романа 1840-х годов. Но, несмотря на это, целый ряд творческих принципов (например, намеренный отказ от комического), самостоятельно выработанных писателем и нашедших свое отражение в романе, воспрепятствовал завершению «Вадимова» — текста, безусловно, очень важного для Бестужева-Марлинского.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ТЕОРИЯ, ПОЭТИКА

Поэтика морали в баснях И. А. Крылова

Волкова Дарья Викторовна

студент 3 курса, Оренбургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. С. А. Матяш

Исследователи творчества И. А. Крылова (Ю. В. Стенник, И. З. Серман, В. П. Степанов) уделяют основное внимание идейно-тематическому анализу басенного рассказа, оставляя в стороне вопрос поэтики морали. Таким образом, басня как литературный жанр, несмотря на кажущуюся простоту, остается не до конца изученным вопросом в литературоведении. В предлагаемом докладе представлены результаты анализа 203 басен И. А. Крылова (по изданию: И. А. Крылов. Сочинения в двух томах. М., 1984). В качестве фона исследовано 69 басен И. И. Дмитриева (по изданию: И. И. Дмитриев. Полное собрание стихотворений. Л., 1967). В ходе работы басни были рассмотрены в следующих аспектах: 1) наличие морали в басне, 2) композиционное расположение морали, 3) способы связи морали и басенного рассказа, 4) объем морали, 5) особенности стихотворной формы, 6) тропы и фигуры в морали, 7) фразеология морали, 8) синтаксис басенной морали.

Итогом проведенного исследования являются следующие выводы: 1) мораль присутствует более чем в 60% всех рассмотренных басен; 2) мораль преимущественно располагается после басенного рассказа; 3) мораль может быть связана с основной частью с помощью рифмы, синтаксиса (в том числе входить в прямую речь персонажа басни), а также семантически, причем виды семантических связей весьма разнообразны; 4) объем морали колеблется от одной строки до 33, наиболее распространенна мораль из четырех строк; 5) в основном мораль написана вольным ямбом с колебанием стоп от 1 до 6, однако встречается мораль, написанная равностопным ямбом; 6) в морали используются эпитеты, сравнения и метафоры; 7) в морали могут быть использованы фразеологизмы, пословицы, народно-сказочные формулы; 8) в морали частотны обращения, она может представлять собой прямую речь персонажа басни.

Елизавета Кульман.

Переводы анакреонтической лирики и оригинальная поэзия

Винокуров Глеб Владимирович

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Ф. Н. Двинятин

Творчество поэтессы Елизаветы Кульман (1808–1825) сегодня известно, пожалуй, только специалистам, знакомым с русской поэзией первой половины XIX века, или заинтересованным читателям, встретившим это имя в той или иной статье, посвященной Кульман или упоминающей о ней вскользь. Однако много лет назад, во время скоротечного цветения её

таланта, ей пророчили великую славу, а чуть позже называли «русской Коринной». Творческое наследие поэтессы включает в себя изданные по-смертно стихи, переводы и сборник сказок (всё перечисленное — на русском, немецком, французском и итальянском языках). Немецкоязычные стихи Елизаветы Кульман, стараниями её учителя, Карла Гросгейнриха, были представлены И. В. Гёте, который, высоко оценив дарование юной поэтессы, пророчил ей большую известность. Жан Поль также с похвалой отозвался на стихи Кульман. Увы, судьба Елизаветы Кульман сложилась трагически. В 1825 году, после тяжелой и продолжительной болезни, она умерла в возрасте семнадцати лет. Лишь спустя почти десятилетие после смерти поэтессы, опять же усилиями К. Гросгейнриха, её сочинения впервые были изданы в России, а затем и за рубежом. Когда издание немецких стихов Кульман попало к Р. Шуману, вдохновлённый её творчеством и трагической судьбой, он создал вокальный цикл на её стихи. В работе мы пытаемся установить, что повлияло на формирование творческого облика поэтессы, её стиля (в частности, влияние античной литературы и занятий с её наставником, К. Гросгейнрихом), отмечая при этом и самобытные черты её поэзии. Мы стараемся дать оценку сохранившимся переводам анакреонтической поэзии, выполненным Кульман в возрасте двенадцати лет, в частности, используя метод подсчёта точности перевода, описанный М. Л. Гаспаровым. В связи с переводческой деятельностью поэтессы мы касаемся вопроса особенностей образования, полученного ею под руководством К. Гросгейнриха, и рассмотрим, как современники отзывались о методике преподавания, позволившей Кульман освоить за свою недолгую жизнь более десяти языков. Наконец, мы выделяем характерные особенности поэзии Кульман, её стилистическую связь с античной литературой, прослеживаем другие возможные влияния, не оставляя без внимания то особое межъязыковое пространство, в котором создавались стихотворения поэтессы, писавшей на нескольких языках одновременно.

Образ свободного человека в повести «Гробовщик» и маленькой трагедии «Пир во время чумы» А. С. Пушкина

Берсенева Виктория Александровна

магистрант 1 курса, Томский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. А. С. Янушкевич

Различные аспекты проблемы свободы волнуют Пушкина всю жизнь. От идеалов политической и гражданской свободы поэт со временем переходит к пониманию свободы в метафизическом смысле, то есть начинает утверждать её первичность по отношению к бытию. По Пушкину, человеческая свобода сопряжена с чувством ответственности и долга, а к подлинной духовной свободе ведет избавление от всех страхов и сопутствующего им состояния уныния. Свобода — это прежде всего возможность осуществления выбора. Проблема выбора обостряется в кризисный период жизни, связана с поиском смысла жизни на фоне состояния одиночества, безответной влюбленности или предчувствия смерти, что характерно не только

для пушкинских героев, но и для самого Пушкина, находящегося осенью 1830-го года в холерном карантине вдалеке от невесты и друзей. Проблема «бездны на краю» и выбора как определяющей дальнейшую жизнь данности придает ситуациям экзистенциальный подтекст, который легко прочитывается современным читателем. В этом отношении приобретают репрезентативный смысл «Повести Белкина» и «Маленькие трагедии».

Повесть «Гробовщик» отличается от других «Повестей Белкина» тем, что образ Прохорова показан в развитии. В первой части его тревожат непонятная грусть, угрюмость, раздражительность. Это последствия безответственного существования, когда исход той или иной ситуации отдается на волю слепому случаю, а не личному усилию. Процесс самопознания и осознанный выбор происходят во сне: пограничная ситуация способствует перемене мироощущения Прохорова.

Каждая «маленькая трагедия» — это история незаурядной личности. В трех драмах из четырех конфликт порожден и разрешается извне, и только в драме «Пир во время чумы» конфликт приобретает мирозидительный смысл.

В этой особенности видится важнейшая взаимосвязь с сюжетом повести «Гробовщик». Но если Прохоров только в финале начинает делать осознанные шаги, то Вальсингам делает их на протяжении всего действия. В отличие от Прохорова, о котором почти ничего не известно, Вальсингам раскрыт многосторонне. По нашему мнению, это делается для того, чтобы обосновать финальный выбор, который выявляется в диалоге со Священником. Служитель церкви предлагает счастливую иллюзию, очень похожую на заблуждения Прохорова, — представить умерших людей благостно существующими на небесах. Председатель защищает позицию человека свободной воли и мужественно отказывается от такой фантазии. В нравственном пробуждении Прохорова, позиции Вальсингама видится личная философия самого Пушкина. По всей вероятности, Пушкин спроецировал на своих персонажей личный опыт изжития страха, приведший сначала к созданию повести «Гробовщик», а затем к маленькой трагедии «Пир во время чумы».

Адаптация провинциального писателя-автодидакта в столичной литературной среде: рефлексия в раннем творчестве Г. Д. Гребенщикова

Толстоноженко Оксана Алексеевна

студент 4 курса, Сибирский федеральный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, доц. К. В. Анисимов

Изменения в структуре литературного процесса конца XIX — начала XX века в России были вызваны результатами реформ, последовавших за отменой крепостного права. После 1861 года размывание границ сословий актуализировало роль словесности как инструмента интеграции: в это время активно происходит продвижение в культурные слои писателей «из народа». Повышение уровня грамотности повлекло за собой значительное расширение читательской аудитории и возникновение потребности в де-

шёвой литературе. Постепенно в далёких от Москвы и Петербурга регионах появляются свои печатные органы. Это даёт провинциальным писателям-самоучкам площадку для самореализации и намечает пути выхода в «большую литературу».

В ходе работы на примере творческой судьбы Г. Д. Гребенщикова была выявлена типичная карьерная траектория писателя-автодидакта и определены стратегии его самопрезентации в социальном контексте и художественном дискурсе.

В ранних произведениях провинциальных писателей, как правило, отражены основные аспекты и этапы вхождения в столичную культурную среду: низкое происхождение, несистематическое образование или его отсутствие, скитания в поисках заработка, сотрудничество с провинциальными газетами, вхождение в местную интеллигенцию, поиски покровителя, который вводит молодого писателя в круг столичных литераторов. Провинциальное происхождение и недостаточное образование заставляют таких авторов создавать особый автоописательный миф, компенсирующий травму, связанную с оторванностью от столичной культуры. Это отражается как в имидже (городской костюм приходит на смену деревенскому), так и в творчестве: писатель проговаривает свои переживания через изображение деревенского человека в столице.

Так, Г. Д. Гребенщиков, родившийся в шахтёрском посёлке в Сибири и выучившийся грамоте у сапожника, уезжает в город и занимается репортёрской работой в ряде газет. Знакомство с Г. Н. Потаниным даёт ему возможность войти в круг сибирской интеллигенции. Через несколько лет Г. Д. Гребенщиков навещает в Ясной Поляне Л. Н. Толстого, от которого получает «благословение» на творчество, заводит переписку с М. Горьким. В 1912 году произведения Гребенщикова становятся известны столичному читателю, критика благосклонно встречает «сибирского самородка». Цикл путевых очерков «Письма к друзьям», повествующий о первой поездке автора в Петербург, сборник рассказов «В просторах Сибири», первый том эпопеи «Чураевы» репрезентируют рефлексии как опыт объяснений травмы и контроля над ее негативным воздействием на писательскую идентичность.

Образ убийцы в прозе А. П. Чехова

Власова Элина Викторовна

студент 5 курса, Воронежский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. С. А. Ларин

Цель доклада — исследовать образ убийцы в прозе А. П. Чехова и выявить, как меняется образ убийцы в творчестве писателя.

Произведений, в которых происходит убийство, — 13. Большинство из них (9) написано Чеховым в 1880-е годы. Лексема *убийца* появляется в 19 произведениях писателя. Написаны они в основном в 1880-е годы (18).

В большинстве этих текстов слово *убийца* употребляется в разговоре. Только в пяти произведениях убийство происходит и герой назван автором *убийцей*: «В суде», «Драма на охоте», «Верб», «Рассказ старшего садовника»,

«Заказ». Эти тексты можно выделить в отдельную группу. Ведь преступление в этих текстах всегда спланировано (орудие убийства припасено заранее). В остальных произведениях («Убийство», «Барыня», «В овраге», «Спать хочется», «Драма») убийство происходит «случайно». Оно созревает на почве конфликта, как правило семейного, или его подготавливает назревающее внутренне раздражение героя, которое заканчивается преступлением.

Большинство рассказов Чехова, объединённых мотивом убийства, написано до поездки на Сахалин (кроме рассказов «Убийство», «В овраге», «Рассказ старшего садовника»).

Замысел этих рассказов вынашивался Чеховым долго и, как считается, навеян именно сахалинскими впечатлениями. Писатель здесь уделяет больше внимания характеру и облику убийцы, описанию ситуации, в которой происходит убийство. И если в «досахалинском» творчестве писателя убийца ещё раскаивался в совершённом преступлении или к убийце приходила расплата в виде самоубийства, сумасшествия, смерти, то в «послесахалинском» творчестве писателя категория «преступление — расплата» отсутствует.

«Щепка» В. Я. Зазубрина: реконструкция и деконструкция тела

Соломонова Алина Алексеевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. А. Д. Степанов

Телесные метафоры, карнализация (термин М. Липовецкого) текста в целом — это не только один из ярких элементов «гротескного сознания» (термин Е. Р. Меньшиковой) и мышления писателей начала XX века, но и лаборатория поиска иных средств выразительности для новых тем и парадокс, соединяющий противоположности. Благодаря «отелеснению» абстрактных понятий стало возможно их онтологическое и диалектико-материалистическое осмысление. На примере репрезентации телесности мы пытаемся проследить общие культурные и сюжетные контексты для литературы 1920–1930-х гг., интертекстуальные связи «Щепки» с произведениями И. Бабеля, Л. Андреева, Е. Замятина, Б. Пильняка, А. Платонова и других. Особое внимание в докладе уделено феномену прорыва к трансцендентному через чрезмерное «отелеснение» художественного мира.

Падение Рима в повести Е. И. Замятина «Бич Божий» (1928–1935)

Ханукаева Раиса Ильинична

магистрант 2 курса,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. О. А. Лекманов

Тема «скифства» появилась в творчестве Е. И. Замятина еще до того, как писатель приступил к пьесе «Атилла» и незавершенному роману «Бич

Божий». Замятин примыкал к общественно-литературному движению «Скифы» и впервые обратился к «номадической» теме в 1918 году, в статье «Скифы ли?», где писатель критикует идеолога движения — Р. В. Иванова-Разумника. Статью можно считать срезом писательского представления о «скифстве»: помимо идеологической составляющей, здесь появляются и портретные черты Скифа в представлении Замятина.

1. Герои повести

- 1.1. Образ вырождающегося Рима проявляется благодаря двум противоположным типам героев: героям-пришельцам (Атилла, Приск, Ульд) и героям-римлянам (император Гонорий, Платидия, сенаторы, воины, местные жители). В повести существует и еще одно «противостояние»: «естественный человек» (Атилла) и носитель культурного сознания (Приск). Как видно из примеров, главные герои повести выступают и как антагонисты, и как героидвойники.
- 1.2. Анализируя «Бич Божий», исследователи часто указывают на зооморфные характеристики персонажей, однако упускают из вида легендарные (мифологические) сюжеты, связанные с теми или иными животными, появление которых у Замятина не случайно. В повести обыгрываются истории о роли волчицы в судьбе основателей Рима, а такжее гусях, которые спасли Вечный город.
- 1.3. В исследованиях замятинских текстов хорошо разобран образ Атиллы, указаны его «волчьи» и «бычьи» черты, однако мало внимания уделяется внешнему и внутреннему сходству этого персонажа с другими героями Замятина, в том числе и ранними (Колумб).
- 1.4. В докладе разбираются «звериные» характеристики других персонажей: Приск, Улд, Платидия, Гонорий и прочие. В повести упоминание о животных, соотносящихся с тем или иным персонажем, имеет не только современные коннотации, но и мифологический подтекст.

Важным для отражения глубины упадка Римской империи является описание города. И если люди по привычке занимаются теми же делами, которыми они занимались всегда, несмотря на ряд потрясений (известия о победах варваров), то город отражает их внутреннее состояние. Описание полуразрушенного города, в котором тем не менее живут люди (стараясь жить по-прежнему), усиливает мотив будущей катастрофы, здесь Замятин наследует традиции Брюсова.

Повесть начинается со слов: «Беспокойство было всюду в Европе, оно было в самом воздухе, им дышали». В «Биче Божьем» отражаются события страшного XX века: Первая мировая война и революция в России, а также будущая беда — Вторая мировая. В записных книжках писателя можно найти подтверждение тому, что Замятин знал о планах Гитлера, поэтому линия Атиллы приобретает двойственный характер: с одной стороны — буйная, дикая, но живая сила, с другой — кара, бич, катастрофа.

Идейно-художественная нагрузка портретных характеристик в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»

Нуждина Полина Александровна

студент 5 курса, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Г. М. Ребель

Цель исследования — осмысление портрета, идейно-художественной нагрузки портретных характеристик и соответствующего места героев в системе персонажей романа. Этой теме литературоведение касалось попутно и выборочно, специальным предметом рассмотрения она не становилась. Первостепенная задача, стоящая перед нами, — систематизация портретных характеристик и их носителей. В основу систематизации были положены следующие основания:

- 1) наличие или отсутствие портретной характеристики;
- 2) развернутость (многосоставность) или лаконизм (скупость) портретной характеристики;
- 3) цветное богатство или однотонность портретной характеристики;
- 4) наличие или отсутствие ключевой черты;
- 5) повторяемость — единичность портретной характеристики;
- 6) неизменность — изменяемость портретной характеристики.

На основании каждого из этих параметров мы сгруппировали романские портреты и, соответственно, их носителей. В свою очередь, принадлежность героя к той или иной группе на основании его портретной характеристики позволяет под новым углом зрения увидеть этого героя, понять его место и роль в романе.

В докладе мы останавливаемся на дифференциации героев по признаку изменчивости — неизменности их портретных характеристик. Этот критерий позволил нам вычленивать и объединять в одну группу героев, которые, на первый взгляд, выступают как антиподы. Это Воланд и члены его свиты, а также Маргарита и мастер. Портретные аттестации всех этих персонажей из раза в раз воспроизводятся в одних и тех же неизменных словесных формулах. По контрасту мы стремились обнаружить группу персонажей, чьи портретные характеристики даны в динамике, в развитии. На данном этапе исследования мы готовы назвать только одного героя, портрет которого соответствует этому критерию, — это Иван Бездомный. Такое распределение, в свою очередь, актуализирует вопрос о статусе и соотношении названных героев в сюжете романа, об их реальности и/или ирреальности, то есть принадлежности постороннему миру, где все меняется, развивается, или миру фантастическому, иллюзорному, населенному персонажами-масками, фантомами. Мы также уделяем внимание анализу цветописы портретов Булгакова, которая носит системно-аналитический характер, что позволяет соответственно сгруппировать героев, выделив в отдельную группу по отсутствию красного цвета нечистую силу и мастера, по наличию серого — московских обывателей, по сиреневой и синей окраске — жертв нечистой силы и т. д. Осуществленный нами анализ портретных характеристик с позиций цветовых решений и элементов костюма позволяет увидеть портретную зеркальность таких героев, как Иешуа и

Иуда, Каифа и Левий Матвей, Воланд и Маргарита. Наши наблюдения и предложенные варианты систематизации персонажей служат уточнению не только сложившихся представлений о персонажной системе романа, но и о романых смыслах в целом.

Пределы словесности в «Пустом сонете» Л. Аронсона

Хайрулин Тимур Павлович

магистрант 2 курса, Донецкий национальный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. А. А. Кораблев

Поэтическая практика «неподцензурной литературы» Ленинграда 1960—1970-х гг. развивалась в направлении создания альтернативных, оппозиционных «разрешенной» поэзии того времени форм высказывания. Многие поэты шли путевангардного эксперимента, преследуя, среди прочего, цель поместить свое творчество в контекст современного им западного искусства. Тем самым был совершён существенный сдвиг в структуре высказывания. Одним из результатов этих процессов следует считать возникновение визуальной поэзии. Среди авторов, работавших в этом жанре, особый интерес вызывает Л. Аронзон. Его тесная дружба с авангардным художником-абстракционистом Ев. Михновым-Войтенко оформилась в ряд произведений, расположенных на границе визуального и литературного. «Пустой сонет» эксплицирует проблематику соотношения визуального и вербального компонентов, которые в своем взаимодействии образуют новую конфигурацию смысла. Именно «пограничность» этого смысла артикулирует новую ситуацию в поэзии 1960-х гг. — ситуацию разрушения литературоцентризма. «Пустой сонет» представляет собой визуальную «пьесу», его внешнее оформление, как и непосредственное содержание, связано с темой зрения. Чтение превращается в процедуру наделения поэтического смысла четкими свойствами зримости, различимости. Интерпретация происходит на территории визуального. Но для того, чтобы увидеть произведение целиком, необходимо найти точку внутри произведения и тем самым иницировать, «запустить» в себе внутреннее зрение, распознающее объекты метафизического плана. В произведении такого типа выстраиваются конкретные коммуникативные цели — автор моделирует событие «видения», делая читателя не посторонним зрителем, а соучастником эстетического созерцания.

Функции автобиографического персонажа в романах М. Шишкина «Взятие Измаила» и «Венерин волос»

Пантюхина Алёна Игоревна

студент 5 курса, Томский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Т. Л. Рыбальченко

Романы М. Шишкина «Взятие Измаила» (1999) и «Венерин волос» (2005), по мнению критиков и литературоведов, существуют на стыке модернистской (С. Оробий, С. Лашова) и постмодернистской (Г. Нефагина, И. Скоро-

панова) эстетик. В центре исследований находятся как вопросы поэтики (наррации, хронотопа), так и идейная сторона произведений (текстотризм, тема детства). В романах «Взятие Измаила» и «Венерин волос», в отличие от других произведений писателя («Записки Ларионова», «Письмовник»), помимо вымышленных персонажей-нарраторов, присутствует ещё и автобиографический персонаж-нарратор, чья история имеет фиксированные совпадения с биографическим автором: женитьба на иностранке, эмиграция и т. д. Предлагается рассматривать автобиографизм не столько в аспекте претворения фактов эмпирической реальности в художественный текст или столкновения поэтики фикциональности и нефикциональности текста, сколько как проблему сюжетостроения. Задачи анализа: 1) выявить смысл истории автобиографического персонажа как особого элемента системы романских коллизий; 2) исследовать ситуацию наррации как способ самопознания автобиографического персонажа; 3) определить тип наррации от лица повествователя, близкого автору, и текстовой формы закрепления самопознания: поток сознания, создание текста в границах письменного жанра (эпистолярного, мемуарного или других); 4) указать на текстопорождающую функцию истории автобиографического персонажа-нарратора: собственные коллизии жизни побуждают обращаться к историям Других или чужие истории толкают к самопознанию. Опираясь на идеи трёхмерной романной структуры М. Бахтина, мы предлагаем интерпретировать связь зоны повествователя и зоны персонажа в их отношении к зоне автора-творца. В романе «Взятие Измаила» автобиографический персонаж оставляет за собой функцию субъекта повествования только в изложении собственной истории. Истории других, вымышленных им персонажей, отданы персонажу-нарратору (Александру Васильевичу — адвокату, взывающему к оправданию жизни). Но сюжет автобиографического персонажа является источником для историй других персонажей, и все эти истории концентрируются вокруг устойчивых мотивов и ситуаций в романе (рождение/болезнь/смерть ребёнка, смерть родителей, встреча/расставание, ситуации преступления/несчастья). Лирическое самовыражение героя завершает романную наррацию. В «Венерин волос» автобиографический герой соединяет все уровни романа, а сюжетобразующей становится коллизия письма как способа познания своего Я, Другого, реальности и культуры. Помимо функции самоидентификации, письмо является способом сохранения быстротечной реальности наравне с биологическим принципом связи (любовь, рождение). Текст в романе становится экзистенциальным способом преодоления дисгармонии жизни.

Феномен куклы в романе Д. Рубиной «Синдром Петрушки»

Пономарева Алена Сергеевна

студент 4 курса, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Л. Е. Герасимова

Антропоморфная природа куклы интересовала многих авторов в мировой литературе, в том числе и русской («Три толстяка» Ю. Олеши,

«Золотой ключик, или Приключения Буратино» А. Толстого). Роман Д. Рубиной «Синдром Петрушки» вписывается в эту традицию. В романе реализована тема гениальности человека, его страстной увлеченности определенным занятием. Кукла в романе обладает несколькими традиционными для литературы функциями: человек как механическая кукла, ребенок как кукла, кукла как нечто устрашающее и др. В романе эпохи постмодерна у куклы появляются некоторые новые функции, например функция формирования образа города как кукольного театра. Весь роман построен на символике кукольного театра. Главный герой и все, что вокруг него, сопоставляется с кукольным миром. Строится оппозиция живого и неживого, кукольного и человеческого. В «Синдроме Петрушки» ставится вопрос о возможности выхода героя из его мира. Все, кроме него, хотят покинуть этот кукольный мир и считают «безумной» его привязанность к куклам.

О типологии героя времени в прозе Захара Прилепина (от «Патологий» до «Обителя»)

Таранухина Людмила Сергеевна

студент 5 курса, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Л. В. Зимица

Захар Прилепин — яркий пример «писателя с биографией». Его произведения во многом автобиографичны: судьбой и чертами самого автора наделяются и герои его романов. Несомненное духовное родство героев знаковых произведений писателя позволяет говорить о «прилепинском» типе героя, которого одновременно можно рассматривать и как «героя времени», как «портрет» того поколения, к которому принадлежит и сам писатель. Но столь же правомерно говорить о том, что, создавая героя, всегда готового противостоять несправедливости мироустройства, наделенного нравственной неуспокоенностью, Прилепин следует и традиции классической русской литературы, явившей немало героев-бунтарей, «пришедших в мир, чтобы не соглашаться». Анализ знаковых романов Прилепина обнаруживает неизменное стремление писателя представлять своего героя в кризисных ситуациях, причем разного рода (локальная война, столкновение с органами правопорядка во время митинга, смерть близких, Соловки). Герои раскрываются не в будничной жизни, а именно тогда, когда оказываются так или иначе перед лицом смерти (своей или близких), обнаруживая и духовную силу, и нерешительность, но главное — неизменное стремление «тратить вещество жизни». Упоено «занимаясь революцией», любого рода противостоянием с несправедливостью, свою «брутальную нежность» они всегда готовы дарить близким людям. Прилепинские герои и сами «ищут бури»: это единственно соответствующее их характеру и мироощущению состояние жизни. Герои Прилепина в полной мере наделены той же нетерпимостью к несправедливости и готовностью противостоять ей действием, которое отличает жизненное поведение самого Прилепина. При всей непохожести друг на

друга герои исследованных произведений представляются выразителями разных граней по сути одного и того же характера. Вместе они представляют собой некий собирательный образ своеобразного «героя времени» — человека, ищущего в себе силы что-то менять в ужасающей его действительности, но не всегда способного это сделать. В большей или меньшей степени, в пределах собственной жизни или в масштабах целой страны — все зависит, как убеждает нас писатель, от мощи характера, от обстоятельств, от силы желания. Присутствие в современной литературе «прилепинского» героя времени заставляет нас остро ощущать трагизм времени — недавнего прошлого и дня сегодняшнего — и неустанно размышлять вместе с автором о необходимости деятельного участия в жизни Отечества.

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА: ИСТОРИЯ

Поиск в тексте цитат через определение закономерностей их отсутствия на примере «Слова о расслабленном» Кирилла Туровского

Арсланьян Михаил Эдуардович

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — к. филол. наук, доц. Ф. Н. Двинятин

На примере древнерусской литературы мы сталкиваемся с текстами, любой фрагмент которых может являться интертекстом. Определение статуса фрагмента текста (интертекст / не интертекст) часто является затруднительным в связи с тем, что многие тексты стилистически схожи с текстами, к которым отсылает интертекст. В связи с этим представляется целесообразным попытаться искать в тексте не только сами цитаты, но и закономерности в их отсутствии. Материалом доклада является «Слово о расслабленном» Кирилла Туровского. Цитаты из книг Ветхого и Нового завета, составляющие интертекстуальный план «Слова», можно разделить на три группы: относящиеся к пересказу притчи, относящиеся к авторской интерпретации притчи Кириллом и выполняющие функцию поэтического приема. Цитаты, составляющие первые две группы, либо маркированы автором, либо находятся в маркированной позиции; цитаты, составляющие третью группу, не маркированы и стилистически не выделяются из контекста, именно их выявление и представляет трудность. В тексте «Слова о расслабленном» наиболее часто встречается такой поэтический прием, как антитеза; наряду с ней, но значительно реже, используются синонимический ряд и анафора. Данные поэтические приемы не встречаются во фрагментах текста, в которых расположены цитаты, составляющие две первые группы из предложенной выше классификации. Цитаты первой группы располагаются в основном между вступлением и

диалогом расслабленного и Христа, а затем между диалогом и финальной похвалой; второй группы — в конце реплик расслабленного и Христа в их диалоге. Если поэтические приемы отсутствуют во фрагментах текста, состоящих из маркированных цитат, то немаркированные цитаты присутствуют в тех предложениях, в которых отсутствуют маркированные цитаты и поэтические приемы. Таким образом, «Слово о расслабленном» является примером текста, в котором поиск интертекста возможен через обнаружение закономерностей во фрагментах текста с отсутствием интертекста.

Библейские цитаты и их влияние на стиль Жития Стефана Пермского

Гильман Михаил Павлович

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — к. филол. наук, доц. Ф. Н. Двинягин

Проблеме использования библейских цитат древнерусскими авторами посвящена богатая научная литература. В отношении Жития Стефана Пермского преобладает мнение, согласно которому отбор библейского текста для цитирования производился без предварительного анализа, а расхождение, имеющиеся между Житием и Библией, объясняются ошибками Епифания Премудрого.

Между тем внимательное изучение источников (здесь это прежде всего Псалтырь) и сопоставление их с текстом самого Жития позволяют обнаружить несколько признаков, характерных для интертекстуальной техники Епифания Премудрого, которые косвенно свидетельствуют о тщательном отборе цитируемого материала, проделанном автором Жития.

Это тяготение к структурной организации цитат сказалось на всех аспектах поэтики. Так, на лексическом уровне была обнаружена склонность Епифания Премудрого к внедрению в скопления библейского текста словесных повторов: если несколько цитат из Библии (почти всегда это псалтырные стихи) идут в тексте Жития одна за другой, то сами эти цитаты отбираются и группируются таким образом, чтобы фрагменты, содержащие одно и то же слово, оказались соседними. Вместе с тем хорошо известно, что ориентация на лексические повторы характерна для поэтики далеко не всех псалмов. Следовательно, Епифаний Премудрый сознательно подобрал стихи, которые бы имели общую лексику, а затем группировал их.

Аналогичные наблюдения можно сделать и в других областях поэтики. Библейские цитаты, попадая в текст Жития, вовлекаются в искусственные звуковые повторы, подвергаются синтаксическим и грамматическим изменениям, корректируются и приводятся в смысловое соответствие с окружающим их контекстом. Все эти процессы, как уже было сказано, не могли проходить без сознательного стремления автора к вмешательству в библейский оригинал.

Основная гипотеза, которая предложена слушателям доклада, состоит в том, что Епифаний последовательно уничтожал стилистические швы на стыках между библейским текстом и своим «извитием словес».

Концепты «друг» и «брат» в сатирической и бытовой повести XVII в.

Пушина Дина Витальевна

студент 5 курса, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. М. М. Сидорова

Цель доклада — изучить значение концептов «друг» и «брат» в древнерусской литературе XVII в., определить, какой смысл вкладывался в них людьми той эпохи, понять, как это отразилось на развитии литературы, её образной и жанровой системе. Актуальность работы заключается в обращении через литературные тексты к ключевым понятиям жизни древнерусского человека, самобытности его характера, особенностям менталитета. Новизна работы связана как с теоретическим, так и с историко-культурным аспектами. В исследовании задействована новая для литературоведения категория «концепт», а обращение к понятиям «друг» и «брат» в памятниках древнерусской литературы прежде не входило в сферу исследования отечественных медиевистов. В качестве научной гипотезы мы предлагаем выдвинуть мысль о том, что концепт приобретает в древнерусской литературе XVII в. не только религиозное (как было в ранний период), но и мировоззренческое значение, причем мировоззрение по преимуществу прежде всего национальное. Другая составляющая научной гипотезы заключается в идее о зависимости семантики концептов «брат» и «друг» от жанра произведения. Объектом изучения стали: «Повесть о Ерше Ершовиче сыне Щетинникове», «Калязинская челобитная», «Повесть о Горе-Злочастии», «Повесть о Савве Грудцыне», «Повесть о Фроле Скобееве», «Повесть о Карпе Сутулове». Были использованы культурно-исторический, историко-функциональный и сравнительный методы исследования. В результате мы пришли к следующим выводам. Семантика концептов «брат» и «друг» во многом зависит от идеи, жанра произведения, времени, в которое было написано. В XVII в., в переломную эпоху для русского государства, происходит изменение, перестройка окружающего мира и, как следствие, изменение мировоззрения человека «бунташного» века. Концепт «друг» отделяется от концепта «брат» и действует уже как самостоятельная номинация, обозначающая новый значимый общественный институт. Однако нельзя сказать, что это означает отказ от концепта «брат», он отходит на второй план, теряя былую актуальность, но в целом остается все таким же значимым для древнерусского общества, занимая свое законное место в обозначении родовых отношений. Таким образом, литература XVII в. тяготеет к демократизации и индивидуализации концептов «брат» и «друг» с превалированием последнего в связи с актуализацией гуманистического и национального начала в сознании человека XVII в. — процесса, наблюдаемого практически во всех произведениях древнерусской литературы этого периода.

«Краткое руководство к красноречию» М. В. Ломоносова: проблема логической композиции

Новиков Александр Валерьевич

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. П. Е. Бухаркин

Внимание исследователей по отношению к «Краткому руководству ...» М. В. Ломоносова было сосредоточено главным образом на примерах, которые приводятся в трактате — оригинальных и переводных, — их источниках и особенностях. Вопрос о том, что представляет собой барочный риторический трактат как произведение, как текст своего рода, с присущими ему особенностями, до сих пор не исследовался в должной степени. Риторика Ломоносова в этом отношении представляет исключительный интерес, потому что она была написана не только теоретиком слова, но и поэтом. Ясное, логичное, на первый взгляд, изложение «Краткого руководства ...», последовательное деление на главы и разделы, обилие определенных и примеров — все это создает иллюзию стройности, последовательности, строгой иерархичности теоретических построений Ломоносова. Однако подробный анализ понятийной структуры и композиции первой части риторики «Изобретение» показал, что в основе ее лежит не один (иерархический), а несколько взаимодополняемых принципов, которые усложняют и теорию риторики, и ее выражение посредством слова. В связи с этим встает вопрос о границах риторики и о том, кому предназначался риторический трактат. Ломоносов создал не учебник красноречия с удачными примерами, а научный по внешней форме трактат, предстающий в своем внутреннем содержании и структуре философско-художественным описанием и отчасти объяснением принципов человеческого мышления и речевой деятельности. Риторическая теория, которая формируется и формулируется Ломоносовым в процессе создания трактата, уходит от последовательного и строго логического развертывания в сторону широкого разнообразия и вариативности понятий и их использования в словесном творчестве.

Первые русские переводы поэмы Д. Мильтона «Потерянный рай»

Цылина Анастасия Алексеевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. П. Е. Бухаркин

Джон Мильтон был первым английским поэтом, получившим известность и переведившимся в России. А. Д. Кантемир читал его произведения в итальянском переводе, а затем, овладев английским языком, в оригинале. В. К. Тредиаковский в трактате «Новый и краткий способ к сложению российских стихов» (1735) упомянул среди эпических поэм «Поэму о потере рая», а ее автора назвал в числе эпических поэтов «наиславнейших, которым надлежит подражать».

В XVIII веке было создано четыре перевода поэмы, все они были написаны в прозе. Первый русский перевод «Потерянного рая» был создан в 1745 г. на основании французского перевода Н.-Ф. Дюпре де Сен-Мора «Le paradis perdu» (1729) бароном А. Г. Строгановым (1698—1754) и озаглавлен «Погубленный рай». Издан он не был, однако был широко распространен в списках.

В 1777 году был издан первый перевод «Потерянного рая», написанный В. П. Петровым, который стал главным свидетельством интереса поэта к английской культуре. Эта книга представляет собой перевод первых трех песен «Потерянного рая» (всего в поэме Мильтона их двенадцать). И хотя, как отмечает Н. Д. Кочеткова, «перевод Петрова был довольно удачен и долго сохранял свое значение для знакомства русских читателей с поэмой Мильтона», книга более не переиздавалась. Стоит отметить, что перевод Петрова точнее перевода Строганова (что, по-видимому, связано с посредничеством французского текста). Петров переводит буквально каждое слово Мильтона, крайне редко меняет синтаксис. Главные изменения, вносимые переводчиком, связаны со стилем. В докладе рассматривается стиль текста: обилие старославянизмов и сложных слов.

Первый полный печатный перевод был создан Амвросием Серебренниковым. Он использовал французский перевод поэмы и рукописный перевод Строганова. Однако Серебренников несколько изменяет текст оригинала, в первую очередь это касается религиозных вопросов (Троица, брак Адама и Евы до изгнания из рая) и стиля: переводчик делает текст более сентименталистским (об этом свидетельствует обилие междометий и чувствительных эпитетов).

Последним переводом поэмы, созданном в XVIII веке, стала книга Ф. Загорского (1795). Переводчик использует подлинник, а не французский текст-посредник, однако во многом ориентируется на перевод Серебренникова, заимствуя оттуда достаточно развернутые отрывки и производя своеобразную редакторскую правку.

В докладе затронут целый ряд вопросов: переводческие концепции и взгляды на развитие жанра эпической поэмы на русской почве; литературная репутация Мильтона, религиозная проблематика: протестантизм и православие; черты барокко и сентиментализма; значение поэмы «Потерянный рай» в русской литературе.

Перевод «Басен нравоучительных» Д. И. Фонвизина: прозаическая басенная традиция

Копосова Татьяна Александровна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. П. Е. Бухаркин

Д. И. Фонвизин начал свою литературную деятельность как переводчик. «Басни нравоучительные с изъяснениями господина барона Гольберга» — первый появившийся в печати фонвизинский перевод, вышел в 1761 г. в Москве. В 1765 г. сборник вышел ещё раз уже в более полном виде (переведены 225 басен из 232), в 1787 г. сборник переиздали ещё раз.

Автор оригинального сборника — барон Людвиг Гольберг, знаменитый датский писатель норвежского происхождения. Несмотря на значительный успех своих комедий, делом своей жизни писатель считал в первую очередь историю и этику. Вопросам морали посвящены и изданные им в конце жизни басни (1751).

В разговоре о русских переводах произведений Гольберга невозможно обойти вопрос о языке. Сам Гольберг, являясь датским писателем и создателем датского литературного языка, писал свои произведения по-датски, но русские переводчики почти всегда пользовались немецким переводом и именно его переводили на русский язык. С немецкого перевел «Нравоучительные басни» и Фонвизин (немецкий перевод был выполнен И. А. Шайбе в 1751 году в Лейпциге).

При обращении к сборнику басен Фонвизина сразу же возникает вопрос о форме этого произведения. Русская басенная традиция представляется в первую очередь как стихотворная, сам жанр басни прежде всего связан в сознании со стихами. Но сборник Гольберга прозаический, именно к прозаической традиции относится и перевод Фонвизина. Вопрос о том, насколько закономерным является выбор Фонвизиним прозаической формы, приводит к проблеме существования прозаической басенной традиции в русской литературе. В некоторых работах об истории басни вообще не говорится о прозаических баснях, они почти никогда не включаются в антологии, например, в сборнике «Русская басня XVIII—XIX веков» серии «Библиотеки поэта» нет примеров прозаической басни, а во вступительной статье к нему Н. Л. Степанова вообще не говорится о существовании прозаической традиции. Конечно, нельзя сказать, что нет исследований, в которых идет речь о русской прозаической басне. Например, И. З. Серман в книге «Русский классицизм» в главах, посвященных басне, наряду с поэтической, говорит и о басне прозаической, выделяя эзоповскую и лафонтеновскую (то есть прозаическую и поэтическую) традиции, и даже называет оригинальные прозаические сборники басен, которые он противопоставляет сборникам Сумарокова и его последователей.

Представление о сосуществовании прозаической и поэтической басни в русской литературе бесспорно правильно, но все же описание истории развития жанра басни, как кажется, и сейчас не перестает быть проблемой. И в первую очередь это касается именно басни прозаической.

Вадим Новгородский в исторических сочинениях и литературных произведениях XVIII века: источники и известия

Юрин Павел Андреевич

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — к. филол. наук, доц. Н. А. Гуськов

1. Летописное сообщение Никоновской летописи о восстании новгородцев против Рюрика под предводительством Вадима. Возникновение различных трактовок рассматриваемого исторического события в трудах рус-

- ских историков второй половины XVIII века. Вадим Новгородский в «Древнейшей Российской истории» М. В. Ломоносова и в «Истории России» Ф. А. Эмина. Вадим-тираноборец и Вадим-злодей в трагедиях «Вадим Новгородский» Я. Б. Княжнина и «Рюрик» П. А. Плавильщикова.
2. Гипотеза о кровном родстве Рюрика и Вадима в «Истории Российской» В. Н. Татищева и в «Записках касательно российской истории» Екатерины II, дальнейшая трансплантация гипотезы в художественный текст Екатерины II.
  3. Вопрос о принятии Иоакимовской летописи в качестве достоверного исторического источника. Вадим Новгородский в Иоакимовской летописи. Poleмика И. Н. Болтина с М. М. Щербатовым по поводу Иоакимовской летописи. Новгородская тема в исторических книгах П.-Ш. Левака и Н.-Г. Леклера.

«Житие Ф. В. Ушакова» А. Н. Радищева: к вопросу о жанре

Кретова Евгения Дмитриевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. П. Е. Бухаркин

Несмотря на то что «Житие Ф. В. Ушакова» занимает важное место в творчестве А. Н. Радищева, оно до сих пор остаётся недостаточно полно изученным произведением. Попытки определить жанровую специфику «Жития» неоднократно предпринимались в различных исследованиях, но чаще всего ограничивались лишь краткими замечаниями без привлечения достаточной аргументации. Актуальность данной работы состоит в том, что в ней впервые осуществляется обзор всех точек зрения на проблему и приводится подкреплённый фактами вариант возможного помещения «Жития Ушакова» в подходящий жанровый контекст. В немногочисленных исследованиях, так или иначе касающихся данной проблемы, существуют точки зрения, что «Житие» должно рассматриваться как результат трансформации агиографического жанра, как воспитательный роман, биографическая или мемуарная повесть. Некоторые литературоведы обращают внимание на жанровую сложность произведения Радищева и совмещение в нём особенностей нескольких жанров. Цель доклада заключается в том, чтобы доказать причастность «Жития Ф. В. Ушакова» к традиции документальной литературы XVIII века. В задачи исследования входит приведение кратких характеристик направлений документальной литературы и сопоставление «Жития» с наиболее репрезентативными текстами. В исследовании отвергается версия о возможной непосредственной соотнесённости произведения Радищева с агиографической традицией древнерусской книжности. Выдвигаются предположения, что подходящим контекстом для «Жития Ушакова» оказывается биография — популярный среди русских читателей XVIII века литературный жанр. Приводятся аргументы за и против этого предположения, делаются необходимые оговорки. С другой стороны, в «Житии» обнаруживаются общие черты с мемуарными текстами, в особенности же с их фрагментами, описывающими близкого автору че-

ловека — так называемыми «портретами». Дается необходимая информация о мемуарной литературе XVIII века. В исследовании приводятся примеры произведений XVIII века, с которыми сопоставимо «Житие Ушакова», обнаруживаются и цитируются схожие и параллельные фрагменты текстов. В заключение делаются выводы о месте «Жития Ф. В. Ушакова» среди документальной литературы XVIII века, основной чертой которой является установка на достоверность изображаемых событий.

«Гусарские послания» Дениса Давыдова и жанр дружеского послания 1810-х годов

Халиуллин Карим Ришатович

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — д. филол. наук, проф. В. М. Маркович

В 1804 году, за 8 лет до стихотворения К. Н. Батюшкова «Мои Пенаты», в котором выкристаллизовался жанр дружеского послания, Давыдов пишет три «гусарских послания»: «Бурцову. Призывание на пунш», «Бурцову», «Гусарский пир». Уже в них Денис Давыдов использует большое количество структурных элементов, которые станут жанрообразующими для дружеского послания.

Время в «гусарском послании» циклично. Мотив анакреонтического пира здесь побеждает смерть. Интересно и то, что сам бой в давыдовских посланиях уподобляется пиру: «Пир иной нам Бог дает, / Пир задорней, удалее, / И шумней, и веселее...» («Бурцову»). Получается, что смерть побеждена не только в момент вечернего отдохновения от ратных дел, но и на самом поле брани. Местом в раннем давыдовском послании является палатка, шалаш в военном лагере. Данный локус противопоставлен всякому другому пространству вовне. Он характеризуется особенным бытом: «Все диваны — куль овса», «Вместо зеркала сияет / Ясной сабли полоса», «ташка с царским вензелем» вместо картин. Кроме того, «собутыльником» может стать только тот, кто разделяет незыблемые ценности этого мира: сам бивуак, чувство гусарского братства и бесстрашие, причем как на поле брани, так и против «пяти стаканов пуншевых».

Малый мир «гусарского послания» противостоит как большому миру России («Бурцову»), так и большому миру императорской армии, с характерной для нее муштрой и ночным сном.

Поэтика посланий Давыдова строится на контрасте, столкновении разностильных элементов без дополнительных мотивировок: «Ради бога, трубку дай!» («Гусарский пир»), и фамильярности в отношении к адресату: «Бурцов, ёра, забияка, / Собутыльник дорогой!» («Бурцову. Призывание на пунш»).

Проза жизни здесь поэтизируется и идеализируется, действительность переживается эстетически. Как и в дружеском послании 1810-х годов, у Давыдова в центре послания — «человек, отпавший от своей официальной оболочки» (В. А. Грехнев), индивидуализированный типаж, а не социальная маска.

Наличие данных и иных элементов «гусарского послания» позволяет предположить, что этот жанр повлиял на генезис дружеского послания поэтов «арзамасского братства».

Из комментариев к стихотворению «Фея» Е. А. Баратынского

Мартыненко Антонина Игоревна

студент 2 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Научный руководитель – к. филол. наук, ст. преп. А. С. Бодрова

Цель нашего доклада — прокомментировать стихотворение Баратынского «Фея» («Порою ласковую Фею...»; опубл. 1830) в контексте эволюции его поэтической системы, а с другой стороны — показать связь этой миниатюры с тенденциями в философской лирике рубежа 1820—1830-х гг.

Литературные источники и идейно-философские истоки лирики Баратынского 1828—1835 гг. изучены в значительно меньшей степени, чем их биографический контекст. Так, стихотворение «Фея» традиционно рассматривалось исследователями в связи с возможной адресацией А. Ф. Закревской и авторской датировкой 1824 г. (тогда как первая публикация относится только к 1830 г. и стихотворение могло быть написано в 1828—1829 гг.).

Косвенное подтверждение более поздней датировки дает мотивное сопоставление «Феи» с «философскими» стихотворениями Баратынского 1828—1835 гг., в которых важное место занимают мотивы пустого обольщения мечтой, разрушения иллюзии, неизбежности победы рационального и невозможности счастья («Чудный град порою сольется...», «К чему невольнику мечтания свободы?...» и мн. др.). Примечательно также, что этот мотивный комплекс в сочетании с образом феи встречается в лирике и публицистике конца 1820-х гг.: например, в стихотворениях «Две Феи» М. А. Дмитриева и «В Альбом» неизвестного автора (подпись: **), опубликованных в журнале «Московский вестник» в конце 1828 — начале 1829 гг., а также в одном из рассуждений о современной литературе в журнале «Вестник Европы» (1828. №21).

Хотя стихотворение Дмитриева уже попадало в поле зрения исследователей лирики Баратынского конца 1820-х гг. (см. статью И. Л. Альми «О творческой позиции Е. А. Баратынского конца двадцатых — первой половины тридцатых годов XIX века», 2002), с «Феей» оно напрямую не сопоставлялось. Между тем выявление этих сходных мотивов в лирике конца 1820-х гг. позволяет показать, на каком фоне могли прочитываться стихотворения Баратынского (и в том числе «Фея») современниками.

Таким образом, обратившись к ближайшему литературному контексту, мы стараемся указать на возможные интерпретации образа феи и темы разрушения иллюзии в лирике конца 1820-х гг. Подробно останавливаясь на стихотворениях Баратынского конца 1820-х — начала 1830-х гг., мы также указываем на важность этого периода как переходного в его лирике, наметив основные векторы эволюции в творческой системе поэта.

Онегинский тип героя: к вопросу о генезисе и эволюции

Бояркина Полина Викторовна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. М. Н. Виролайнен

Главный герой «Евгения Онегина» генетически связан с такими героями европейской литературы, как Чайльд-Гарольд Дж. Г. Байрона, Адольф Б. Констана, Рене Ф.-Р. Шатобриана, Мельмот Ч. Р. Метьюрина, Жан Сбогар Ш. Нодье. В исследовательской литературе онегинский тип героя принято характеризовать как байронический демонический тип. Между тем характер Онегина лишь с большой натяжкой может быть назван демоническим. Явной печатью демонизма действительно отмечены некоторые из героев, черты которых он наследует. Однако другие (Чайльд-Гарольд, Адольф, Рене) представляют иной тип — рефлексирующий и по преимуществу пассивный. Наследуя Пушкину, Лермонтов в «Демоне», а затем в «Герое нашего времени» заново соединил оба типа в одном персонаже, в котором более отчетливо, чем в пушкинском герое, проявились обе генетические линии: рефлексия и демонизм. Только после Лермонтова можно говорить о появлении в русской литературе байронического демонического типа. Через Печорина Онегину наследуют Николай Ставрогин в «Бесах» Ф. М. Достоевского, Николай Аблеухов в «Петербурге» Андрея Белого, Демон Вин в «Аде» В. В. Набокова (в последних двух случаях несомненно пародия на прототип). Эта линия преемственности так или иначе эксплицирована в литературоведении. Но есть и другая линия, которая восходит к «Евгению Онегину», минуя Лермонтова, а точнее — заимствуя у Лермонтова только рефлексию как составляющую характера героя. По этой линии «Онегину» прежде всего преемствуют некоторые герои И. С. Тургенева и И. А. Гончарова.

Феномен Италии в эпистолярном наследии Ф. М. Достоевского

Курган Марина Геннадьевна

магистрант 1 курса, Томский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. О. Б. Лебедева

Как известно, Достоевский выезжал за пределы России восемь раз и трижды он посетил Италию. Писатель признавался, что Европа была для него тем бесконечно притягательным краем, о котором он мечтал почти сорок лет, а в шестнадцать лет в «страну святых чудес» хотел даже бежать. С этим связывается неоднозначное отношение Достоевского к Италии: до непосредственного знакомства он был полон восхищения и надежд, после его наступило своего рода разочарование и даже скука. Думается, что именно для русского культурного сознания свойственно акцентировать внимание на неоднозначности и двойственности, которую таит образ Италии.

Исследование прежде всего ставит вопрос о специфичности восприятия Достоевским феномена Италии, который для него не был целостным и

распадался на отдельные аспекты, в совокупности своей составляющие особое видение Достоевского.

В качестве материала были выбраны письма как основные свидетельства частной жизни писателя, написанные во время пребывания за границей, а также небольшое количество писем, в которых есть упоминания об Италии. При этом особое внимание уделялось описанию Достоевским своего душевного состояния, рефлексии над творческим процессом, а также впечатлениям и оценкам, которые он давал Италии.

Был осуществлен анализ 25 писем Достоевского, написанных в период с 1862 по 1871 гг., в ходе которого было отмечено, что восприятие Италии Достоевским было специфически урбанистичным. В культурном аспекте первостепенное значение для него имели архитектура и живопись, но особенно Достоевского, по свидетельству Н. Н. Страхова, интересовали люди, их природа и характеры, которые писатель старался ухватить. Каждый итальянский город в какой-либо мере напоминает писателю Петербург, который он покинул в надежде на обретение спокойствия и в который жаждал вернуться, находясь в Италии. Так проявляет себя амбивалентное отношение Достоевского к Петербургу, которое писатель транслирует на города, которые посещает, формируя при этом системы противопоставлений, таких как Петербург и Турин, Петербург и Рим и самую явственную — Петербург и Флоренция. Думается, что основания данного противопоставления заложены в самой природе личности Достоевского, внутренне неопределенной, мечущейся, во многом дисгармоничной. Поэтому писатель воспринимал гармоничное, уходящее в вечность пространство Италии как чуждое себе. Обострение внутренней двойственности Достоевского приводит его к чудовищному «игорному запою», который писатель с трудом преодолевает.

Италия стала особым местом, проявившим яснее для Достоевского его душевные интенции. Через феномен Италии как объект описания в письмах Достоевского высвечивается в первую очередь субъект этого описания, то есть сам Достоевский, что представляется весьма значимым для осознания его творчества.

Категория комического и ранняя проза Н. В. Успенского в критике 1860-х годов

Петровских Мария Александровна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, ст. преп. К. Ю. Зубков

Исследования комического как эстетической категории берут свое начало в древнегреческой философии и, ввиду сложной природы изучаемого, продолжают и сейчас. Согласно одной из наиболее распространенных точек зрения, приведенной Жаном Полем Рихтером, комический эффект обеспечивается субъективным сознанием реципиента определенного произведения искусства. С данной позиции может быть рассмотрена ситуация, сложившаяся в критической мысли 60-х годов XIX века относительно творчества писателя-разночинца Н. В. Успенского.

Материалом исследования служат рассказы Успенского, написанные в начале его творческого пути, и посвященные им критические статьи. Оценка ранних рассказов Н. В. Успенского («Поросенок», «Деревенская газета», «Обоз» и др.) как комических была характерна для ряда критиков — современников писателя. В частности, с начала 60-х годов в обзорах литературы и отдельных статьях, посвященных данным рассказам, отмечался их меткий и незлобивый юмор (см., например, обзор литературы в газете «Санкт-Петербургские ведомости» за 1860 год). Успенский же представлен писателем, который умеет отметить комическое в «обычных явлениях»: краже поросенка, создания деревенской газеты и др. Однако к концу 60-х годов появляются статьи, в которых характер комического в раннем творчестве Успенского рассматривается как «комическое уродливое», скорее достойное слез, нежели смеха. Яркий пример подобной трактовки можно найти в статье П. Ткачева, опубликованной в журнале «Дело» в 1868 году. Существуют также единичные работы, в которых данный аспект отдельно не освещен, что выделяет такие статьи на фоне распространенности вышеуказанных оценок.

Подобное разнобразию трактовок требует объяснения, которое может быть дано с позиций рецептивной эстетики с учетом субъективного характера категории комического. В докладе рассмотрены различные трактовки данной эстетической категории в контексте критической мысли 60-х годов XIX века и приведены возможные причины, приведшие к появлению столь различных откликов на рассказы писателя.

«Рассудительность» и «чувствительность»: героини английской прозы 1-й половины XIX в. в зеркале Льва Толстого

Тупова Екатерина Владимировна

магистрант 2 курса,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Научный руководитель — к. филол. наук, проф. А. С. Немзер

В романе «Война и мир» (1863—1869) Л. Н. Толстой сложно соотносит поведение Наташи и Элен накануне и после Бородинского сражения с поведением Эмили и Бекки в осажденном Брюсселе из «Ярмарки тщеславия» (1847—1848) В. М. Теккерея. Мы считаем, что это соотнесение значимо для раскрытия характеров толстовских героинь и может служить поводом для дальнейшего размышлений об «английском следе» в «Войне и мире». Противопоставляя «наивность» Эмили и «благоразумие» Ребекки, автор «Ярмарки тщеславия» не ищет «идеального» женского типа. Напротив, Теккерей иронически обыгрывает предложенные актуальной английской словесностью решения (например, «благоразумная» и «самоотверженная» героиня из социально незащищенной прослойки общества), отказывая им в жизнеспособности. Наша гипотеза заключается в том, что Толстой учитывал риторичность «Ярмарки тщеславия» викторианской традиции, продумывая характер и биографию своей любимой героини — Наташи Ростовой. Возможно, «курагинская» история продолжает тему становления жен-

ского характера, проигнорированную Теккереем, но разными путями развивавшуюся в творчестве Дж. Остин, сестер Бронте, Ч. Диккенса и др. и подхваченную Толстым. Дилемма, которая волнует русского писателя со времени «Семейного счастья», отличается от вопросов, которые поднимали его предшественники, отсутствием социального содержания: внутреннюю эволюцию должна пережить героиня, в глазах общества имеющая устойчивую жизненную опору и наделенная необходимыми нравственными качествами для счастья и благополучия. Противоречие внешнего (институционального, социального, коллективного и даже семейного) и внутреннего (интимного, индивидуального) показано не как влияние «среды», а следствие вечных проблем «воли», «свободы» и «закона», с которым сталкивается сознающая себя личность.

Тургенев о Толстом: эпистолярные отзывы 1860—1861 годов

Фрицлер Лина Сергеевна

студент 4 курса, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Г. М. Ребель

Доклад является одним из этапов работы над темой «Тургенев о Толстом: личные взаимоотношения, идеологическая полемика и эстетические воззрения в эпистолярном отражении». Задачи исследования: сделать из писем И. С. Тургенева полную выборку фрагментов, посвященных Л. Н. Толстому; систематизировать отобранный материал хронологически и тематически; осмыслить идеологическое и эстетическое содержание личных высказываний Тургенева о Толстом. Предметом анализа в рамках доклада являются письма 1860—1861 годов, написанные накануне и во время конфликта, прервавшего личные отношения писателей на 17 лет. Статистический анализ показал, что только в четырех из двухсот писем Тургенева 1860 года есть упоминания о Толстом. Здесь высказано недовольство Толстым, который не перестает «чудить» и собирается забросить литературу; сожаление о невозможности «удовлетворить» Толстого своими новыми сочинениями; под показным равнодушием сквозит желание встретиться с братьями Толстыми в Париже. Двойственность — притяжение и отталкивание — характерна для отношения Тургенева к Толстому. В 1861 году Тургенев написал 146 писем, в 18 из них упоминается о Толстом, а четыре письма адресованы самому Толстому. До ссоры Тургенев размышляет о перемене в Толстом «к лучшему», выражает надежду, что тот «перестал бродить», что они с Толстым встретятся в России «хорошими приятелями» и останутся такими, «покуда бог продлит жизни». Содержание и интонация обращений к Толстому и упоминаний о Толстом в письмах Тургенева существенно изменяется после ссоры, которая произошла 27 мая 1861 года в Степановке, имении А. А. Фета, в присутствии последнего. В данном случае мы не можем ограничиться письмами Тургенева — для более точного понимания их содержания и более полного представления о случившемся мы обращаемся к воспоминаниям Фета, П. Анненкова и к письмам Толстого, в которых комментируется эта же ситуация. Несмотря на обилие

«бытовых» деталей в описании событий, которые содержатся во всех названных источниках, очевидно, что конфликт не был эмоционально-бытовым и не был случайностью, он обнажил принципиальные идеологические и эстетические разногласия. Позиция Тургенева в этом конфликте может быть интерпретирована следующим образом: чрезвычайно высоко оценивая художественный дар Толстого, Тургенев скептически воспринимал желание последнего найти исчерпывающее и однозначное философское обоснование человеческого бытия, его категоричность в оценках и, как казалось Тургеневу, небрежение собственным уникальным художественным даром. При этом Тургенев признает собственную вину в случившемся, даже в этой неприятной истории проявляется присущее ему стремление к объективности, которое является одним из важнейших качеств его творчества.

«Таинственные повести» Тургенева как модель маргинальной точки зрения литературы на человека

Агафонова Яна Ярославовна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. В. М. Маркович

Среди таинственных текстов И. С. Тургенева есть определенная группа, которая интересна прежде всего большим вниманием к собственно фантастическому элементу. Это повести, которые были выделены еще Л. В. Пумпянским: «Призраки» (1863), «Собака» (1866), «Сон» (1876) и «Рассказ отца Алексея» (1877), именно они и являются предметом рассмотрения в докладе.

«Таинственные повести» рассматриваются как ряд особых текстов, противостоящих магистральным тенденциям в литературной прозе. Это противостояние проявляется на разных уровнях через нарушение сформировавшихся в литературе приоритетов, что маркирует маргинальную инаковость этих текстов. В докладе идет речь преимущественно о маргинальном статусе «таинственных» текстов, проявленном на семантическом уровне тем и мотивов, но в перспективе этот статус может быть подтвержден и на уровне организации повествования, на уровне выстраиваемой коммуникации с читателем, а также на уровне критической рецепции.

Предлагается рассмотреть четыре центральные для «классической» линии литературы темы, в свете которых «таинственные повести» демонстрируют свою маргинальность. Две темы оказываются в «таинственном» типе тургеневского текста подавленными — это тема социального человека и тема любви. Другие две темы вынесены на передний план и организуют семантический центр повестей — это тема собственно «таинственного» и тема смерти. Особое внимание в исследовании уделено теме фантастического у Тургенева и его обращению к фантастической литературной традиции.

Обозначается перспектива, в которой автор «таинственных» повестей занимает позицию литературного маргинала. Возникает литература, которая принципиально не отвечает на сложившийся запрос общества и в которой изображение личности избегает социального аспекта и трагической

любовной проблематики. Стоит также отметить, что такой тип текста не только дает особую точку зрения на человека, но и представляет определенную модель отношения к миру. Это модель постоянного поиска некоего разрешения, постоянного вопрошания к действительности штудийного характера. Описанная модель воспроизводит не только маргинала в широком поле культуры в качестве главного героя, но и маргинальную точку зрения на мир. Основные аспекты такой модели восприятия представлены через особую интенциональность сознания героя, не детерминированную бытовой реальностью, и его повышенную чувствительность, эмоциональность. Тургенев разрабатывает определенную модель философско-эмпирического познания, превращая ее в достояние поля литературы.

Logos и mot в рассказе С. Д. Кржижановского «Якоби и якобы»

Васильева Варвара Дмитриевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Е. И. Ляпушкина

Для творчества С. Д. Кржижановского характерен мотив, представляющий элементы языка (буквы, слова, предложения) в качестве суверенных единиц. Определение природы такого мотива представляется важным не только для реконструкции художественной системы прозы автора, но и для понимания специфики его отношения к процессу творчества.

В рассказе «Якоби и якобы» (1918) переход слова «якобы» из области умозрительного «книжного» мира в область мира эмпирического оказывается мотивом, выполняющим сюжетобразующую функцию. Субъективация «якобы» в рассказе создает равенство человека и слова, сталкивая их точки зрения в качестве равноправных. Самоопределение «якобы» отражено в нескольких положениях, постулируемых в его речи. Во-первых, данный герой устанавливает равенство автора и слова, которое при этом оказывается со-творцом. Во-вторых, «якобы» уже как полноценный и самостоятельный герой, присваивая себе божественную демиургическую функцию истинного Logos'a, создает мир и определяет его судьбу. В-третьих, оно представляется единственным способом существования/осуществления мысли о мире, поиска истины. Аргументы «якобы», отрицающего бытие Божье и, соответственно, бытие вообще, сводятся к следующей логической цепочке суждений: если Бог есть слово, а за словами ничего не стоит, поскольку язык находится вне эмпирики, то и Бога нет. Рассказ Кржижановского в основе своей имеет довольно распространенный в мировой литературе сюжет об искушении человека нечистой силой. Однако герой Якоби выдерживает это испытание. То, что философ противопоставляет словам, оторвавшимся уже от божественного источника, позволяет ему не поддаться власти вербального не-бытия: молитва, обращенная к Богу, есть слово божественное, живое, постулирующее бытие адресата. И финальная позиция, как наиболее сильная в рассказе, представляет собой именно молитвенный жанр — «клятву Иакова».

В связи с вышеизложенным неминуемо встает вопрос о статусе словесного материала самого рассказа: живое это слово или мертвое, божественное или демоническое. В ответ на аргумент Якоби, защищающий молитву и апеллирующий к древнему корню «bhu» («молитва-рост-бог»), «якобы» предлагает свое слово — «Ἰνδαλμοί». С одной стороны, эта реплика может расцениваться как очередная словесная игра, с помощью которой утверждается не-бытие мира. Однако, с другой стороны, можно предположить, что речь здесь идет о языке художественной литературы, поскольку словом «Ἰνδαλμοί» («образы») называлась поэма Тимона из Флиунта, древнегреческого философа и поэта. Вероятно, по мысли автора, поэзия в общем смысле слова оказывается на пересечении двух полюсов, между «Logos» (сущее) и «mot» (призрачное).

Фабула и вымысел в романе Ю. К. Олеси «Зависть» (к постановке проблемы)

Кокорин Андрей Владимирович

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Н. А. Гуськов

При внимательном прочтении романа Ю. К. Олеси «Зависть» выявляется ряд несоответствий. В критических отзывах и рецензиях, а затем и в научных работах неоднократно обращалось внимание на уникальность стиля «короля метафор», на необычность и вместе с тем традиционность образов героев и многие другие аспекты, однако фабула романа исследователями до сих пор подробно не рассматривалась. Возможно, это объясняется тем, что сюжетное построение произведения таково, что фактические противоречия фабулы в тексте не маркированы, а логика повествования заставляет читательское восприятие фокусироваться на других аспектах.

В докладе ставится проблема анализа и необходимости объяснения многочисленных противоречий, выявляемых на уровне фабулы романа. Так, например, недоумение могут вызвать эпизоды, в которых даются намёки на возраст братьев Бабичевых. Если рассказчик Николай Кавалеров самостоятельно называет свой возраст («Мне двадцать семь лет»), а в письме к Андрею Бабичеву говорит: «Вы старше меня на тринадцать лет», то мы с уверенностью можем утверждать, что младшему брату Бабичеву сорок лет. Определить возраст Ивана Бабичева оказывается не так просто.

Из второй части романа нам известно, что «Бабичевых было три брата. Иван был второй». В этой же главе сам Иван рассказывает о своих опытах над мыльными пузырями в двенадцатилетнем возрасте, причём оказывается, что «в тот день над городом пролетел аэронавт Эрнест Витолло». Событие это произошло на родине Олеси, в Одессе, весной 1907 года. Простой подсчёт показывает, что Иван должен оказаться младшим братом в семье Бабичевых.

Описанный выше пример несоответствия обнаруживает своё объяснение в следующем абзаце: «Факты говорят за то, что в те времена, когда

Иван Бабичев был двенадцатилетним гимназистом, воздухоплавание не достигло ещё широкого развития, и вряд ли над провинциальным городом устраивались в те времена полёты». Далее остроумный рассказчик, стремясь оправдать своего героя, восклицает: «Но если это и выдумка — то что же! Выдумка — это возлюбленная разума». Помимо этого случая авторского комментирования в тексте излагаемых героем событий, в докладе рассматриваются и другие примеры, не имеющие комментария повествователя.

Таким образом, категория выдумки, вымысла оказывается тесно связанной с фабулой романа, так как именно она обуславливает встречающиеся в нём фактологические несоответствия. Результат анализа этих фабульных несоответствий, вызванных актами сотворения вымышленной реальности героями, в первую очередь двумя братьями — Иваном и Андреем Бабичевыми — и Николаем Кавалеровым, позволяет по-новому взглянуть на этих персонажей и роман в целом.

Плоть и механизм: об одной универсалии культуры начала XX века

Соломонова Алина Алексеевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — д. филол. наук, проф. А. Д. Степанов

На материале «Повести непогашенной луны» Б. А. Пильняка анализируется художественное осмысление культурной дихотомии «телесное» — «механическое». Рассматриваются проблемы «медикализации» текста и переключений повествователем регистров изображения телесности и предметного мира вообще. Анализируется феномен соединения правдоподобного и условного, взаимопроницаемости границ между правдоподобным и условным в повести. Внимание уделяется роли медицинской темы в поэтике «Повести непогашенной луны» и универсалиям категорий «телесное» — «механическое» в творчестве писателей начала XX века (Е. И. Замятин, В. Я. Зазубрин, Пантелеймон Романов и др.).

О границах текстологии: случай И. В. Бахтерева

Пахомова Александра Сергеевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — к. филол. наук, доц. Ю. М. Валиева

Наследие «последнего обэриута» И. В. Бахтерева не подвергалось ни систематическому изучению, ни детальному описанию. Вместе с тем творчество Бахтерева заслуживает пристального внимания уже потому, что соединяет в себе две традиции русского авангарда: поэтику группы ОБЭРИУ и визуальную поэзию круга журнала «Транспонанс». В центре нашего внимания — один эпизод творческой биографии поэта. В середине 1980-х гг. Бахтерев переписывает и дополняет стихотворение 1934 г. «Варвара» (название условно). Отличительной особенностью фиксации стихотворения

стало наличие большого числа рукописей, каждая из которых представляет собой самостоятельную реализацию данного текста. Бахтерев последовательно культивирует принцип вариативности: он не только создает большее количество рукописных копий этого стихотворения (в архиве поэта, до сих пор не разобранном, рукописей «Варвары» более 20), но и фиксирует несколько вариантов отдельной строки или слова, каждый из которых можно считать итоговым и равноправным наряду с другими. Сергей Сигей так писал про этот процесс: «не помню случая, чтобы поэт как-то пометил для себя только что совершенные изменения в тексте: матрица оставалась у него, а вы уносили с собой, может быть, тридцать пятый ее вариант» (Сигей С. Идите и останавливайте время // Новое литературное обозрение. 1997. №26. С. 241).

В итоге текст оказывается недоступен для линейного восприятия; он лишен инварианта (и, как следствие, основного или конечного текста, который был бы актуален в эдиционной практике); на первый план выдвигается не сам текст, а бесконечное число его реализаций. Случай «Варвары» ставит перед нами целый ряд проблем как текстологических, так и семиотических.

В докладе мы пытаемся поставить вопрос о текстологии авангардного текста: об изменении отношений между текстом и его материальным источником, о нерелевантности понятия «основной текст» и о потенциальных возможностях описания и изучения подобного рода прецедентов.

Исторический контекст англоязычных переводов в журнале «Иностранная литература» в 1976 году

Коротков Георгий Геннадьевич

магистрант 2 курса,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Е. Е. Земскова

В 1976 году отношения СССР с Западом были достаточно напряжёнными и оставались такими, несмотря на заключительный акт Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, подписанный в августе 1975 года. Представляется интересным проследить, как эти исторические реалии повлияли на переводы в журнале «Иностранная литература». Перед переводчиками стояла достаточно сложная задача — постараться воспроизвести американскую культурную самобытность, но не проявить явных симпатий к воспроизведённому идеологически чуждому миру. При этом нужно было отразить реалии недопустимого, чуждого социализму, капиталистического образа жизни. Особый стиль перевода закладывал основу для восприятия образа американца в пространстве русской художественной прозы. Даже самые нейтральные тексты идентифицировались читателем как «не наш», но «их» (западный, идеологически чуждый) нарратив. В статье «Проблемы перевода и переводоведения», А. Л. Бурак, например, отмечает, что язык перевода Р. Я. Райт-Ковалёвой «выделялся на фоне деревянного, одетого по форме и официально разрешенного языка текстов, наполненных идео-

логическим жаргоном и официозом». В контексте предельно сложных отношений с Америкой, в период, когда нельзя было показывать открытую симпатию к западному миру, переводчики конструируют особенный нарратив, не похожий ни на существующую советскую литературу, ни на оригинальные тексты. Они воспроизводят что-то, чего на самом деле не существовало в американской культуре. Но в то же время их тексты, ассоциирующиеся для советского читателя с американской мечтой, свободой, демократией и возможностью выбора, стали глотком свежего воздуха для советского читателя.

Художественный мир англоязычной поэзии Иосифа Бродского и особенности её перевода

Данилова Стефания Антоновна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный политехнический университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. В. Н. Варламова

Доклад посвящен анализу художественного мира англоязычной поэзии поэта-билингва Иосифа Бродского на примере сборника «Collected Poems In English», являющегося наиболее полным сводом сочинений поэта на английском языке. Начавшаяся 4 июня 1972 года эмиграция меняет и поэта, и его лирического героя. Вместе с «американским мифом» о Бродском растет англофонная личность поэта — Joseph Brodsky. Посмертный сборник «Collected Poems In English» канонизирует эту личность.

Сборник представляет собой том стихов Бродского, включающий его англоязычную лирику, автопереводы, а также одобренные им переводы в исполнении крупных поэтов — носителей языка. Цель исследования заключается в обрисовке ключевых локусов художественного мира англоязычной поэтики Бродского и необходимости осмысления данной части его творческого наследия. Основными задачами работы являются выявление характерных особенностей его англоязычной поэтики — как лексических, так и стилистических, а также анализ структурно-семантической трансформации текста в англоязычных стихотворениях и автопереводе.

Исследование лексической стороны англоязычной поэтики Бродского позволяет отметить следующее: велик процент автоцитирования и самоповторов, каждое новое употребление уже применявшегося слова не обедняет, а обогащает смысл сказанного, открывая второе и третье дно. Бродский умеет превращать своего лирического героя в кого угодно и во что угодно; это может быть и древнегреческий персонаж, и даже шкаф как элемент Пространства, с которым у автора особая вневременная связь.

Необходимо отметить, что англоязычная лирика Бродского повествует о внезапной, чужой и сложной эпохе его жизни, в которой он, несомненно, утвердился как одна из самых значимых литературных фигур того времени (и даже вне времени) и «заставил английский язык говорить по-русски»; однако родину поэту ничто не смогло заменить. Лексические и стилистические особенности приведенных в сборнике текстов облегчают понимание глубокой внутренней трагедии поэта.

Трансформация типа «маленького человека» в рассказе В. С. Маканина «Человек свиты»

Охримчук Мария Павловна

студент 3 курса, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Н. К. Данилова

Типичным героем В. С. Маканина является человек из среднего слоя общества, поведение и круг общения которого полностью соответствуют его положению в среде. Однако автору присуще «зрение, внимательное одновременно и к человеческой социальности, и к духовному зерну» (И. Роднянская). Осмысление экзистенциальных сторон бытия, всего того, что происходит с человеком, — глубокое, масштабное, с общечеловеческой позиции — составляет нерв прозы писателя. Маканин отличается аналитическим вниманием к «маленькому», «усреднённому» человеку, выявлению его жизненных ориентиров, поисками нравственных координат жизни. Рассказ «Человек свиты» (1982) вошёл в сборник «Река с быстрым течением». Идея произведения состоит в том, что автор хотел показать воскресение личности, «человека свиты». Ирония автора пронизывает всё произведение. К примеру, уже в названии звучит слово «свита». Знатной особой у Маканина выступает секретарь директора. Рядом с определением «свита» стоит слово «человек». Противопоставление свободной личности и обезличенного слуги делает конфликт произведения общественно-значимым. Проследим, как традиционный тип «маленького человека» воплощается в новом герое. Как и ранее, образ мельчает, однако если в литературе XIX века это заметно лишь на психологическом и моральном уровнях, то у Маканина такое измельчение происходит и на социальном. Однако Митя Родионцев отличается от своих прототипов тем, что сумел освободиться от навязанной ему социальной роли. Он ощутил себя человеком, «свободным от свиты». Внимание писателя одновременно и к социальному, и к духовному аспекту человеческого бытия создаёт «гуманное место» в рассказе. Раньше «маленький человек» полностью погружался в свой душевный мир, боялся сказать лишнее слово. Герои прошлой эпохи никогда не резонёрствуют, смиренно склоняются перед судьбой, принимают жизнь такой, какая она есть, несмотря на её трагичность. У Маканина герой приходит к моральному удовлетворению. Свобода кружит ему голову, и он снимает «оковы свиты» и чувствует себя по-настоящему счастливым. В рассказе писателя XX века «маленьким» героем делается не несправедливость общества, а недостаток самоуважения, приспособленчество и мелочность страстей.

История издания «Обитаемого острова» А. и Б. Стругацких: авторская, цензурная и редакторская стратегии

Задирко Екатерина Сергеевна

студент 3 курса, Российский государственный гуманитарный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Д. П. Бак

1. В докладе рассматривается история издания романа «Обитаемый остров» и связанные с ней текстологические проблемы, причину кото-

рых можно определить, обратившись к анализу стратегий поведения агентов литературного поля (по терминологии П. Бурдьё): авторов, редакторов и цензоров — в случае, когда художественное произведение переводится из неподцензурной сферы в подцензурную.

2. Роман существует в нескольких вариантах: публикация первой главы в журнале «Знание — сила» (1968) и сокращенная публикация в журнале «Нева» (1969), подцензурное издание «Детской литературы» (1971), восстановленное издание для собрания сочинений издательства «Текст» (1993). В предисловии к последнему Борис Стругацкий предлагает считать его «как бы каноническим». Однако при восстановлении произошел не возврат к неподцензурной рукописи, а создание новой редакции. Авторская стратегия учитывает вмешательство цензуры не только как контролирующей инстанции, но и как потенциального соавтора. В издании «Текста» были сохранены некоторые имена, названия, термины, заменившие первоначальные авторские варианты в издании «Детской литературы».
3. Доктрина партии о скором построении коммунизма накладывала особые цензурные требования на произведения научной фантастики: изображенное будущее должно было отвечать принятым представлениям об историческом развитии. Они определяли редакторскую работу, которая была направлена на введение исторической перспективы в художественный мир при отсутствии нежелательных аллюзий на современность. В цензурном варианте «Обитаемого острова» была сделана попытка, во-первых, создания образа коммунистической Земли по примеру т. н. «фантастики ближнего прицела», а во-вторых, — моделирования «дистиллированных» исторических явлений (в первую очередь, фашизма), опознаваемых с помощью эмблем (Гитлер, Освенцим и т. п.), но не связываемых с советской действительностью.

Изображение дома в романе Мариам Петросян «Дом, в котором»

Кириченко Владислав Владимирович

студент 3 курса, Государственная полярная академия

Научный руководитель — к. филол. наук, доц. А. А. Чевтаев

В связи с постмодернистскими тенденциями в современной русской литературе особенно актуальными для исследования кажутся категории пространства и времени, фигура повествователя, а также способ изображения персонажей. Изображение «Дома» в романе Мариам Петросян существует в двух ипостасях: 1) «Дом» как пространство; 2) «Дом» как персонаж. В первом случае перед нами пространство абстрактного типа с элементами фантастического и психологического, которое выполняет свойственные ему функции: сюжетную и функцию психологизма. В свою очередь параметры такого пространства сугубо общие, хотя есть слабые проявления метрических и топологических: дискретность является самым естественным свойством для любого пространства любого прозаического жанра,

поэтому оно не есть особенность, о которой необходимо говорить. Среди общих свойств на первом плане выступают: закрытость, близость, суженность; вторичны же: открытость, удаленность, расширенность. Во втором случае «Дом» в качестве персонажа романа полностью реализуется, при этом выполняя такие функции, как: 1) интегральная; 2) сюжетно-развивающая. Кроме того, Дом-персонаж характеризуется некоторой мистической и магической сущностью: он возвышается над остальными героями романа, становясь в процессе этого монодраматическим героем, то есть таким, вокруг и в зависимости от которого совершается всякое действие.

ИСТОРИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИТЕРАТУР

«Путешествие» как смыслообразующий центр романа Германа Мелвилла «Моби Дик, или Белый кит» и повести Джозефа Конрада «Сердце тьмы»

Красун Ирина Владимировна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Е. М. Апенко

Германа Мелвилла и Джозефа Конрада традиционно сопоставляют как писателей-маринистов. Однако сходство их произведений проявляется на фундаментальном уровне — на уровне представлений о человеке и универсуме. Несмотря на то что Конрада нельзя назвать сознательным преемником Мелвилла, мы можем найти общее в тематике и архитектонике их произведений.

Роман Мелвилла «Моби Дик» и повесть Конрада «Сердце тьмы» — произведения о многозначном «путешествии». В зарубежном литературоведении оба текста часто рассматривают как quest — путешествие героев к определённой цели через преодоление трудностей; к ним также обращаются и как к «романам воспитания» — Bildungsroman. Но выделяя тот или иной тип движения в произведениях, исследователи часто игнорируют целостность, которую они составляют. Ни одно из этих произведений не является «чистым» образчиком какого-либо жанра: их составляющие непрерывно смещаются, размывая жанровые границы. Но тема путешествия как смыслообразующее ядро удерживает составляющие при себе.

Оба текста заключены в некую рамку, в которой действуют герои (Измаил и Марлоу), отправляющиеся в путешествие с целью узнать мир. Как в «Моби Дике», так и в «Сердце тьмы» путешествие предстаёт предопределённым — роковым или напророченным, и возможность выбора не влияет на его ход. Этот приём универсализирует «путешествие», уводя его от частной жизни к абстракции. Оно проходит в непривычном для героев пространстве и сопряжено с тяжёлыми испытаниями. В обоих текстах энергию сюжетному движению даёт расцветающая мания — мономания Ахава и одержимость Марлоу. Однако в «Моби Дике» герой из начала книги,

Измаил, делегирует прохождение «квестовых» испытаний Ахаву. Измаил повествует читателям о событиях, которые уже произошли, как о тех, что могут произойти, превращая повествование в пророчество о будущем. Нельзя сказать, что герой в текущий момент «воспитывается» повествованием — он уже предстаёт перед читателем таким, какой он есть. Это читатель подвергается испытанию мыслями, которые электризуют текст. Кроме того, в «Моби Дике» герои не достигают своей цели, они гибнут. Подобные фатальные неудачи нехарактерны для квеста.

В «Сердце тьмы» Марлоу больше схож с типом героя «романа воспитания» и квеста: преодолев многочисленные препятствия, он достигает своей цели, при этом «пересматривая» себя — из «птички» в глазах других превращается в «Будду». Буддийская фигура не является пророческой: «путешествие» в повести Конрада не направлено вперёд. Временное пространство «Сердца тьмы», даже будучи крепко связанным с эпохой Конрада, — настоящая петля, по которой могут веками проходить сотни Марлоу. Можно сказать, что «Сердце тьмы» яснее, чем «Моби Дик», укладывается в рамки как квестового повествования, так и «романа воспитания», тем не менее существенно выходя за них.

Повесть Джека Лондона «Джон Ячменное Зерно» (1913) в контексте англо-американской трезвеннической литературы

Захарова Алина Петровна

студент 3 курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Научный руководитель — д. филол. наук, проф. О. Ю. Панова

Повесть Дж. Лондона «Джон Ячменное Зерно» (1913) может быть вписана в контекст англо-американской трезвеннической литературы, так как содержит в себе топику, сложившуюся внутри этой традиции. Однако произведение Лондона отличает ряд новаторских черт. Большое количество исследователей занимается классификацией трезвеннической литературы, изучением социологической стороны вопроса. Во многих из научных работ упоминается повесть Лондона, но ее нельзя назвать каноничным образцом этого жанра. Отдельных работ, посвященных разбору повести в данном контексте, нет; мной были использованы в том числе монографии Дж. Краули «Белая логика. Алкоголизм и гендер в американской модернистской литературе» (1997) и П. Яннела «Американская литература в контексте с 1865 по 1929» (2010). Пик литературной полемики в США, связанной с «Движением за трезвость», приходится на 1835—1860 гг., когда оформляется большинство жанровых форм литературы этого движения: публицистические статьи в периодических изданиях, драматические произведения — У. Смит «Пьяница» (1844), небольшие новеллы о вреде пьянства («cautionary novel») — Т. Артур «Десять ночей в баре» (1854), романы и рассказы литературного «ответвления» «Dark Temperance» — У. Уитмен «Франклин Эванс» (1842), Э. По «Черный кот» (1843), «Бочонок Амольтиньядо» (1846). Немаловажную роль в пропаганде играли также постеры и плакаты. Идеологическая основа борьбы за

трезвость сначала сформировалась в Америке, из-за этого в Англии не сложилось такой четкой системы жанров. Тема алкоголизма была сопутствующей в общем массиве популярной назидательной литературы. Тем не менее жанр «cautionary novel» присутствовал и здесь: повести Б. Эдвардса «Опыт Рейчел Нобел» (1884), А. Паул «Что происходит в моем приходе» (1872), Э. Вууд «Дом Денсберри» (1860).

Лондон пользуется идеями, уже известными в традиции трезвеннической пропаганды: основная причина излишнего употребления алкоголя — доступность; знакомство с ним ведет к смерти; он извращает мораль, толкает человека к преступлению.

В повести прослеживается связь и с литературной традицией, сам образ персонажа Джона Ячменное Зерно, один из главных в этой повести, был взят из одноименной баллады Роберта Бернса, аллегорически описывающей производство шотландского виски из ячменя. Новаторство повести заключается в модернизации механизма пропаганды: в духе времени Лондон отказывается от прямого дидактизма, заменяет традиционные отсылки к тексту Библии аргументацией, опирающейся на теорию Дарвина, психоанализ, и использует соответствующую лексику. Образ Джона Ячменное Зерно амбивалентен: в тексте повести присутствует не только осуждение, но и апологетика алкоголя, что было невозможно в традиционной трезвеннической литературе.

Эффекты деформации времени в рассказах «Случай на мосту через Совиный ручей» Амброза Бирса и «Снега Килиманджаро» Эрнеста Хемингуэя

Богдан Вера Владимировна

магистрант 1 курса, Кубанский государственный университет

Научный руководитель — д. филол. наук, проф. А. В. Татаринов

Рассказы «Случай на мосту через Совиный ручей» (1890) Амброза Бирса и «Снега Килиманджаро» (1936) Эрнеста Хемингуэя обнаруживают удивительную общность тем и композиции.

1. Протагонисты обоих рассказов, Пэйтон Факуэр и Гарри Смит, оказываются в экзистенциальной ситуации — на пороге смерти. Пэйтона Факуэра вот-вот повесят, а Гарри Смит — умрёт от гангрены. Близость смерти обостряет восприятие героев, перенося главный событийный ряд рассказов в область внутренних реакций и переживаний.
2. Подобный перенос вызывает деформацию, растяжение реального времени художественного произведения, которое сталкивается с субъективным временем героев. В «Случае на мосту...» в момент повешения Пэйтону Факуэру кажется, что он упал в воду, спасся от своих палачей и возвращается домой. Но по сюжету всё происходит в агонизирующем сознании героя в ту самую секунду, когда верёвка затягивается на его шее. Один миг вмещает больше событий, чем весь рассказ. Видение Факуэра (отчаянная попытка выжить любой ценой) противодействует решительному стремлению палачей убить его во что бы

то ни стало. Столкновение субъективного и реального времени художественного текста выявляет в рассказе А. Бирса абсурдность неизбежной смерти.

3. В рассказе «Снега Килиманджаро» эффект растянутости времени создают воспоминания Гарри Смита, сопровождающиеся философским осознанием пустоты прожитой жизни. Стремительность потока мыслей Гарри контрастирует с его статичной позой (из-за болезни он не может перемещаться), создавая смещение темпорального пласта — за один день Гарри фактически переживает и переоценивает всю свою жизнь. В «Снегах Килиманджаро» столкновение субъективного и реального времени не так заметно, как в рассказе «Случай на мосту ...», так как психологически глубоко мотивировано.
4. Объединяет рассказы и отсутствие «абсолютного» начала и конца. Оба рассказа начинаются как бы с середины. Начало восстанавливается ретроспективно: в рассказе Бирса — благодаря вмешательству повествователя во второй части текста, дополнительно оттягивающему момент смерти главного героя. В «Снегах Килиманджаро» ретроспективны воспоминания героя.
5. Оба рассказа заканчиваются приёмом «ложного продолжения»: в тот момент, когда герои кажутся спасёнными, они умирают. Бирс считается создателем этого приёма. Но если в рассказе Бирса финал выглядит неизбежно конечным, то в рассказе Хемингуэя самолёт, уносящий героя на вершину Килиманджаро, из средства конкретного физического спасения трансформируется в символ спасения метафизического. Очевидно, что Хемингуэй создавал свой рассказ под влиянием рассказа Бирса. Но переняв композиционную структуру Бирса, Хемингуэй значительно усложнил её, достигнув глубокого психологизма в описании предсмертных переживаний героя.

Амбивалентность поступка

в рассказе Э. М. Хемингуэя «Там, где чисто, светло»

Монхбат Инга

магистрант 1 курса, Кубанский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. М. П. Блинова

Исследование посвящено прочтению рассказа Э. М. Хемингуэя «Там, где чисто, светло» в контексте философии поступка.

Рассматривая текст сквозь призму философии поступка М. М. Бахтина, мы исследуем произведение во всей его целостности и полноте авторского замысла. Поступок в художественном произведении требует пристального внимания, ведь в нем кроется не просто рефлекторная деятельность или нравственно-дидактическая наполненность мысли — поступок выражает бытие героя.

Наша задача — с помощью подтекста выявить амбивалентную природу поступков героев произведения и показать стоящую за нею философию поступка автора.

Сюжет рассказа Хемингуэя бессобытиен, поступки героев внешне просты и предсказуемы: старик каждый вечер засиживается допоздна в кафе, официант помоложе всегда спешит домой к жене, официант постарше никуда не спешит. Однако перед нами не эпизод из жизни героев — это событие бытия (М. М. Бахтин), то есть само бытие. Время и место действия ограниченностью рамок органично углубляют целостность содержания. За счет лаконичности формы и фактографичности хронотопа смысл рассказа концентрируется в подтексте.

Перед нами три героя — три поступающих сознания: каждое действие, как и бездействие, дает характеристику персонажам. Глухой старик приходит в кафе, чтобы слиться с ясно чувствуемой тишиной и безграничностью человеческого одиночества. Молодой официант, гонимый телесными желаниями, спешит домой — спешит жить. Официант постарше задумывается и рассуждает, проникается болью старика; он осознает, что нужны только свет и чистота, а остальное — ничто.

Поступки очерчены Хемингуэем набросками к будущим действиям, уходящим в подтекст и затекстовое пространство. Решающим и определяющим эстетическое бытие героев должен стать поступок читателя: поверить в ничто (*nada de nada*) или открыть свой внутренний мир для героев, согреть и оплакать их несчастные отчаявшиеся души.

В центре повествования — последовательное осознание действительности официантом постарше. Герой читает молитву к «ничто», в котором нестрашно спрятаться, забыться, пока миром правит абсурдная суeta суeta. Погрузиться в бездействие-созерцание — буддистский поступок героя, приносящий отнюдь не нирвану, а лишь бессонницу и беспокойство.

Амбивалентность поступков в рассказе Хемингуэя реализуется в подтексте и контрасте деталей. Разница между реальным бездействием и внутренним беспрестанным поиском главного героя очевидна. Внешне поступки не меняют действительность, но в пространстве мысли и чувства, тональности настроения и равнодушного света ночи они организуют событие бытия. Амбивалентность поступков подчеркивает главный посыл-поступок автора: единство между миром и человеком разорвано, «ничто» не спасает, необходимы чистота и свет смысла, придающие бытию цельность и единство.

Автомобиль и новое пространство США:

Джон Стейнбек и Стивен Шор «в поисках Америки»

Каримова Элина Гаязовна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, доц. И. А. Делазари

Французский философ, неомарксист Анри Лефевр (1901—1991) одним из первых стал изучать пространство в рамках гуманитарных исследований и предложил теорию, в котором пространство выступает как продукт социальных отношений, воспроизводимый в процессе экономического и культурного функционирования общества. Согласно Лефевру, социальное

бытие, включая идеологию, политические структуры, распределение капитала и морально-этические ценности, объективируется в пространственных формах. Переход к каждой новой модели организации общества неизменно находит отражение в ландшафте. Взгляд на историю США подтверждает, что крупные социально-экономические перемены всегда сопровождались изменением практик организации пространства.

Так, вслед за автомобильной революцией Генри Форда в 1913 г. и открытием Главной улицы Америки — Шоссе 66 — строительство сети межштатных автомагистралей значительно повысило мобильность среднестатистического американца. Развитие внутреннего туризма сопровождалось активно растущим спросом на соответствующие услуги: обилие трейлер-парков, кемпингов, мотелей, закусочных и заправочных станций навсегда изменят ландшафт Америки. Придорожное пространство наводняется знаками, что свидетельствует о его все увеличивающейся коммодификации в условиях жесткой конкуренции. Со временем мелкий семейный бизнес уступает место франчайзингу, и с приходом эры брендов начинается тенденция к формализации и унификации пространства. В 1956 г. на рынке был представлен передвижной дом, который впоследствии станет одним из культурных явлений США. Именно на таком «доме на колесах», иронически названном Росинант, Джон Стейнбек в 1960 г. отправляется в путешествие «в поисках Америки». В путевых заметках эмпирический опыт осмысливается автором, и на первый план выходят вопросы последствий урбанизации, стирания региональных различий, извечного противоречия идеи дома, корней и идеала личной свободы, а также «конвейеризации человеческих душ». Фотографии Стивена Шора, сделанные во время аналогичного автомобильного путешествия по стране, запечатлели ландшафт Америки десятилетием позже. Они фиксируют еще более гомогенное, обезличенное пространство, ориентированное на автомобиль, а не на человека. Таким образом, знаковый для XX столетия феномен авто-мобильности явился частью сложного процесса формирования общества потребления, что, в свою очередь, проявилось не только в социальном конформизме, но и в институционализации, возрастающей анонимности и стандартизации пространства.

Концепция мира в романе Торнтон Уайлдера «Мартовские иды»

Черкасова Александра Владимировна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Е. М. Апенко

«Мартовские иды» — произведение, в котором американский писатель Торнтон Уайлдер наиболее глубоко и полно воплотил идеи экзистенциализма, что отмечалось как критиками (Р. У. Корриган, Р. Бербанк, М. Кюнер, Д. Кастроново, М. Кутсудаки, А. К. Никулина), так и самим автором, признавшим, что роман был написан «под знаком Киркегора». Это, как представляется, нашло соответствующее отражение в устройстве художественного мира «Мартовских ид».

Само заглавие романа, отсылающее к известному эпизоду из «Сравнительных жизнеописаний» Плутарха, указывает на итоговое событие произведения, ставшее кульминацией экзистенциального конфликта, созданию которого способствовал ряд намеренно допущенных писателем анахронизмов. Подобная концентрическим кругам временная организация романа позволяет досконально раскрыть каждый из аспектов экзистенциалистских рассуждений Цезаря. Хронотоп романа близок к универсальному, представляя Рим как декорацию и протомодель общества, а непоследовательность в изложении событий замедляет сюжетную динамику, работая на экзистенциалистскую проблематику. Абстрактная, невещественная природа художественного мира романа также согласуется с общей метафизической направленностью «Мартовских ид».

Роман был написан в 1948 г. Мировоззренческий кризис, испытанный писателем после войны, и обращение к Киркегору отразились в повествовательных структурах произведения, характеризующихся эффектом преднамеренного повествовательного хаоса, которому присущи децентрализация, фрагментация и неуловимость авторской позиции. Это позволяет считать «Мартовские иды» вопрошающим текстом (термин К. Белси), в котором отсутствует единый привилегированный повествователь и иерархичность, а читатель приглашается к активному осмыслению идеологического содержания произведения. Связующим центром фрагментированного повествования выступает образ Цезаря как авторская маска (термин К. Мамгрена), служащий проводником экзистенциалистских идей в романе и обеспечивающий необходимую литературную коммуникативную ситуацию. Способом повествования является диегезис, обусловленный эпистолярной формой романа, которая становится способом моделирования реальности. Авторская функция отбора материала передоверяется персонажам, что соответствует экзистенциалистскому принципу субъективности. Второстепенные персонажи, также являющиеся масками, оттеняют главный — это создает эффект отчуждения и согласуется со стратегией авторатристера «поиграть в игру» с читателем.

Миф в романе Р. Анайи «Тортуга»

Садыкова Анастасия Игоревна

студент 4 курса, Казанский (Приволжский) федеральный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. О. Б. Карасик

Латиноамериканский феномен культуры Америки всегда привлекал особое внимание ученых, так как является наиболее загадочным и по-настоящему национально-колоритным явлением. Мексикано-американская традиция в свою очередь — это наиболее старая субкультура в истории США, а ее литература (литература «чиканос») по праву считается одной из самых самобытных этнических литератур. При этом стоит отметить, что мифологическое начало каждого произведения несет особо важный характер и является неотъемлемой составляющей каждой истории. Мифологическое сознание героев характеризуется синкретичным объединением

объективных знаний о мире и различных религиозных верований, отсутствием причинно-следственных связей между предметами и явлениями и, как следствие, отсутствием рационалистического взгляда на мир. Открытие литературы чикано происходит в творчестве выдающегося писателя Р. Анайи, который в своей знаменитой «трилогии о людях Ацтлана» наиболее полно отразил картину жизни чиканос, их древние традиции, а также создал своеобразный архетип героя. Для автора именно мифы, сказания и древние верования, связанные с духовной прародиной мексикано-американцев, — это еще один способ самоидентификации, решение проблемы пограничности, которая является основной для чикано как для этнической группы, находящейся на стыке двух культур. Роман «Тортуга» — это логическое завершение трилогии, где раскрывается полная картина художественного мира Р. Анайи. Мифологический пласт романа является основополагающим и сюжетообразующим явлением в романе и в мексикано-американской литературе в целом. С его помощью автор отражает мировоззрение культуры чикано. Так, уже в основе самой культуры чиканос заложен миф об Ацтлане. Сами чиканос именуют себя «ацтекас дель норте» (*Aztecas del Norte*) — ацтеками с севера, ссылаясь на древнюю легенду, согласно которой их предки по материнской линии — ацтеки — вышли в этих местах, именуемых Ацтланом, на поверхность земли и уже отсюда, с севера, мигрировали на юг в Мексику. Мифологические линии переходят из одного романа в другой, которые в итоге образуют единую мифологическую историю. Можно утверждать, что миф — решение проблемы пограничья чикано в данном романе и в трилогии. Благодаря гармоничному сосуществованию мифа и реальности образуется совершенно новая, самобытная история, которая и отличает литературу чикано от всех остальных. С помощью мифа главный герой решает основную проблему произведения — вопрос самоидентификации.

«Зеленая поросль Америки» Ч. Райха как знаковый текст американской контркультуры

Семенихина Ксения Михайловна

студент 3 курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Научный руководитель — к. филол. наук, доц. О. Ю. Панова

Опубликованная в 1970 году работа профессора Йельского университета Чарльза Райха «Зеленая поросль Америки» может считаться знаковым текстом американской контркультуры. В 1940—1960-е годы в США наблюдается подъем интереса к социологии, причина тому — формирование общества потребления, растущая потребность в исследовании этого феномена. В сравнении с известными работами американских социологов этого периода («Одиночество в толпе» Д. Ризмена, «Эрос и цивилизация», «Одномерный человек» Г. Маркузе), предназначенных главным образом для специалистов, «Зеленая поросль Америки», ставшая бестселлером в год своей публикации, — классический пример научно-популярной литературы. Она предназначена не только академическим кругам, но и широкому

читателю, в первую очередь многочисленному среднему классу. Текст сочетает разные типы дискурса: научный, публицистический, пропагандистский, художественный. Для иллюстрации тезисов Райх прибегает к примерам из реальной жизни, обращается к художественной литературе (например, кризис в мировоззрении современного ему общества выражается в романах Джеймса Джонаса, Филипа Рота, фильмах Рауля Уолша).

В основе концепции книги — выделенные Райхом три основных типа сознания, бытующих в современной Америке: уходящее в прошлое индивидуалистическое сознание первых колонистов и пионеров, современное сознание «офисных тружеников» — «колесиков и винтиков» в машине государства-корпорации и новый, нарождающийся тип сознания, характерный для молодежной контркультуры. Носители этого сознания, за которым, по Райху, стоит будущее — бунтарская молодежь 1960-х, не принимавшая ценностей общества потребления, в частности студенты его семинаров, которые были участниками «университетской революции». Книга Райха, подводящая своеобразный итог «бурных шестидесятых» — не только акт рефлексии, но и феномен социальной практики. Райх стремится сподвигнуть своего читателя к действию, предлагает конкретный план отказа от современного общества с диктатом корпоративного государства и машинной техники и созидания общества альтернативного, основанного на противоположных ценностях. В этом плане по спасению человечества и его культуры присутствуют черты утопии; критика же корпоративного государства отчетливо воспроизводит топику антиутопии / дистопии. «Интеллектуальный бестселлер» Райха получил не только положительные отзывы и рецензии: книгу критиковали в прессе за наивность и отрыв от действительности, особенно по истечении некоторых лет, когда наступила пора подводить итоги и определить значение культурной революции (CBC News, The New Criterion). Сам автор «Зеленой поросли Америки» в автобиографии «Волшебник из Болинас Риф» (1976) дает оценку собственному «типу сознания» и признается, что работа над книгой преследовала и терапевтические цели.

Образ Америки в творчестве М. Каннингема (на примерах романов «Дом на краю света», «Плоть и кровь», «Избранные дни»)

Фельзингер Любовь Валерьевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — к. филол. наук, доц. А. А. Аствацатуров

В прозе современного американского писателя М. Каннингема (род. 1952) Соединенные Штаты Америки всегда выполняют роль некоего отправного пункта как на пространственном, так и на временном уровне. Играя разными жанрами (семейным романом, детективом, триллером и постапокалиптической фантастикой), Каннингем раскрывает важнейшие аспекты американской идентичности и особенности культуры, такие как мультикультурализм, стремление к стиранию гендерного и национального вопросов. В изображении пространства писателем ярко проведена граница между центром

и периферией (как, например, в романе «Дом на краю света», где провинциальный Кливленд оказывается подобием «конца света»), когда изобилие и живость мегаполиса контрастирует с неким замиранием, затуханием жизни в провинции. Америка, в интерпретации писателя, полна пустот — как между центром и периферией, так и внутри отдельно взятого целого. Пустота становится одним из главных мотивов не только в изображении пространства, но и в изображении характеров и философии главных персонажей. Каннингем признает свою преемственность с Уолтом Уитменом, чьи образы, сначала штрихами намеченные, становятся одними из ключевых, а сам Уолт Уитмен становится персонажем и композиционно связующим звеном в романе «Избранные дни». Его идеи о единстве и равенстве человека и природы, о вечном цикле жизни и об Америке как о лоскутном одеяле — одни из ключевых для прозы Майкла Каннингема.

Музыка в романе Томаса Пинчона «Винляндия»

Токарев Клим Андреевич

студент 4 курса, Сибирский федеральный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, доц. С. А. Андреева

Роман Томаса Пинчона «Винляндия» в данном исследовании рассматривается в контексте мировой литературы XX века, а также в свете проблемы музыкального искусства в художественной литературе, чем и обусловлена актуальность темы. Проблематика работы — музыкальный контекст романа и его роль. Цель — определить, как аллюзии к композициям и музыка как культурный феномен соотносятся с магистральными темами и мотивами в романе.

В ходе исследования были получены следующие результаты.

1. Рок-музыка в романе связывается с контркультурой и, соответственно, противостоит репрессивному аппарату государства. Основной фокус при этом направлен на эпоху расцвета рок-музыки — 1960-е годы (в то же время рок-музыка не теряет свою оппозиционную направленность во время действия романа — в 1984 году).
2. Рок-музыка имеет потенциал для создания альтернативной, свободной Америки, однако не реализует его ввиду своей зыбкой основы — наивных и склонных к измене представителей оппозиции.
3. Рок-музыка как феномен может также стать инструментом репрессивного государственного аппарата: как и телевидение, она может заполнить коммуникативное пространство излишней информацией и тем самым создавать препятствия тенденции к единению людей.
4. Музыка жанра New Age в контексте романа оказывается инструментом десакрализации духовной практики дзен-буддизма в Америке.

Таким образом, в романе «Винляндия» музыка оказывается одним из элементов одновременно репрессивного аппарата и оппозиционного движения, так как, несмотря на связь рок-музыки и контркультуры, в этом виде искусства есть те свойства, которые могут использоваться в интересах власти.

Тема религии в романе Ч. Паланика «Удушье»

Мифтахова Регина Данисовна

студент 4 курса, Казанский (Приволжский) федеральный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. В. Б. Шамина

Роман «Удушье» был опубликован в 2001 году и является четвертым произведением Чака Паланика. Разыгрывая приступы удушья в ресторанах по всему городу и позволяя людям спасать себя, Виктор Манчини одновременно предоставляет им возможность ощутить свою значимость, свою силу и, возможно, почувствовать себя богами, а те в благодарность присылают ему открытки и деньги. Все денежные средства, полученные от подобных инсценировок, идут на лечение больной матери героя, превращая и самого рассказчика в Спасителя. Помощь матери, другу, умалишенным в их безумствах и другим людям в ресторанах в становлении их личности являются не чем иным, как неосознанными попытками героя быть Богом. Своеобразная зависимость Виктора быть нужным становится идеей фикс и постепенно перетекает в фанатизм. А идея, что он является сыном Иисуса Христа, и вовсе переворачивает его мир с ног на голову.

Поведение героя согласно собственным представлениям о действиях Бога, его жизнь согласно ответу на вопрос: «Чего бы Иисус никогда не сделал?», а также аллюзии к Библии и ассоциации с ней раскрывают тему религии в романе. Она находит отражение в сюжетном, ассоциативном и философском планах произведения. Сливаясь воедино в конце романа, они выявляют авторский замысел.

«Эмилия Галотти» Г. Э. Лессинга.

Античные реминисценции в именах персонажей

Савинова Юлиана Николаевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научные руководители – д. филол. наук, проф. В. С. Дуров,
к. филол. наук, доц. Ю. В. Каминская

Пьеса «Эмилия Галотти» Готхольда Эфраима Лессинга пронизана античными реминисценциями. Лессинг не только взял за основу сюжет из древнеримской истории, но и обращался к сочинениям античных авторов при создании образов главных героев, при выборе имен действующих лиц. Античным реминисценциям в именах персонажей пьесы «Эмилия Галотти» и посвящен доклад.

Имя главной героини (Emilia Galotti) отсылает читателя к мифу о морской нимфе Галатее, чей возлюбленный был убит циклопом Полифемом. Также оно заставляет вспомнить о древнеримском роде Эмилиев. Имена матери (Claudia Galotti) и жениха Эмилии (Graf Appiani) вместе составляют сочетание *Аппий Клавдий* (Appius Claudius). Так звали патриция, виновного в гибели плебейки Вергинии. Сюжет о смерти этой девушки, описанный в труде Тита Ливия «Ab urbe condita», Лессинг положил в основу пьесы.

Правитель Гвасталы (Hettore Gonzaga) носит имя одного из самых известных героев древности. В «Илиаде» Гомер изображает Гектора как не-

жного супруга и справедливого правителя. За выбором подобного имени для слабовольного сладострастника прослеживается ирония автора.

Одной из самых интересных находок стала этимология имени одного из советников Принца (Camillo Rota). Скорее всего, оно восходит к *rota* (лат. «колесо»). Это слово часто применялось для обозначения пыточного колеса и, в частности, колеса Иксиона. Иксион — царь лапифов, возжелавший саму Геру, в наказание был привязан к вечно вращающемуся огненному колесу.

Имена действующих лиц вызывают в памяти читателя античные мифы и сюжеты древнеримской истории, которые придают дополнительные оттенки образам, созданным немецким драматургом. Соотнесение «Эмили Галотти» с античными мифами и сюжетами древнеримской истории придает поднятым в ней вопросам вневременное значение.

«Четыре сезона» как литературная стратегия: от Джеймса Томсона к Роберту Блумфилду

Акмальдинова Алсу Аббасовна

студент 3 курса, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. М. И. Свердлов

1. «Времена года» Джеймса Томсона (1730) и «Фермерский мальчик» Роберта Блумфилда (1800) были опубликованы с интервалом в семьдесят лет, при этом Блумфилд открыто ориентировался на старшего поэта, обратившись к теме четырех сезонов и выстроив свою поэму по тому же структурному принципу, что и Томсон. Существенное отличие от поэмы Томсона состояло в том, что в «Фермерском мальчике» смена времен года была показана на более конкретном материале деревенской жизни; все четыре части произведения были связаны единым сюжетом (труд мальчика по имени Джайлс на ферме в течение года), имеющим автобиографическую основу.
2. Несмотря на все различия между поэмами, по выходе в свет обе стали объектами пристального читательского внимания и снискали известность не только в Англии, но и за ее пределами. Особый интерес представляет судьба поэмы Блумфилда. Существующие на данный момент интерпретации этого текста (как романтического произведения, как провозвестника пролетарской поэзии, как образца «нарратива восстановления» и т. д.) не объясняют в полной мере причин того, почему написанная простым работником сапожной мастерской поэма, отвергнутая почти всеми издателями, неожиданно прославила ее автора и тем самым повторила судьбу «Времен года».
3. Попытка раскрыть «секрет успеха» поэмы Блумфилда требует опровержения мифа о поэте как о наивном певце деревенской жизни: в действительности он позиционировал себя не как простодушного сельского жителя, а как полноправного гражданина *republic of letters*. Письма Блумфилда и подробности его биографии свидетельствуют о том, что он прекрасно осознавал условность пасторального мифа.
4. Соответственно, трансформация томсоновского сюжета смены сезонов в поэме Блумфилда носила совершенно осознанный характер и направ-

- мую была связана с рядом социально-экономических процессов в Англии конца XVIII — начала XIX вв. (прежде всего с массовым исходом крестьян в города и «опустошением» сельской местности).
5. Таким образом, Блумфилду удалось создать новую поэтику изображения сельской местности, в равной степени далекую и от традиционной пасторали, и от резкой критики социальной действительности. Устойчивая, привычная поэтическая форма подрывается изнутри и постепенно разрушается, причем делается это незаметно, с помощью использования целого ряда приемов и поэтических ходов (среди них — замена «дальнего» плана изображения «средним», переключение внимания с абстрактных крестьян на конкретного фермерского работника, педалирование мотива физической смерти и т. д.). В результате этих манипуляций образ Природы приобретает кардинально новое звучание. Приспособление классического на тот момент сюжета к новым реалиям, переосмысление томсоновской традиции и конструирование мифа о «наивном» авторе — все эти факторы, на наш взгляд, определили успех поэмы Блумфилда.

Моцартианские мотивы

в сборнике «Фантазии в манере Калло» Э. Т. А. Гофмана

Сотникова Елена Владимировна

студент 5 курса, Воронежский государственный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, доц. О. В. Тихонова

На протяжении всей своей жизни Гофман занимался разными видами деятельности, отдавая предпочтение музыке и литературе. В основе творческого метода Гофмана лежит идея синтеза искусств, которая воплотилась уже в его первом сборнике «Фантазии в манере Калло». Сборник был крайне необычен для своего времени, ведь его создатель имел большой опыт в области музыкального искусства. Главным объектом художественного исследования в этом сборнике, безусловно, можно считать музыку, которая для Гофмана является синонимом подлинного, высшего искусства, обладающего магической силой.

Из всех композиторов особое место писатель отводит Вольфгангу Амадею Моцарту, музыка которого оказывала на него едва ли не мистическое влияние. Известно, что в честь Моцарта Гофман даже заменил своё третье имя — Вильгельм — на Амадеус. Имя австрийского композитора неоднократно появляется в рассматриваемом сборнике. Привлекают Гофмана именно оперные творения композитора, а вершиной оперного искусства, по его мнению, является «Дон Жуан», благодаря которому он впервые понял «гений Моцарта». Новелла Гофмана «Дон Жуан» отличается не только «сплавом» слова и музыки, но и тем, что в ней даётся одна из самых интересных трактовок одноименной оперы Моцарта. Гофмана интересует скорее не содержательная сторона, а «музыкальная ткань» оперы, ориентируясь на которую он предлагает читателю свою, романтическую интерпретацию произведения Моцарта. В центре оказывается личность творца, художника, способного воспринимать весь мир универсально — всеми ор-

ганами чувств — через запах, цвет, звук. Моцарт — наиболее показательный пример гофмановского музыканта. Известно, что словом «музыкант» писатель определял не профессию, а творческую личность, которой открывались те грани, которые обычному человеку не дано было видеть.

Синтез литературы и живописи в поэме Кристины Россетти «Базар гоблинов»

Карпова Мария Сергеевна

студент 4 курса, Казанский (Приволжский) федеральный университет
Научный руководитель — к. филол. наук, доц. М. А. Козырева

В середине XIX века в Англии появляется загадочное «братство прерафаэлитов», сыгравшее немаловажную роль в развитии английской культуры. Прерафаэлиты проповедовали искренность в искусстве, близость к природе, непосредственность в выражении чувств. Стремившиеся к возрождению «истинного искусства» за счет поиска новых «миров» в прошлом, пытавшиеся заменить культ эстетичности прагматичными устоями, прерафаэлиты ощущали в себе силы для совершенно нового выражения личности. Главным эстетическим принципом прерафаэлитов был культ красоты, и поиск этой красоты вел их к цитированию образов, сюжетов и произведений искусства, которые уже воплощались в мировом пространстве. Тесная связь изобразительного и прикладного искусства с литературой способствовала созданию особой прерафаэлитской эстетики, где обращение к средневековой красоте и культивирование эстетического создавали новую образительность в каждом из видов искусств прерафаэлитов.

Одной из поэтесс, разделявших взгляды прерафаэлитов на искусство, стала Кристина Россетти, воплотившая в своих нарративных поэмах и лирике живописную образность.

Центральное место в творчестве поэтессы по праву отводится поэме «Базар гоблинов», так как именно здесь наиболее ярко проявились особенности индивидуального стиля К. Россетти. Образная система поэмы насыщена разнообразными деталями, выражающимися, к примеру, в параллельных конструкциях. Более того, композиционно «Базар гоблинов», очевидно, отсылает нас непосредственно к самой живописи прерафаэлитов, где каждое описание, портрет перерастает в значимый морально-философский символ, соответствующий эстетике прерафаэлитизма. Несмотря на то что, по уверениям самой Кристины, поэма — это всего лишь сказка, образы главных героинь выписаны с особой тщательностью и глубоко индивидуализированы, а в портрете одной из сестер мы можем узнать собирательный образ женщины с полотен прерафаэлитов.

«Базар гоблинов» открывается пестрым описанием рынка гоблинов, где продаются самые разнообразные фрукты, являющиеся орудием соблазна и перекликающиеся с распространенными символами прерафаэлитов и с библейской образностью. Помимо этого, отдельного внимания заслуживают гоблины, каждый из которых имеет не только свое лицо, но и голос и манеру ходить, заимствованные у представителей животного мира.

Таким образом, исследование синтеза искусств в поэме Кристины Россетти показывает, что данное произведение является удачным воплощением внедрения живописной образности в поэтический контекст. Атмосферное единство, созданное с помощью визуального и текстового компонента, различных художественных приемов и инструментов, которые поэтаесса черпала из разных видов искусства, помогло создать зримые образы, портреты и пейзажи в произведении.

Вариации мотивов «Одиссеи» в романе классического модерна 1920–30-х гг. («Улисс» Дж. Джойса и «Смерть Вергилия» Г. Броха)

Бессмельцева Олеся Васильевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. А. В. Белобратов

Сюжеты и мотивы древнегреческого эпоса составляют своего рода матрицу европейского культурного сознания. Так, сюжетные ситуации и образы гомеровской «Одиссеи» обильно востребованы в романах классического модерна 1920–30-х гг., в том числе в «Улиссе» Джеймса Джойса и в «Смерти Вергилия» Германа Броха. Произведения Джойса и Броха различаются по тематике, композиции и стилю. Однако попытки установить сходство между ними, предпринятые ещё в 1940-е гг., предстают актуальными и по сей день.

В период работы над «Смертью Вергилия» Брех в своих литературно-критических статьях обращается к творчеству Джойса в аспекте истории романного жанра. Роман «Смерть Вергилия» рождается в полемике с текстом «Улисса». Отталкиваясь от последнего, Брех работает над формулировкой собственной творческой позиции, зачастую путём антитезы. Однако в романах неизбежно обнаруживается и сходство: переключки между эпизодами, преемственность в способах обработки гомеровских мотивов. Обращаясь к приёмам литературного воплощения «Одиссеи» у Джойса, Брех варьирует их в соответствии с собственной творческой задачей. Сопоставление корреспондирующих сцен у Джойса и Броха демонстрирует в каждом случае оригинальность авторской рецепции гомеровских архетипов. Обнаруживаемая преемственность не превращается в случае Броха в подражательство, но подчёркивает самоценность каждой из представленных литературных интерпретаций античного эпоса.

Образ Севильи в романе Артуро Перес-Реверте «Кожа для барабана или Севильское причастие»

Иванова Вероника Павловна

студент 3 курса, Южный федеральный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. И. Г. Садовская

Актуальность работы связана с повышенным интересом к исследованию хронотопа города в мировой литературе и специфичностью конкретного воплощения Севильи в романе Перес-Реверте.

В ходе исследования был проанализирован хронотоп андалузской столицы, приёмы, определяющие его функционирование в тексте, и охарактеризованы его отличительные особенности. Образ Севильи обладает сложной и многоаспектной структурой. Его можно чётко разделить на два географических района: квартал Санта-Крус (сердце города) и квартал Трианна (окраина). Очень важную роль также играет церковь — центр сюжетной линии романа. Церковь «Девы Марии, слезами орошённой» оказывается связующим звеном для всех участников событий, она воплощает в себе главный принцип существования Севильи — сочетание греха и святости, эта церковь «убивает, чтобы защитить себя», она становится знаменем, во имя которого все сражаются.

Одной из самых важных характеристик города является цветовая гамма. Светло-коричневый, бежевый, ярко-синий цвет неба и апельсиновый — главные цвета андалузской столицы. Апельсины появляются в тексте во всех возможных модификациях, воздействуя прежде всего на визуальный и обонятельный каналы восприятия. Цвет апельсинов, их запах, апельсиновые деревья постоянно присутствуют в повествовании, создавая севильский колорит.

Севилья воплощена прежде всего в женских персонажах: Макарене Брунер и Красотке Пуньялес. Герцогиня дель Нуэве Экстреме тонко чувствует всё происходящее в своём городе, она единственная, кто воспринимает Севилью целостно: в единстве прошлого и настоящего.

Севилья — это столица фламенко, и эта тема является одной из центральных в романе. Перес-Реверте даёт несколько клишированный образ города через Красотку Пуньялес — певицу и танцовщицу фламенко. Её песни постоянно звучат в тексте, сигнализируя об изменениях в сюжетной линии романа. Она поёт своим надтреснутым голосом везде: на улицах, в своей крохотной квартирке, во время экскурсии «Ночная Севилья». Красотка Пуньялес — воплощение фламенко, которое является первой ассоциацией с городом и душой Севильи.

Центральный образ Севильи — это Кармен. Многоликий, вольный город свободы и любви неразрывно связан с архетипом цыганки. Кармен связана с женскими героинями, с фламенко, с самой сутью города. Она символизирует не только его многочисленные соблазны, но и свободу выбора.

Сложность структуры хронотопа, его многочисленные скрытые смыслы, аллюзии, игры с восприятием и историей создают единый образ города — одного из главных героев романа.

Танец страсти в стихотворении Р. М. Рильке «Испанская танцовщица»

Дандыль Екатерина Андреевна

студент 4 курса, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского
Научный руководитель — к. филол. наук, доц. Е. В. Беликова

В цикле «Новые стихотворения» Р. М. Рильке создает «стихотворение-предмет». Поэт избавляется от зыбкости, аморфности, неопределенности.

Рильке изображает реальные предметы, но предметный мир у поэта имеет душу, наполнен связями. Статика у Рильке — это пластичный образ. В этом, по Ф. Ницше, проявляется гармония аполлонического и дионисического начал. Стихотворение «Испанская танцовщица» является примером пластического стиля Рильке. Писатели разных эпох обращались к традициям Испании, выводили на страницах своих книг нравы коренных испанцев. Некоторые герои стали настоящими символами Испании, как, например, Кармен. Но эта девушка не коренная испанка, а цыганка. В силу того что ее образ создан из архетипических мотивов, связанных с испанской традицией, Кармен стала неотъемлемой частью социокультурного пространства Испании. Образ танцовщицы фламенко часто связывают с образом Кармен, при том что «книжная» Кармен не танцевала. Это можно объяснить смежностью смыслов, которые заложены в образе девушки, живущей чувствами и этим чувственным танцем. В искусстве фламенко существует слово испанского происхождения *duende*, которое переводится, как «дух», «невидимка». Поэт Рильке увидел этот «дух» как огонь танца. В тексте «Испанской танцовщицы» нет конкретного названия танца, который исполняет девушка. Но Рильке имплицитно подводит читателя к тому, что этот танец — фламенко. Мотивацией именно такого восприятия танца служит название произведения. Писатель не изображает перед нами любую танцующую девушку, а рисует именно испанку. Перед глазами читателя тут же предстает образ Кармен. Затем, уже в тексте стихотворения, мы видим обозначение основных элементов фламенко. Для Рильке танец, который он наблюдает, — это пламя, а танцовщица — носитель этого пламени. В алхимии огонь — это центр всех вещей; действие начинается огнем и заканчивается им же. Таким образом, пламя может выступать символом перерождения. Ницшеанская традиция представления танца как объекта дионисийского начала отразилась и в творчестве Рильке. В произведении Ницше «Так говорил Заратустра» танцовщик освобождается от оков морали. Он свободен, как сама жизнь. Такой свободой обладает и танцовщица Рильке. Но если у Ницше танец должен быть легким, парящим, то в «Испанской танцовщице» читатель наблюдает танец-огонь. Чувство исходит от танцующей испанки, и только она может им управлять. Танец у Ницше — это познание жизни, танец у Рильке — это страсть.

Канон биографии в романе Германа Гессе «Игра в бисер»

Николаева Полина Андреевна

магистрант 2 курса,

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Научный руководитель — д. филол. наук, проф. Е. Н. Пенская

Герман Гессе писал свой итоговый роман «Игра в бисер» на протяжении 1930-х годов. Это время, когда традиция и представление о жизни человека, в частности его биографии, переживали слом в связи с трагическими, беспрецедентными по масштабу событиями Первой мировой войны. В этот момент жанр биографии в литературе приобрел огромную популярность, получив широкое распространение и в Германии.

Несмотря на то что литературная проблема биографии — одна из широко исследованных научных областей, нам не удалось найти примеров рассмотрения творчества Германа Гессе через призму биографического канона. Этот шаг кажется нам логичным, так как в своем творчестве Гессе тяготел к форме жизнеописания и именно таким образом построен его главный роман — «Игра в бисер».

Мы рассматриваем роман «Игра в бисер» как итог продолжительной творческой рефлексии автора на тему биографии, форму жизнеописания, им изобретенную и ставшую востребованной трафаретом мироощущения для нескольких поколений читателей. В докладе мы анализируем черты биографического канона в романе «Игра в бисер» и обосновываем — исходя из творческих и интеллектуальных установок автора — выбор Гессе именно этой формы.

Поставленная задача позволяет увидеть роман Гессе в неожиданном ракурсе; на передний план выдвигается форма организации романа, а не оттенки смысла, как правило, занимающие исследователей. Это помогает более полно понять культурное значение творчества Гессе как автора первой половины XX века.

Функции волшебных предметов во «Властелине колец» Джона Толкина

Топал Екатерина Игоревна

студент 4 курса, Южный федеральный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, доц. И. А. Черненко

Джон Толкин считается основоположником фэнтези как литературного жанра. Используя элементы скандинавской и кельтской мифологии, архетипические сюжеты и сказочные мотивы, соединяя и перерабатывая их, он создал произведение «Властелин колец», повествующее о ярком и драматичном конце эпохи героев, о превращении мира, где всё еще обитали наследники эпохи первотворений, в профанный мир, о вытеснении или добровольном уходе мифологического и распространении обыденного. Актуализация обыденного не только демонстрируется в динамике соотношений локусов, представленных в трилогии, но и подтверждается своеобразием функций волшебных предметов. Однако при этом следует учесть, что волшебство в большинстве случаев не фигурирует в буквальном смысле, но определяется статусом «благословенности» либо «проклятия».

В работе приводятся различные типологии волшебных предметов, а также предлагается их новая классификация, учитывающая ряд признаков: происхождение, влияние на героя-носителя, возможности применения. Кроме того, учитывается и возможность приобретения или потери статуса волшебного предмета той или иной вещью.

Цель работы заключается в выявлении и описании особенностей функционирования волшебных предметов, в том числе в аспекте взаимодействия «вещь/герой», определении специфики их роли в сюжетном движении.

Особое внимание в работе уделяется отражению в предметном мире основного конфликта и главных идейно-философских акцентов произведения: предметы «благословенного» статуса так или иначе служат уничтожению предметов статуса «проклятого», однако при этом сами теряют свои свойства, становясь частью профанного мира, либо, при невозможности смены статуса, вовсе покидают этот мир вместе со своими создателями и/или обладателями.

Наблюдения и сделанные выводы позволяют уточнить как идейно-философскую трактовку произведения, так и существующие представления об особенностях его сюжетостроения.

Мотивные структуры в новелле «Макарио» Хуана Рульфо

Михайлов Илья Александрович

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. О. А. Светлакова

1. Хуан Рульфо (1917–1986) — один из величайших испаноязычных писателей XX века. В своем творчестве, связываемом, как правило, с направлением «магического реализма», он широко пользуется мифопоэтикой. В докладе представлен анализ связанных с мифопоэтикой мотивных структур, на которых основана новелла «Макарио», занимающая композиционно центральное место в сборнике «Равнина в огне» (1950).
2. Новелла — монолог блаженного мальчика по имени Макарио, обращённый к случайному ночному прохожему. Мысль мальчика, преобразуясь через спонтанные ассоциации, свободно перетекает от предмета к предмету, на выходе представляя нам практически исчерпывающую, во многом идиотическую картину мира. Будучи монологом, новелла, состоящая из всего одного абзаца и охватывающая повседневный быт Макарио, его страхи и маленькие радости, является одной из немногих, которые автор доверил своим персонажам излагать от первого лица.
3. Пронизанное извечными мотивами кормления, угасания и — через это угасание жизни — сценами, полными внутриприродной пластики, сценами взаимопроникновения живого и неживого, «Макарио» занимает место в центре сборника новелл, являя собой логическое ядро — точку перехода между сценами Войны кристерос и сценами послевоенного периода.

Невозможность коммуникации

в пьесе Эжена Ионеско «Лысая певица»

Зайцева Дарья Валерьевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, асс. Е. Н. Васильева

Коммуникация осуществляется как вербально, так и с помощью жестов. В мире абсурда человек, кажется, перестает отличаться от других живых организмов, теряя способность к коммуникации. Невозможность общения является важнейшей темой театра Ионеско. Она проходит через его творчест-

во, определяя другие подтемы и мотивы. В пьесах Ионеско слово как таковое не имеет функции коммуникации. Язык трансформируется настолько, что разрушает сам себя, и из-за этого персонажи не могут прийти к общению. Он становится «восхитительным источником комического, [...] который использует все возможности неожиданного и абсурдного». В «Лысой певичке» проблема коммуникации между персонажами особенно подчеркнута. Как слова, так и жесты не только не способствуют коммуникации, но даже делают ее невозможной. Один и тот же персонаж противоречит самому себе: озвучивает одну идею и тут же говорит противоположное. Герои Ионеско — типичные представители мира абсурда, где логические связи разорваны и человек опустошен настолько, что не понимает самого себя. Он одинок и отчужден, бежит от себя и от других. Так, «Лысая певичка» ставит под вопрос возможность передачи смысла через языковые формы и структуры. Речь идет о мнимом общении, состоящем из пустых формул, что и подчеркивает отчуждение человека в обществе, парализованном экзистенциальными и, в частности, коммуникативными клише. Смысл произнесенного слова не понятен ни тому, кто говорит, ни тому, кому оно адресовано. Непонимание героев одновременно комично и трагично; их речь возвышенна, но одновременно низка, лирична и в тоже время патетична — данные оппозиции подчеркивают, что взаимопонимание персонажей невозможно, а коммуникация является сложным процессом, жизненно необходимым человеку.

Синтез документального и художественного в пьесе Тома Стоппарда «Рок-н-ролл»

Щурина Александра Сергеевна

студент 3 курса, Казанский (Приволжский) федеральный университет
Научный руководитель — д. филол. наук, проф. В. Б. Шамина

Том Стоппард — писатель, сценарист и общественный деятель; он уже более трех десятилетий считается «живым классиком» современной британской драмы. Стоппард известен как в англоязычном мире, так и в России, благодаря постановкам Российского академического молодежного театра. Пьеса «Рок-н-ролл» посвящена пражским событиям 1968 года и судьбе чешской интеллигенции. История начинается в Кембридже, в дни вторжения войск на территорию Чехословакии, и заканчивается триумфальным концертом группы Rolling Stones на пражском стадионе в 1990 году. Судьбы персонажей из двух родных писателю стран (Чехословакии и Великобритании) переплетены в сложной канве, где каждому уготована своя нить жизни. В пьесе используются реальные исторические факты и представлены образы доподлинно существовавших людей: это политические деятели Вацлав Гавел, Александр Дубчек, музыкант Сид Баррет. При этом Стоппард не искажает историю. На ее фоне писатель показывает, как раскрывается характер героев; изображает ситуацию, в которой если государство находится в непростом положении, то один человек из миллиона будет испытывать то же самое. Обращаясь к политическим событиям, Стоппард хочет разобраться в истоках будущих катастроф XX века. На этой основе он исследует устройство человеческого разума и сердца.

Образ Ирландии в романе У. Тревора «История Люси Голт»

Овсянникова Юлия Евгеньевна

студент 4 курса, Казанский (Приволжский) федеральный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. О. Б. Карасик

Современный англо-ирландский писатель Уильям Тревор (род. 1928) широко известен в англоязычном мире, он лауреат многих крупных литературных премий. Писатель является представителем реалистического направления в литературе. Известные за рубежом, его произведения малознакомы российским читателям и критикам, лишь немногие из них переведены на русский язык.

В докладе на примере романа «История Люси Голт» (The Story of Lucy Gault, 2002), который в 2002 г. получил Уитбредовскую премию и вошёл в шорт-лист Букеровской премии, мы рассматриваем то, как У. Тревор создаёт образ Ирландии, какие средства он для этого использует. Роман относят к категории «романов большого дома» (Big House novels), отражающих ирландские реалии, а именно взаимоотношения протестантов-землевладельцев и бедного католического населения. В рассматриваемом романе показано угасание протестантского рода землевладельцев Голтов. Важным аспектом в создании образа Ирландии является упоминание о её истории и об англо-ирландских отношениях в исторической перспективе. Автор фокусирует внимание на истории обычных людей, однако в «малую» историю неминуемо вторгается «большая» история. Другим ключевым моментом образа Ирландии является изображение сложных взаимоотношений католиков и протестантов, ирландцев и англичан: два разных лагеря могут конфликтовать друг с другом, но они остаются неразрывно связаны как неотъемлемые части ирландской действительности. Упоминание конкретных ирландских реалий также способствует созданию образа Ирландии; определённую роль в этом играют пейзажи и цвет.

Таким образом, У. Тревор в романе «История Люси Голт» изображает ирландскую действительность, опираясь на события из истории страны и указывая на национальную и религиозную принадлежность её жителей. Создавая определённый образ Ирландии, писатель пытается осмыслить то, как её прошлое привело к проблемам в настоящем.

ФОЛЬКЛОР И МИФОЛОГИЯ

Здороваться по-деревенски:

вербальные и телесные практики приветствия

Поспелова Александра Андреевна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, ст. преп. Ю. Ю. Мариничева

В докладе идет речь о деревенской традиции приветствия. Материалом послужили результаты полевых исследований, полученные в ходе фольклор-

но-антропологической экспедиции СПбГУ в 2014 г. (Архангельская область, Лешуконский район, д. Родома и п. Зубово), и данные Фольклорного архива СПбГУ. При анализе фото-, аудио-, видеофиксаций приветствий деревенских жителей учитывались такие прагматические характеристики, как возраст, пол участников коммуникации, характер отношений между ними (родство, соседство и т. д.), место и условия, в которых произошло приветствие.

Под приветствием мы понимаем коммуникативный акт, вербальный или жестовый, осуществляемый собеседниками в момент встречи.

В деревне мы наблюдали несколько типов коммуникации при встрече в зависимости от ситуации: здороваться с объятием («в охапку»), с рукопожатием («за руку»), только вербально («просто») и не поздороваться совсем. Выбор того или иного типа зависит от степени знакомства и частотности встреч. Так, например, родители, давно не видевшие своих детей, приветствуют их «в охапку», а чужих — рукопожатием или «просто». Подруги, встретившись впервые за несколько дней, могут поздороваться «за руку», а если видятся часто — здороваются «просто».

В деревенской культуре разные формы приветствий служат не просто выражением вежливости, но и идентификацией половых возрастных статусов собеседников, испытываемых друг к другу чувств, установлением или укреплением взаимных ролей в деревенском обществе.

Личные имена в русских заговорах (на материале мезенских записей)

Гавриленко Анастасия Александровна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. И. С. Веселова

Во время полевых исследований на Русском Севере фольклористы СПбГУ записывают заговорные тексты в разных, по большей части спровоцированных интересом собирателя, ситуациях. Например, информант проговаривает заговор или показывает рукописную тетрадь с записями в ответ на дотошные вопросы. Такой текст может быть произнесен и в действии, направленном на «лечение» студентки от сглаза.

Особенностью заговора как фольклорного жанра (которая свойственна и колыбельным, и виноградьям) является использование имен участников коммуникации (знающего и/или его пациента). «...Иван помощник, сохрани и сберечи рабу божию *Лиду* от скорьбей и болезней...». Большинство записей заговоров, как уже говорилось, производится нами в искусственных ситуациях. В связи с этим информанты испытывают затруднение с использованием личного имени («...дай мне водицы, для *рабы божий, кого лечит надо дак...*»), с неохотой вставляют в текст заговора свое имя или вовлекают в высказывание имя собирателя («...спаси и сохрани рабу Божью, там имя сказать, рабу Божью, *пусть Мария, я Мария дак*. От уроков...»).

В 1997 А. В. Юдиным был издан словарь «Ономастикон русских заговоров: имена собственные в русском магическом фольклоре», в котором наиболее полно представлены и классифицированы все имена собственные, встреча-

ющиеся в отобранном корпусе. Тем не менее исследователь оставляет вне поля своего внимания целый пласт имен собственных, которые встречаются в заговорах наравне с именами святых и которые определяют диалогическую природу магии. Это имена участников коммуникации: тех, кто произносит заговор, и тех, на кого этот заговор направлен. В докладе на материале, записанном в ходе фольклорных экспедиций СПбГУ в Мезенском районе Архангельской области, и материале научных публикаций представлены результаты анализа употребления личных имен участников коммуникации. Анализ произведен с учетом таких параметров, как характер употребления имен участников коммуникации, естественность или искусственность ситуации произнесения заговоров и способ проговаривания магического текста.

Два хора в одной деревне: мотивы участия

Кучмаренко Лилия Сергеевна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научные руководители – к. филол. наук, доц. И. С. Веселова, асп. А. С. Семенова

Исследование базируется на описании двух хоров одной деревни Архангельской области. Следует отметить, что ситуация наличия двух певческих коллективов для разных возрастных категорий довольно типична для современной деревни, поэтому доклад освещает не сосуществование двух хоров, а мотивы, которыми руководствуются женщины при вступлении в тот или иной хор.

Представляется интересным вопрос о том, зачем деревенские женщины вступают в хор и чем они руководствуются при выборе того или иного хора. Что дает им это участие, какие социальные и эмоциональные потребности удовлетворяют хористки в своей певческой деятельности?

Было выделено наличие двух декларируемых мотивов участия в хорах:

- 1) совместное пение как приятное времяпрепровождение;
- 2) «рефлексирующая ностальгия», вызывающая желание обращаться к песням, выполняющим эстетическую функцию и дающим возможность сопричастности русской культуре. (Вводя понятие «рефлексирующая ностальгия», мы пользуемся термином С. Бойм: «Рефлексирующая ностальгия — ностальгия индивидуальной и культурной памяти»).

Отдельно следует выделить недекларируемый мотив обретения престижного положения, осуществляемый одним хором за счет особенностей собственного состава, а другим — причастности к сохранению фольклорного наследия.

Концерт койнасского хора как перформанс

Никитина Вера Константиновна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. И. С. Веселова

В рамках фольклорной практики летом 2014 года в селе Койнас Лешунонского района Архангельской области участниками экспедиции было

записано выступление фольклорного хора. Хор существует с 1954 года. На данный момент в нем состоит семь женщин. Материалом исследования стали аудио- и видеозаписи концерта и интервью с участницами хора.

Целью работы было описание особенностей перформанса, концертного репертуара и личных потребностей исполнителей. К поставленным задачам относятся: характеристика структуры концерта, социального взаимодействия участников; сравнение особенностей спонтанного и сценического взаимодействия.

Важным оказывается то, что драматургическое действие, каким является сценическое выступление, рассматривается как результат совместных усилий людей. На основании разделения Лорой Олсон (Olson L. *Performing Russia: Folk Revival and Russian Identity*. New York; London, 2004) фольклора и фольклоризма или — более узко — спонтанного и сценического взаимодействия мы сравнили способ взаимодействия на сцене и в неформальной обстановке.

В результате исследования выяснилось, что в высказываниях участниц о выступлении отражено два взгляда: один — подразумевающий точку зрения стороннего наблюдателя или зрителя, другой — учитывающий личностные стратегии поведения и индивидуальное творческое начало. Анализ репертуара и интервью приводит к мысли, что при хоровом исполнении народных песен на сцене певицам в полной мере не удаётся проявить индивидуальный характер. Однако коллективное выступление дает доступ к социальному и эмоциональному благам: престижу, удовлетворению потребности в творчестве. Это достигается за счет конвенции «сценичности», унифицирующей внешний вид исполнительниц, манеру исполнения и даже способ дышать.

Ритуальная практика мытья покойника как возможный способ легитимации деревенского маргинала

Ким Юлия Аркадьевна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научные руководители – к. филол. наук,

ст. преп. Ю. Ю. Мариничева, асп. А. В. Степанов

Социальный статус в деревне формально не фиксируется и складывается из таких категорий, которые могут показаться приезжим наблюдателям незначимыми. Так, участие в какой-либо практике может определить положение человека в обществе.

Маргиналом называется человек, социальный статус которого не может быть однозначно определен, то есть его не приемлет как «своего» ни одна социальная группа.

На основе полевых наблюдений на примере конкретной ситуации рассмотрено, как деревенский маргинал использует участие в ритуальной похоронной практике с целью добиться включения в сообщество. Также описывается способ дискурсивной и ритуальной саморепрезентации с целью компенсировать дефицит социального признания.

Фольклорное начало в сказке И. и Л. Тютчевых «Зоки и Бада»

Никитина Олеся Николаевна

аспирант, Даугавпилсский Университет

Научный руководитель – ассоц. проф. А. И. Станкевич

Сказка Леонида и Ирины Тютчевых «Зоки и Бада» прочно заняла своё место в списках *must read* детской литературы. Картина мира знаменитой сказки практически не осмыслена, хотя она, безусловно, представляет собой яркое воплощение определённого типа художественного сознания конца XX века. В отрывочных замечаниях почитателей зоков и Бады есть очень интересные мысли о включённости персонажей, системы событий и, главное, речевой системы книги И. и Л. Тютчевых в широкий контекст русской и западноевропейской детской литературы. Как родственные явления часто упоминаются стихи К. И. Чуковского, «заходеровский перевод Милна», «Сказка с подробностями» Григория Остера. Кому-то даже кажется, что «за Тютчевыми скрывался минимум Пелевин, а может быть, даже сам Григорий Кружков». Однако компаративный вектор исследования (сказка Тютчевых / русская и западная литературная сказка) должен быть предварён серьёзным изучением влияния фольклора (русского прежде всего) на художественный мир «Зоков и Бады». В письме автору доклада Л. Тютчев прямо говорит об этом влиянии как основополагающем: «В процессе работы над сказкой, мы акцентировали свое внимание на русский фольклор, так как поражает его удивительная прочность, стойкость ко времени и точность, яркость, применимость народных сказаний и притч к современной жизни». Нам представляется, что, строя текст своей сказки, авторы использовали весь широчайший арсенал русского фольклора: от сказки, пословицы, поговорки, загадки до многочисленных жанров детского фольклора (песен, потешек, прибауток, скороговорок, долгоговорок, дразнилок, считалок, игр и т. д.) и явлений современного фольклора, например разнообразных детских субкультурных речевых явлений. Одной из основополагающих структурных основ художественной системы сказки является фольклорный принцип опрокидывания или перевёртывания. Практически это заявлено уже в подзаголовке, своеобразном авторском жанровом определении книги — «Пособие для детей по воспитанию родителей». Субъект и объект меняются местами, как это традиционно в весёлом детском фольклоре (например, «Ехала деревня мимо мужика...»). Значительное место занимает и игра традиционными фольклорными структурами, например, зачином сказки. Сказочное *жили-были*, вводящее в мир волшебных коллизий у Тютчевых вводит в мир перевёртышей и (тоже знакомых по фольклорным моделям) нелепиц: «Жили-были зок Иванушка и его братец Алёнушка». Своё постоянное обращение к фольклору Л. Тютчев объясняет дидактическими целями: «Фольклор влияет на формирование нравственных чувств и оценок, способствует развитию речи, дает образцы русского литературного языка, обогащает словарный запас новыми словами, помогает ребенку изложить своеотношениек прослушанному».

Рукописный дневник: прошлое и современность

Гальченко Александра Александровна

студент 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, ст. преп. Ю. Ю. Мариничева

Доклад посвящен анализу репертуара дневника Надежды Владимировны Быстрой (8.11.1916 — 16.03.2001), который представляет собой записную книжку небольшого размера. Первая запись датируется 1933 годом, когда автору было 17 лет. Последняя запись 1961 года сделана автором в Оренбурге в возрасте 45 лет. Записи в дневнике идут не в хронологическом порядке. Многие из них сделаны рукой владелицы, а некоторые ее друзьями или знакомыми. В дневнике встречаются собственные тексты Н. В. Быстрой, но преобладают сочинения русских поэтов и прозаиков: А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. Наживина, И. Уткина и др.

В 2011 году мы проводили опрос с целью выявления значения девичьих дневниковых записей для их авторов. Результаты опроса показали, что дневники наиболее распространены и востребованы в возрастных группах 10–14 и 15–20 лет. С возрастом они либо забываются и исчезают, либо продолжают, либо хранятся как память. Встретить действующий дневник в группах 31–40 лет и 41 год и выше — большая редкость. Таким образом, сегодня традиция ведения дневников продолжает существовать, хотя и преимущественно в школьной среде.

На материале уникального дневника Н. В. Быстрой, начавшего свое существование практически сто лет назад, когда автору было 17, хотелось бы выяснить, каким образом изменилась традиция дневниковых записей.

Традиционные представления в нарративах рыбаков и охотников

Шейдаев Филипп Эдуардович

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. И. С. Веселова

Целью исследования было выявление признаков «традиционных» представлений в нарративах современных жителей севернорусской деревни, признающих в своем незнании прежних обычаев. Из собранных нами в ходе фольклорной экспедиции СПбГУ 2014 г. интервью с охотниками и рыбаками были выбраны фрагменты, содержащие рассказы о каких-либо событиях, произошедших с самими информантами или изложенных им третьими лицами. По нашему предположению, устные достоверные нарративы способны функционировать в качестве «хранителя традиции» и актуализировать традиционные представления в речи современных жителей деревни.

Для решения поставленных задач были привлечены методики фольклористической нарратологии и этнографии. В рассказах о событиях из жизни рыбаков и охотников были обнаружены повторяющиеся элементы. «В причинно-следственных текстах сюжетной связкой событий служит

способ интерпретации, мировоззренческая установка рассказчика. Его основной может быть этическое правило, представление о причине появления каких-либо объектов действительности — этиология, верования и приметы и пр. Связка фокусирует семантическое значение рассказа» (И. С. Веселова). Как уже не раз отмечалось, практики охоты и рыболовства в севернорусской деревне связаны с представлениями о роде и судьбе охотника: «рыбаки в своих рассказах склонными фологизировать многие аспекты своей промысловой деятельности» (Б. Гладарев). Проанализировав собранный полевой материал, мы пришли к выводу, что представления, свойственные традиционному обществу, исчезли или заменились новыми способами интерпретаций в рассказах не полностью. Несмотря на то что сами информанты часто отрицают какую-либо связь с архаичным мировоззрением, их нарративы свидетельствуют о весьма осязаемом присутствии этой связи. Основным предметом предполагаемого обсуждения являются два аспекта жизни и культуры деревенских охотников и рыбаков: представление о роде и представление о судьбе.

Воровство в деревне: обычай, право и ритуал

Ченуша Екатерина Валерьевна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — к. филол. наук, доц. И. С. Веселова

Интерес к данной теме возник в ходе интервью, взятого в самом начале фольклорной экспедиции в Архангельскую область в июле 2014 г. В интервью упоминался, на наш взгляд, необычный способ наказания воров: вождение вора по деревне с привязанной печной заслонкой. В фольклорном архиве СПбГУ нашлось достаточное для исследования количество описаний случаев воровства (28, включая интервью, взятые в этом году). Кроме того, воровство как мотив обнаружен в трёх местных сказках (записанных А. И. Никифоровым в 1928 г. в д. Засулье Вожгорской волости Мезенского уезда Архангельской губернии). Были использованы также описания отношения к воровству в XIX веке из работы П. С. Ефименко «Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии». Предметом исследования стали представления о воровстве и отношение к нему в деревнях на русском Севере. Среди материалов, собранных в Архангельской и Вологодской области в конце XX — начале XXI вв. и хранящихся в Фольклорном архиве СПбГУ, были изучены рассказы о воровстве — у частных хозяев, у государства, воспоминания «о старине» и случаи из собственной жизни. В результате выяснилось, что рассказы о воровстве представляют собой бытующие воспоминания о ритуальном наказании за воровство, о применении обычного права и о тех случаях, когда воровство прощалось. При рассмотрении нарративов был учтён диахронический аспект: поколение, к которому принадлежит рассказчик, время, о котором шла речь.

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

«Шестоднев» Севериана Гавальского
и его судьба в славянской письменности

Моисеева Мария Владимировна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. С. И. Николаев

«Шестоднев» Севериана, епископа Гавальского (IV — первая треть V вв.), — произведение экзегетической литературы, впервые ставшее известным в славянской письменности благодаря переводам его отрывков, по всей вероятности, сделанным Иоанном экзархом Болгарским (IX в.). Это те отрывки, которые вошли в состав его знаменитого «Шестоднева». Позднее, в XIII—XIV вв., произведение было переведено полностью, вероятно, также в Болгарии. Полный перевод «Шестоднева» Севериана распространялся под именем Василия Великого. Кроме того, извлечения из «Шестоднева», различного объема, встречаются в других памятниках древней славянской письменности, в том числе в сборниках царя Ивана Александра (сборник 1345 г. и Ловчанский сборник — копия царского сборника конца XIV в.), в Христианской топографии Козьмы Индикоплова, в хронографических компиляциях, наконец, в сборниках разнообразного состава. Поскольку во всех этих случаях фрагменты сообщают в заглавии имя Севериана Гавальского, можно уже сейчас высказать осторожное предположение, что переведены они были независимо от полного перевода «Шестоднева», обращавшегося только под именем Василия Великого. Возможно, в некоторых случаях перед нами псевдоэпиграфы, так что отрывки из «Шестоднева», надписанные именем Севериана Гавальского, на деле ему не принадлежат (в славянской письменности популярны были и другие сочинения с его именем, например, апокрифическое «Сказание о крестном древе»). Нередки случаи контаминации «Шестоднева» Севериана Гавальского с другими памятниками этого своеобразного жанра. Греческий оригинал «Шестоднева» опубликован в «Патрологии» Ж. Миня. Имеется также перевод «Шестоднева» на современный русский язык, вошедший в полное собрание творений Иоанна Златоуста и напечатанный в 1900 г.

Поскольку углубленному исследованию избранный для изучения литературный памятник до сих пор не подвергался, трудно предсказать результаты, к которым приведет предлагаемая систематизация материала, касающегося полного перевода «Шестоднева» Севериана Гавальского и перевода его фрагментов, наиболее ранний из которых датируется IX в., однако те предположения, которые можно сделать уже сейчас, представляются весьма интересными.

Названия насекомых во фразеологии хорватского языка

Смирнова Елизавета Андреевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. В. М. Мокиенко

Фразеологические единицы с компонентами-анимализмами зачастую передают характерные особенности поведения млекопитающих, птиц, насекомых, рыб, пресноводных и других животных, а также отражают отношение человека к определённом виду животного в разрезе эволюции. Большую роль в данном вопросе играют такие показатели, как место обитания животного, его размеры, повадки, инстинкты, способ передвижения в пространстве и т. д.

Насекомые — это чрезвычайно маленькие, в большинстве случаев весьма быстрые создания, многие из которых являются паразитами, то есть питаются кровью других живых существ. К насекомым мы будем относить мух, клещей, клопов, тараканов, пчёл, ос, комаров, бабочек, моль, трутней, а также саму лексему «насекомое»: *buha, muha, buba, krpelj, pčela, komarac, leptir, mrav, stjenica*.

Многие хорватские фразеологизмы напрямую демонстрируют особенности того или иного животного: мухи, клопы, блохи и клещи надоедливы (*dosadan kao krpelj, šklopec, muha, buha*); жучки — маленькие (*malen (sitan) kao (ko) bubica*); комары — маленькие, лёгкие и надоедливые (*lagan (lak) kao (ko) komarac*).

Фигура англоязычного писателя Джозефа Конрада в романах чешского писателя Й. Шкворецкого и словацкого писателя П. Виликовского

Копылова Александра Сергеевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. В. С. Князькова

В докладе рассматриваются фигура англоязычного писателя Джозефа Конрада и его произведения в романах чешского писателя Й. Шкворецкого «*Inženýr lidských duší*» («Инженер человеческих душ») и словацкого писателя П. Виликовского «*Posledný koň Pompejí*» («Последний конь Помпеи»). Выбор исследуемых произведений неслучаен. В роман П. Виликовского включены цитаты из первого романа Конрада «Каприз Олмейера», у Й. Шкворецкого материалом романа является, помимо других семи писателей, личность Джозефа Конрада и его повесть «Сердце тьмы». В докладе выявляются и сопоставляются функции и способы раскрытия фигуры писателя Джозефа Конрада и его произведений в романах Й. Шкворецкого и П. Виликовского. Нужно отметить, что ни чешский роман Й. Шкворецкого «Инженер человеческих душ», ни словацкий роман П. Виликовского «Последний конь Помпеи» не переведены на русский язык и русскоязычных компаративистских исследований по этой теме пока нет. В докладе показано, что словацкий и чешский писатели обращаются к фигуре Конрада с несколькими целями. Во-первых, Виликовский и Шкворецкий стремятся самостоятельно интерпретировать произведения Конрада, во-вторых, они вплетают его произведения в канву

собственных романов и таким образом расширяют характеристику героев и ситуативного плана, в-третьих, используя текст произведений Конрада, писатели познают себя через него. Помимо этого, оба писателя сквозь призму произведений Конрада стремятся подчеркнуть контраст двух культур и проследить поиск личности своей идентичности за границей.

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ: ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Лексико-семантическое поле «Музыка» в сербском языке

Иванова Надежда Алексеевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, ст. преп. Д. Дракулич-Прийма

Лексико-семантическое поле как фрагмент языковой картины мира в последние годы привлекает большое внимание исследователей. Изучение лексики и фразеологии на основе структурирования семантического поля является одной из самых популярных методик в современной лингвистике. Лексические единицы семантического поля «Музыка» в разных языках уже становились объектом исследований и частично подвергались анализу. В сербском языке лексемы данного поля специально не исследовались. Изучение лексико-семантического поля «Музыка» способствует более глубокому познанию языковой природы единиц данного поля, построению сербской языковой картины мира и выявлению ее национально-культурной специфики. В задачи исследования входит определение состава поля «Музыка» в сербском языке и построение структурно-семантической классификации. Сербские лексические единицы поля «Музыка» распределены по лексико-семантическим группам с точки зрения их принадлежности к ядру или периферии. Наиболее подробно анализируется группа «Народные инструменты».

Средства выражения авторского начала в публицистическом тексте на примере текстов он-лайн рубрики «Мoj живот у иностранству» в сербской газете «Политика»

Жаворонкова Анна Николаевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Т. Е. Аникина

Цель доклада — выявление средств выражения авторского начала в публицистическом тексте. Анализ средств выражения оценочности проводится на примере материалов сербского общественно-политического печатного издания — газеты «Политика». В частности, нами были взяты материалы, опубликованные в рамках он-лайн рубрики «Мoj живот у иностранству». Авторство статей принадлежит читателям «Политики» — сербам, живущим в разных странах мира. Сама рубрика задумывалась как площадка для обмена впечат-

лениями о жизни за границей с теми, кто также покинул родные края. Говоря о жанровой составляющей анализируемых нами текстов, отметим: материалы рубрики обладают чертами жанров художественно-публицистической направленности. В разделе наиболее часто встречается путевой очерк, эссе, а также проблемный и тематически-познавательный репортажи. В докладе рассматриваются явления оценочности в публицистическом тексте на лексическом и синтаксическом уровнях языка. Так, в качестве примеров приводятся текстовые фрагменты с использованием нелитературной лексики: просторечия и вульгаризмов (здесь среди наиболее распространенных явлений — употребление сербских слов-паразитов *ево, овај, тако*, словосочетаний *па добро, и такоје*, вульгаризма *бре*); использованием прецедентного текста (*Љубав у Стокхолму, Тристан и Изолда, Место под сунцем, Бар није «с' коња на магараца!»*); тропов: метафоры (*И кромпир има очи*), эпитета (*На ово сиво оловно небо*), перифразы (*У земљи магараца и моде*); фигур речи: парцелированных конструкций (*Скоро четири године у Београду. Скоро сваки дан. Студентска менза. Седиш за столом и једеш компир. И још по нешто*), эпифоры и анафоры (*А шта је са осталима... А ти сви су ти... А мали Американци не оставе*), умолчания (*Ти види шта ћеш. Или нећеш. Пријатно...*), риторических вопросов, восклицаний и обращений (*Па нисмо се чули од 2009! Смејем се на сопствени рачун... Управо сам прочитала свој текст из 2009! Јао, како делује далеко, а како препознајем све, као да је јуче било!*), оксюморона. Кроме того, о наличии в текстах оценочности сигнализирует обилие личных местоимений, глаголов с выраженной субъективной модальностью. Как на синтаксическом, так и на лексическом уровнях языка нам удалось обнаружить в отобранных материалах большое количество средств выражения авторского начала, что говорит об образности текстов, их эмоциональной окрашенности. Это позволяет нам высоко оценить творческий потенциал авторов рубрики — в условиях все большего нивелирования в современных мировых СМИ оценочности творчества таких авторов и наличие в печатном издании текстов, столь насыщенных стилистически, представляется особенно ценным.

Синтаксические функции и структурные особенности болгарского союза «хем»

Балашевич Диана Дмитриевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — д. филол. наук, проф. Е. Ю. Иванова

Задача доклада заключается в рассмотрении синтаксических функций и структурных особенностей союза *хем ... хем*. Синтаксические функции союза *хем ... хем* являются дискуссионным вопросом болгарского языкознания. В основном его относят к соединительным союзам, имеются и наблюдения над его употреблением в качестве разделительного и присоединительного союза.

На основе собранного материала из болгарских оригинальных и переводных художественных текстов установлена соотносительность употребления повторяющегося и единичного союза *хем* с его семантическими функциями

ми. Выделены соединительная, разделительная, противительная и присоединительная функции. В рамках соединительной функции отмечено употребление данного союза с экспликацией как каждого повторяющегося элемента союза, так и только одного элемента, в то время как другой представлен или замещающим союзом, или отсутствует и восстанавливается из контекста: *Сега ръководителите на АПК си блъскат главите с какви култури да заместят лавандулата и ментата хем да не искат много ръчен труд, но и да са доходоносни...* (А. Гуляшки).

Атам те чака жива работа. Няма да ти отнеме повече от месец, хем и ще помогнем на Казахстан, ще осигурим хляба (А. Рибакон, пер. З. Петрова).

В докладе показано, что особенностью союза *хем ... хем* является его способность соединять противоречивые явления и признаки: *Хем той смяташе, че всичко е предопределено, хем непрестанно диреше знаците, които съдбата — според него — непрестанно му даваше* (А. Дончев).

Вто же время данная семантика не является обязательной, в таком случае союз соединяет части, обозначающие признаки, которые дополняют друг друга: *Той премести дългата върлина в лявата си ръка, а с дясната бутонна калпака си назад, та хем да избърше избилата пот по челото си, хем да се огледа по-добре* (А. Гуляшки).

Повторяющийся союз может выполнять роль и разделительного. В качестве противительного встречается употребление единичного *хем*, где он противопоставляет вторую часть первой. Также достаточно широко распространено употребление *хем* как присоединительного союза, добавляющего дополнительную информацию.

Таким образом, можно выделить 4 основных функции союза *хем ... хем*: соединительную, разделительную, противительную и присоединительную, а со структурной точки зрения союз *хем* может быть как единичным, так и повторяющимся. В качестве единичного союза *хем* может выполнять только противительную и присоединительную функции.

Союз / частица «ни(то)» в болгарском языке

Данилова Анастасия Владимировна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Е. Ю. Иванова

Доклад посвящён особенностям употребления отрицательной частицы *ни(то)* в болгарском языке. Актуальность работы определяется тем, что функционирование этой лексемы недостаточно описаны в болгаристике. До сих пор остаются дискуссионными вопросы морфологической природы *ни(то)*, функции данной лексемы в сложносочинённом предложении и функции частицы *ни(то)* в ряду средств выражения отрицания в болгарском предложении. Большинство лингвистов классифицируют *ни(то)* как частицу в одиночном употреблении и как повторяющийся союз *ни(то) ... ни(то)* при перечислении предметов, лиц, действий, которые отрицаются, но в то же время подчёркиваются. Исследуемый повторяющийся союз, таким образом, служит для соединения как однородных членов предложения, так и самостоятельных предика-

тов. В рамках сложносочинённого соединительного предложения союз *ни то* ... *ни то* используется и для связи простых предложений внутри него. В подобных структурах компоненты отличаются внутренним смысловым содержанием и согласованностью, обычно передают мысли одного логического плана. Но в данном случае союз *ни то* ... *ни то* используется реже, чем другие союзы, относящиеся к соединительным. Исследование примеров, собранных методом сплошной выборки из произведений болгарской художественной литературы (П. Вежинов, Д. Димов, Б. Райнов, Б. Априлов, Е. Пелин, В. Колев), позволяет установить, что в случае препозиции союза *ни(то)* ... *ни(то)* сказуемое употребляется в положительной форме. При употреблении данного союза в постпозиции по отношению к отрицательному сказуемому возможно опущение первого компонента союза. То есть одиночное *ни(то)* в ряде случаев также может проявить себя как союз. Вместо отрицательных местоимений и наречий в предложениях с *ни(то)* в основном употребляются неопределённые. Одиночный союз *ни то* может образовывать сложный союз *ни то пък*, который передаёт разделительно-сопоставительные отношения.

Безэквивалентная лексика в словаре Вука Караджича

Климакина Милена Викторовна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, ст. преп. Д. Дракулич-Прийма

Различия между языками, обусловленные различием культур, заметнее всего в лексике и фразеологии. В любом языке и диалекте есть слова, не имеющие однозначного перевода на другие языки. Это так называемая безэквивалентная лексика, в основном — обозначения специфических явлений культуры определённого этноса. В докладе анализируется безэквивалентная лексика на примере Сербского словаря Вука Стефановича Караджича. Словарь Вука Караджича — толковый словарь, содержащий также драгоценные сведения географического и этнографического характера. Вук Караджич одним из первых занялся изучением и описанием быта и нравов своего народа, его верований, суеверий, празднеств, обычаев и т. п. Словарь вышел в свет под заглавием «Српски рјечник истумачен њемачким и латинским ријечима» в 1818 году. Он содержал 26 270 слов. Это был первый опыт составления нового литературного языка сербов на народной основе. Словарь Вука Караджича содержит немало развёрнутых описательных статей. Он стал своеобразной энциклопедией языка и культуры народа. По замыслу автора, словарь должен был явиться (и действительно стал) отражением естественной, подлинной речи сербского народа, образцом нового литературного языка. В словарь также вошла заимствованная лексика, в том числе турцизмы, которые употреблялись в народном языке. Словарь Вука Караджича содержит порядка 300 слов, не имеющих соответствий в немецком и латинском языках. Таким образом, безэквивалентные слова составляют 1–2 % от общеупотребительной сербской лексики XIX века. В исследовании слова распределены на несколько групп по семантическому признаку. Было выделено 18 групп. В работе подробно рассмотрена тематическая группа «обряды и обычаи».

Межъязыковые омонимы в русском и сербском языке

Куликова Ярослава Дмитриевна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. О. И. Трофимкина

Существует несколько определений межъязыковых омонимов, которые в теории перевода обычно называют «ложными друзьями переводчика», однако в данной работе термин «межъязыковые омонимы» будет использоваться по отношению к генетически родственным словам, которые при схожем звучании имеют разные значения. Для анализа в докладе было выбрано 10 пар русско-сербских существительных-омонимов общеславянского происхождения. С помощью толковых словарей был произведен анализ семантики и стилевой принадлежности выбранных слов, в результате которого было выяснено следующее: основную часть сербско-русских межъязыковых омонимов составляют генетически родственные слова, которые: а) имеют близкое значение и употребляются в одинаковых контекстах (например, *слово* в сербском языке означает ‘буква’); б) некогда были семантически тождественны, но в настоящее время различаются, так как изначальное значение слова в одном из языков перестало быть основным, устарело или подверглось переосмыслению (например, в сербском языке основное значение слова *живот* — ‘жизнь’, а в русском языке данное значение считается устаревшим). Для близкородственных языков проблема межъязыковых омонимов стоит особо остро. В силу внешнего сходства и, как правило, употребления в одинаковых контекстах такие слова не вызывают сомнений при их переводе, что часто является причиной неточностей и недоразумений, особенно если речь идет о начинающих переводчиках. Поэтому исследование проблемы межъязыковой омонимии в близкородственных языках и составление словарей межъязыковых омонимов имеет большое значение.

СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ: ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Польские рукописные сборники
литературного содержания XVII века

Савельева Екатерина Юрьевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. С. И. Николаев

Образ литературы эпохи барокко тесно связан с культурой рукописей. Независимо от того, насколько распространенным было печатание книг, произведения сохранялись, переделывались и передавались другим поколениям именно в рукописной форме. У этого явления были различные причины: это и цензура, нежелание «кастрации» произведения, как писал выдающийся поэт Ян Анджей Морштын (1621—1693), незаинтересованность литературных меценатов в издании книг, а также сама литературная жизнь, создавшая модель

«домашней музыки». Печатная форма перестает быть средством увековечения своего творчества, она находит более узкую аудиторию — друзей и соседей.

Создание новых сборников в конечном счете создало богатую мозаику, состоящую из разных видов рукописей, которые из-за их разноплановости и богатства материала не так легко отнести к какому-либо классу.

Особого внимания заслуживают сборники *silva regum*, отличительной чертой которых является разнородность материала. Они были архивом, где записывались документы, письма, речи, в них также легко найти эпико-лирическое выражение размышлений и, конечно же, они служили развлечением для всей семьи.

Тематика силв была очень широка. Это могли быть семейные сборники, которые писались на протяжении нескольких поколений. В них содержались различные материалы: юмористические, трагические, бытовые или государственные. Другой тип — сборники, касающиеся какого-либо вида деятельности, которые содержали различные документы, письма, законы: все зависело от профессии писца. Существовали также рукописи литературного содержания. Наиболее упорядоченными можно называть «профессиональные» силвы, так как они в определенной мере были подчинены роду деятельности писца, в то время как два других типа обладали неограниченной тематикой. Содержащиеся в них тексты становились своеобразным архивом шляхетской жизни, где можно было встретить и образцовые речи, и обращения, и письма, анекдоты, а иногда даже рецепты, заклятия, лекарства от разных болезней.

Сборники *silva regum* появлялись в Польше до конца XVIII века, некоторые из них датируются даже XIX веком. Однако развивающаяся система периодических изданий вскоре сделала бессмысленным переписывание актуальных новостей. В настоящее время такие книги представляют собой большой интерес как источник политической, экономической, культурной и литературной жизни Польши.

Наряду с известнейшими сборниками, такими как «*Wirydarz poetycki*», «*Jocoseria: albo Poważne Ludzi Mądrych Pisma i Powieści z Różnych Authorów spraca, z pilnością, z niemniejszym i sumptem zebrane u przepisane Roku Pańskiego 1630*», рукописи из Библиотеки Чарторыских, встречаются редкие или вообще неизвестные. Их исследование началось только в XIX веке, поэтому нахождение новых источников, их систематизация и каталогизация является актуальным вопросом.

Восприятие сербского эпоса в России и западноевропейских странах

Трубникова Евгения Андреевна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, ст. преп. Д. Дракулич-Прийма

Интерес к южнославянской культуре на Западе и в России возрос в начале XIX века. Рост интереса был обусловлен, во-первых, историческими событиями, происходившими на Балканах, а во-вторых, возникновением

романтического течения в мировой литературе. Известно, что первые переводы сербских песен на западные языки появились в конце XVIII века. Это были любительские переводы, не передававшие в полной мере особенности сербского народного стиха. В начале XIX века, после выхода в свет «Небольшого простонародного славяно-сербского песенника» Вука Стефановича Караджича, интерес к сербскому народному творчеству возрос, стали выходить сборники переводов. Эти переводы приблизили русского и западноевропейского читателя к сербской культуре, истории и национальным традициям.

В докладе дан обзор различных переводов сербского эпоса на русский и английский языки. Отмечены наиболее известные и удачные переводы российских авторов — А. Х. Востокова, И. Н. Голенищева-Кутузова, А. С. Пушкина, А. А. Ахматовой и др., а также работы западноевропейских авторов (И. Гете, Я. Гримма, В. Скотта и др.). Отдельно рассмотрены случаи перевода сербских эпических песен не с оригинала, а также проанализирован научный подход к изучению сербского эпоса с помощью историко-сравнительного и историко-культурного методов.

Патриархальное прошлое в творчестве Лазы К. Лазаревича

Кривоногова Александра Валерьевна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — асс. П. Е. Зеновская

Лаза К. Лазаревич (1851—1891) — писатель-прозаик XIX века, считается одним из основоположников сербского психологического реализма. Творчество Лазаревича формировалось в важную для Сербии историческую эпоху обретения независимости после четырехсотлетнего владычества Турции, в связи с чем, по мнению исследователей, его художественный опыт вобрал в себя черты направлений, сложившихся до него: романтизма и сентиментализма. Герой видит пространство, основанное на патриархальных законах, романтически идеализированным, в то время как черты идиллии, присущие крестьянскому быту, очевидно продолжают традиции сентиментализма. Однако реалистическое объективное описание действительности через призму восприятия героев сделало Лазаревича новатором в литературе того времени. Жанр, в котором он творил (реалистический рассказ), преодолел фольклорную основу, характерную для предшествующих литераторов. Толчком в развитии жанра становится активное освоение автором трудов русских писателей второй половины XIX века. Так, в отношении метода изображения и художественной формы рассказы сербского реалиста перекликаются с «Записками охотника» И. С. Тургенева. Лазаревич, будучи воспитанным в строгих законах патриархальной семьи, во время обучения вдали от дома — сначала в Белграде, затем в Берлине — ощутил перемены эпохи на себе и остро их воспринял. Жизнь в переломный период истории родной страны отразилась на тематике его произведений: автор поднимает проблему столкновения в пространстве молодого капиталистического государства людей

«нового» времени и представителей патриархального прошлого, чей уклад жизни не менялся веками и чьи нравственные законы опирались на незыблемые идеалы веры.

Станислав Бараньчак: поэт и переводчик

Конушкина Дарья Дмитриевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. О. В. Гусева

В докладе представлено описание богатой творческой деятельности современного польского поэта, критика, переводчика и теоретика перевода Станислава Бараньчака. В первой части доклада речь идёт о Бараньчаке-поэте, творчество которого часто относят к «лингвистической» поэзии — течению в польской литературе, которое характеризуется, с одной стороны, подозрительностью по отношению к языку, с другой — осознанием невозможности его неиспользования. Поэты, входившие в это направление, использовали потенциал многозначности слов и их сочетаний, которые приобретали новый смысл. Для достижения подобной цели они прибегали к различным приёмам, таким как актуализация этимологического образа, игра слов, паронимазия и т. д. В докладе представлены некоторые черты «лингвистической» поэзии, которые отражены в стихотворениях Станислава Бараньчака, и показано, почему им не были приняты остальные черты этого направления.

Во второй части доклада освещена другая сторона деятельности Бараньчака — переводчика, известного благодаря множеству выполненных поэтических переводов: с английского (Дж. Чосер, У. Шекспир, Р. Бёрнс, Дж. Китс, Э. Лир, Л. Кэрролл), русского (С. Полоцкий, А. Белый, А. Ахматова, О. Мандельштам, М. Цветаева, И. Бродский) и других языков. Бараньчак также известен как теоретик перевода, ставивший перед собой различные задачи и задавшийся вопросом, каким должен быть переводчик. Рассмотрены взгляды Бараньчака на перевод.

Творчество сербской поэтессы Десанки Максимович

Беловал Полина Андреевна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – асс. П. Е. Зеновская

Десанка Максимович — выдающая сербская поэтесса, писательница, переводчица, чье творчество широко известно в странах бывшей Югославии и за рубежом. Поэтесса издала около 50 стихотворных сборников, писала рассказы для детей, занималась переводами с французского, русского, словенского и болгарского. С русского языка ею были переведены рассказы А. П. Чехова и Ф. М. Достоевского.

Десанка Максимович родилась в семье сельского учителя и дочери священника в деревне Рабовница. Первые три класса школы она закончила в селе Бранковина, которое, по словам поэтессы, являлось ее родиной,

местом рождения всех ее стихотворений. Дальнейшее образование Максимович получила в гимназии, в небольшом городке Валево. Детство и юность, проведенные в сербской провинции, близость к природе и жизни народа, его языку, дух семьи навсегда вошли в сознание поэтессы, став источником поэтического вдохновения, повлияв на весь ее творческий путь, на особенность ее индивидуального стиля.

Поэзию Максимович можно условно разделить на два периода: довоенная, ранняя лирика и стихотворения, написанные во время Второй мировой войны и после нее. Ранняя лирика поэтессы — исповедальная, узкоинтимная, женская. Основные темы ее первых стихотворений — это любовь и природа. Ощущение любви и восхищение природой соединяются в ее стихах в единый синтез эмоций, в котором трудно отделить одну лирическую составляющую от другой. Максимович близка природе, меняющаяся, движущаяся, озаренная светом: ветер, тающий снег, весна, вода, птицы — ее любимые образы. Такая манера исполнения — передача оттенков чувств, изменения картин природы — свойственна поэтам-импрессионистам.

Однако в дальнейшем в ее поэзии усиливается реалистическое начало, расширяются творческие задачи поэтессы. Она постепенно переходит к социальным и гражданским темам, обращает внимание на то, чего не замечала раньше: бедность, тяжелый труд, несправедливость жизни, попранные человеческие права и надежды. Однако Максимович все же продолжает писать от лица женщины, пропуская все происходящие события через свое женское сердце, выросшее в мире любви и уюта. Жанровой основой как ранней лирики поэтессы, так и поздней является сербский фольклор. Сначала слышен отголосок народных сербских лирических песен, затем сербский героический (юнацкий) эпос.

Апогеем поэзии военного времени и ярким образцом специфического индивидуального стиля Максимович становится произведение «Кровавая сказка», написанное в 1941 году. Уже в самом названии этого стихотворения можно увидеть сочетание двух, казалось бы, несовместимых друг с другом слов: название «детского» жанра эпических произведений в фольклоре («сказка») сочетается с эпитетом «кровавая».

СЛАВЯНО-ГЕРМАНСКАЯ КОМПАРАТИВИСТИКА

Перевод реалий в сказках А. С. Пушкина на чешский и немецкий язык

Юдина Екатерина Алексеевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, доц. Т. Е. Аникина

В докладе рассматривается одна из самых дискуссионных и неоднозначных проблем теории перевода — перевод реалий. Практически все ученые-теоретики и практики в своих трудах так или иначе касаются

этой проблемы, и везде она раскрывается по-разному. Одним из фундаментальных трудов, полностью посвященных проблеме реалий, является книга болгарских ученых С. П. Флорина и С. И. Влахова «Непереводимое в переводе».

В качестве практического материала были выбраны сказки А. С. Пушкина. «Пушкинская сказка — прямая наследница сказки народной. В созданиях народной поэзии Пушкина привлекают не только фабула и причудливые узоры внешней формы, но прежде всего реалистическая основа, их нравственное содержание», — писал С. Я. Маршак в книге «Воспитание словом». Сказки Пушкина знакомы всем с детства, а многие слова, обороты, выражения можно считать реалиями русской культуры. «Важной чертой реалий, на которую еще в 1958 г. указывал Г. В. Чернов, является, в отличие от терминов, их общеупотребительность, популярность, „знакомость“ всем или большинству носителей исходного языка и, наоборот, „незнакомость“, „чуждость“... носителям принимающего их языка» (С. И. Влахов, С. П. Флорин).

Ученые предлагают разные переводческие решения для передачи реалий. Мы рассмотрим их реализацию на конкретных примерах из переводов сказок на чешский и немецкий языки. Например, в сказке «О попе и о работнике его Балде» есть определение-реалия попа — «толоконный лоб» ('глупый человек, дурак') от существительного «толокно» — 'толченая овсяная мука'. В немецком переводе появляется «Dummkopf» — букв. «глупая голова, дурак». В чешском присутствует сравнение «hloup jako snop» — «глупый (букв. болван), как сноп», а во втором варианте перевода можно наблюдать сразу два определения — «nemešlo» («недотёпа, тюфяк») и «hloupý jako oter slámy» («глупый, как охапка соломы»).

Образ советского эмигранта на материале романа В. Каминера «Russendisko» и его перевода на чешский язык

Комарец Анастасия Сергеевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — д. филол. наук, проф. М. Ю. Котова

В докладе рассмотрен образ советского эмигранта на материале немецкоязычного произведения Владимира Каминера «Russendisko» и его перевода на чешский язык. Владимир Каминер — популярный в Германии писатель русско-еврейского происхождения.

Собранный материал показал, что чешская и немецкая лексика, синтаксические конструкции не всегда несут одинаковую нагрузку. Интересно отметить, что чешское и немецкое восприятие одних и тех же реалий зачастую оказывается схожим. Достаточно сложно бывает проанализировать тексты, не обращаясь к русскому переводу, который помогает читателю понять весь колорит происходящего в Советском Союзе.

Важное значение для анализа имеют не только лексемы и синтаксические конструкции, но и целые главы («Fährnrchs Heirat»/«Praporčiková svatba», «Die russische Braut»/«Ruská nevěsta»). Они позволяют составить

целостную картину ушедшей эпохи Советского Союза. В результате сопоставительного анализа было выявлено полное и частичное совпадение лексем и синтаксических оборотов, характеризующих эмигранта из Советского Союза.

Бидермейер в произведениях Каролины Светлы в контексте австрийского бидермейера: рассказ К. Светлы «Поцелуй»

Скороспехова Злата Владиславовна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Т. Е. Аникина

Бидермейер — художественный стиль первой половины XIX века. Основные черты бидермейера в австрийской и чешской литературе схожи: это идеализация домашнего очага, важная роль семейных ценностей в жизни героя и в личных взаимоотношениях, природа как символ мирского спокойствия и уединения. Анализ произведений Каролины Светлы, известной чешской писательницы XIX века, показывает, что в чешской литературе выделяются и некоторые особенности бидермейера: подчеркнутое чувство долга перед семьей и конфликт с романтическим мироощущением.

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Out of the blue: природа идиоматичности и значение слова

Егорова Анастасия Игоревна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. И. В. Толочин

Целью исследования является развернутый семантико-контекстологический анализ идиомы *out of the blue* в контексте тенденции отхода от трактовки идиом как переосмысленных языковых единиц, значение которых невыводимо из значений их компонентов.

Анализ структуры значения слова *blue* как центрального компонента рассматриваемой идиомы, основанный на материале языковых корпусов, позволяет выделить две базовые контекстные группы: теплый, дружелюбный *blue* и холодный, враждебный *blue*. Первая из них ассоциируется со свойствами безоблачного, залитого солнцем неба и спокойной водной глади, предполагая такие эмоции, как спокойствие, расслабленность, умиротворенность и чувство контроля над окружающей обстановкой. Вторая связана с дистанцией, отстраненностью, предупреждением и отсутствием контроля над окружающей обстановкой, ощущаемыми вследствие реакции человека на свойства льда, пламени и электрического заряда. *Blue*-существительное из первой контекстной группы имеет метонимическое расширение (пример: *At least there wasn't so much sky now. The blue was a thin line around the edge of the solid darkness overhead.*), дефиницию которого можно сформулировать так: *the warm, clear, luminous expanse above suggesting peace, calm and relaxation*. Именно это значение присуще слову *blue* как компоненту идиомы *out of the blue*.

Значение идиомы *out of the blue* в толковых и фразеологических словарях часто объясняется при помощи слова *unexpected(ly)*; иногда встречаются и отсылки к ясному голубому небу. Однако словарные толкования игнорируют ряд особенностей функционирования данной идиомы в речи, которые могут быть выявлены путем анализа идиомы с позиций фреймовой семантики. Так, исходный сценарий, элементы которого заимствуются рассматриваемой идиомой в различные контексты, связан с ситуацией падения чего-нибудь с ясного голубого неба или же появления чего-либо на фоне такого неба и может быть сформулирован так: *When you are under a clear blue sky, you feel calm, peaceful and relaxed, sometimes daydream and*

you don't expect anything to come out from the sky. However, if something comes out from the sky, it usually astonishes you, completely changes the state of your mind and grabs your attention because the environment changes dramatically. Употребляясь в различных контекстах, идиома *out of the blue* отсылает нас к этому сценарию, устанавливая с ним аналогию и подчеркивая таким образом значимость и внезапный, контрастный характер изменения существующего положения дел, а также изменение эмоционального, ментального и физического состояния того, на кого непосредственно влияют происходящие события. При этом очевидна связь между полисемией и исходным сценарием, из чего следует, что слово *blue* в составе идиомы сохраняет свое значение, а сама идиома не является переосмысленным словосочетанием.

Лексемы «собака» и «волк» в составе фразеологических единиц латинского, английского и русского языков

Приходько Тамара Игоревна

студент 3 курса, Южный федеральный университет

Научный руководитель – преп. М. А. Карпун

В цивилизациях, близких по географическому положению либо контактирующих между собой продолжительное время, системы ценностей могут быть схожи. Тем не менее будут наблюдаться различия, обусловленные культурным опытом конкретного народа. Эти сходства и различия можно обнаружить, сравнивая те единицы языка, которые несут в себе назидательный смысл и хранят мудрость поколений, то есть паремии.

В исследовании для сравнения привлекаются единицы языков романской группы (латинский), германской группы (английский) и славянской группы (русский). В качестве общего признака для отбора паремий было выбрано наличие в них лексем «собака» или «волк». Цель исследования — проследить трансформацию образов собаки и волка в рассмотренных языках и культурах, а также сравнить семантические ассоциации данных образов в каждом из языков.

В ходе работы были собраны и проанализированы 120 паремий. Использовались также материалы исторического и культурологического характера.

В результате исследования были составлены классификации паремий каждого из языков по различным признакам и проведено их сопоставление. Были обнаружены как сходства, так и характерные особенности употребления выбранных лексем в данных языках, различия в эмоциональных и оценочных коннотациях.

В исследовании делается вывод об основных семантических полях выбранных лексем в каждом из языков и о возможных причинах их совпадений и различий. Так, было обнаружено, что образ волка в исследуемых языках ассоциируется с внешним, неподвластным человеку злом, опасностью или отрицательными человеческими качествами. Однако присутствует градация образа от однозначно отрицательного в латинском до

сниженно-отрицательного в русском языке. Люди перестают бояться волка, находят способы бороться с ним, это отражается в языке. Образ собаки неоднозначен, сложен, его коннотация зависит от контекста, от того, применительно к какой ситуации его используют. Нами было замечено, что отношение к собаке меняется со временем, и это нашло отражение в языках. Пословицы и поговорки, включающие образ собаки, становятся более разнообразными, а вместе с этим сам образ собаки усложняется.

Категория одушевленности и потери при переводе

Токарева Ольга Владимировна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Е. С. Петрова

Среди ученых существует несколько подходов к определению категории одушевленности / неодушевленности. В широком смысле ее можно определить как лексико-грамматическую категорию, которая показывает, мыслится ли сущность, обозначаемая языковой единицей, как относящаяся к антропосфере, зоосфере или к сфере неодушевленных объектов. Связь данной категории с человеком предполагает возможность отнесения референта имени к сущностям мужского или женского пола, что находит свое отражение в смежных категориях гендера и рода.

Хотя лингвисты признают наличие категорий одушевленности / неодушевленности и гендера в английском и русском языках, считается, что в современном английском языке грамматический род отсутствует, в то время как в русском языке он является неотъемлемой частью языковой системы. Данное различие между двумя языковыми системами влечет за собой трудности при переводе текстов, в которых фигурирует прием персонификации.

В английском языке соотношение предмета или явления с местоимением *he* или *she* отражает восприятие неодушевленного предмета, явления или животного как уподобляемого по своим свойствам либо мужчине, либо женщине. Например, в английском фольклоре *Sun, Wind, Ocean, River, Fear, Love, Death* соотносятся с местоимением *he*, в то время как *Moon, Nature, Hope, Mercury* — с местоимением *she*. Интерференция возникает при несовпадении гендера, приписываемого английскому существительному, и грамматического рода, которым обладает переводной коррелят в русском языке (*Death = he; смерть = она*), и может привести к потерям при переводе, что произошло в случае с романом Эммы Донохью «Комната» («*Room*» by Emma Donoghue).

Рассказчик-персонаж в данном романе — пятилетний мальчик, обладающий весьма ограниченной картиной мира. Мир для него — это комната, в которой он провел всю свою жизнь. Предметы, находящиеся в комнате, концептуализируются в детском сознании как одушевленные сущности, разделенные по гендерному признаку, что получает вербальное выражение в виде использования местоимений *he* и *she*, обладающих семей

одушевленности, вместо предметного *it*. Как показал анализ высказываний, в которых рассказчик применяет местоимение *he* или *she* по отношению к тому или иному предмету, разделение производится по принципу «активность — пассивность» — одному из основных принципов в символично-семантической теории возникновения категории рода в языке. В русском переводе деление главным героем мира на деятельную и созидательную, активную и пассивную стороны отобразить не удастся из-за категории рода имен существительных, в результате чего происходит потеря дополнительного смысла.

К вопросу о целевых конструкциях в идише

Учитель Илья Константинович

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, доц. В. В. Федченко

Несмотря на то что идиш возник на базе нескольких средневерхненемецких диалектов, система придаточных предложений и конструкций нем, в том числе целевых придаточных конструкций и предложений, значительно отличается от аналогичной системы как в немецких диалектах, так и в литературном немецком языке.

С одной стороны, причиной таких отличий может являться то, что на идиш оказали большое влияние славянские языки (польский, белорусский, украинский) и семитский адстрат (происходящий из арамейского, древнееврейского).

С другой стороны, эти отличия могли появиться при выборе конструкций, не использующихся в современном литературном немецком языке, но присутствовавших в верхненемецких диалектах до момента обособления идиша.

Третьей причиной таких отличий могут являться внутренние процессы, проходившие уже после обособления идиша в XIV—XV вв.

В идише присутствуют как союзы славянского (*xibe, xotš, abi*) и семитского (*kedej, haqam*) происхождения, так и «исконные» германские союзы (*az, ven*).

Целевые союзы идиша представлены всеми тремя вышеперечисленными типами союзов. Возможно, это связано с тем, что в средневерхненемецком языке на момент отделения идиша не существовало специализированных целевых союзов.

Необходимо обратить внимание на то, что не все целевые союзы имеют одинаковую сферу употребления. В литературном идише очень частотен союз *kedej*. По данным полевых экспедиций, в устной диалектной речи он практически не используется — вместо него употребляется союз *az*. Также в нелитературной речи целевые придаточные часто присоединяются бессоюзным способом.

В литературном идише для кодирования кореферентных и некорреферентных придаточных предложений используются две разных конструкции — в первом случае используются инфинитивные конструкции, во вто-

ром — конструкции с глаголом *zoin*. В собранных полевых материалах это противопоставление проявляется не совсем последовательно.

Важнейшей отличительной особенностью целевых конструкций в идише, является использование составного глагольного сказуемого с модальным глаголом *zoin* в придаточном предложении. Интересно отметить, что в некоторых диалектах немецкого языка встречаются подобные конструкции.

Все перечисленные явления позволяют с уверенностью говорить о том, что идиш имеет собственную систему целевых конструкций, значительно отличающуюся от других германских языков.

Синтаксические средства выразительности в поэтическом жанре *slam*

Киселев Сергей Сергеевич

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — д. филол. наук, проф. Е. М. Чекалина

Поэзия, изначально устный жанр, каким она являлась в Античности и Средневековье, в Новое время стала элитарным письменным видом творчества, в котором поэтические приемы часто оказываются непонятны широкой публике. Поэтический жанр *slam*, возникший в Чикаго (США) в 1980-х годах, возвращает поэзии ее устную форму, а также вновь делает ее общедоступной: формат поэтических вечеров таков, что любой желающий может взять в руки микрофон и выступить со сцены в течение трех минут, не используя музыку или декорации.

Неудивительно, что ключевым принципом подобной поэзии становится свобода самовыражения, касающаяся как формы, так и содержания поэтических произведений. Так, «слэмеры» отступают от жестких норм классического французского стихосложения, отбрасывая метрику: строки произведений слэма содержат бессистемно разное количество слогов. В качестве важнейшего структурного элемента остается рифма, что сближает слэм с устной поэзией другой эпохи — Средневековья.

В этих стихах, освобожденных от ограничений метра, рифма остается последним оплотом, последним внешним знаком стихотворной формы, но и она понимается весьма вольно.

К другим особенностям построения текстов слэма относятся рефрен, кольцевая композиция и анафора. Их использование не является систематически обязательным, но встречается наиболее часто.

Как и в средневековой поэзии, рефрен используется в некоторых текстах слэма для подчеркивания содержания и облегчения его запоминания.

Кольцевая композиция (антепифора) может рассматриваться как разновидность рефрена, обрамляющего поэтическое повествование. При этом строки, составляющие кольцевую композицию, могут повторяться не полностью, а с некоторыми изменениями, отражающими смысловое развитие текста. Таким образом, элементы кольцевой композиции приобретают более глубокие семантические связи, а вместе с тем и большую выразительность.

Некоторые тексты используют анафору как принцип построения: почти каждая строка начинается одинаково. В других случаях анафора позволяет автору выделять отдельные мысли и темы. Единоначалие позволяет установить связь между ними, в то же время оно подчеркивает разницу между ними благодаря различному содержанию текста, следующего за элементами анафоры.

Наконец, использование такой разновидности повтора, как синтаксический параллелизм, ведет к появлению параллелизма между словами и мыслями, находящимися в сходных структурах.

Таким образом, фундаментальной особенностью поэзии является параллелизм на разных уровнях, от фонетического до синтаксического. Тем не менее и его использование не отличается особой систематичностью и остается проявлением свободы творчества в рамках поэтического слэма.

ЛЕКСИКОЛОГИЯ (РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ)

Английские неологизмы, основанные на метонимии

Статус Регина Пантелеевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. М. Н. Лапшина

В докладе рассматриваются теоретические основы понятий «неологизм» и «метонимия», представлен и классифицирован материал — неологизмы XX—XXI века, основанные на метонимии, — собранный методом сплошной выборки, а также осуществлён его анализ. Помимо этого, были выявлены тенденции образования неологизмов и сферы их появления.

Для исследования неологизмов использовался метод сопоставительного анализа предмета, с которого осуществляется метонимический перенос, и объекта, получающего наименование, а также способу потребления неологизмов. Материалом для исследования послужили неологизмы, основанные на метонимии, полученные методом сплошной выборки из словарей новой лексики и средств массовой информации BBC и CNN. Классификация неологизмов по виду метонимического переноса позволяет определить закономерности их образования. Так, результатом анализа примеров в работе является выделение пять основных групп, а именно: пространственной, атрибутивной, изобразительной, субъективно-объективной и причинно-следственной метонимии; выделяется также синекдоха. Для синекдохи характерно наличие не только реальных, но и количественных связей. Неологизмы в данной группе разделены на две подкатегории: перенос с части на целое и перенос с целого на часть. Анализ материала включал также его функционально-стилистическую характеристику. Существование

неологизмов, основанных на метонимии, зафиксировано в разных слоях лексики и является неотъемлемой частью английского языка.

Подобного рода исследования, посвящённые изучению новой лексики, представляются актуальными и перспективными в связи с тем, что в современном английском языке наблюдается постоянный и всё увеличивающийся приток новых слов и очень важно понимать тенденции образования неологизмов.

Словообразовательные модели в британском газетном тексте

Чжан Аньци

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. А. В. Ачкасов

Язык газеты имеет определенные особенности, которые отличают его от языка художественной, научной литературы, разговорной речи. Характерные особенности газетного текста обуславливаются требованиями самого жанра газетной статьи. Любая статья имеет ограниченный объем, что заставляет автора стремиться к краткости изложения. Проведенный автором анализ материала показывает, что одной из наиболее частотных моделей в британском газетном тексте является словосложение (например, *tax-free*), и это объяснимо, поскольку позволяет автору экономить место. Кроме того, нельзя не отметить, что посредством словосложения образовано большое число неологизмов, которые также являются неотъемлемой особенностью газетного текста (например, *biofundamentalist*, *think-tank*). Анализ показал, что наиболее частотным способом словообразования в газетном тексте является аффиксация (45 % от общего числа проанализированных примеров). Одним из наиболее продуктивных является суффикс *-er*, с помощью которого часто образуются неологизмы (*senior graders* – «ученики старших классов»). Интересно отметить, что часто используются аффиксы, которые принято считать непродуктивными. Более того, в некоторых случаях такие аффиксы развивают новые значения, ранее им несвойственные (например, суффикс *-ship*, который давно непродуктивен, в газетном тексте образует имена существительные со значением признака: *brinkmanship* – «балансирование на грани войны»; суффикс *-dom*: *moviedom* – «мир кино», *officialdom* – «официальные круги»). Еще одним продуктивным способом словообразования именно в газетном тексте является конверсия, то есть переход слова из одной части речи в другую (16,5 %). Например, конверсией образованы такие частотные для газет слова, как *print* (сущ., «тираж»), *casuals* («удобная обувь») и т. п. Краткость газетного текста подразумевает и частотное употребление таких моделей, как сокращение и словослияние. Собственно, основная функция газетного текста также обозначается с помощью слова-слитка – *infotainment* (слияние *information* с *entertainment*). По результатам анализа представляется, что наименее частотной моделью в газетном тексте является реверсия (образования типа *to baby-sit*); данная модель является одной из наименее продуктивных и в других типах текстов.

Заемствованные слова из китайского в английском языке

Чжан Синь

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. А. В. Ачкасов

Китай представляет собой крупнейшую англоизучающую страну в мире. Около 350 миллионов человек в Китае изучает английский язык. С ростом международного влияния Китая китайская культура и китайский язык постепенно проникают в английский язык. Заемствованные слова из китайского в английский довольно заметны на данный момент. Это обуславливает актуальность исследования.

В докладе освещается понятие мировых вариантов английского языка и главные лингвистические подходы к этой теме. Американский лингвист Брай Качру создал модель «трех кругов» как научную классификацию мировых вариантов английского языка. На основании его модели заимствованные слова из китайского можно разделить на следующие группы.

1. Заемствованные слова из китайского по способу фонетической транскрипции (например: kungfu, tofu).
2. Уникальные словосочетания китайского варианта английского языка (например: dragon boat, Mid-Autumn Festival).
3. Английские словосочетания, имеющие разные референты в китайском варианте английского языка и в собственно английском (например: Great Leap Forward, bare branches, barefoot doctor, red envelope).

Первые две группы принадлежат лексике «внутреннего круга». Они представляют собой уникальные словосочетания в китайском варианте английского языка и китайские слова, заимствованные путем транскрипции с основой на произношение путунхуа или кантонского диалекта. Эти слова и словосочетания обозначают уникальные китайские объекты или культурные феномены.

Третья группа принадлежит лексике «внешнего круга». Эта группа включает в себе слова или словосочетания с результатами семантического сдвига. Значения этих слов и словосочетаний иногда расходятся с фоновым знанием носителей языка.

Лексические особенности перуанского варианта испанского языка на примере романа Марио Варгаса Льосы «Литума в Андах»

Демидова Ольга Дмитриевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. О. К. Войку

В настоящее время исследование процесса формирования лексического фонда национальных вариантов современного испанского языка в Латинской Америке является важным направлением в испанистике, которое позволяет раскрыть взаимосвязь между системой языка и внеязыковой действительностью. Мы считаем, что существует потребность в анализе

особенностей интерференции контактных языков Перу и, в частности, языка кечуа. Поэтому исследование процесса проникновения индихенизмов в лексику перуанского варианта испанского языка, несомненно, представляется интересным и своевременным. Для достижения цели ставятся следующие задачи:

- 1) выявить на основе исторических и социальных данных те факторы, которые повлияли на формирование перуанского варианта;
- 2) рассмотреть социально-исторические причины и последствия проникновения индихенизмов в лексику испанского языка Перу;
- 3) произвести выборку наиболее ярких с точки зрения выразительности лексем, которые наглядно характеризуют специфику лексического фонда перуанского варианта испанского языка.

Кечуа — второй официальный язык Перу. Однако престиж самого кечуа среди самих перуанцев стремительно падает и поэтому можно сказать, что у языка нет будущего. В произведении Марио Варгаса Льосы «Литума в Андах» (1993 г.) мы наблюдаем использование автором слов и словосочетаний, заимствованных из языка кечуа, что помогает «прочувствовать» атмосферу романа, ярче представить природу Анд. Несмотря на то что почти все лексемы непонятны читателю, не владеющему языком кечуа, их смысл легко угадывается по контексту. Большинство заимствованной из кечуа лексики представляют собой топонимы, а также лексические наименования флоры, фауны и мифологических существ. Периодически наблюдается соположение множества индихенизмов в узком текстовом пространстве. Мы пришли к следующим выводам: индихенизмы в проанализированных примерах выполняют ряд стилистических заданий, таких как изображение с помощью языковых средств идиоэтнического своеобразия жизни и быта перуанских индейцев, создание комически-иронического эффекта, передача с помощью слов кечуа религиозно-мифологического своеобразия духовной жизни инков. Важным аспектом является соотнесенность употребления индихенизмов с общей авторской стилистической задачей и проблематикой романа. Как мы можем видеть на примере романа Марио Варгаса Льосы, лексика испанского языка в Перу представляет собой результат взаимовлияний нескольких языков и культур.

Теоретические подходы к исследованию эмоционально-оценочной лексики в фольклорных текстах

Жеребцова Екатерина Игоревна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, ст. преп. И. А. Лекомцева

Эмоционально-оценочная лексика может употребляться в различных стилях речи: разговорном, художественном, публицистическом. В большинстве случаев она используется для создания картины событий, передачи чувств и впечатлений, призывает к сопереживанию. Экспрессивно окрашенная лексика в фольклорных текстах имеет свою специфику, так или

иначе отличающуюся от особенностей лексики, употребляемой в разговоре или в текстах публицистического характера.

Цель работы — выявить специфику эмоционально-оценочных единиц в системе языка и в фольклорных текстах. Для достижения цели в ходе исследования решались следующие задачи:

- 1) проанализировать основные подходы к изучению категории эмоциональности и оценочности в языке;
- 2) определить семантическую структуру данных единиц и выявить, какое положение в ней занимает эмоционально-оценочный компонент;
- 3) исследовать принцип полевой организации лексических единиц и обосновать целесообразность его применения в исследовании эмоционально-оценочной лексики в сопоставительно-переводческом аспекте с целью выявления случаев сходств и различий.

Материалом для исследования послужили эмоционально-оценочные единицы, взятые из английских и русских фольклорных текстов. Теоретическую основу исследования составили работы в области семантики (И. В. Арнольд, Е. М. Вольф, М. В. Никитин, В. И. Шаховский, Ю. Н. Караулов, В. Г. Щур), лингвокультурологии (В. В. Маслова, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров, В. В. Воробьев, Э. Сепир), прагматики (Ч. Стивенсон, П. Сгалл) и теории фольклора (Л. Л. Габышева, Н. А. Криничная, Э. В. Померанцева).

В результате исследования теоретических работ лингвистов было выявлено, что наиболее продуктивным подходом при изучении эмоционально-оценочной лексики является прагматический подход, так как данная лексика служит для выражения эмоций, субъективного отношения говорящего. Выявив структуру семантики данной группы лексических единиц, мы пришли к выводу, что в основе их лексического значения лежит коннотативный компонент семантики, то есть прагматический компонент. Он оказывается ведущим, так как главное в семантике таких слов не то, что обозначается, а его эмоционально-оценочная квалификация, выражение субъективного отношения к нему. Также было замечено, что в случае эмоционально-оценочной лексики и оценка, и экспрессия могут иметь свой собственный референт и быть закреплены в денотативном компоненте семантики. Среди специфических особенностей эмоционально-оценочных единиц в языковой системе и в текстах фольклорного характера главной является наличие в значении рассматриваемой лексики национально-культурного элемента.

Феномен положительной и отрицательной улыбки на примере англоязычного художественного текста

Наговицына Анна Сергеевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. И. С. Панова-Яблошニコва

В настоящее время наблюдается значительный интерес к проблемам общения, в частности невербальной коммуникации. В эпоху глобализации очень важную роль играет межкультурная коммуникация. Кроме проблем, связанных с изучением иностранного языка, следует учитывать особенно-

сти невербальной коммуникации между представителями различных языковых сообществ. Особенностью невербальной коммуникации выступает ее дуализм — с одной стороны, интернациональный характер, обусловленный биологической общностью основных эмоций, исследованных еще Ч. Дарвином, а с другой стороны — культурно-специфические особенности жестов, осознаваемых людьми. Данная работа посвящена исследованию лексических параметров проявления в англо- и русскоязычной литературе такого вида невербального средства коммуникации, как улыбка с положительной или отрицательной эмоциональной составляющей. В работе рассматриваются обозначения улыбок, выбранные методом сплошной выборки из американского, британского и русского корпусов. Они распределяются по группам с помощью контекста и словарных статей, после чего сопоставляются с существующими классификациями. Результатом исследования выступает создание дополненной и расширенной классификации обозначений улыбок в русском и английском языках.

Эмоционально-экспрессивные лексические единицы в публицистических текстах (на материале газеты New York Times)

Хасаншина Вероника Ильшатовна

студент 2 курса, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Нигматуллина Лилия Дамировна

студент 2 курса, Казанский (Приволжский) федеральный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Н. О. Самаркина

Публицистический стиль занимает особое место в системе стилей литературного языка. Он изобилует яркими, броскими выражениями, вызывающими читательский интерес. Лексика газетно-публицистического стиля широка и разнообразна, характеризуется наличием различных средств выразительности, таких как метафоры, эпитеты и сравнения. Целью нашего исследования является анализ газеты New York Times в аспекте эмоционально-экспрессивных средств, в частности рассмотрение их функции в контексте статьи.

Наш интерес привлекли разные разделы газеты, освещающие определённые сферы жизни человека и общества. Было изучено и проанализировано около 30 статей и выделено более 50 экспрессивно окрашенных лексических единиц, прослежены тенденции их употребления. Лексические единицы были классифицированы по определенным признакам: оценочная окраска (положительная, отрицательная), сферы употребления (политика, экономика и т. д.), количественное соотношение (65% метафор, 25% эпитетов, 10% сравнений).

Обобщив результаты исследования, можно сделать вывод, что язык газеты New York Times является довольно разнообразным, эмоционально окрашенным, «живым». Использование экспрессивных единиц в первую очередь обусловлено стремлением журналистов привлечь внимание к статье, оказать воздействие на читателя.

Место метафоры в торгово-экономической лексике шведского языка

Фаткина Елизавета Игоревна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. А. В. Савицкая

Метафоризация специальной лексики часто становится предметом лингвистических исследований. Специальная лексика нередко абстрактна и трудна для понимания, а метафора, то есть перенос значения слова на основании сходства признаков, позволяет объяснить сложные явления доступным языком. Какова же степень использования метафоры в шведской научной лексике? М. Стольхаммар выделяет следующие группы метафоры в экономической лексике шведского языка: заимствования из других научных областей, общеупотребительной лексики и термины, являющиеся графическим отображением процессов. В работе рассматривается, как представлены указанные категории в торгово-экономической лексике шведского языка. Группа заимствований из других научных областей включает в себя следующие примеры: слово *balans* в физике имеет значение 'равновесие', а в составе экономического термина *försörjningsbalans* приобретает фиксированное значение 'баланс снабжения'. Среди заимствований из механики можно отметить компонент *mekanism* 'устройство, прибор', в слове *marknadsmekanismen* 'рыночный механизм', обозначающий способ взаимосвязи и взаимодействия основных элементов рынка. Наиболее крупной группой метафоризированных терминов являются слова, заимствованные из общеупотребительного языка. Так, термин *dotterbolag* 'дочернее предприятие', где компонент *dotter* в прямом значении — 'дочь', демонстрирует подчинение предприятия более крупному, головному. Компонент *hemma* 'домашний' в слове *hemmamarknad* 'внутренний рынок' приобретает *tn* значение 'внутренний', то есть не международный. Компонент *kedja* 'цепь, череда' присутствует в словах *produktionskedja* 'производственная цепочка' или *leverantörskedja* 'цепь поставок'. В торгово-экономической лексике можно также встретить термины с компонентом *ned-*, где он имеет метафорическое значение и графически отображает значение уменьшения. Можно привести следующие примеры: словосочетание *få ned kostnaderna* 'снизить затраты', то есть уменьшить количество затрат, *personalneddragning* 'сокращение персонала', то есть уменьшение его количества. На основании приведенных примеров можно понять, какое место занимает метафора в торгово-экономической лексике шведского языка. По данным выборки, проведенной для исследования, как минимум каждый десятый термин является метафорой. Данный способ терминообразования имеет как плюсы, так и минусы: заимствование лексики из других стиливых пластов ведет к многозначности. Такая полисемия, однако, легко снимается контекстом. С другой же стороны, метафоризация ограждает язык от заимствований терминов из других языков. С этой точки зрения, данное явление может рассматриваться как положительное.

Лексикографический аспект обучения студентов-экологов профессиональной англоязычной терминологии

Маджуга Надежда Николаевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. пед. наук, доц. Т. В. Грецкая

В настоящее время активно развиваются все области научных знаний, но даже невооруженным взглядом можно заметить, какое место занимает среди этих областей экология. На плечи специалистов-экологов ложится миссия по сохранению нашей планеты. Безусловно, науке такого масштаба нужен тщательно продуманный и разработанный терминологический аппарат международного характера, который бы обеспечил коммуникацию между специалистами всего мира. Для эффективного усвоения терминологического аппарата такого рода требуются инновационные методики, позволяющие успевать за постоянно возникающими новыми единицами. Анализ существующих сегодня русско-английских, англо-русских и англо-английских словарей и справочников для экологов выявил отсутствие учебного словаря, отвечающего лексикографическим требованиям. Основными проблемами стали: несоответствие материала современному состоянию языка и культуры, отсутствие оптимального метаязыка словаря и учета языковых различий во входном и выходном языках. Целью нашего исследования является разработка словаря-минимума, составление комплекса лексикографических материалов, позволяющего студентам не только усвоить, но и правильно использовать международные термины при написании научных работ и тем самым способствующего расширению у них иноязычной коммуникативной компетенции. В основу работы положена мысль о разграничении сферы фиксации и сферы функционирования терминологии, высказанная еще В. П. Даниленко, одним из ведущих терминоведов второй половины XX века: под сферой фиксации терминологии понимается наличие терминов в словарях или терминологических ГОСТах, а под сферой функционирования — «вплетение терминов в литературное словесное окружение» (Даниленко В. П. Русская терминология. Опыт лингвистического описания. М., 1977. С. 15). На наш взгляд, при составлении словаря, призванного помочь специалистам в осуществлении коммуникации на международном уровне, необходим учет как наиболее авторитетных, проверенных и рекомендовавших себя среди экологов образцов сферы фиксации, так и особенностей функционирования экологических терминов, отражающих языковую ситуацию последних лет. Данный принцип лег в основу отбора материала — англоязычных и русскоязычных терминов: в качестве ведущего источника для «сферы фиксации» был выбран наиболее авторитетный на настоящий момент словарь-справочник Н. Ф. Реймерса «Охрана природы и окружающей человека среды» (1992), а в качестве «сферы функционирования» — Национальный корпус русского языка, с помощью которого осуществлялась выборка самых востребованных для современной коммуникации специалистов-экологов лексем.

Датская терминосистема кинопроизводства

Головина Мария Геннадьевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Б.С. Жаров

Отметим общие черты развития терминосистемы кинопроизводства. Очевидно, что система терминов изначально складывалась достаточно стихийным образом, отсюда большое число случаев синонимии и возникновения избыточных терминов. Это легко проследить, сравнивая слова, словоформы, значения, данные в старом толковом словаре с тем, что дает новый словарь и сами современные тексты в данной области. Вместе с тем невозможно не заметить, как система становится более стройной, структурированной и экономичной в языковом плане. Совершенно четко выделяется компонент *film*, являющийся одновременно и номинацией всей области, и ее важнейшим словообразовательным элементом, основой и отправной точкой. Важной чертой является заимствованная преимущественно из других языков основа терминосистемы, более ориентированная на английские и немецкие термины, чем на французские, несмотря на их принадлежность к родине киноискусства. Из этой характеристики последовательно вытекает следующая: открытость и гибкость языка как в словообразовательном аспекте, так и в отношении образования новых смыслов, переносных значений.

Благодаря высокой способности датского языка образовывать сложные слова совершенно разного типа, система названий различных жанров кино представлена богатым числом терминов, намного превосходящим аналогичную подсистему терминов в русском. В датском языке оно составляет около 98 терминов, что почти в два раза больше, чем в русском языке. Не все из них зафиксированы в толковом словаре, однако большая часть, более 70%, содержится в энциклопедическом онлайн-словаре *Den store danske*, остальная часть регулярно встречается в различных статьях о киноискусстве, а также в примерах открытого корпуса датского языка *Korpus 2000*.

В результате анализа терминов этапов кинопроизводства были выделены следующие основные слои-источники новой лексики: слой греческих, латинских, немецких, французских и английских заимствований. При этом в разные периоды развития языка наблюдается попеременное влияние этих близко контактирующих языков с исходным.

Проникновение кинотерминов в самые разные сферы жизни, начиная от бытовой и заканчивая психологической, не может не привлекать особого внимания к ее подробно, поэтапному изучению.

Фразовые сложные слова типа *hit-and-miss* и их русские соответствия

Васильева Елизавета Андреевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Е. В. Иванова

Фразовые сложные слова — сравнительно новый предмет отдельного лингвистического изучения. Их применение в языке очень широко:

фразовые сложные слова встречаются в различных стилях речи, образуются из различных сочетаний слов и из предложений, функционируют в речи наряду с другими словами, выражая все свойственные английскому языку спектры грамматических значений. Кроме того, поскольку обширная часть фразовых сложных слов является окказиональными образованиями, они представляют особый интерес с точки зрения перевода.

В задачи исследования входит:

- 1) рассмотрение моделей фразовых сложных слов в английском языке;
- 2) определение моделей, характерных для устойчивых фразовых сложных слов и для авторских окказионализмов;
- 3) выделение степеней идиоматичности фразовых сложных слов;
- 4) определение способов перевода фразовых сложных слов с английского на русский.

Сам термин «фразовые сложные слова» не является единственным для обозначения данного явления («сложные слова аналитического типа», «синтаксически сложные слова», «лексикализованные фразы», «слова-фразы», «цитатные речения»), но, как было выявлено, он наиболее удачен, если рассматривать данные образования прежде всего как один их видов сложных слов.

Фразовые сложные слова, безусловно, демонстрируют тесную связь сложных слов и словосочетаний. И поскольку такое образование имеет, как правило, общее ударение и слитное или дефисное написание, а также обладает цельюоформленностью, то может трактоваться как слово, а не как словосочетание. Кроме того, значение данных образований не равно сумме значений составляющих их компонентов. Несмотря на то что в этом отношении они близки к фразеологическим единицам, слитное или дефисное написание отличает их от таковых.

В ходе анализа собранного материала были выявлены модели, по которым образуются фразовые сложные слова. При этом было отмечено, что каждая модель окказиональных образований соотносится с определенным значением. Кроме того, было выделено несколько степеней идиоматичности фразовых сложных слов: от высокой степени до нулевой.

С точки зрения перевода наиболее трудными оказались авторские окказионализмы, создаваемые для определенных конкретных случаев (напр., the **sunshine-in-the-breakfast-room** smell). Предусмотреть все приемы перевода авторских образований довольно трудно, качество перевода зависит прежде всего от безупречного знания английского языка, глубокого знакомства с эпохой, реалиями, характером произведения, личностью и стилем автора. Тем не менее было выделено шесть основных способов перевода подобных образований.

Что же касается лексикализованных фразовых сложных слов (напр., good-for-nothing, bread-and-butter), было выделено семь способов их перевода на русский язык.

Устойчивые сравнения датского языка, характеризующие человека

Кутявина Анна Васильевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Е. В. Краснова

1. Понятие «устойчивое сравнение» в лингвистической литературе. Отсутствует общепринятое определение понятия «устойчивого сравнения», нет также единодушия в терминологическом обозначении данного типа фразеологических оборотов.
2. Вопрос о границах понятия «устойчивое сравнение». Следует различать устойчивые и неустойчивые сравнения или, другими словами, устойчивые и индивидуально-авторские сравнения. В русской лингвистике их также называют узуальными (словарными) и окказиональными сравнениями. Главное различие состоит в том, что употребляя в речи устойчивое сравнение, человек воспроизводит уже готовый образ, а при использовании неустойчивого сравнения образ создается самим человеком в процессе речевого общения.
Вопрос о том, где проходит граница между устойчивым и неустойчивым сравнением, не решен.
3. Семантико-грамматические модели и частеречный состав устойчивых сравнений (УС). Существует два подхода относительно структуры УС: одни исследователи считают, что они структурно-семантически двучленны, другие не всегда признают наличие исходной части в составе УС. Мы отталкиваемся от того, что структура компаративных фразеологизмов состоит из двух частей, поскольку отдельно взятая и оторванная от контекста эталонная часть может включать в себя несколько признаков-оснований сравнения. Большинство датских УС имеют двучленную семантико-грамматическую структуру.
В левой части УС датского языка встречаются почти все знаменательные части речи: глагол, прилагательное, существительное. Поэтому в датском языке имеются так называемые адъективные, глагольные и субстантивные УС.
Логическая модель сравнения условно выглядит следующим образом: А — С — как В, где А — субъект сравнения, С — признак сравнения, а В — объект сравнения, вводимый союзом как и его синонимами. Подобно этому, логическая модель датских сравнений будет иметь следующий вид: А — С — som/som om В.
4. Классификация УС по различным признакам. Единого принципа классификации УС пока не выработано.
5. Культурно-национальная специфика УС. Выделяется национальная и культурная составляющие. Ядром культурной коннотации УС является их образное основание. Под образным основанием понимаются все те образы, которые используются в правой части УС и являются так называемыми эталонами сравнения. Выделяются следующие факторы, за счет которых создается национально-культурная специфика: а) лекси-

ко-тематический состав эталонов, б) тематическая структура совокупного множества УС в каждом языке, в) наличие национально-маркированной лексики. Национальная маркированность также создается за счет «факторов осложнения формы» — рифмы, аллитерации, ассонанса.

Лингвокультурологический анализ представления библейских аллюзий в англоязычных словарях разных типов

Ипатова Александра Алексеевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, доц. И. В. Панасюк

Исследование посвящено сопоставительному изучению представления библейских аллюзивных единиц в англоязычных словарях разных типов и сравнительному анализу аллюзий библейской тематики в данных словарях. В основе исследования лежит следующий принцип: постижение действительности, происходящее в конкретном культурном контексте, вызвано различными историческими, социальными и культурными факторами.

Были рассмотрены понятие аллюзивной единицы, основные свойства и характеристики аллюзий, существующие подходы к исследованию аллюзивности, классификация и отличительные черты аллюзивных единиц библейской тематики. Также были изучены способы фиксации и методы лексикографической обработки библейских аллюзивных единиц в англоязычных словарях разных типов. Было проанализировано представление четырех библейских аллюзивных единиц, объединенных тематикой «sin» («грех»), «serpent» («змей»), «judas» («иуда»), «forbidden fruit» («запретный плод»). При анализе словарных статей в англоязычных словарях было установлено, что имеются существенные расхождения в дефинициях библейских аллюзивных единиц, а также в их трактовках; делается акцент на различные аспекты (аллюзивные признаки), приводятся диаметрально противоположные контексты употребления.

Например, возникают три противоположных видения аллюзивной единицы «serpent», что подчеркивает неоднозначность понимания данной единицы в англоязычном лингвокультурном сообществе. Говоря о единице «judas», стоит отметить, что в словарях «Oxford English Dictionary» и «The Facts on File Dictionary of Allusions» описывается употребление аллюзии «judas», связанное с желанием носителя языка выразить идею предательства без конкретизации мотивов или свойств данного поступка. Однако в словаре «Oxford Dictionary of Allusions» преобладающими являются мотивы раскаяния и страдания, а не предательства, как в общепринятых трактовках.

На основании анализа был сделан вывод, что словарь «Oxford English Dictionary» представляет наиболее традиционный подход к исследованию аллюзивных единиц, в то время как словари «Oxford Dictionary of Allusions» и «The Facts on File Dictionary of Allusions» представляют оригинальные трактовки и приводят неоднозначные примеры использования описываемых аллюзивных единиц.

Концепты «друг» и «враг» в английской, испанской и русской фразеологических картинах мира

Токарева Анна Юлиановна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Е. В. Иванова

Концепты, репрезентирующие человеческие отношения, в последнее время вызывают повышенный научный интерес лингвистов. В данной работе рассматривается выражение концептов «друг» и «враг» в фразеологических картинах мира. Исследование этих архетипических концептов проводится в лингвокультурологическом аспекте на примере фразеологических единиц (ФЕ) трех языков: английского, русского и испанского.

Цель работы — охарактеризовать концептуализацию отношений дружбы и вражды на основе анализа языковых средств, представленных ФЕ. Осуществляется сравнение фрагментов языковых картин мира английского, испанского и русского сообществ, выявление сходств и национально-специфических различий в концептуализации таких базовых понятий, как «дружба» и «вражда», посредством анализа и сопоставления ФЕ, в частности пословиц и поговорок. Также рассматривается проблема перевода ФЕ с английского и испанского языков на русский язык.

Для реализации поставленной цели были намечены следующие задачи:

- 1) определить критерии выбора и осуществить классификацию ФЕ, представляющих концепты «друг» и «враг»;
- 2) провести анализ ФЕ, полученных методом сплошной выборки из фразеологических словарей и сборников паремий;
- 3) установить полноту выраженности концептов «друг» и «враг» в трех фразеологических картинах мира;
- 4) рассмотреть проблему перевода и эквивалентности ФЕ в трех языках;
- 5) описать и сопоставить национально-культурную специфику рассматриваемых концептов на примере материала трех языков.
- 6) проанализировать понятийные, образные и ценностные характеристики концептов «друг» и «враг» на примере ФЕ английского, русского и испанского языков.

В результате сопоставительного исследования было выявлено, что основная масса ФЕ, репрезентирующая рассматриваемые концепты, приходится на пословицы и поговорки. Несмотря на существенные сходства в актуализации концептов, существуют многочисленные различия, отражающие национальный характер, менталитет, тип мировоззрения представителей трех культур. Так, в русскоязычной культуре понятие дружбы является ключевым, подчеркиваются такие качества, как продолжительность дружбы, верность друга, возможность прийти на помощь в любую минуту. Зачастую отношения дружбы ставятся выше родственных связей. В англоязычном сообществе понятие дружбы является более формализованным, подчеркивается необходимость держать дистанцию. В испаноязычной культуре концепт выражен достаточно широко, подчеркивается ценность настоящей дружбы, которая сравнивается с ложной, и в то же

время говорится о поверхностности и непостоянстве дружеских отношений. Актуализация концепта «враг» в трех лингвокультурах в основе совпадает, хотя различия также присутствуют. Данный концепт является менее выраженным в трех исследуемых культурах.

Квантитативы в английской и русской языковой картине мира (на материале фразеологических единиц с компонентом-числительным)

Богданова Ксения Витальевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. М. Н. Лапшина

Числа и процесс счета, как и другие элементы окружающего нас мира (пространственно-временные отношения, цвета и т. п.), издревле наделялись особым значением и становились объектом оценки и символизации. Символика категории числа, которая, по всей видимости, была свойственна еще общему индоевропейскому языку, наложила свой отпечаток на языковое наследие многих культур, в том числе и на фразеологию.

Настоящее исследование посвящено анализу фразеологических единиц (ФЕ) с компонентом-числительным, принадлежащих английскому и русскому языковому фонду, и направлено на выделение сходства и различия между соответствующими фрагментами языковых картин мира (ЯКМ) носителей английского и русского языка. Отбор материала производился методом сплошной выборки из специализированных фразеологических словарей. Помимо ФЕ-словосочетаний, которые признаются большинством исследователей, также были рассмотрены ФЕ-предложения, то есть пословицы и поговорки. Подобный выбор был сделан в силу того, что пословицы и поговорки являются одним из наиболее ярких фрагментов ЯКМ.

В ходе анализа собранных ФЕ был решен ряд задач.

1. Была выполнена структурно-грамматическая классификация английских и русских ФЕ с компонентом-числительным, которые были разделены на несколько групп: субстантивные, номинативно-коммуникативные, коммуникативные, адвербиальные, адъективные, междометные и модальные ФЕ. Предложные ФЕ оказались не представлены.
2. Были выделены квантитативы, являющиеся наиболее актуальными для английской и русской ЯКМ. Среди английских ФЕ были наиболее широко оказались представлены единицы с квантитативами *one, two, three, four, nine, ten, seven, six, five, twelve* и *hundred*; среди русских ФЕ — единицы с квантитативами *один, два, три, семь, десять, пять, ноль, четыре* и *сто*.
3. Была предпринята попытка произвести семантический анализ внутри каждой из вышеперечисленных групп, с целью определить, каким значением наделяют тот или иной квантитатив носители языка.

В дальнейшем планируется продолжить исследование в переводоведческом аспекте, изучив и классифицировав способы перевода ФЕ с компонентом-числительным с английского языка на русский и с русского языка на английский.

Цветообозначающая лексика в немецком языке: словообразование, семантика и функции

Кудряшова Марина Николаевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Л. Н. Григорьева

Целью исследования стало комплексное изучение цветообозначающей лексики немецкого языка и выявление доминирующих закономерностей её функционирования. Для достижения поставленной цели было решено несколько задач.

1. Рассмотрение актуальности антропоцентрического подхода к языку и, в частности, к лексической группе цветообозначений.
2. Определение теоретических основ анализа цветообозначений.
3. Составление перечня используемых в современном немецком языке цветообозначений с возможными вариантами их перевода на русский язык.
4. Выявление лежащих в основе цветообозначений мотивировочных признаков.
5. Анализ способов словообразования цветообозначений и изучение их деривационной активности.
6. Рассмотрение особенностей функционирования заимствованных колоримов.

В качестве источников материала исследования использовались современные онлайн-журналы для женщин «Bild der Frau», «Burda», «Brigitte», «Cosmopolitan», каталоги интернет-магазинов одежды и аксессуаров «Mirarodo» и «Fashionpurpe», каталоги строительных красок «Herbol», товаров бренда Gucci и автомобилей марки BMW.

Выделим следующие результаты исследования.

1. Было доказано, что в процессе наименования цвета важную роль играют когнитивный и аксиологический компоненты, поэтому изучение колоративной лексики представляет интерес для антропологической лингвистики.
2. Было выделено 7 категорий мотивировочных признаков («Природные объекты», «(Драгоценные) камни, минералы», «Напитки и продукты питания» и др.), служащих основой для создания цветоименований.
3. Были определены основные способы возникновения цветообозначений в немецком языке: словосложение, деривация, конверсия и заимствование. Наиболее продуктивным был признан способ словосложения, характерный для немецкого языка.
4. Были определены основные языки-доноры цветообозначений для немецкого языка и роль феномена моды в процессе заимствования. В ходе

анализа было рассмотрено несколько стадий ассимиляции заимствованной лексики в языке и установлено, что колоронимы часто не могут преодолеть стадию морфологической ассимиляции, поскольку эта лексическая группа быстро развивается, а сфера её употребления довольно узка.

5. Был составлен алфавитный перечень проанализированных в ходе работы лексем с соответствующими русскими вариантами перевода.
6. Были составлены полные классификации проанализированных лексем в зависимости от способа словообразования и мотивировочного признака, положенного в их основу.

Специфика коммуникативного пространства сети Интернет

Тренина Виоланта Сергеевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. И. С. Панова-Яблошникова

В последние годы усиление роли информационных технологий в процессе коммуникации становится очевидным. Компьютерные технологии достигли столь высокого уровня интеграции в процесс межличностной коммуникации, что это дало исследователям повод выделять так называемую «инфосферу» — глобальную инфраструктуру электронных средств хранения, обработки и передачи информации, а также программное обеспечение, персонал и организации, обеспечивающие разработку и эксплуатацию этих средств. Межличностное общение оказывается под влиянием глобализации мировой информационной сферы и проходит в рамках коммуникативного пространства интернета. Настоящее исследование ставит своей целью изучить это особое коммуникативное пространство и выявить присущие ему особенности. В связи со спецификой канала, через который осуществляется коммуникация в рамках сети Интернет, общение в рамках данного коммуникативного пространства обладает некоторыми чертами как письменной, так и устной коммуникации. С этим связан выбор коммуникантами особых лексических и грамматических средств, а также наличие некоторых уникальных стилистических особенностей, присущих их речи. Особенности канала связи также обуславливают появление специфических жанров, не представленных ранее. В частности, коммуникативное пространство интернета порождает жанры чата, форума, блога и другие. Впоследствии жанр блога получает дальнейшее развитие в жанр микроблога. Жанр микроблога, в свою очередь, имеет собственные уникальные особенности, обусловленные многими факторами, в частности ограниченным объемом сообщения и широкими возможностями использования гипертекстовых ссылок. К таким особенностям относятся тенденция к сокращению слов и широкому использованию аббревиатур, активное использование хэштегов и других видов ссылок, замена текста изображением или гиперссылкой, интертекстуальность и другие. Тем не менее, несмотря на наличие общих тенденций развития, имеются существенные различия между микроблогами на русском и английском языках. В исследовании мы

решали задачу исследовать материалы англоязычных и русскоязычных микроблогов, выявить специфические для текстов микроблогов особенности, а также провести сравнительный анализ микроблогов на русском и английском языках.

Сравнительный анализ косвенных номинаций лица в немецких художественном и публицистическом текстах

Зарайский Алексей Сергеевич

студент 3 курса, Ивановский государственный университет

Никитенко Юлия Андреевна

студент 3 курса, Ивановский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Н. Д. Миловская

Общественные отношения в Германии — один из факторов понимания культуры и идентичности немецкой нации. Важную роль в их изображении играет литература, а именно тексты художественной и публицистической направленности. Данные типы текстов содержат значительное число речевых экспрессивных средств, одним из которых является косвенная номинация лица как наиболее яркий образец отношения людей друг к другу и взгляда на общество в целом. Под косвенной номинацией лица (КНЛ) мы понимаем создание новых наименований на базе готового материала, в основе которого лежит приспособление готовых единиц языка к выражению номинативной функции, несвойственной им изначально, в результате чего один и тот же объект может быть назван по-разному. Косвенная номинация связана с определенным признаком, на основе которого она строится. Этот признак соотносится со свойствами другого объекта, уже закрепленными в содержании слова. При выборе косвенной номинации для номината номинант останавливается исключительно на той языковой единице, используя которую ему с высокой степенью вероятности удастся вызвать желаемую реакцию адресата. Такое воздействие на адресата, создающее экспрессивный эффект высказывания, напрямую связано с оценкой. Установлено, что КНЛ в произведениях немецкой художественной литературы (на примере романа Э. М. Ремарка «Три товарища») и в текстах публицистики (на примере актуальных текстов немецкой прессы) способны передавать как положительную, так и отрицательную оценку номината. При сравнительном анализе была выявлена закономерность, что в художественном тексте преобладают КНЛ пейоративного характера, а в публицистических текстах — мелиоративные КНЛ. Это связано с различными взглядами на человека и общество в выбранных типах текста. В художественном тексте человек рассматривается более критично, в прессе — наиболее приближенно к реальности, в рамках этики и устоявшихся правил. Проанализированные косвенные номинации отождествляют человека с тем или иным предметом/существом на основе его физических характеристик (например, внешности) и психических особенностей. Использование КНЛ в данных типах текста является качественным катализатором активизации культурного потенциала, суть которого в определенной степени заложена в номинации.

ГРАММАТИКА (РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ)

Инвариант газетных статей,
описывающих криминальные события

Рахлеев Федор Федорович

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. В. Н. Пилатова

Практически в каждой газете можно найти новость, статью или даже целый раздел, посвященный криминальным событиям. Подобные тексты зачастую обделяются вниманием со стороны лингвистики, несмотря на свою безусловную распространенность. В рамках лингвистики давно известна теория инварианта, которая разрабатывалась такими учеными, как В. Я. Пропп и М. Л. Гаспаров, но до сих пор не применялась к интересующему нас материалу. Инвариант представляет собой некую константу, то есть нечто не подвергающееся изменениям; его противоположностью является вариант, то есть нечто, связанное с изменением. Целью данного исследования является выявление инварианта газетных статей, описывающих криминальные события. В качестве материала были выбраны статьи из североамериканских англоязычных газет. В ходе исследования были выявлены закономерности, которые являются конституирующими для инвариантов газетных статей, описывающих криминальные события.

Функциональная семантика оценки
в интернет-отзыве о путешествии

Павлова Александра Михайловна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. А. Г. Постелова

Доклад посвящен рассмотрению оценочных высказываний в интернет-отзывах о путешествии. Основная цель заключается в анализе структуры оценочных высказываний о путешествии и выявлении их языковой специфики. Материалом для анализа послужили интернет-отзывы англоязычных туристов о путешествии, отобранные с различных сайтов (в качестве одного из основных источников можно указать <http://www.tripadvisor.co.uk>) и написанные не ранее 2012 года.

В связи с поставленной целью можно обозначить несколько задач: 1) на основании анализа объекта оценки выделить основные тематические блоки и их компоненты, определяемые цельностью комментария; 2) указать основные аспекты и основания оценки; 3) провести дифференциацию в соответствии со знаком оценки; 4) рассмотреть основные признаки субъектов оценки (коммуникантов).

Исследование показало преобладание положительной оценки над отрицательной в рассмотренных примерах, а также уменьшение экспрессивности (терминология А. Г. Поспеловой) при выражении негативной оценки, что выражается в основном в использовании: 1) аксиологических предикатов (I think, it seems), под которыми мы вслед за Е. М. Вольф понимаем класс предикатов, входящих в структуру оценки и объединяющих ее субъект и объект (подобное указание смягчает оценку, указывая на ее истинность для говорящего, но сохраняя при этом возможность наличия альтернативных пресуппозиций у других участников коммуникации); 2) деинтенсификаторов. Тем не менее специфика интернет-коммуникации накладывает свой отпечаток не только на общий уровень грамотности, например орфографию (а также на графику как элемент невербальной коммуникации) и некоторые элементы синтаксиса (например, опущение местоимения I), но также и на интенсивность оценки, увеличивая экспрессивность высказывания: в частности, в отобранных примерах отмечается меньшая степень распространенности аппроксиматоров и косвенных конструкций.

В результате проведенного анализа в отношении объекта оценки можно выделить следующие тематические блоки: (I) социально-культурный тематический блок, который в свою очередь можно подразделить на следующие подгруппы: (а) сфера обслуживания; (б) транспорт; (в) объекты культуры; в качестве второго тематического блока выступает (II) природа. Следует отметить, что данные тематические блоки не равны по количеству примеров, которые им соответствуют, однако представляют два наиболее общих объекта оценки.

Факторы, влияющие на характер оценки невербального поведения коммуниканта

Гончарова Анна Евгеньевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. А. Г. Поспелова

Речевая деятельность формирует диалог – как сложное речевое произведение, отражающее коммуникативное событие устного контактного взаимодействия, где коммуниканты вербально или невербально, посредством определенных стратегий, стремятся к достижению кооперативного или конфликтного общения.

Коммуникативная цель достигается говорящим посредством ввода в диалог оценочного компонента. Оценка коммуникативного поведения адресата носит прямой или косвенный характер. В ситуации кооперации или конфликта прямая и косвенная оценка могут обладать положительным или отрицательным значением.

Прямая оценка реализуется вербально через лексические единицы, семантика которых изначально содержит оценочный компонент, а также пропозициональные структуры глаголов, в которых заложена оценка. Иными словами, прямая оценка выражается эксплицитно. Косвенная оценка проявляется в использовании языковых элементов на словообразователь-

ном и морфологическом уровнях. Само высказывание включает в себе положительную или отрицательную оценку, выраженную в реплике говорящего имплицитно через контекст диалога.

Процесс коммуникации непременно сопряжен с использованием невербальных средств общения, так как в ходе диалога вербализации подвергаются не все прагматические и пропозициональные компоненты. К числу невербальных компонентов мы относим фонацию, кинесику (жесты, мимика и позы), положение коммуникантов относительно друг друга (проксемика), молчание (его информационную разновидность), акциональный компонент.

Исследование прямой и косвенной оценки невербального коммуникативного поведения адресата проводится на материале английского диалога художественных произведений англоязычных авторов XIX–XX вв. методом сплошной выборки.

В ходе исследования было выявлено, что кинесика адресата получает прямую или косвенную оценку с положительным или отрицательным значением в случае, когда мимика, жесты и позы непонятны говорящему или же выраженные эмоции идут вразрез с его эмоциональным состоянием. Данная оценка является установкой на конфликтное или кооперативное общение. Проксемика адресата получает косвенную отрицательную оценку говорящего, но всегда имеет установку на кооперацию. Информационное молчание в диалоге напрямую или косвенно, но всегда отрицательно оценивается говорящим, в чем видится установка на гармонизацию общения. Оценка акционального компонента редкое явление, однако всегда получает прямую или косвенную отрицательную оценку говорящего.

Таким образом, прямая и косвенная оценка рассматриваемого типа являются речевым механизмом, функция которого будет зависеть от характера невербального коммуникативного поведения адресата и установки говорящего на кооперативное или конфликтное общение.

Сопоставительный анализ французских аналогов русского производного предлога «в качестве»

Шереметьева Зинаида Викторовна

студент 5 курса, Дальневосточный федеральный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, проф. Н. С. Морева

Объектом исследования являются французские предложные выражения *en qualité de*, *à titre de* и *en guise de*, являющиеся аналогом русского производного предлога «в качестве». Исходной точкой исследования послужила гипотеза Е. Т. Черкасовой о том, что в русский язык было калькировано французское предложное выражение *en qualité de* и, таким образом, в русском языке появился предлог «в качестве». Природа исследуемых французских единиц неоднозначна. Разные лингвисты относят слова подобного типа к разным лексико-грамматическим классам. Такие единицы выполняют в предложении служебную функцию — функцию предлогов, но образованы на основе самостоятельных частей речи. Во

французской лингвистике за такими словами закрепился термин «locution grépositionnelle». Цель работы — провести сопоставительный анализ трех французских предложных выражений относительно друг друга, а также относительно русского предлога «в качестве». Описание этих аналогов ведется по определенной схеме: выявление типов синтаксических отношений, которые формирует та или иная служебная единица в контексте (субъектно-направленные или объектно-направленные); семантический анализ правого и левого компонентов синтаксической структуры и составление семантической классификации. Тем самым выявляется специфика функционирования каждой предложной единицы. В результате было установлено, что французское предложное выражение *à titre de* является наиболее универсальным аналогом русского предлога «в качестве»: обе служебные единицы формируют трехчленные глагольные синтаксические конструкции, в которых они устанавливают как субъектно-направленные, так и объектно-направленные отношения; обе единицы имеют одинаковые типы значений: функции и сущности. Кроме того, как и предлог «в качестве», выражение *à titre de* имеет широкую семантическую сочетаемость. Главным отличием предложного выражения *en qualité de* от *à titre de* «в качестве» является его ограниченная семантическая сочетаемость: французское предложное выражение может присоединять только существительные со значением лица. Однако синтаксические признаки и типы значений у этих единиц одинаковы. А предложное выражение *en guise de*, напротив, не может присоединять существительные со значением лица, поэтому формирует только объектно-направленные синтаксические отношения. Кроме того, предложное выражение *en guise de* имеет негативную коннотацию.

Гендерно-специфичные стереотипы британской лингвокультуры

Хожаинова Наталья Андреевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, ст. преп. А. С. Вахрамеева

Исследование посвящено выявлению гендерно-специфичных стереотипов, представленных в гендерно-ориентированных высказываниях, то есть в высказываниях мужчин и женщин о представителях своей и противоположной гендерной идентичности. Материалом исследования послужили примеры из произведений британской художественной литературы XIX—XX вв.

В любом обществе существуют социальные ожидания, обусловленные гендером и возникающие в соответствии с конкретными социально-культурными условиями. Данные ожидания находят свое отражение в том числе и в художественном тексте. В настоящей работе используется понятие гендерно-специфичного стереотипа, под которым понимаются стереотипы, разделяемые представителями конкретной гендерной идентичности в пределах данной лингвокультуры.

Анализ гендерно-ориентированных высказываний позволил выявить следующие гендерно-специфичные стереотипы, существующие в британской лингвокультуре: женские персонажи воспринимают мужчин как ненадежных, бесчувственных, невнимательных («Such a very kind attention — and so thoughtful an attention! — the sort of thing that so few men would think of». Jane Austen. Emma) и т. д. Представительницы своей гендерной идентичности описываются женскими персонажами также негативно, как, например, завистливые и слабые. Мужские персонажи характеризуют мужчин преимущественно с негативной стороны, говоря о том, что они неверные и ненадежные, а женщин описывают как сложных, глупых, эмоциональных («You mustn't take very seriously what women say» Somerset Maugham. The Moon and Sixpence) и т. д.

Об экспрессивном синтаксисе в современном англоязычном дискурсе СМИ

Попова Александра Владимировна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, ст. преп. Т. В. Куралева

Активное развитие коммуникаций сделало дискурс СМИ неотъемлемой частью современного общества. В рамках работы были исследованы экспрессивные конструкции дискурса СМИ и их употребление в процессе создания общественного мнения. В ходе исследования были использованы структурно-синтаксический, семантический и прагматический методы. Цель работы — выявление типов экспрессивных синтаксических конструкций и их функций на материале современных новостных электронных СМИ.

Было выявлено многообразие подходов к пониманию экспрессивного синтаксиса. В данной работе под экспрессивным синтаксисом понимается намеренное нарушение общепринятых норм с целью создания определенного воздействия на реципиента. Также предлагается разграничить семантически близкие термины «экспрессивность», «оценочность» и «эмоциональность». Эмоциональность — это непроизвольное проявление эмоций, выражение субъективного отношения к предмету, а экспрессивность всегда содержит элемент намеренного желания убедить кого-либо в своей точке зрения. Оценочность же выступает в роли субъективного выражения отношения к чему-либо, что влечет за собой суггестивную функцию.

Основной задачей употребления конструкций экспрессивного синтаксиса в дискурсе СМИ является привлечение и удержание внимания читателя, а также прямое или косвенное воздействие на публику с целью формирования общественного мнения и контроля над ним.

В ходе работы удалось выявить некоторые наиболее часто употребляемые экспрессивные синтаксические конструкции: предикатный интенсификатор *do* в предикатной группе; инверсия; лексический повтор; эмфатические (выделительные) предложения. Анализ также показал, что

в качестве структурных элементов создающих экспрессивность текста можно выделить вопросительные предложения. К ним относятся такие функциональные типы, как риторический вопрос и вопросно-ответные комплексы.

Исследование показывает, что инверсия составляет 31 % от всех обнуженных экспрессивных конструкций. Наименьшее количество представляют конструкции с помощью предикатного интенсификатора *do* — 12 %. В отдельную группу выделены вопросительные экспрессивные структуры, составившие 14 % от всего собранного материала.

Итак, анализ экспрессивных синтаксических конструкций дает основание полагать, что их разнообразие и частотность употребления говорят о необходимости их использования не только в устной, но и в письменной речи. Употребление таких синтаксических конструкций в языке СМИ способствует сокращению дистанции между автором и реципиентом текста, помогает подать информацию так, чтобы косвенно повлиять на точку зрения реципиента, что дает основания говорить о суггестии.

Языковые средства реализации комплиментарного высказывания в прямой речи персонажей англоязычной художественной литературы (гендерный аспект)

Федорищева Ксения Дмитриевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, ст. преп. А. С. Вахрамеева

Исследование посвящено изучению особенностей комплиментарных высказываний в англоязычной лингвокультуре. В качестве источников примеров для анализа была использована англоязычная литература XX—XXI веков. В работе комплимент рассматривается как одна из разновидностей речевого акта. Под комплиментом понимается этикетное высказывание, которое применяется во множестве ситуаций: приветствие, прощание, благодарность, поздравление. В рамках комплимента говорящий делает приятное собеседнику, подчеркивая его внешние характеристики, умственные способности, умения, ободряя его — то есть вызывает положительное эмоциональное состояние. Весь корпус собранных примеров был подразделен на комплиментарные высказывания, произносимые женскими персонажами и адресованные женщинам и мужчинам, а также на комплиментарные высказывания, произносимые мужскими персонажами и адресованные женщинам и мужчинам. Анализ примеров проводился с точки зрения языкового наполнения комплиментарных высказываний, их структуры, тематики и роли в англоязычном диалоге. Исследование позволило установить, что женщины чаще мужчин делают комплименты. Основной темой женских английских комплиментов оказались внутренние качества адресата, а мужских — внешние. С точки зрения роли комплиментов в англоязычном диалоге, удалось установить, что английский комплимент носит этикетный характер и произносится преимущественно для выражения симпатии к адресату. Анализ языкового

наполнения комплиментов позволил установить высокую степень их экспрессивности, которая выражается в языке разнообразными лексическими и грамматическими средствами.

Прагматический диапазон комических коммуникативных неудач в речи персонажей П. Г. Вудхауза

Ярошенко Нина Александровна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. В. Н. Кондрашова

Успех речевого общения зависит от степени осуществления коммуникативных целей говорящих и достижения согласия. В процессе общения могут возникать различные сбои, связанные с частичным или полным неосуществлением коммуникативных целей и намерений говорящего. Такое явление носит название коммуникативной неудачи (КН). Задачами исследования является выявление категорий языковых средств, которые используются для создания комического эффекта, характеристика явления КН как средства создания речевого портрета, а также анализ и классификация комических КН на материале диалогической речи персонажей П. Г. Вудхауза. В ходе исследования было выявлено, что одним из факторов, обуславливающих возникновение комических КН, являются постоянные и переменные личностные характеристики коммуникантов. Анализ собранного материала показал, что биолого-физиологические данные, социокультурный статус, а также, в большей степени, текущее психологическое состояние коммуникантов может обуславливать возникновение комических коммуникативных неудач. КН, обусловленные биолого-физиологическими данными коммуникантов, связаны прежде всего с неспособностью адресата верно распознать на слух высказывание говорящего. Такого рода КН составляют около 10 % от всего количества собранных примеров. Различия в социокультурном статусе коммуникантов связаны с разными уровнями лингвистической и энциклопедической компетенций (около 50 %). Недостаточная лингвистическая компетенция коммуникантов представлена такими явлениями, как неверная интерпретация фразеологических единиц, полисемичных и омонимичных слов, а также незнание стилевых регистров. В свою очередь, недостаточная энциклопедическая компетенция коммуникантов связана с различиями в фоновых и тезаурусных знаниях. КН, обусловленные психологическим состоянием коммуникантов, представляют собой сбои в коммуникации, причиной которых является эмоциональное состояние говорящего или адресата во время общения. На долю данного вида КН приходится около 40 % собранных примеров, что говорит о том, что эмоциональным состоянием можно объяснить большую часть КН, связанных с нарушением Принципа кооперации Г. П. Грайса. КН, являющиеся результатом нарушения того или иного постулата Принципа кооперации, происходят по вине говорящего, что говорит о его недостаточной интерактивной компетенции — спо-

способности устанавливать контакт с собеседником. Реакции коммуникантов на КН определяют возникновение комического эффекта в художественном произведении, а также позволяют дать характеристику речевым портретам говорящего и адресата, что помогает создать целостный и наиболее полный образ персонажа.

Прецедентные феномены в английском диалоге в функции оценки

Юсупова Юлия Александровна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. В. Н. Кондрашова

Прецедентные феномены (ПФ) широко распространены в речевом общении и выполняют многие функции. Задачей настоящего исследования является выявление особенностей функционирования ПФ в оценочной функции в английском диалоге.

Проведенный анализ позволяет сделать следующие выводы. В функции оценки чаще всего употребляются прецедентные имена (ПИ). Среди ведущих сфер-источников ПФ, употребляющихся в функции оценки, можно выделить литературу (59,2 %) и кинематограф (22,4 %).

Большая часть оценок (78,6 %) встречается в дружеском общении, в том числе и большая часть отрицательных оценок (67,7 %), из чего можно сделать вывод о стремлении английской культуры к доброжелательному косвенному общению. Оценка почти всегда направлена на человека, чаще всего на собеседника или на третье лицо.

Наиболее частый предмет оценки – поведение объекта, которое чаще оценивается при дружеском общении, чем при конфликтном. Как правило, оценка относится к адресату. Кроме того, преимущественно при доброжелательных отношениях (88,9 %) оценивается внешность объекта. Желая сделать комплимент мужчине, говорящий подчеркивает его мужественный внешний вид и физическую силу (Tarzan, Hercules, Godzilla), а говоря о женщинах, акцентирует внимание на ее красоте и изяществе (Cinderella). Кроме того, только при дружеских отношениях оцениваются умственные способности и образ мыслей адресата, реже встречаются оценки характера и поведения и внешности. ПИ, употребляющиеся в обращениях, выражают исключительно оценку собеседника (Watson, Mary Poppins, Pollyanna etc), например при выражении благодарности, похвалы, иногда ироничной, недоумения. Оценивая себя, говорящий достаточно часто делает это через отрицание (I'm not Madam Bovary).

ПФ в функции оценки могут употребляться в текстах на разных уровнях: как отдельные предложения (что характерно для прецедентных высказываний, выражающих оценку ситуации или собеседника), как грамматически самостоятельные компоненты предложения (обращения), как часть составного именного сказуемого, часть составного глагольного сказуемого с модальной связкой, а также в функции дополнения, обстоятельства, определения.

ПФ часто употребляются в оценочной функции благодаря своей компактности, лаконичности и способности выражать оценку косвенно.

Симметрия в хиазме (в сопоставлении с параллелизмом и регрессией)

Репнина Татьяна Владимировна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. М. В. Арсентьева

Цель доклада — осветить вопрос симметрии в хиазме, сопоставляя ее с симметрией в параллелизме и регрессии. В исследовании были решены следующие задачи:

- 1) сопоставление параллелизма и хиазма (классификация);
- 2) выявление факторов, влияющих на симметрию в хиазме;
- 3) создание наглядных моделей, отображающих основные свойства рассматриваемых фигур.

Выявлены следующие случаи.

1. Синтаксический параллелизм — фигура, в которой смежные фразы или стихи строятся по одной и той же синтаксической модели.

Mon âme a son secret,
ma vie son mystère.

(Alexis-Félix Arvers)

2. Лексический параллелизм — фигура, обладающая свойствами синтаксического параллелизма и лексическим повтором.

On peut être plus fin qu'un autre, mais
non pas plus fin que tous les autres.

(La Rochefoucauld)

3. Синтаксический хиазм — обратный синтаксический параллелизм, иначе говоря, прямой синтаксический параллелизм в одной части и инверсия в другой.

La noire forêt,
le ciel bleu.

4. Регрессия — повтор слов в обратном порядке. Возможен синтаксический параллелизм, как в синтаксическом хиазме, но без обмена синтаксических ролей, присущего лексическому хиазму.

C'est bonnet blanc
et blanc bonnet.

5. Лексический хиазм — фигура стиля, включающая параллелизм, часто лексический, обмен синтаксических ролей и двойной повтор.

L'amour ne tue pas la mort,
la mort ne tue pas l'amour.

(Jules Michelet)

6. Хиастический каламбур — лексический хиазм, к которому добавляется изменение значения слов, между которыми происходит обмен синтаксических ролей.

Se laisser aller à la facilité,
c'est faciliter le laisser-aller.
(Pierre Dac)

Анализ корпуса из 500 хиазмов на французском языке, а также литературы по геометрии и лингвистике, освещающей симметрию, позволил создать определенные модели симметрии на примере рисунков с дельфинами. Каждый из шести случаев сопровождается в докладе соответствующими иллюстрациями.

Функционирование местоименных форм обращения (tú, usted) в испанском языке в ситуации общения студент — преподаватель

Григорьева Анастасия Сергеевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, ст. преп. А. В. Фомичева

Целью работы является анализ критериев выбора испанскими студентами правильной формы обращения к преподавателю. Испанский речевой этикет представляет большой материал для исследования, в частности в силу культурно-исторических изменений последней четверти XX века: переход Испании к демократии привел к распаду прежних отношений в социуме, что не могло не отразиться на речевых нормах. Многие исследователи в области испанского речевого этикета отмечают, что большая перемена произошла в общении между преподавателями и студентами. Если прежде при любых обстоятельствах они обращались друг к другу на «вы», то сейчас зачастую они останавливают свой выбор на «ты». При этом до сих пор нельзя говорить о наличии какой-либо стабильной нормы.

В докладе описывается опрос, проведенный в ходе исследования, приводится анализ его результатов. Особое внимание уделяется важнейшим факторам, определяющим выбор той или иной формы обращения. В ходе анализа становится ясно, что такие факторы, как пол преподавателя и его социальный статус, не являются релевантными в вопросе выбора между «ты» (tú) и «Вы» (usted), в то время как степень знакомства с преподавателем, его возраст и характер могут сыграть решающую роль в конечном выборе формы обращения. Наконец, данное исследование подтверждает, что испанский речевой этикет идет по пути демократизации: форма «ты» на данный момент играет гораздо более важную роль в повседневном общении испанцев, нежели «Вы», при этом обычно поддерживается симметрия в употреблении обеих форм, что позволяет устранить в коммуникации противопоставление «вышестоящий — нижестоящий».

«Как бы сквозь тусклое стекло»: общение с человечеством сквозь призму эвфемии (по новелле норвежского писателя Х. Аскильдсена «Последние записки Томаса Ф., обращенные к человечеству»)

Нечаева Серафима Дмитриевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. А. Н. Ливанова

В современной лингвистике эвфемизм рассматривается как речевой или социолингвистический феномен, при этом лишь некоторые исследователи изучают функционирование эвфемизмов в качестве тропов в художественном тексте. В данном исследовании эвфемизмы рассматриваются как компоненты художественного произведения, но на материале норвежского текста. В работе предлагается возможность изучения не только эстетической, но и структурообразующей функции эвфемизма в произведении.

Объектом исследования выбрана новелла современного норвежского писателя-минималиста Хьелля Аскильдсена «Последние записки Томаса Ф., обращенные к человечеству». Лаконизм стиля Аскильдсена обусловлен особым вниманием к слову, и именно лингвистический анализ кажется наиболее перспективным способом понимания его произведений. Новелла мало изучена не только в России, но и на родине писателя и потому представляется интересным объектом для анализа. Исследование эвфемизмов в новелле помогло проанализировать диалогический принцип построения текста и другие характерные особенности его поэтики.

В работе произведена семантическая классификация эвфемизмов. Помимо эвфемизмов из семантических полей «смерть», «болезнь», «отравления организма», выявлена еще одна специфическая группа эвфемистических выражений, которые можно определить как этикетные речевые формулы. Они проявляются в ситуации речевого контакта, и их истинный смысл проясняется лишь в контексте диалога. В диалогах героев слово присутствует и отсутствует одновременно, заменяясь эвфемистическим выражением. Анализ диалогов позволил сделать вывод о важной функции этикетных формул в новелле: они нарушают диалогическую структуру нарратива, заявленную уже в самом заглавии. Ситуация живого общения уступает место ритуальной коммуникации, и акт понимания реализуется поверх эвфемистически опустошенного слова. Именно в невербальном контакте проявляется истинная сущность сказанного.

К вопросу о синтетической и аналитической формах степеней сравнения в современном английском языке

Вихрова Ксения Александровна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. И. В. Толочин

В докладе рассматриваются вопросы, связанные с параллельным существованием форм сравнения прилагательных в системе современного ан-

глийского языка. Актуальность данной проблемы подтверждается интересом к ней в современной научной литературе и ее спорным характером. Цель проводимого исследования заключается в том, чтобы определить категориальный статус форм *redder (-est) / more red (most)*; *sweeter (-est) / more (most) sweet*; *bolder (-est) / more (most) bold*; а также *more (most) beautiful / beautifuller (-est)*; *more (most) intelligent / intelligenter (-est)*; *more (most) curious / curioiser (-est)*. В ходе исследования последовательно решались следующие задачи:

- 1) обзор существующих точек зрения на рассматриваемую проблему в теоретических источниках;
- 2) отбор материала для дальнейшего сопоставительно-контекстологического анализа;
- 3) сопоставительно-контекстологический анализ ряда форм прилагательных.

Исследование основывается на материале исследований отечественных и зарубежных ученых, теоретических грамматиках и словарях английского языка, корпусах современного английского языка, результатах поиска системы Google.

В результате теоретического обзора проблемы и сопоставительно-контекстологического анализа рассматриваемых форм обнаруживается, что формы типа *more beautiful* являются словосочетаниями. Данный вывод делается на основании ряда факторов лексического, морфологического и синтаксического характера:

- 1) наречия *more* и *most* обычно сохраняют свое лексическое значение в сочетаниях типа *more / most beautiful*, при этом подобные сочетания моделируются скорее самим автором высказывания, а не объективной ситуацией, что подчеркивается контекстной составляющей;
- 2) *most* может выступать компонентом т. н. элятивных сочетаний, что невозможно в случае с синтетическими формами; в этом случае *most* сближается по значению с интенсификатором *very* и вступает в синтаксическую связь с прилагательным;
- 3) в состав аналитических форм не включаются сочетания с *less / least*, лексически противопоставленные сочетаниям с *more / most*, поскольку иначе нарушился бы параллелизм с морфологической системой;
- 4) *more / most* обладают синтаксической весомостью и сохраняют обстоятельственные отношения с прилагательным в той же мере, как любые другие наречия степени (ср. *more beautiful, very beautiful, rather beautiful*).

Кроме того, ввиду широкого использования сочетаний типа *more red*, делается вывод о наличии их в системе современного английского языка. Формы типа *beautifuller (-est)* также были зафиксированы в ряде источников и потому их существование не ставится под сомнение.

В дальнейшем планируется расширить список анализируемых форм и при использовании большего числа контекстов установить связь между рассматриваемыми формами и другими элементами контекста.

Языковая репрезентация эмоций в современной англоязычной прозе (гендерный аспект)

Хроменко Яна Владимировна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, ст.преп. А. С. Вахрамеева

Данное исследование посвящено изучению языкового выражения категории эмотивности в англоязычной лингвокультуре и выявлению языковой специфики эмотивных высказываний в речи мужских и женских персонажей.

В исследовании используется понятие эмотивного высказывания, то есть высказывания, в котором говорящий выражает свое эмоционально-оценочное отношение к различным ситуациям. В работе различаются лексические и грамматические средства выражения категории экспрессивности. Рассматриваются коммуникативно-семантические и структурно-синтаксические особенности эмотивных высказываний.

Исследование показало, что в современных художественных текстах мужчины и женщины изображаются эмоциональными в равной степени (высказывание женского персонажа с риторическими вопросами: *Are we not in this together? Are you having second thoughts about everything or what?*; ср. высказывание мужского персонажа: *And I mean isn't that the damndest thing? I mean isn't it ironic?*, где используется аналогичный прием), при этом как в проявлении положительных, так и отрицательных эмоций, что демонстрирует динамические перемены в гендерных стереотипах.

Анализ выявил, что категория эмотивности в высказываниях мужчин и женщин на синтаксическом уровне наиболее часто реализуется при помощи риторических вопросов, восклицательных высказываний, инверсии, а на лексическом — при помощи аффективных прилагательных и инвективной лексики. При этом шкала интенсивности проявления эмоций имеет асимметричный характер, который проявляется в том, что выражений отрицательных эмоций в речи персонажей обеих гендерных идентичностей больше, чем положительных.

ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЕ (РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ)

Синтаксические трансформации при переводе французских относительных прилагательных на русский язык

Григорьева Мария Дмитриевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Т. М. Ушакова

Наша работа представляет собой опыт сопоставительного анализа относительных прилагательных во французском и русском языках. Предметом исследования стали синтаксические трансформации, возникающие при переводе французских относительных прилагательных на русский язык.

Поскольку в языке современной французской прессы относительные прилагательные находят широкое употребление, в качестве материала были выбраны статьи информационного журнала МИД Франции «Label France» и его издания на русском языке, осуществленного во Франции.

Структура группы N+Adj существенно отличается в артиклевых и безартиклевых языках, поэтому ее часто невозможно перевести дословно с французского на русский язык. Именно эта переводческая проблема была рассмотрена в нашей работе.

В ходе исследования была сопоставлена категория относительных прилагательных во французском и русском языках. Мы определили, что такая категория выделяется как во французском, так и в русском языке, но имеет разный состав. Так, французские лингвисты часто относят к этой категории порядковые числительные.

Семантика относительного прилагательного разнообразна как в русском, так и во французском языке, но значение прилагательного невозможно описать вне его связи с существительным. Вместе существительное и прилагательное образуют именную группу — атрибутивное словосочетание. Нам удалось выяснить, что на перевод именной группы с относительным прилагательным влияет характер взаимоотношений между ее компонентами. На этой основе мы создали классификацию, описывающую два типа возможных ситуаций, структура которых обусловлена сложными семантическими связями между мотивирующей основой прилагательного и значением существительного. Так, для первого типа ситуаций характерны сложные синтаксические трансформации, при которых полностью меняется структура всего предложения, а для второго типа характерны замены относительного прилагательного на существительное в родительном падеже.

Мы также ставили себе задачу выяснить, от чего зависит выбор того или иного эквивалента при переводе относительных прилагательных. В результате исследования выяснилось, что возможность выбора связана с отношениями, которые существуют при переводе слова с одного языка на другой. Так, единственный эквивалент при переводе имеют словосочетания с относительными прилагательными, имеющие устоявшееся значение и использующиеся в языке в функции терминов. Некоторые словосочетания могут и вовсе не иметь эквивалентов, тогда для передачи их смысла на другом языке приходится прибегать к описательным средствам.

Стилистические функции идиом в художественном тексте и проблемы перевода (на примере «Саги о Форсайтах» Д. Голсуорси)

Михайлова Анастасия Сергеевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. М. Н. Лапшина

1. Под идиомой понимается фиксированное сочетание слов, компоненты которого полностью изменяют свое значение под влиянием друг друга. Идиомы характеризуются целостным значением. Замена компонента или компонентов внутри идиомы невозможна без разрушения смысла

всей единицы. Поскольку идиомы сохраняют образность, они осуществляют не только функцию номинации, но и выразительно-образительную функцию.

2. Стилистическая функция — это роль языковых средств в тексте, особым образом организованных и взаимодействующих друг с другом, которая обеспечивает передачу экспрессивной, эмоциональной, оценочной и эстетической информации. Стилистическая функция может обеспечить идейное воздействие на личность адресата.
3. Среди наиболее распространенных стилистических функций идиом можно назвать характерологическую, дескриптивную, эмотивную, оценочную, экспрессивную функции и функцию создания интертекстуальности.
4. Результатом актуализации стилистической функции является стилистический эффект. Стилистический эффект, к достижению которого стремится говорящий или пишущий, является его стилистической целью. Стилистическая цель не всегда тождественна полученному стилистическому эффекту, поскольку стилистический эффект соотносится с получателем речи и непосредственно связан с проблемой ее понимания и восприятия.
5. Фразеологические единицы различаются по принадлежности к той или иной коммуникативной сфере, а также по отношению к стилистической норме литературного языка. Намеренное нарушение норм употребления фразеологизмов может создавать ощутимый стилистический эффект.
6. При переводе идиом важно не только передать смысловое значение фразеологизма, но и сохранить его стилистическую функцию, чтобы обеспечить достижение стилистической цели автора. Возможности достижения полноценного словарного перевода фразеологизмов зависят от соотношений между единицами исходного языка и языка перевода. Выделяют фразеологические способы перевода идиом (перевод с полным сохранением образа, с частичной заменой образа, с полной заменой образа) и нефразеологические (описательный перевод, строго лексический перевод, калькирование).
7. Наиболее адекватно передать смысловое значение и стилистическую функцию идиом позволяет использование различных фразеологических способов перевода, однако в ряде случаев сохранение стилистической функции исходной идиомы невозможно, что, как правило, происходит при нарушении традиционных норм употребления идиом либо в случаях, когда стилистическая функция связана непосредственно с языковой формой исходного фразеологизма.

Особенности перевода конфессиональной лексики английского языка (на материале британской прессы)

Дружинина Кристина Сергеевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — д. филол. наук, проф. Т. А. Казакова

В статьях современной британской прессы, посвященных деятельности различных конфессий, можно зафиксировать значительное количество

лексики религиозной сферы, выполняющей в данных текстах ряд определенных функций. Целью нашего исследования стало выявление характерных особенностей и перевода на русский язык конфессиональной лексики английского языка, используемой при описании и анализе как актуальных проблем общерелигиозного характера, так и вопросов, связанных с отдельными конфессиями.

При переводе на русский язык может возникнуть проблема поиска наиболее адекватных эквивалентов для данных лексических единиц, что объясняется необходимостью передать реалии английской религиозной культуры, развивавшейся, в отличие от русской, в рамках католической и протестантской христианских традиций. В русском и английском языках сформировались собственные системы религиозной лексики, включающие значительное число эквивалентных единиц в силу общности христианского наследия народов. Однако под влиянием исторического фактора и необходимости вербально зафиксировать ряд уникальных, свойственных только католицизму и англиканству явлений, предметов и понятий в области культуры, церковного управления, богослужения, богословия возник ряд безэквивалентных лексических единиц. В результате проведенного исследования были выделены следующие группы конфессиональной лексики, представляющей определенные трудности при переводе:

- 1) безэквивалентная лексика, обозначающая понятия, существующие только в рамках западного христианства или британской религиозной культуры;
- 2) лексика, обозначающая общерелигиозные и общехристианские понятия, обладающие особой культурной спецификой в западном христианстве;
- 3) лексика, содержащая или приобретающая в контексте коннотативный компонент значения, в том числе эмотивного или оценочного характера.

Поиск эквивалента для каждой из этих групп обладает своими особенностями. Обычно в качестве эквивалентов данных лексем выступают культуронимы, образованные такими переводческими приемами, как транслитерация, калькирование, лексико-семантические трансформации, в зависимости от контекста и функций, выполняемых исходной лексемой в тексте оригинала.

Фоновая информация как ключевой фактор адекватности передачи культурно-исторических реалий при устном переводе

Кожевникова Татьяна Андреевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Е. К. Вьюнова

Будучи носителями национального и исторического колорита и обычно не имея однозначных и регулярных соответствий в других языках, реалии требуют особого подхода при переводе. Более того, многие русскоязычные культурно-исторические реалии обладают образностью, которая должна быть сохранена при их передаче.

В столь сложных условиях фоновая информация играет ключевую роль в достижении адекватности перевода реалий.

Цель доклада — проанализировать примеры передачи русскоязычных культурно-исторических реалий при устном переводе и определить роль фоновой информации в достижении адекватности их перевода.

Материалом исследования послужили аудиозаписи последовательного перевода, выполненного студентами специализированной магистратуры.

В ходе исследования было выявлено, что фоновая информация позволяет избежать ошибок аудирования, так как обеспечивает узнавание звуковой формы реалии. В дополнение к сказанному следует отметить, что ошибки аудирования составляют 80 % от общего количества ошибок при устном переводе.

Фоновая информация также позволяет подобрать наиболее подходящий эквивалент благодаря пониманию образа, лежащего в основе реалии, что обеспечивает максимальную переводимость.

В докладе также рассматриваются примеры, иллюстрирующие типичные ошибки, возникающие в связи с недостаточными фоновыми знаниями:

- 1) переводчик не смог обнаружить реалию, что послужило причиной буквализма;
- 2) переводчик не смог передать семантику реалии;
- 3) семантика реалии в переводе осталась затемненной;
- 4) переводчик утратил историческую ссылку на реалию;
- 5) переводчик допустил искажение реалии;
- 6) переводчик прибегнул к опущению реалии.

Таким образом, фоновая информация в условиях устного перевода способствует созданию необходимого прагматического эффекта, служит средством достижения адекватности и минимизации потерь.

Типология переводческих ошибок в русскоязычных версиях англоязычных фильмов

Терентьева Александра Сергеевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. И. В. Недялков

Проблема оценки качества киноперевода стоит чрезвычайно остро ввиду его широкой востребованности при невысоком качестве исполнения (что обусловлено сжатыми сроками выполнения заказов, низкой оплатой труда и нехваткой квалифицированных кадров). Редакторы студий кино- и видеоперевода, как правило, руководствуются субъективными критериями оценки качества перевода, основанными на собственном опыте. Цель исследования — разработать научно обоснованные критерии оценки качества перевода и создать типологию переводческих ошибок, учитывающую узкую специфику закадрового синхронного перевода многосерийных художественных фильмов (телесериалов). Проведя анализ более чем 200 ошибок, обнаруженных в русскоязычных версиях таких телесериалов, как «Карточный домик», «Клан Сопрано», «Острые козырьки», «Тиран», «Больница Никербо-

кер» и др., автор выделил три основные группы: 1) ошибки при передаче содержательно-фактуальной информации неверно представляют факты, обстоятельства и события мира произведения; 2) ошибки при передаче содержательно-концептуальной информации (СКИ) искажают авторский замысел и неверно представляют мотивацию героев и их взаимоотношения; 3) ошибки при передаче содержательно-подтекстовой информации нарушают ассоциативные связи между языковыми единицами и обедняют художественно-эстетический мир произведения. Автор приходит к выводу, что к критическим (то есть нарушающими функцию текста) относятся прежде всего ошибки из второй группы, потому как киноперевод — подвид художественного перевода и его ведущей функцией является художественно-эстетическая. Причем ошибки третьей группы признаются неизбежными, поскольку системы разных языков характеризуются разными ассоциативными и коннотативными значениями, которые порой невозможно адекватно передать при переводе. Итак, данная типология предлагает переводчикам и редакторам стратегию перевода и редактирования, направленную, в первую очередь, на минимизацию ошибок при передаче СКИ в условиях жестких ограничений закадрового синхронного перевода, таких как его зависимость от видеоряда и необходимость сохранять в переводе длительность и интонационный рисунок реплик оригинала.

Лингвистические аспекты локализации сайтов образовательных учреждений

Семенцова Алёна Викторовна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — д. филол. наук, проф. А. В. Ачкасов

Исследование посвящено вопросам локализации на примере веб-сайтов французских и канадских высших учебных заведений. Выбор темы обусловлен тем, что явление локализации практически не исследуется отечественной лингвистикой, в то время как оно является актуальным в зарубежных исследованиях.

Цель данной работы — выявить лингвистические особенности передачи информации при локализации сайтов для англофонной и франкофонной культур. В ходе исследования анализируются версии сайтов на английском и французском языках. Основным методом исследования является контрастивный анализ.

По результатам работы сделаны следующие выводы.

1. В большинстве своём тексты на сайтах университетов носят рекламный характер, реализуя манипулятивную функцию.
2. В локализованных текстах на английском и французском языках при нахождении в рамках одного стиля присутствуют различия на уровне стилистики, лексики и грамматики.
3. Особенности локализации англоязычных и франкоязычных версий сайтов позволяют определённым образом охарактеризовать исследуемые лингвокультуры.

Локализация неразрывно связана с процессом перевода, но представляет собой более сложный процесс, так как определяется и языковым, и культурным фактором. Перспективой исследования является изучение явления с точки зрения других лингвистических аспектов и других лингвокультур.

Квазилексема в научно-фантастическом тексте: словообразовательный аспект

Зубрилина Валерия Александровна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Т. А. Казакова

Научная фантастика — жанр художественной литературы, зародившийся в XIX веке, но не теряющий своей популярности и по сей день. Для описания фантастической реальности автор зачастую прибегает к созданию новых слов — квазилексем, которые создают необходимый колорит произведения и контекст для дальнейшего повествования. Иными словами, квазилексема (от лат. *quasi* — «наподобие», «как будто») — авторский окказионализм, отличающийся псевдонаучным, псевдотерминологическим или псевдореалистическим характером.

Цель данного исследования — определить влияние словообразовательной структуры квазилексемы на выбор переводческого решения. Материалом исследования послужило произведение Д. Адамса «The Hitchhiker's Guide To The Galaxy». В ходе исследования широко использовались этимологический, компонентный и контекстуальный анализ. Помимо этого, для толкования слов мы обращались к толковым и словообразовательным словарям.

В результате исследования мы установили наиболее продуктивные методы окказионального словообразования.

1. Словосложение — сочетание двух или более основ с использованием соединительной гласной или же без неё: *Aircar* (*air* + *car*), *policescraft* (*police* + *craft*), *Galacticspeke* (*Galactic* + *speak*). Подтипом словосложения считается междусловное наложение слов, как в случае с *Galacticcredit card* (*galactic* + *credit*).
2. Контаминация — близкий к словосложению способ словообразования, при котором основы подвергаются своеобразному «усечению»: *Gargantubrain* (*Gargantuan* + *brain*), *visiscreen* (*vision* + *screen*).
3. Аффикасация — прибавление к основе приставок, суффиксов или компонентов сложных слов. Выделяют три способа: 1) префиксальный *Telepsychic power* (*tele-* + *psychic*), *hyperintelligent* (*hyper-* + *intelligent*); 2) суффиксальный *Fishoid* (*fish* + *-oid*), *walkingtreeoid* (*tree* + *-oid*), *reptiloid* (*reptile* + *-oid*); 3) префиксально-суффиксальный *Pandimensional* (*pan-* + *-dimensional*).
4. Ономотопея, или звукоподражание, то есть фонетически окказионализм: *Nooloovoo*, *Yooden Vranx*, *Hrung Disaster*.
5. Окказиональные словосочетания (окказиональное значение они приобретают лишь в форме словосочетания, при этом их структура отно-

сительно прозрачна и в условиях контекста не представляет трудностей для восприятия): Braincarespecialist, hyperspatialengineers, poetryappreciationchairs.

6. Смешанные способы (используются преимущественно в окказиональных словосочетаниях): PanGalacticGargleBluster (pan-+galactic, gargle — звукоподражание).

Восприятие квазилексемы как окказионального новообразования может вызывать затруднения у реципиента, поэтому при выборе переводческого решения в первую очередь необходимо обращать внимание на контекст и словообразовательную структуру слова.

Инициальная позиция дискурса как локус эмотивности (в аспекте художественного и киноvideоперевода)

Рубиш Анна Анатольевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Е. С. Петрова

В настоящее время особая отрасль лингвистики, эмоциология, все чаще выходит на передний план. Однако не все характерные для эмотивности признаки изучены в должной степени. В частности, инициальная позиция дискурса имеет ряд особенностей в выражении эмоций.

Целью доклада является определить способы дескрипции эмоционального состояния, характерные для описания эмоций в инициальной позиции художественного перевода (ХП) и киноvideоперевода (КВП) на примере произведений современной британской и американской литературы и соответствующих им кинофильмов.

К основным положениям доклада можно отнести то, что конгруэнтная репрезентация эмоций является характерной для ХП и КВП. К одному из способов такой репрезентации можно отнести копирование эмоциональной сцены из инициальной позиции литературного произведения в инициальную позицию кинопроизведения с соответствующим переносом эмоции. Перевод с языка оригинала на переводной язык в таком случае сохраняется.

Таким образом, локус эмотивности в инициальном фрагменте и конгруэнтная репрезентация эмоций в нем являются характерной особенностью для ряда художественных и киноvideопроизведений.

Научная и литературная критика художественного перевода (на материалах переводов произведений Дж.Д.Сэлинджера)

Ниткин Павел Сергеевич

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. И. В. Недялков

Вопрос научной критики художественного перевода является одним из самых сложных в переводоведении ввиду специфики данной области переводческой работы. Особые задачи художественного перевода обуслов-

лены особенностями художественного текста, основной из которых является то, что в художественном тексте наблюдается более сложный баланс формы и содержания, чем в так называемых логических текстах. В художественном тексте форма является частью содержания, одним из способов воздействия автора на читателя. Следовательно, для осуществления перевода, переводчику необходимо из авторских формы и содержания вывести общее содержание и найти форму, которая сможет его выразить. Соответственно при осуществлении критики художественного перевода необходимо учитывать множество факторов, в число которых входят: 1) цель, мотивация и индивидуальность переводчика; 2) феномен множественности восприятия художественного текста; 3) феномен культурного присвоения переводного текста; 4) проблема национально-культурной и хронологической адаптации; 5) влияние литературной традиции на перевод; и многие другие.

В исследовании рассматриваются переводы на русский язык произведений американского писателя Дж. Д. Сэлинджера, сделанные в разные эпохи переводчиками с разными целями и разными подходами к работе над художественным текстом. Проанализированы лексические, семантические и культурные аспекты перевода. Произведена их оценка с лингвистической и литературоведческой точки зрения.

Пространственные образы в романе Б. Бейнбридж «Мастер Джорджи» в переводческой перспективе

Жиделева Марина Александровна

студент 1 курса, Московский городской педагогический университет

Научный руководитель – к. филол. наук, ст. преп. Е. Л. Федорова

Настоящая работа является исследованием своеобразия художественного пространства, созданного Б. Бейнбридж в романе «Мастер Джорджи», и особенностей передачи романного пространства при переводе с языка оригинала на русский язык. Проблема изучения хронотопа получила широкое освещение в теоретических работах, однако остается недостаточно изученной в сфере философии искусства и истории развития постмодернистского романа. В литературе художественное пространство определяется как некий образ физического пространства, изображенный автором в произведении искусства. Художественное пространство содержит в себе тот набор отличительных черт, которые придают произведению уникальность, внутреннее единство и завершенность, а также наделяют его эстетическим характером. Своеобразие художественного пространства романа выражается посредством используемых автором изобразительных средств и является одним из основных признаков художественного стиля автора. Поэтому определение характерных черт переводимых на русский язык словесных образов, создающих пространство, является необходимым для получения полного и объективного представления о романном локусах. Проведенное исследование доказывает, что в английском и русском языках методы описания пространственного континуума раз-

личаются. Это позволяет увидеть особенности восприятия романной действительности. При анализе и сопоставлении лексических и грамматических форм, используемых автором и переводчиком, было выявлено, что в английском языке при описании пространства наиболее часто встречаются глагольные формы, а в русском — именные. Также при переводе в основном устанавливались структурные и формально-грамматические соответствия на основе операций восстановления. Полученные данные могут быть использованы при написании теоретических работ по лингвистике и переводоведению, при исследовании особенностей пространства постмодернистского романа.

История переводов Ч. Диккенса в России: особенности передачи юмора

Комиссарова Алина Дмитриевна

студент 1 курса, Московский городской педагогический университет

Научный руководитель – к. филол. наук, ст. преп. Е. Л. Федорова

Настоящая работа является исследованием особенностей развития методов и способов перевода юмора в художественной литературе с английского языка на русский. Вопрос передачи комического представляет собой особую область науки о переводе, интерес к которой не прекращается. Данная проблема поднимается во многих переводоведческих трудах и продолжает оставаться одним из актуальных вопросов современной науки о переводе. Результаты проводимых исследований показывают необходимость дальнейшего изучения аспектов передачи юмора. С проблемами интерпретации комического чаще всего можно столкнуться при переводе художественной литературы. Материалом для анализа особенностей английского юмора послужил роман Ч. Диккенса «Посмертные записки Пиквикского клуба», а также его переводы, выполненные И. И. Введенским в середине XIX века и А. В. Кривцовой и Е. Н. Ланном в XX веке. Его произведения считаются образцом английского юмора, показывают образ мышления англичан и отражают национальный характер. Целью исследования является выявление особенностей перевода английского юмора в разные эпохи. Поставлены следующие задачи: изучение истории переводов романов Чарльза Диккенса в России и демонстрация способов передачи юмора на примере произведения «Посмертные записки Пиквикского клуба». Интерпретации одного и того же произведения, выполненные в разные периоды, могут иметь значительные отличия в способах передачи и описания комических ситуаций. Тем не менее переводам удастся передать общее настроение юмористических сцен и сохранить колорит исторической эпохи. В рамках исследования был проведен анализ научно-методических разработок, посвященных проблемам перевода комического в художественном тексте, и сопоставление как способ выявления универсалий, характерных для перевода в различные временные периоды.

Стратегии перевода окказиональных имен собственных

Фаустова Анастасия Павловна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. В. В. Елисеева

1. Имя собственное (ИС) определяют как называющую лексическую единицу, первичной для которой является функция индивидуализирующей номинации. Характерная черта ИС — мотивировка, под которой понимается соотношение семантических компонентов имени. Поскольку эти компоненты отражают свойства называемого объекта, экспрессия и стилистическая нагрузка ИС высока, что позволяет говорить о прагматической направленности этих единиц.
2. Окказионализм создается для номинации денотата, не существующего в реальности, поэтому у него практически нет шансов стать частью узуса. Он отличается эмоциональной выразительностью, заключенной в его «незаданности» языковой системой, новизне, свежести, первозданности. Ведущая функция окказионализма — экспрессивная, одна из целей его создания — достижение художественной изобразительности. Окказионализму свойственны безэквивалентность (отсутствие в языке перевода схожего понятия), гиперсемантичность (возможность вмещать несколько сем), аналогия в сочетании с деформацией. Эта комбинация предполагает возможность отнесения окказионализма к определенной лексико-грамматической группе и присущее ему нарушение формы на имплицитном и/или эксплицитном уровнях. Гиперсемантичность, а также взаимодействие аналогии и деформации повышают экспрессивность единицы. Перечисленные особенности обуславливают трудность выбора способа перевода окказиональных ИС, равно как их непосредственную передачу.
3. В процессе анализа материала в качестве основных стратегий перевода были выявлены: перевод без внесения изменений (приемы калькирования и транскрипции / транслитерации), перевод с использованием лексических трансформаций (конкретизации и генерализации) и создание нового окказионализма.
4. Были выявлены случаи калькирования, основанного на слуховых ассоциациях, а также обусловленного мотивировкой слова. Во всех случаях калькирование не мешает передать весь семантический объем окказионального ИС, чего нельзя сказать о транскрипции, даже несмотря на частотность последней.
5. Лексические трансформации способствуют более четкой и понятной для читателя передаче окказионального ИС; в случае с конкретизацией — снятию энтропии.
6. Материал показал, что, создавая новый окказионализм, переводчик в полной мере сохраняет референциальное значение оригинального окказионального ИС, способствует передаче прагматики и авторской концепции.
7. Главный критерий адекватности перевода окказиональных ИС — сохранение их референциального, внутрилингвистического и прагматического значений.

8. При переводе нередко прослеживаются стилистические изменения в ИС — повышение регистра. Приподнятость стиля выполняет прагматическую функцию (создание атмосферы произведения), помогая воплотить авторскую концепцию.

Эзра Паунд по-русски: о нескольких переводах

Балашова Антонина Александровна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, доц. А. А. Аствацатуров

Если использование языка — это номинативный акт, то Эзра Паунд стремился добиться предельной функциональности означающих при назывании или, по его собственному выражению, языковой точности (*language precision*). Поиск *mot juste* лег в основу поэтического метода Паунда: он избегал чрезмерной эмоциональности и невнятной ассоциативности, а также эпитетов, обреченных вносить в текст субъективный оттенок. Среди основных поэтических приемов Паунда — использование контраста и противопоставления, а также применение отдельного образа, «светящейся детали» (*luminous detail*) в качестве камертона атмосферы всего стихотворения.

Сам Эзра Паунд много занимался переводами иностранной поэзии на английский язык. Среди его переводов — переложения из поэзии провансальских трубадуров, а также из стихотворений Гвидо Кавальканти, Франсуа Вийона и других. Паунд прославился своими интерпретациями строк Горация, Овидия, Секста Проперция, а также своим вариантом старой английской поэмы «*Seafarer*» и переводами с китайского. Паунд был далек от переводческого буквализма. В статье о своем опыте перевода поэзии Гвидо Кавальканти («*On Guido's relations*», 1929) он замечает, что переводчик не может и не должен делать всю работу за читателя: ему стоит только указывать на то место, где лежит «сокровище». Тем не менее это не означает, что следует заниматься безграничной авторской импровизацией: каждый образ должен быть выверен, а словарь — отсылать к атмосфере, времени, месту написания оригинального образца.

Эти и другие особенности, составляющие художественную и переводческую парадигмы поэта Эзры Паунда, необходимо учитывать в работе над переводом его поэзии и над ее адаптацией для русскоязычного читателя. Перед переводчиком встает многоплановая задача, отягченная рядом сложностей и специфических нюансов. Нельзя не только игнорировать взгляды Паунда на поэтическое творчество, но и небрежно относиться к аллюзивному и интертекстуальному уровням его поэзии: она перенасыщена литературными и историческими реминисценциями, подтекстами и замаскированными цитатами. Другие проблемы и «ловушки» перевода, а также конкретные примеры удачных и неудачных переводческих интерпретаций для удобства анализа мы предлагаем классифицировать по аналогии со знаменитой паундовской триадой *meloroeia* — *phanoroeia* — *logoroeia*. Так, к сфере мелопеи, или мелодическому построению стихотворения, относятся особенности переложения фонетического ряда и стихотворного раз-

мера оригинала. Фанопейя — образное построение стихотворения — включает работу с тропами всех видов. Логопейя, или интеллектуальное построение поэзии, объединяет вопросы грамматики, синтаксиса, идиоматики и всех видов языковых игр, ответственность за передачу которых (подбор аналогов или замена их на нечто иное) берет на себя каждый переводчик.

Проблемы перевода палиндромов с испанского языка на русский язык (на материале рассказа Х. Кортасара «Satarsa»)

Ярославцева Наталья Владимировна

студент 2 курса, Казанский (Приволжский) федеральный университет
Научный руководитель — к. филол. наук, доц. О. В. Климчак

Палиндром — сложная лингвистическая конструкция, симметрично оформленный текст, который может быть одинаково прочитан в обоих направлениях — является разновидностью графической языковой игры. Полноценная реализация этого феномена возможна лишь при соблюдении условий семантической, графической и фонетической сочетаемости, что вызывает определенные трудности при переводе.

Процесс интерпретации палиндрома также усложняется наличием индивидуальных особенностей исходного и переводящего языков.

Цель работы — выявить закономерности перевода данной структуры, определить способы перевода палиндромов и влияние выбранного способа на итоговое содержание текста.

В ходе исследования применяется метод сопоставительного анализа, эмпирическим материалом для которого являются оригинальный текст произведения Х. Кортасара «Satarsa» и переводы С. Имберта и О. Светлакова. Данный метод позволяет изучить форму и содержание исходной конструкции по сравнению с её переводами, выделить принципиальную разницу реализации конструкции в двух языках.

В работе рассматривается процесс адаптации оригинального текста, изучаются особенности лексических способов интерпретации палиндрома, а также выделяются основные пути его перевода — сохранение структуры при частичном изменении смысла, полноценная адаптация единицы с сохранением семантики, стилистики и строения и толкование исходного текста при утере структуры.

В исследовании поднимается вопрос влияния психологических, социокультурных и других факторов на процесс перевода выбранных конструкций.

В заключение определяется значимость палиндромов в рассказе как выразительных средств и как сюжетных единиц, формулируются причины затруднений, возникающих при интерпретации данной структуры, и подчеркивается зависимость итоговой семантики переведенного текста от способа, выбранного переводчиком.

Также предлагается вниманию перевод, выполненный самим докладчиком, анализ процесса перевода и сравнение нового варианта с уже существующими.

Причины лексических и грамматических ошибок при машинном переводе

Михайлова Нина Сергеевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. И. В. Неद्याлков

Доклад посвящен выявлению возможных причин лексических и грамматических ошибок, которые допускают программы-переводчики. Материалом для исследования послужили сайты по онлайн-покупке билетов; он актуален, поскольку на сегодняшний день большое количество людей является потребителями туристических услуг. Кроме того, в данном случае машинные переводчики выполняют функцию поддержки коммуникации, то есть основную задачу перевода.

Целью исследования являлось определение причин возникновения ошибок в работе машинных переводчиков при переводе англоязычных сайтов по онлайн-покупке билетов на русский язык. В работе были описаны параметры и потенциал инструментов, при помощи которых в сети осуществляется перевод сайтов. Были описаны лингвистические особенности текста на отобранных для исследования веб-страницах. Также были определены параметры, по которым оценивалось качество перевода программами-переводчиками. В результате проведенного перевода веб-страниц исследуемыми инструментами машинного перевода была произведена классификация и описание лексических и грамматических ошибок, которые допускали программы-переводчики. В заключение были обозначены причины возникновения ошибок в работе машинных переводчиков и предложены возможные способы их устранения. Также был предложен наиболее удобный, быстрый и грамотный инструмент машинного перевода веб-страниц.

О вариантах перевода мифонимов в цикле Джоан Роулинг «Гарри Поттер» на русский язык

Рогачёва Ольга Владимировна

магистрант 2 курса, Уральский федеральный университет им. Б. Н. Ельцина
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. М. Э. Рут

Переводческие трансформации онимов влияют на восприятие персонажей, как главных, так и фоновых. В докладе рассматриваются онимы, номинирующие волшебных существ в цикле романов Дж. Роулинг о Гарри Поттере и в их переводах на русский язык. Для сравнения взяты переводы «Росмэн», Марии Спивак и «Народный перевод».

Так, имя гоблина, сопровождавшего Гарри Поттера в банке, Griphook, состоит из двух частей: grip ‘хватать’ и hook ‘крюк’. Заложенные в имени семы характеризуют персонажа как цепкое, ловкое существо. «Народный перевод» транскрибирует имя *Грифук*, не проясняя его внутреннюю форму для русскоязычного читателя. Остальные переводчики калькируют имя, предлагая варианты *Цапкрюк* (Спивак) и *Крюкохват* («Росмэн»).

В коннотативном фоне имени домового эльфа Kreature заключено отношение большинства волшебников к подобным существам: для владельцев они нечто безликое. Вариант «Росмэн» *Кикимер* является отсылкой к прецедентному имени — *Кикимора*. Кроме того, мифоним созвучен русскому *лицемер*, что намекает на двуличность персонажа. Более мягким представляется перевод Спивак *Шкверчок*. В нём негативный фон создает звучание (обилие шипящих) и отсылка к глаголу *шкварчать*, подчёркивающему особенности речи персонажа. В то же время предлагаемый вариант сопоставим с лексемой *сверчок*, не обладающей негативной коннотацией. Вариант-транскрипция «Народного перевода» *Кричер* ассоциируется с глаголом *кричать*, что не свойственно персонажу.

Зооморфные волшебные существа номинируются по внешним признакам либо специфическому действию. Так, гиппогриф (гибрид лошади и грифона) зовется *Buckbeak*, от *buck* 'становиться на дыбы' (действие, присущее лошади) и *beak* 'клюв' (деталь облика грифона).

В вариантах перевода мифонима *Buckbeak* наиболее точным оказывается «Народный перевод», предлагающий вариант *Конклюв*, в вариантах *Клювокрыл* («Росмэн») и *Конькур* (Спивак) актуализируются дополнительные признаки: крылья — в случае варианта *Клювокрыл* и схожесть клюва гиппогрифа с куриным — в случае *Конькур*.

Фениксу Роулинг подбирает прецедентное имя *Fawkes*. С носителем широко известного англоязычной аудитории имени феникса связывает идея циклического сгорания. Переводы даются через транскрипцию — *Фоукс* («Росмэн»), через семантически точный вариант — *Фокс* («Народный перевод») и через трансформированный для славянской аудитории вариант *Янгус* (Спивак), содержащий отсылку к прецедентному имени *Ян Гус*.

Таким образом, при передаче мифонимов «Народный перевод», за редким исключением, прибегает к транскрипции имён, для М. Спивак и «Росмэна» свойствен прежде всего трансформационный перевод.

Анализ соответствия понятийных систем при переводе научного текста с французского на русский язык

Брызгалова Екатерина Васильевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. М. А. Марусенко

В докладе анализируется проблема адекватности перевода научно-технического текста. Этот вопрос чрезвычайно актуален в наши дни, в эпоху инновационных технологий и появления огромного числа новых научно-технических терминов в большом количестве областей. Далеко не все приемы, подходящие для перевода общеупотребительной лексики, могут быть применены для перевода терминов. Считается, что терминологическая единица должна обладать фиксированным значением и не вызывать различных трактовок своего содержания и что при переводе должны находиться однозначные соответствия оригинальным терминам. Тем не менее, даже если мы имеем дело с одно-однозначными соответст-

виями, что на практике, встречается, к сожалению, не повсеместно, далеко не всегда объем и содержание понятия из оригинального текста соответствуют объему и содержанию понятия в переводе. Целью исследования является оценка степени соответствия, но не на примере отдельных терминов, а на уровне целого текста путем сопоставления понятийной системы оригинального источника с понятийной системой переводного текста. Задачами исследования являются: 1) составление списка опорных слов для оригинального текста и для его перевода; 2) выявление терминов из этих текстов на основе принципа ключевых слов; 3) статистический анализ полученных терминосистем с точки зрения частоты употребления терминов разного объема; 4) интерпретация полученных результатов. Для проведения исследования была выбрана книга группы французских математиков, пишущих под псевдонимом Николя Бурбаки «Théorie des ensembles», и ее перевод на русский язык. Затем, на основе терминологических указателей, приведенных в каждой книге, был составлен список ключевых слов для обоих текстов. Используя полученные опорные слова, из текстов были выделены терминологические номинативные группы разного объема. При помощи корреляционного анализа двух полученных терминосистем получены данные о соответствии этих терминосистем в объеме и содержании отражаемых ими понятий. Полученные результаты представлены также в графической форме.

Передача лингвокультурологической информации при переводе

Савенкова Александра Дмитриевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Т. М. Ушакова

При переводе художественной литературы необходимо учитывать два обстоятельства: переводный текст должен отвечать требованиям эквивалентности и соответствовать коммуникативной ситуации, то есть не нарушать принцип адекватности. Это необходимо для того, чтобы эффект от прочтения книги на языке перевода был максимально приближен к эффекту, который производит на читателя текст оригинала. Но как же перевести текст, если культуры носителей разных языков отличаются? Здесь существуют различные подходы, которые могут быть рассмотрены на примере перевода на русский язык французского романа М. Barbery «L'élégance du hérisson».

Большие трудности возникают при переводе так называемых культуронимов — лексических единиц, которые обозначают элемент, принадлежащий определенной культуре. Он может быть выражен различными способами: именами собственными, названиями произведений, научных работ, фильмов, интертекстуальными включениями и упоминаниями культуры как таковой, словами, передающими этнические особенности.

Анализ переводческих решений показал, что существует множество способов достичь почти полного соответствия текстов, среди них: дослов-

ный перевод, калькирование, заимствование, парафраза и адаптация. При решении спорных вопросов передачи культурологического компонента переводчик определяет, на кого ориентирован его текст, то есть в каких случаях стоит прибегнуть к экспликации культуронимов для достижения адекватности, когда стоит пренебречь эквивалентом, а в каких случаях фоновых знаний читателя будет достаточно для того, чтобы понять текст.

Несмотря на быстрый рост глобализации, сложности в передаче культур существуют и будут существовать. Поэтому переводчик — это посредник между культурами, без которого читатель не смог бы в полной мере оценить художественное произведение.

Деспециализация терминологии в аспекте перевода

Смирнова Дарья Дмитриевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. А. В. Ачкасов

Английская терминология является обширной базой для исследований. Любое слово может терминологизироваться и стать термином — таким же образом может произойти и обратный процесс, при котором термин теряет свое специальное значение, превращаясь в общеупотребительное слово.

Целью работы является анализ перевода терминов, утративших свое специальное значение. Поставленная цель исследования обусловила необходимость решения следующих задач:

- 1) объединить терминологические единицы в группы в зависимости от способа утраты ими специального значения (деспециализация и детерминологизация);
- 2) классифицировать деспециализированные термины в зависимости от наличия или отсутствия переводного эквивалента в русском языке;
- 3) классифицировать детерминологизированные единицы в зависимости от способа их детерминологизации;
- 4) установить способы перевода детерминологизированных единиц.

В работе использованы методы дефиниционного, семантического, сопоставительного и переводческого анализа.

Изначально термин подвергается деспециализации, при которой он проникает в неспециальный текст и сохраняет свое специальное значение. Например, в предложении «Joint pain can be caused by injury affecting any of the ligaments, bursae, or tendons surrounding the joint» единица joint используется в своем прямом терминологическом значении. Тем не менее в предложении «All my joints hurt when it rains, my grandma said» единица утрачивает свою терминологичность при употреблении в неспециальном тексте, но ее значение не меняется (степень деспециализации в данном примере можно приравнять к средней). В русском языке существует переводной эквивалент единицы — «сустав». При детерминологизации специальная единица приобретает новое значение, попадая в неспециальный текст. Например, в предложении «The cops found a joint in the car, but he says if he had known a joint was in the car he would have already smoked it»

единица joint приобретает новое значение ‘a marijuana cigarette’, тем самым переставая существовать как термин. В данном случае детерминологизация происходит одновременно со сленгизацией значения. На русский язык единица переводится «сигарета с марихуаной», переводной эквивалент отсутствует, перевод выполняется при помощи описательного перевода.

Перевод конвенциональных метафор

Терешко Екатерина Владимировна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. И. М. Михайлова

Со времени публикации работы Дж. Лакоффа и М. Джонсона, перевернувшей традиционный взгляд на метафору, все больше ученых во всем мире обращаются к изучению метафор. Лакофф и Джонсон не дают четкого определения метафоры, а лишь расширяют её предметное поле, отмечая, что метафора не является только языковым явлением, но затрагивает и мышление, и деятельность. Предметом нашего исследования стали конвенциональные метафоры в русском и нидерландском языке. Под конвенциональными метафорами понимаются метафоры, вошедшие в национальный словарный запас и распознающиеся как метафоры при указании на этот факт. Эти метафоры отличаются от мёртвых метафор, не распознающихся как троп, и от новых метафор, не вошедших в национальный словарный запас. Они представляют особый интерес для исследования, так как конвенциональные метафоры в большей степени, чем любые другие, являются выражением общей для носителей одного языка картины мира. Анализ метафор и метафорического мышления в текстах и переводах может, таким образом, помочь выявить культурные совпадения и различия в концептуальных структурах. Для выделения метафор использовалась методика, разработанная амстердамскими лингвистами кружка Pragglejaz Groer (2007). При выборе конвенциональных метафор были использованы следующие критерии: 1) метафорическая сущность слова или выражения; 2) вхождение слова или выражения в национальный словарный запас (наличие в словарных статьях, частота использования); 3) распознаваемость слова или выражения как метафоры при указании на этот факт.

Обнаруженные таким образом конвенциональные метафоры были сопоставлены с переводом. В результате анализа выяснилось, что встречаются следующие способы перевода метафор: репродукция, субституция, описание и опущение. Выбор того или иного способа зависит от наличия и частотности употребления схожей метафоры в языке перевода и предпочтений переводчика. Наибольший интерес представляют случаи субституции, т. к. в них проявляется специфика языковой картины мира. Часто встречается конверсивный перевод конвенциональных метафор способом субституции. Интересно также отметить различие в употреблении предлогов — главных маркеров пространственной ориентации, являющейся сферой-источником для ориентационных концептуальных метафор. Для ни-

дерландского языка наиболее характерны образы моря, тогда как в русской традиции море выступает как сфера-источник метафор гораздо реже. Интересно, что и в русской, и в нидерландской традиции тело часто выступает сферой-источником для метафор, однако части тела, используемые для одной и той же метафоры, обычно различны.

Специальная лексика коневодства и конного спорта в переводе англоязычной художественной литературы

Воробьева Арина Викторовна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. М. Н. Лапшина

Когда специальная лексика употребляется в художественном тексте, выбор способа ее перевода представляет собой достаточно сложную задачу, несмотря на то что специальная лексика обычно имеет однозначное соответствие в иностранных языках. При передаче специальной лексики в условиях художественного перевода — в частности, специальной лексики коневодства и конного спорта (КиКС) — переводчику необходимо выбирать способ перевода, обеспечивающий оптимальный уровень одновременно эквивалентности и адекватности перевода. Не все способы перевода являются в данном случае в равной степени эффективными.

Цель доклада — рассмотреть различные способы перевода специальной лексики КиКС и выделить потенциально наиболее эффективные из них. Материалом для исследования послужили выдержки (предложения или несколько предложений) из переводов англоязычных художественных произведений, содержащих специальную лексику КиКС.

В докладе рассматриваются различные способы перевода специальной лексики КиКС.

1. Перевод соответствующей единицей специальной лексики КиКС на русском языке.
2. Перевод единицей специальной лексики КиКС с иным значением.
3. Перевод развернутым объяснением значения исходной лексической единицы.
4. Перевод общеупотребительной лексической единицей; и др.

В ходе исследования было выявлено, что наибольшей потенциальной эффективностью обладают следующие 2 способа, применяемые в различных ситуациях.

Перевод соответствующей единицей специальной лексики КиКС на русском языке дает возможность полной передачи значения исходной лексической единицы и способствует достижению высокой адекватности перевода. Это возможно при условии достаточных фоновых знаний предполагаемого читателя о значении данной лексической единицы или в случае прояснения ее значения из контекста или благодаря ассоциативным связям.

Перевод общеупотребительной лексической единицей дает возможность обеспечить достаточный уровень эквивалентности перевода и в то

же время высокий уровень адекватности перевода. Этот способ перевода будет удачным в тех случаях, когда предполагаемая аудитория имеет слабое представление о значении исходной лексической единицы и выведение ее значения из контекста или с помощью ассоциативных связей невозможно.

Проблемы перевода правовой нормы на материале международных соглашений по борьбе с терроризмом

Ремати Андре Мишель

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – ст. преп. И. Н. Баскакова

Правовая норма — это особая социальная норма, имеющая свои социокультурные характеристики и специфические признаки. В представленном докладе рассматриваются проблемы перевода правовой нормы. Анализ проведен с помощью различных методов лингвистического и юридического анализа (на материале международных соглашений по борьбе с терроризмом). Выявлена и обоснована необходимость совместного использования методов юридического и лингвистического анализа в процессе перевода. На основе проведенного исследования автором выделяются наиболее часто используемые способы перевода правовой нормы, дается обоснование их использования, формулируются основные характеристики лингвистического и юридического анализа.

ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ДО НЕОЭЛЛИНИСТИКИ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Книга Товита: сакрализация сказочного мифа

Белова Елизавета Геннадиевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. истор. наук, проф. Е. Н. Мещерская

Книга Товита, не входящая в канонический состав Библии, пользовалась, начиная со времени своего создания (предположительно III—II вв. до н. э.) большим авторитетом и популярностью у иудеев диаспоры, которым она и адресована. Об этой популярности свидетельствует обширная текстологическая традиция произведения. Распространению книги, очевидно, способствовала ее литературная форма, в которой легко узнать черты волшебной сказки. Фольклористика определяет сказку как миф, утративший свою сакральность. Сакральным было все, что касалось потустороннего мира и соприкосновения с ним. Репрезентативно это верование нашло отражение в так называемых обрядах перехода, в том числе в обрядах свадьбы и погребения, которые впоследствии становятся движущими силами волшебной сказки. Именно эти два обряда играют важную роль в сохранении национального единства и преемственности у евреев в условиях рассеяния. Угроза ассимиляции была так серьезна, что практическим требованиям придавалась религиозная окраска. Книга создавалась в эллинистической среде, поэтому неудивительно, что по своей форме она предвосхищает греческий роман, расцвет которого пришелся на I в. н. э. и который, в свою очередь, опирается на богатейшую эпическую и драматическую литературную традицию античности. Однако эллинистический роман уже не нес на себе религиозного оттенка, в то время как книга Товита предлагает нам новую сакрализацию мифа.

Формы обращения в письмах Синесия Киренского

Мирошниченко Евгений Игоревич

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Д. А. Черноглазов

Обращение как часть речи, относящейся к адресату, играет важную роль в эпистолярном жанре. В античную эпоху обращения были чрезвычайно простыми и не отличались частой повторяемостью. Как правило, речь идёт об

обычном вокативе. До византийских изысков, обращений в третьем лице, обращений-описаний, было ещё далеко. Эллинистическая эпоха, послужившая проводником мощного влияния восточной традиции обращений на европейскую культуру письма, привела к значительной трансформации форм обращения в эпистолярном жанре. Следы этих перемен мы находим в римской эпистолографии первых веков. В новозаветной эпистолографии мы также наблюдаем богатую систему обращений. Тем не менее вплоть до V—VI вв., до оформления византийской имперской титулатуры, формы обращения остаются достаточно скромными и незамысловатыми. В письмах Синесия мы впервые встречаем достаточно разнообразную систему обращений к адресату, что не в последнюю очередь обусловлено географической близостью автора к восточному культурному ареалу. В письме ярко проявляются обе функции обращения: апеллятивная и экспрессивная. Исследование форм обращения помогает понять степень близости между автором и адресатом, а также особенность ситуации, в которой письмо было написано. Поэтому исследование форм обращения в письмах Синесия представляет интерес для любого исследователя писем Синесия. При исследовании форм обращения в письмах мы сталкиваемся с трудностью проведения границы между обращением-описанием и обращением-титолом (например, обращение $\lambda\alpha\mu\pi\rho\acute{o}\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$, несмотря на очевидную близость к описанию адресата, является титулом). Для переходной эпохи от античности к средневековью, в которую жил Синесий, эта проблема осложняется, с одной стороны, тем, что античные формулы обращения теряют свою определённую, а с другой стороны, тем, что византийские формулы как обращений-описаний, так и обращений-титолов, ещё не устоялись. Поэтому формы, которые использует Синесий, обладают смешанным и вольным характером. Мы попытались выделить наиболее повторяющиеся и устоявшиеся формы обращения, которые Синесий употребляет чаще и охотнее всего ($\epsilon\upsilon\lambda\alpha\beta\acute{\epsilon}\sigma\tau\alpha\tau\omicron\varsigma$ — 10 раз, $\theta\alpha\upsilon\mu\acute{\alpha}\sigma\iota\omicron\varsigma$ — 8 раз, $\kappa\epsilon\phi\alpha\lambda\acute{\eta}$ — 33 раза, $\pi\alpha\tau\eta\rho$ — 5 раз, $\tau\acute{\iota}\mu\iota\omicron\varsigma$ — 7 раз, и др.), а также формы, необычные в целом для того времени, но встречающиеся у Синесия (например, $\alpha\zeta\iota\acute{\alpha}\gamma\alpha\sigma\tau\omicron\varsigma$ — 2 раза, $\sigma\epsilon\mu\nu\omicron\pi\rho\acute{\epsilon}\tau\epsilon\iota\alpha$ — 3 раза, $\tau\rho\acute{\iota}\rho\theta\eta\tau\epsilon$ — 5 раз, и др.).

В целом анализ форм обращений у Синесия позволяет заключить о переходном характере его писем с точки зрения истории форм обращений, а также о специфическом сочетании у него классической античной традиции с ранневизантийской.

КЛАССИЧЕСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Роль Аристиппа Киренского в развитии киренской этики

Ларионова Софья Юрьевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — д. филол. наук, проф. А. Л. Верлинский

В докладе разбирается учение философа-киренаика Аристиппа Киренского, жившего в V—IV вв. до н. э. и считающегося основателем киренской

философской школы. Вопрос о роли философа в развитии этой школы до сих пор не является решенным. По этому поводу существуют противоположные мнения: одни ученые считают, что Аристипп основал философскую школу в Кирене и был автором главных этических положений киренского учения, другие же не соглашаются с этим и считают, что главная роль в развитии гедонистического киренского учения принадлежала последователям Аристиппа, в частности его внуку Аристиппу Метродидакту.

На основании дошедших до нас источников можно сделать вывод о том, что Аристипп Киренский не был автором киренского гедонистического учения и основателем киренской школы, а основные положения принадлежали Аристиппу Метродидакту и другим киренаикам.

AP VI, 85: грамматики шутят

Кондакова Дарья Дмитриевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. В. В. Зельченко

Эпиграмма AP VI, 85 Паллада Александрийского ставит перед исследователями немало вопросов, многие из которых в изданиях и комментариях остаются без удовлетворительного ответа. Анализ этой эпиграммы в контексте традиции александрийских учёных-грамматиков, к которой Паллад был причастен, а также истории толкования гомеровских текстов способен, по нашему мнению, прояснить её смысл и структуру.

Кроме того, в докладе рассматривается вопрос о связи между этой эпиграммой и следующей за ней (AP XI, 86; Эвтолмий). Трактовка леммы, предполагаемая в комментарии к AP VI, 85 Пьера Вальца, кажется натянутой — вероятнее всего предположить ошибку лемматиста. Противоречащее лемме и поддержанное большинством комментаторов мнение, что объектом пародии является эпиграмма Эвтолмия, а не Паллада, представляется более вероятным, однако вывод Кэмерона [Cameron A. Notes on Palladas // Classical Quarterly. N. S. 1965. Vol. 15. P. 215—229] о намеренном включении этой эпиграммы в предполагаемое им собрание эпиграмм Паллада может быть подвергнуто сомнению.

«De Legibus» Цицерона как трактат о *ius civile*

Кузнецова Наталья Андреевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. А. Л. Верлинский

Герои диалога (Аттик и брат Цицерона Квинт) просят Цицерона изложить *ius civile subtilius quam ceteri* (I, 13). В ответ он предлагает рассмотреть *ius universum*, чего никто в Риме еще не делал; римское *ius civile*, как одна из областей права, будет затронуто в ходе беседы. Собеседники Цицерона с радостью соглашаются и одобряют этот способ рассмотрения права как единственно верный.

Ius civile римлян будет рассмотрено после наилучших законов вместе с постановлениями разных народов (De Leg. I. 17). У Цицерона есть при-

меры, где *ius civile* — все право, касающееся римских граждан, но текст *De leg.* указывает на обычное в эту эпоху значение — обычное право, не имеющее форму закона и основанное на толковании законов специалистами. Примечательно, что собеседники Цицерона при каждом удобном случае торопят его перейти к *ius civile*, словно, вопреки сказанному в начале *De Leg.*, именно оно — конечная цель диалога.

Ключевое место — *De leg.* II, 45 sqq.

(1) *Ius civile* будет затрагиваться в комментарии к отдельным законам Цицерона. Здесь речь идет об одном из предположительно немногих изменений в римском законодательстве, предложенных Цицероном, в то время как большинство обещанных наилучших законов совпадает с римскими. Поэтому возможно, что *ius civile* в первую очередь привлекалось в таких случаях. Об утерянных частях трактата сведений нет.

(2) Цицерон ограничивается изложением сути закона — так, чтобы читатель сам мог применить его к любому случаю. Напротив, книги о *ius civile* полны бесконечных частных. *Subtilius quam ceteri* в I, 13 получило двойной смысл: *ius civile* рассмотрено и с более тонкой точки зрения, и в более изысканной манере. Между тем слова Аттика позволяют истолковать *subtilius* еще и как «более подробно». Именно это подразумевает ответ Марка Аттику.

Hor. Serm. II 79–115: пародийная басня о двух мышках

Новикова Александра Олеговна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — к. филол. наук, доц. В. В. Зельченко

Вставная басня о городской и деревенской мышках в шестой сатире второй книги «Сатир» Горация (*Serm.* II, 6, 79–115) — один из лучших образцов горацианской поэзии: автор объединяет басню с философской пародией, блестящей самоиронией и эпическими аллюзиями. В докладе освещаются стилистические особенности пассажа, пародийные элементы и художественные приемы, использованные поэтом, а также предлагается отличная от канонической версия толкования смысла всей сатиры.

Император Юлиан в «*Res gestae*» Аммиана Марцеллина. Характеризующие сравнения

Савинова Юлиана Николаевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — д. филол. наук, проф. В. С. Дуров

Один из самых ярких образов в поздней римской историографии — это фигура Флавия Клавдия Юлиана в «*Res gestae*» Аммиана Марцеллина. Неординарная личность и трагическая судьба этого императора вдохновляли на создание произведений Д. С. Мережковского, Д. Ф. Штрауса, Г. Ибсена и других авторов. Изучение тех средств, с помощью которых Аммиану Марцеллину удалось создать столь живой и запоминающийся образ — важная

задача для понимания такой неоднозначной личности, как Юлиан. В докладе рассматриваются лишь самые яркие сравнения императора с различными животными. Поставленная задача потребовала осветить некоторые проблемы текстологии и трудности словоупотребления.

В докладе анализируются два пассажа (Amm. Marc. XVII, 11, 1; XXIII, 5, 8). В первом отрывке особую сложность представляет сравнение императора с болтливым кротом (*loquax talpa*). Предположительно это выражение отсылает к басне Эзопа о хвастливом кроте «*Ἀσπάλαξ*» и непосредственно связано с обвинениями Юлиана в хвастовстве и заносчивости. В этом же пассаже Юлиан сравнивается с козой (*capella, non homo*), облаченной в пурпур обезьяной (*purpurata simia*), греческим учителем *litterio Graecus*). Последнее сравнение выбивается из череды других, что также требует отдельного пояснения.

Второй отрывок представляет собой двусмысленное предзнаменование. По пути в заброшенный город Дару Юлиан увидел огромного льва, пронзенного множеством стрел. По сведениям Аммиана Марцеллина, Юлиан истолковал это знамение следующим образом: лев — это символ Персии, которая падет, пораженная оружием римлян. Но истинная суть предсказания: лев-Юлиан погибнет в сражении. Это непростое сопоставление со львом неслучайно, оно переключается как с другими «львиными» сравнениями в тексте, так и с произведением самого Юлиана «*Мисопогон*».

Сравнения с животными в «*Res gestae*», как правило, носят отрицательную коннотацию. Лев в качестве объекта сравнения не является исключением. Но в уподоблении Юлиана льву это животное выступает как символ благородного правителя.

Отрывок «*Mexici brevis descriptio*» из поэмы Рафаэля Ландивара «*Rusticatio Mexicana*» и его источники в античной эпической поэзии

Эрамжян Христофор Андреевич

студент 4 курса, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Научный руководитель — к. филол. наук, ст. преп. А. Е. Беликов

Рафаэль Ландивар — эпический поэт, живший в Гватемале в XVIII в. Основной его труд — поэма «*Rusticatio Mexicana*» («Сельская жизнь в Мексике»), в которой он прославляет Новый свет, его достоинства, флору и фауну, учит охоте и земледелию на североамериканском континенте. Поэма написана латинским гекзаметром, поэтому Ландивара называют американским Вергилием. Вероятно, Ландивар прибегал к уже существующим эпическим формулам, которые использовал Вергилий и другие классики, и многие формулы вставлял в свою поэму специально ради аллюзии на тот или иной римский текст. Целью настоящего доклада стал анализ техники заимствования формул и словосочетаний из классических римских текстов.

Для анализа привлекались строки 32—36 из I книги с заголовком «*Mexici brevis descriptio*»:

Urbs erat occiduis procul hinc notissima terris
Mexicus, ampla, frequensque uiris, opibusque superba,
indigenis quondam multos dominata per annos:
nunc uero Hispani, populis Mauorte subactis
scepra tenent, summaque urbem dicione gubernant.

Выделяются следующие параллели «*Rusticatio Mexicana*» с античными текстами:

кст. 32: *Urbs antiqua fuit (Tyrii tenuere coloni) Karthago, Italiam contra Tiberinaque longe (Ver. Aen. I, 12); urbs antiqua ruit multos dominata per annos; (Ver. Aen. II, 363); In Tartesiaci domus est notissima terris, Qua dives placidum Corduba Baetin amat (Mart. IX, 61, 1–2);*

кст. 33: *iamque adeo donati omnes opibusque superbi puniceis ibant euincti tempora taenis (Ver. Aen. V, 268); scis, semper ut arces Cyclopium magnique Phoroneos incluta fama scepra uiris opibusque iuuenem (Stat. Theb. I, 253);*

кст. 34: *urbs antiqua ruit multos dominata per annos (Ver. Aen. II, 363);*

кст. 35: *dum fortuna calet, dum conficit omnia terror, non ueritus graue ne fessis aut Marte subactis hoc foret imperium. (Lucan. VII, 735); imperat et longe clausis sua foedera, longe Ausoniam fore, nec ueniae spem Marte subactis (Sil. Pun. I, 302);*

кст. 36: *celsa sedet Aeolus arce scepra tenens mollitque animos et temperat iras (Ver. Aen. I, 57); qui mare, qui terras omnis dicione tenerent, pollicitus — quae te, genitor, sententia uertit? (Ver. Aen. I, 236); genitor tum Belus opimam uastabat Cyprum et uictor dicione tenebat (Ver. Aen. I, 622); patriis sed non et filius aruis contentus late iam tum dicione premebat (Ver. Aen. VII, 737).*

Таким образом, всего лишь в пяти строчках удается найти семь словосочетаний, которые можно считать отсылками к римским классикам, и 12 отсылок к употреблению этих формульных слов и словосочетаний в классической римской поэзии.

БИБЛЕИСТИКА

Союз *ἀλλά* в Септуагинте

Плешак Даниил Геннадьевич

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Е. А. Дружинина

Доклад посвящен уточнению особенностей употребления союза *ἀλλά* в иудеогреческом диалекте древнегреческого языка на материале греческого перевода Ветхого Завета (т. н. Септуагинты). В ходе работы исследовался вопрос о том, какие союзы и синтаксические средства древнееврейского языка

авторы Септуагинты переводили при помощи союза *ἄλλά*. В качестве материала использовался текст Пятикнижия и Старших Пророков. В ходе исследования было выявлено, что, хотя особенности употребления варьируются от книги к книге, у *ἄλλά* отсутствуют прямые эквиваленты в древнееврейском языке, так как данный союз использовался для перевода целого ряда древнееврейских союзов (*ki im, ki, lo, al, we* и т. д.), а также для перевода бессоюзной связи после отрицания, которые, в свою очередь, переводились не только при помощи *ἄλλά*, но и других союзов. Также удалось выявить семантику основных конструкции с *ἄλλά*: либо выбор из двух альтернатив, либо субституция ложного утверждения истинным.

Лингвистический анализ евангелия от эвионитов

Роик Муза Николаевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. истор. наук, проф. Е. Н. Мещерская

Из-за смешения эллинистической и семитской сред при переводах нередко происходит влияние семитского языка на новозаветный греческий, в частности на язык евангелий. Первым в 1518 г. это обнаружил Эразм Роттердамский, после которого этим вопросом начали заниматься другие исследователи. Однако их гипотезу не принял Теодор де Беза и его единомышленники, не признающие возможности внешнего влияния на греческий язык. Из-за этого конфликта развитие в этой области было сильно замедлено.

В конце XX в. французский кумранист Жан Карминьяк, произведя экспериментальный перевод евангелия от Марка на еврейский язык, заметил, что греческий текст очень легко и лаконично преобразуется в еврейский. Тогда он предположил, что все синоптические евангелия могли иметь еврейский первоисточник, и решил это доказать, разделив семитизмы на категории: заимствования, подражания, мышления, лексики, синтаксиса, стиля, композиции, переписывания и перевода. Его исследование вызвало бурную критику со стороны других филологов, которые осуждали его невнимание к вопросу арамейского первоисточника евангелий, объясняли многие семитизмы влиянием Септуагинты или родным языком автора, а то и вовсе называли бездоказательными совпадениями.

Наш анализ фрагментов текста евангелия от эвионитов основывается на теории Жана Карминьяка, но в целях объективности также учитывает мнение его критиков. В тексте удастся обнаружить все типы семитизмов, выделенные согласно методу французского библеиста, кроме лексики и переписывания. Большинство из них можно попытаться объяснить влиянием Септуагинты, родного языка автора или просто совпадением, но есть и те, которые такому объяснению поддаются очень плохо.

В итоге можно сделать вывод, что вопреки распространенному мнению в тексте обнаруживается достаточно большое количество семитизмов. Хотя большинство этих семитизмов может быть объяснено, не следует отвергать вероятность существования первоначального текста на семитском языке, тем более что возможно провести анализ лишь малых фрагментов, дошедших до нас, а не целого текста.

К вопросу об источнике Парижской Библии

Обатнин Георгий Геннадьевич

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Е. А. Дружинина

Парижская Библия — важнейшая веха в истории латинской Библии. Образовавшаяся где-то на протяжении XI—XII вв., она получила название «Вульгаты» (то есть народной, распространенной Библии), и на ее основе была напечатана первая в мире книга. Тем не менее ее истоки не так ясны. Одни ученые (Н. Denifle, J. P. Martin) считают, что для основы парижской Библии был выбран какой-то один манускрипт, с которого велось более или менее организованное копирование, и пытаются восстановить его. Другие же (Н. Glunz) настаивают на том, что это набор текстов, скопированных с разных оригиналов и подогнанных под нужды студентов и преподавателей Парижского университета. Возможно, ключ к пониманию истоков этого текста заключается в изучении истории латинского текста Библии после Алкуина, например в исследовании того, как сильно за эти 200 лет возросла роль комментариев и глосс. Стоит также обратить внимание, что за это время стали гораздо больше обращаться к еврейскому и греческому оригиналу, а задачи, ставившиеся перед ревизиями текста, со времен Алкуина кардинально изменились.

Женские образы в Книге Судей

Осипова Дарья Германовна

студент 2 курса, Петербургский институт иудаики
Научный руководитель – к. истор. наук, с. н. с. А. Г. Грушевой

Настоящий доклад посвящен женским образам в Книге Судей. Изображение женщины в Библии следует рассматривать с учетом того, что в библейских текстах, особенно в Ветхом Завете, женщины не обладают одинаковыми общественными правами и преимуществами с мужчинами. Собственность наследовали «сыновья, а не дочери». Женщины обладали незначительными правами перед законом, им не разрешалось разводиться с мужьями. Женщины лишь изредка упоминаются в родословных, да и то как сестры уже упомянутых сыновей.

Однако Бог относится к женщинам с уважением. Когда у отца нет сыновей, его собственность «наследуют дочери», как велит Бог Моисею поступить в случае с пятью дочерьми Салпаада, у которых не было братьев (Чис. 27:1—11).

В Библии обнаруживаются уникальные образы женщин. В одном ряду с Авраамом, Исааком, Иаковом, Моисеем, Давидом, Самуилом, Соломоном и прочими великими мужскими героями Библии стоят женщины: Сарра, Ревекка, Мириам, Девора, Далила, Анна, царица Савская и прочие.

В эпоху равноправия женщин и мужчин интересно обратиться к древнейшим источникам, чтобы посмотреть, как же раньше строились отношения между полами и каковы были их роли. В этом отношении Библия может служить крайне интересным источником.

Девора-пророчица — сильная и решительная судья, исполнительница воли Господа. Ее во многом можно сравнить с Моисеем как противившуюся своему предназначению, но впоследствии ведущую за собой свой народ. Она — «мать в Израиле», которая заботится о своих детях в Земле Обетованной.

Далила — вероломная женщина, предавшая своего мужа — сильного судью и национального героя — врагам-филистимлянам. За деньги она оказалась способна продать возлюбленного, играя на любви Самсона к ней, выведала секрет назорея «от чрева матери его».

Мать Самсона оказывается женщиной, исполнившей замысел Господа через своего сына. Она тонко чувствует сверхъестественное и остается верна Израилю и вере в Бога.

Несчастливая наложница левита, подвергнувшаяся жесточайшему насилию со стороны своего народа, послужила причиной к истреблению колена Вениамина в Израиле. На ее примере виден хаос, существовавший в Земле Обетованной до установления монархии.

Дочь Иеффая была отдана Господу, но реальная судьба ее до сих пор неизвестна. Она оказалась верна воле отца и Бога, когда безропотно покорилась судьбе. Такую цену ее отец заплатил за победу над врагом.

Анализ женских образов в Книге Судей позволяет выявить основные черты характера этих личностей, предположить, какое место они занимали в обществе, и проследить их влияние на библейскую историю Израиля.

Идиш как язык библейского перевода

Якубович Татьяна Викторовна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — к. филол. наук, доц. Ю. П. Варганов

Цель доклада — ознакомить слушателя с существующими переводами Ветхого Завета на идиш, рассказать о возникновении библейской эпической поэзии на этом языке, а также обозначить роль идиша в истории библейского перевода.

В течение многих веков язык идиш оставался самым распространенным еврейским языком на территории Европы. Поэтому неудивительно, что уже с XIII в. стали появляться первые переводы отрывков Пятикнижия на этот язык, а в XIV в. — отдельных книг Ветхого Завета. Первоначально эти издания предназначались для женщин, которые не владели библейским ивритом, («Лошн-койдеш» — «святым языком»), к изучению которого, согласно иудейской традиции, допускались только мужчины. В Позднем Средневековье создавались стихотворные парафразы на идише, которые впоследствии легли в основу эпической поэзии на библейские темы. Первым полным переводом Ветхого Завета на идиш стал напечатанный в 1544 г. в Стамбуле перевод Микаэля Адама. А в 1616 г. в Люблине была впервые опубликована «Црена-урена» Якова Исаака Ашкенази, уникальная книга для женского чтения, содержащая пересказы библейских сюжетов с дополнительными поучениями из Талмуда и мидрашей, а также «haftarot» — отрывки из Книги Пророков для чтения вслух в субботу и праздники.

Документ 4QММТ и процессы канонизации Писания

Глебушко Марианна Александровна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Ю. П. Вартанов

Большая часть текста 4QММТ (Галахическое письмо) представляет собой перечень спорных вопросов иудейского права (галахи), которые обусловили отделение общины Мертвого моря от основного направления в иудаизме. Целью исследования было выяснить, как через взаимодействие с Писанием, в частности через его цитирование, документ 4QММТ может быть соотнесен с другими современными ему текстами. При анализе формулировок, с помощью которых библейские цитаты вводятся в документе 4QММТ, а также в других текстах, созданных кумранской школой переписчиков, и анализе аналогичных формулировок в Новом Завете, удалось заметить, что кумраниты выработали особую формулировку, вводящую цитату из пророческих книг, отсутствующую у авторов Нового Завета: אַשְׁרֵי בּוֹלֵב סֵפֶר ... הַבַּיִת. Ее наличие показывает, что цитирование раздела пророков (Невиим) было в Кумране установившимся обычаем. Кумраниты отчетливо выделяли эту часть Библии: возможно, существовал список пророков, цитаты из произведений которых можно было вводить этой формулировкой (причем в этот раздел попадает и книга пророка Даниила, которая позже перемещается в другой раздел еврейской Библии — Писания (Кетувим)). Третий же раздел Библии у этой школы переписчиков еще не обретает своего названия и, как следствие, устойчивого оборота для его цитирования. Однако при его цитировании обычно используется имя *Давид*: «как сказал Давид...», «песни Давида...». Поэтому выделение раздела «Давид» в документе 4QММТ является, по нашему мнению, вполне закономерным. Отсутствие устойчивой формулировки при цитировании данного раздела Библии может служить указанием на то, что список входящих в него книг еще не был канонизирован. Отсутствие же в Новом Завете специальных формул для введения цитат из разных разделов Писания можно объяснить, вероятно, тем, что эти тексты не создавались профессиональными книжниками, обладающими специфическими навыками записи ветхозаветных цитат.

Иосиф Флавий об эсхатологических воззрениях фарисеев

Богданова Лолита Антоновна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. А. А. Алексеев

Принято считать, что фарисеи верили в бессмертие души, воскресение мёртвых и посмертное воздаяние. Данный доклад призван ответить на вопрос, можно ли подобным образом описывать верования этой религиозно-общественной группы. Сведения о фарисеях содержатся не только в сочинениях Иосифа Флавия, но и в раввинистической литературе, в Новом Завете. В своём сообщении мы ограничиваемся произведениями Флавия («Иудейская война», «Иудейские древности» и «Против Апиона»), содержа-

щими достаточное количество отрывков, посвящённых доктрине будущей жизни фарисеев.

В докладе рассмотрены следующие пассажи, описывающие отношение фарисеев и самого Иосифа Флавия к бессмертию души, метемпсихозу (реинкарнации), к посмертным воздаяниям или наказаниям: Иудейская война 2:163 (в сравнении с верованиями ессеев, которые описаны в Иудейской войне 2:154—158), 2:157, 3:372, 3:374; Иудейские древности 18:14; Против Апиона 2:218.

На основе сведений, содержащихся в этих отрывках, мы пытаемся ответить на вопрос, правомерно ли говорить о метемпсихозе или вере в воскресение мёртвых по отношению к эсхатологическим воззрениям фарисеев.

Место фрагментов Книги Юбилеев в Хронике Георгия Синкелла

Лапенкова Дарья Владимировна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. истор. наук, проф. Е. Н. Мещерская

Доклад посвящен анализу фрагментов из Книги Юбилеев, использованных Григорием Синкеллом в Хронике (Ἐκλογὴ Χρονογραφίας). Жанр исторической хроники проделал долгий путь развития, начиная с эпохи поздней Римской империи и далее развиваясь в Византии и Западной Европе. Хроника Георгия Синкелла (Ἐκλογὴ Χρονογραφίας) представляет собой один из лучших источников для изучения христианской хронографии: анализ ее характера, происхождения и связи с внешними письменными источниками имеет большую важность для понимания процесса развития европейской мировой историографии; ее изучение позволяет глубже проникнуть и осознать историю развития как христианской, так и исторической мысли.

Материал для Хроники Георгий Синкелл черпал из канонических и апокрифических библейских книг, из произведений Иосифа Флавия и других древних авторов. В своем повествовании он охватил временной промежуток от Адама до времен царствования Диоклетиана, то есть до начала IV в. Особый интерес представляет связь апокрифической литературы (или псевдоэпиграфов) с хроникой, а именно с ветхозаветной апокрифической Книгой Юбилеев, иначе называемой Малое Бытие, написанной на еврейском языке около середины II в. до н. э.

Книга Юбилеев описывает события, изложенные в Быт. 1 — Исх. 12. Однако повествование, в соответствии с особым календарем книги Юбилеев, начинается с сотворения мира, а противоположно канону — с 16 числа 3 месяца, когда был заключен завет на Синае. Весь текст можно условно разделить в хронологическом порядке на несколько частей, начиная истории Адама (иначе называемой первобытной) и заканчивая описанием рабства в Египте. Важно отметить, что большинство событий, описанных в этой книге, базируются на историях из Священного Писания, но часто встречаются сокращения, перегруппировка материала или более подробное уточнение. Предметом настоящего исследования является описание и анализ фрагментов Книги Юбилеев в Хронике Георгия Синкелла.

Изучение «Деяний Иоанна» по рукописи Четвѣй Минеи № 1348 из собрания Российской национальной библиотеки

Трегубова Ярославна Сергеевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. истор. наук, проф. Е. Н. Мещерская

Среди новозаветных апокрифов наиболее многочисленны и популярны «Деяния» — форма апокрифических сочинений, примыкающая к новозаветным «Деяниям апостолов». Из апокрифических деяний, дошедших фрагментарно, наиболее древними признаются «Деяния Иоанна» (1-я пол. II в.). Местом создания этого сочинения была, вероятно, Малая Азия, хотя современные исследователи полагают, что текст мог появиться и в Египте. Содержание произведения в настоящее время восстановлено по различным источникам достаточно полно и с высокой степенью вероятности. Апокрифические «Деяния Иоанна» представлены в христианских литературах в различных версиях, из которых нас интересует версия «Деяний Иоанна» Прохора — греческое сочинение, датируемое V в. и широко распространившееся в византийском мире. В древнерусской книжности встречается несколько апокрифов, связанных с именем апостола Иоанна, в том числе его житие, написанное, по преданию, Прохором, его учеником, и включенное в Великие Четвѣй Минеи под 8 мая и 26 сентября. Известно большое число его греческих и славянских (начиная с XII в.) списков в полном и более или менее сокращенном виде. Мы исследуем «Деяния Иоанна» по тексту рукописи Четвѣй Минеи № 1348 из собрания РНБ.

Камальдульская Библия — первый полный перевод Библии на словацкий язык

Джункова Катарина

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. А. А. Алексеев

Камальдульская Библия (также «Священное Писание католического прихода в Цифере») является самым первым полным переводом Библии на словацкий язык. Перевод Библии создали монахи камальдульского ордена, жившие предположительно в Червеном монастыре на северо-востоке Словакии или в Зоборском монастыре на западе страны. Перевод восходит к первой половине XVIII в. и связан с именем о. Ромуалда Гадвабного, аббата камальдульского ордена. Рукописи Камальдульской Библии долго считались утраченными, но в первой половине XX в. один из ее списков обнаружил священник Л. Паветишт из прихода в городе Цифер. Цель доклада — дать характеристику первого словацкого перевода Библии, раскрыть источники, использованные переводчиками, и показать значение перевода как для развития литературного словацкого языка и филологической науки, так и для богослужебной практики того времени. Перевод Библии был сделан с латинской Вульгаты с использованием греческих и еврейских текстов, а также ранее сделанных переводов на чешский и польский языки. На территории Словакии, входившей в то время в состав Королевства Венгрия, были известны чешские переводы Библии (Дрезденская

Библия XIV века, переводы Яна Гуса XV в., Кралицкая Библия XVI в.), но самое большое влияние на Камальдульскую Библию оказала Библия св. Венцеслава 1690 г., переведенная на чешский язык иезуитами и утвержденная священноначалием. Также был использован перевод Библии, сделанный польскими иезуитами в конце XVI в. и известный под названием Библия Якова Вуйка. Камальдульские монахи перевели Библию на т. н. культурный западнословацкий язык («*kultúrna západoslovenčina*»), который известен как литературный словацкий язык, позже — в 1787 г. — кодифицированный священником А. Бернолаком. Рукописный перевод Камальдульской Библии снабжен многочисленными глоссами с толкованием для клира. Таким образом, перевод был предназначен не для всей паствы, а для священников, занимающихся пастырской деятельностью. Библия служила также лекционным — сборником богослужебных чтений. В тексте Библии начало каждого богослужебного чтения обозначается крестиком, а его конец звездочкой. В конце перевода содержится указание богослужебных чтений на весь год. Язык Библии получил также название «камальдульского словацкого языка» («*kamaldulská slovenčina*»). Библия содержит приложение с латинско-словацким словарем и краткой грамматикой словацкого языка. Словарь, грамматические ссылки и введение в грамматику заняли 942 страницы. На словарь оказали влияние другие латинские словари данной эпохи, распространенные на территории Королевства Венгрия. Камальдульская Библия до сих пор является предметом исторических, лингвистических и библейских исследований и дает ценные знания о развитии литературного словацкого языка и о лингвистических трудах католических монахов.

Отклик Ломоносова на письмо Смеры князю Владимиру

Кузнецова Наталья Андреевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Письмо Смеры впервые опубликовано на латыни Х.Зандом (1678). Предполагаемый славянский оригинал утрачен. Письмо содержит рассказ об александрийской общине, сохранившей апостольское учение и притесняемой греками, а также пророчество о пагубном крещении Руси от греков и о «последнем поколении славян», которое воспримет истинную веру. Х. Занд, унитарий, излагает историю письма и цитирует С. Любенецкого, предположившего, что в пророчестве говорится о польских антитринитариях-социнианах. Н. Карамзин справедливо счел письмо Смеры поддельным; он допускает, что, если бы оно было подлинно, в нем могли описываться павликиане. И. Малышевский предположил, что унитарии, публикуя его, отождествляли александрийскую общину сарианами. М. Ломоносов в «Древней Российской истории», не ссылаясь на Занда, хотя книга имела в его библиотеке. Еще М. Сухомлинов в примечаниях к полному собранию сочинений Ломоносова указал на книгу Занда как источник. Кратко пересказав письмо, Ломоносов предполагает, что в нем речь идет о «коптической ереси», которую Владимир отверг как содержащую обрезание. Этих сведений нет у Занда; возникает вопрос: откуда они у Ломоносова? Ломоносов либо имел еще какой-то неизвестный источник, либо сам сопоставил какие-то сведения. Нам не удалось

найти текст, который мог бы быть его источником. Вероятно, он сделал вывод самостоятельно. Необходимо прояснить, чем он руководствовался в рассуждении. Здесь возможны только догадки, поскольку нет ясности, что Ломоносов подразумевал под «коптической ересью». Социниан, к которым принадлежал Любенецкий, противники называли арианами. Ломоносов мог бы соотнести его понимание пророчества Смеры с этим фактом, но у нас нет сведений, что именно Ломоносов знал о социнианах; книга Занда — единственное сочинение их круга в библиотеке Ломоносова. Кроме того, обрезание не считается отличительной чертой ариан. Возможно, Ломоносов назвал «коптической ересью» коптскую церковь, не признавшую Халкидонский собор. Обрезание распространено в Африке, в том числе среди коптов, но трудно сказать, знал ли об этом Ломоносов и откуда. Он должен был знать свидетельства античных историков (Геродот, Диодор и др.) о распространении обрезания в Египте. Можно осторожно предположить, что Ломоносов перенес эти сведения на коптов. Привлекает внимание, что Ломоносов передает *Смега* как «Смирам» — возможно, для придания половецкого колорита.

БАЛКАНИСТИКА. ВИЗАНТИНИСТИКА. НЕОЭЛЛИНИСТИКА

Цены, доходы и инфляция в Византии

Нежинский Юрий Владимирович

к.истор.наук, специалист, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — д. истор. наук, проф. С. А. Иванов

Уровень доходов представляется оптимальным способом реконструкции стратификации населения. Его анализ показывает, что социальное неравенство в Византии было весьма значительным, причём впечатляющий разрыв имел место не только между патрициатом и людьми ручного труда, но и между горожанами и сельскими жителями.

Анализ инфляции показывает высокую стабильность денежных единиц в течение всего ранне- и средневизантийского периода. В связи с этим появляется возможность определить и проследить на широком материале уровень цен, их взаимные отношения и покупательную способность населения. Результаты такого исследования подчас оказываются неожиданными для нашего современника.

Платоновский диалог как форма изложения логики в Византии

Гончарко Оксана Юрьевна

к. филос. наук, магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — д. истор. наук, проф. С. А. Иванов

Не только философия, но и в целом образовательная парадигма в Византии находилась под влиянием платоновского философского насле-

дия и Академии. Не избежала этой участи и такая ее часть, как логика. В связи с этим хотелось бы задаться следующим вопросом: как возможно уместить аристотелевскую логику в платоновскую форму преподавания, ведь классическим жанром исследования по логике был, как правило, монологический трактат, в силу необходимой природы логического знания, его общезначимости и даже антидиалектичности. В докладе предлагается рассмотреть византийскую специфику жанра диалога (или в некоторых случаях псевдиалога) как особую форму изложения логики Аристотеля.

Как греческие, так и латинские примеры логических трактатов в Средние Века составлялись преимущественно методом вырезания и копирования текстов аристотелевского Органона. Жанр Ἐπιτομαί (греческий аналог латинских Summulae) не предполагал (в отличие от латинских работ) трактатов по логическим темам, не известным античности, и представлял собой скорее комментированный парафраз, чем самостоятельный комментарий, хотя был достаточно сложно структурирован (θεωρία; πρᾶξις; λέξις, ῥητόν) и в общих чертах напоминал структуру латинских логических текстов (lemma, divisio, sententia, expositio, ordinatio, quaestiones, dubitationes).

Среди специфических отличий византийских логических штудий можно выделить следующие: 1) в Византии логика, в отличие от латиноязычной традиции, так и не стала предметом изучения для круга профессиональных философов-логиков; 2) методологически, с точки зрения истории средневековой логики, корректнее было бы сравнивать логические византийские работы не с университетскими «продуктами» на Западе, а скорее с латинскими логическими «учебниками» для церковно-приходских школ.

Однако среди большого количества комментариев, парафразов и разного рода учебных записок по логике выделяются и достаточно оригинальные византийские логические тексты. В докладе предлагается рассмотреть диалог Феодора Протропа Θεόδωρος как интересный пример применения платоновской формы изложения к аристотелевским логическим идеям: в нем повествуется о предикациях Порфирия. В докладе на примере этого диалога предлагается рассмотреть особенности нетипичной для изложения логики диалоговой формы, а также показать, почему этот диалог можно охарактеризовать именно как платоновский.

Опыт фонетического анализа арумьинской спонтанной речи (на материале южноарумьинского говора села Турья)

Харламова Анастасия Вадимовна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. А. Н. Соболев

Настоящее исследование проводится на материале записей, сделанных во время экспедиции в арумьинское село Турья (Пинд, Греция) в 2002 г., организованной в рамках проекта «Kleiner Balkansprachatlas». На данном

этапе сделан пробный фонетический анализ примерно одной минуты устной арумынской речи с помощью программ Sound Forge и Speech Analyzer. Сейчас уже можно говорить о некоторых промежуточных результатах, основанных на изучении полученных транскрипций и спектрограмм.

В ходе анализа собранного материала удалось обнаружить такие частотные в других европейских языках (например, русском, английском, немецком) явления, как стяжение и редукция. Сделаны некоторые предположения относительно закономерностей их возникновения в арумынском. Так, уже на примере полученных результатов можно увидеть регулярное стяжение гласных [i] и [a], а также редукцию сонорных вариантов [i] и [u].

Кроме того, была выявлена сильно выраженная тенденция к переходу аффрикат в щелевые согласные в устной речи: [ts] > [s], [dz] > [z]. Это может служить новым подтверждением теории о промежуточном характере аффрикат и их закономерном переходе в щелевые по мере развития языка.

Помимо вышеперечисленных фонетических явлений, есть такие, которые в проанализированном материале представлены единичными случаями. Поэтому до получения большего количества данных какие бы то ни было предварительные заключения относительно них делать неправомерно. Однако эти явления следует упомянуть, так как они достаточно любопытны. Например, в одном из участков речи присутствует переход [a] > [o] в безударной позиции без видимых фонетических предпосылок.

Вне всякого сомнения, методы инструментальной фонетики, в настоящее время очень редко применяющиеся в балканском языкознании, могут стать действенным способом для решения многих проблем при исследовании арумынского языка и в балканистике в целом.

Особенности глагольной системы в драме «Жертвоприношение Авраама»

Лещенко Ксения Васильевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. М. Л. Кисилиер

«Жертвоприношение Авраама» привлекает внимание многих исследователей, так как это один из первых литературных текстов, в котором зафиксированы черты критского диалекта. Кроме того, в «Жертвоприношении» можно наблюдать ряд особенностей, важных для изучения истории новогреческого языка. В этом отношении особый интерес представляет система глагола.

В докладе затронуты вопросы глагольной морфологии и проблемы грамматической семантики. В частности, рассмотрена проблема соотношения форм имперфекта и аориста, а также семантики форм перфекта и плюсквамперфекта.

Поздневизантийская тематика в творчестве Константина Кавафиса

Басова Екатерина Сергеевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Д. А. Черноглазов

Поздневизантийское наследие в стихотворениях Константина Кавафиса представлено в двух циклах: «Кантакузинском» (состоящем из 4 стихотворений) и «На падение Константинополя» (2 стихотворения). В настоящем докладе представлены результаты анализа стихотворений обоих циклов. Источниками для «Кантакузинского» цикла являются две мемуарные хроники XIV в. — «Ромейская история» Никифора Григоры и «История» Иоанна Кантакузина. Сюжеты стихотворений из цикла «На падение Константинополя» восходят к хронике Сфрандзи и народным песням о падении империи. Центральные персонажи стихотворений — византийские самодержцы Иоанн V Палеолог и Иоанн VI Кантакузин, патриарх Иоанн XIV Калека, Анна Савойская, Алексей Апокавк, Ирина Асень, Феодора Кантакузина и Феофил Палеолог. Из этой галереи портретов особо выделяется образ Иоанна VI Кантакузина. Кавафис относится к этому императору с нескрываемым восхищением и изображает его как идеального правителя, доблестного и справедливого — такой высокой оценки Кавафис не удостоивает более ни одного византийского василевса. Стихотворения поздневизантийского цикла отличаются тем, что в них Кавафис крайне редко использует прием двойственности изображения и почти не прибегает к иронии. Цикл исполнен трагичности и по своему звучанию напоминает своеобразную панихиду — поэт оплакивает гибнущую Ромейскую державу и сокрушается о ее печальной участи.

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Падежная иерархия в латышском языке
(на материале сравнительных конструкций)

Сапожинская Ариадна Евгеньевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. н., доц. А. В. Андронов

Падежи могут быть представлены в виде иерархической системы (Blake V. J. Case. Cambridge, 2001. P. 155—160], находящейся в тесной взаимосвязи с иерархией грамматических функций (Holvoet A. Bendrosios sintaksės pagrindai. Vilnius, 2009. P. 137—144) и потому отражающей в способности того или иного падежа участвовать в грамматических конструкциях. Для установления падежной иерархии в латышском языке были проанализированы сравнительные конструкции типа *такой X, как Y*, в которых возможна падежная аттракция, то есть приобретение именной частью речи Y такой же падежной формы, как у X, напр.: Tādus speciālistus (ACC.PL) kā **biofiziķi** (NOM.PL) / **biofiziķus** (ACC.PL) sagatavo tikai retos zinātniski pētnieciskājo sinstitūtos (*Таких специалистов, как биофизики/биофизиков, готовят только в редких научно-исследовательских институтах*). Частотность аттракции для косвенных падежей не одинакова — поэтому она и является одним из показателей падежной иерархии для данного языка (см. об этом: Holvoet A., Semēnienė L. Linksnių teorijos pagrindai // Gramatinių kategorijų tyrimai. Vilnius, 2004. P. 28—32; ср. рассуждения Э. Л. Кинэна и Б. Комри об иерархии доступности именных групп — Keenan E. L., Comrie B. Noun Phrase Accessibility and Universal Grammar // Linguistic Inquiry, 8 (1), 1977. P. 66—69).

Исследование проводится путем анкетирования носителей языка (72 человека), которым предлагается выбрать наиболее приемлемый для них вариант построения предложения (с аттракцией или без; на каждый косвенный падеж: аккузатив, датив, генитив, локатив — дается по 10 пар предложений). Подсчет осуществляется отдельно для «основной» группы респондентов (центральная и западная часть Латвии) и для группы респондентов, проживающих на востоке Латвии — в Латгалии (из-за влияния латгальского языка на латышский в этом регионе, которое гипотетически может сказываться и на частотности аттракции). Дополнительно проверяется значимость для результатов исследования социолингвистических факторов, таких как пол, возраст, образование опрашиваемых.

Предлагаемая Б. Блейком в качестве универсальной падежная иерархия строится на основе анализа состава падежных систем множества языков и

выглядит следующим образом: NOM > ACC > GEN > DAT > LOC (Blake B. J. Case. Cambridge, 2001. P. 156). Падежная иерархия, полученная в исследовании сравнительных конструкций латышского языка, отличается от нее позицией дательного падежа: он следует сразу за номинативом.

Фонетические особенности севернорусских былин по материалам коллекций Пушкинского дома

Агафонова Марина Павловна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. С. О. Тананайко

В рамках совместной работы кабинета фольклора СПбГУ, кафедры фонетики СПбГУ, Фонограммархива Отдела фольклора ИРЛИ РАН (Пушкинский дом) в 2014 году был создан сайт «Свод русского фольклора. Былины: Звуковой аналог» (URL: <http://www.zvukbyliny.pushkinskijdom.ru/>).

Севернорусские былины представляют огромный интерес не только для ученых фольклористов, но и для фонетистов-диалектологов, так как фонетическая система севернорусских говоров значительно отличается от всех других разновидностей русского языка и характеризуется набором специфических архаических черт, динамика реализации которых в таком чрезвычайно традиционном жанре, как былины, требует особого изучения.

В ходе фонетической обработки имеющегося на сайте материала были созданы фонетические портреты каждого диктора. Наряду с фонетическими портретами отдельных дикторов имеется общее описание фонетики былин Печоры и Мезени (в виде двух статей с перечислением выявленных фонетических особенностей и со ссылками на звуковые примеры). Полученные результаты позволили прийти к следующим выводам.

Наиболее яркими, устойчивыми диалектными чертами, характеризующими записанные тексты и проявляющимися достаточно регулярно, оказались: безударное оканье, безударное еканье (обе эти особенности, как и другие характеристики вокализма изучаемых говоров, связаны с преимущественно динамическим характером ударения и отсутствием редукции безударных гласных в севернорусских говорах), цоканье и чоканье, а также ряд морфонологических особенностей.

Однако наряду с сохранением большинства специфических фонетических характеристик диалектной речи данного ареала необходимо констатировать и определенную тенденцию к хаотизации целостной фонетической системы диалектов, что определяет методику фонетического описания данных материалов как списочное перечисление зафиксированных диалектных черт, ни одна из которых не реализуется в имеющемся материале в ста процентах случаев.

Имеющиеся результаты свидетельствуют, что целостная фонетическая система описываемых говоров в них уже сильно нарушена и при их фонетической характеристике уместно говорить не о целостных фонетических системах того или иного диалекта, а об имеющихся в этих текстах отдельных фонетических особенностях, характеризующих не только говоры Поморской группы, но и большинство диалектных зон севернорусского наре-

чия; эти особенности являются отражением существовавших ранее фонемных систем различных говоров и процессов постепенного разрушения этих говоров под влиянием литературного и современного разговорного языка.

Автоматическая оценка тональности текста (на материале отзывов потребителей о товарах)

Емельянова Анастасия Вадимовна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. И. В. Азарова

Разговорные тексты, к которым по жанру можно отнести тексты отзывов о продуктах, помимо объективной информации (диктума), содержат субъективную оценку (модус) предмета автором. Определение эмоционального тона письменной речи и для человека является нетривиальной задачей, автоматизация данного процесса — актуальный вопрос ввиду растущих объёмов текстовой информации в интернете. В докладе описана программа, автоматически определяющая тональность отзывов покупателей о товарах в интернет-магазинах. В качестве конкретного объекта мы использовали тексты отзывов об электронных фотоаппаратах с сервиса «Яндекс.Маркет» (<http://www.market.yandex.ru/>). Для определения тональности используются лексические маркеры — слова, с помощью которых в текст вводится оценка. При анализе обучающей выборки отзывов вручную был получен список лексических маркеров, которые были распределены по тематическим категориям. В программе реализован метод машинного обучения и использован искусственный нейрон. Нейронная сеть настраивается при помощи групп тональных маркеров и совокупности отзывов с сайтов с выставленной оценкой по пятибалльной шкале. Эта совокупность представляет так называемый «золотой стандарт». Программа написана на языке C# и реализована при помощи программы Visual Studio. Для определения точности работы программы результаты автоматической оценки сравниваются с отзывами «золотого стандарта» и случайной совокупности отзывов, представленных на «Яндекс.Маркет». Оценивается инструмент, позволяющий автоматически выявлять и оценивать тональность текстов отзывов, и предлагаются пути улучшения метода.

ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

К вопросу о способах выражения иронии в неформальной интернет-коммуникации

Борисова Наталия Сергеевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, асс. Е. Л. Вилинбахова

В докладе рассматриваются наиболее распространённые средства выражения иронии в неформальной интернет-коммуникации, к которым относятся следующие приёмы.

1. Антифразис, то есть употребление выражений в смысле, противоположном буквальному. В неформальной коммуникации антифразис оценивается как приём «тонкого троллинга», см. (1), где автор в отрицательной кинокритике якобы хвалит актёрскую работу, хотя на самом деле не считает её выдающейся.

(1) Насчёт актёрской игры могу точно сказать, что не видел актёрской работы лучше, чем была проделана Джейми Дорноном в этом фильме;

(2) ни один из опусов Мамардашвили невозможно дочитать до конца. Это говорит о «мастерстве» автора.

Сюда же относятся самоирония и высказывания-«прибеднения» (3).

(3) но я простой зритель, человек чуть ли не из народа, а посему буду говорить только о том, что я видел.

2. Сравнения, которые не усиливают качество, а наоборот, указывают на полное его отсутствие и наличие противоположного (обычно отрицательного) качества.

(4) А: люблю весну, это же романтика!

В: да, у меня по двору трактор плывет! романтично так, словно лебедь на пруду...

3. Метафора, см. (5), где неправильная раскладка клавиатуры и получившийся набор литер приравнивается к нечленораздельному произнесению слов и сравнивается с «набитым ртом».

(5) А: Ладно, я пошел кушать, потом напишу

В: Ок, приятного аппетита

А: cgfcb,j)

В: не разговаривай с набитым ртом

4. Олицетворение, см. (6), где обычную отвёртку наделяют способностью к эволюции:

(6) А: Кто взял мою плоскую отвёртку?! И что за крестовая отвёртка у меня лежит?

В: Эволюционировала

Для достижения желаемого эффекта в интернет-коммуникации используются особые графические средства: а) литуративы (зачеркивание текста), позволяющие одновременно и сказать что-то, и «промолчать» (7); б) эмодзи (смайлики), которые применяются, когда возможно буквальное восприятие иронического высказывания; кавычки, см. (2).

(7) Я вчера <...> успела сфотографироваться. На паспорте буду красивая-опознавательна» (пример Н. Н. Занегиной).

Подходы к фиксации устного языка: Орм и Ноткер

Бутусова Вера Александровна

студент 5 курса,

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Е. С. Тихонова

С филологической точки зрения, языковые особенности древних текстов выявляют структуру ранних форм как существующих, так и утраченных языков мира. Кроме того, сравнивая языковые памятники разных культур, можно установить механизмы языковых изменений и, соответственно, описать историю языка.

Целью доклада является культурологическое и лингвистическое сравнение авторов среднеанглийского (Орм) и древневерхненемецкого (Ноткер Немецкий) периодов. Наиболее значимым вкладом как Орма, так и Ноткера в историю английского и немецкого языков соответственно является тот факт, что их произведения написаны на их родном разговорном языке (диалект Средней Англии и алеманнский диалект). Они оба переводили церковные христианские тексты на свои языки и делали значимые комментарии к своим произведениям. Оба автора являлись служителями церкви: Орм был монахом Августинского ордена, а Ноткер — Бенедиктинского. Соответственно, оба были хорошо образованы и могли переводить с латыни. Своей целью Орм и Ноткер видели облегчение чтения текстов, как следствие — процесса образования, восприятия, понимания текстов. Целевой аудиторией для Ноткера были его ученики из монастырской школы, которой он руководил. Орм же ориентировался на безграмотных прихожан, которые не могли воспринимать и правильно понимать проповеди на народном языке.

Оба автора придерживались такой орфографической системы, которая отражала произношение эпохи. Эти системы имеют много общего как в области принципов, так и в области использованных методов. И Ноткер, и Орм пытались передать долготу гласных, которая и в древневерхненемецком и в среднеанглийском являлась смысловозначительным признаком. Орм выбирает удвоение согласных после краткой гласной: *Wifþ all swillc* — *with all such*, Ноткер — диакритические знаки (акут для короткого, циркумфлекс для долгого ударных): суффикс *-hëit*, определенные артикли *dā, dīe* и *dīen*. Орм также использует акуты разного порядка и для передачи ударных гласных. Некоторые ученые считают, что с помощью диакритических знаков передается интонация и паузы в текстах. И Орм, и Ноткер стараются передать фонологические явления, существовавшие в их языках: монофтонгизацию дифтонгов и редукцию безударных гласных. Кроме того, Орм определил в своем произведении дистрибуцию буквы *z* и ее вариантов, а Ноткер фиксировал значимое чередование глухих и звонких смычных, которое впоследствии получило название Ноткерова закона начала слов.

Существование в современном мире большого количества бесписьменных языков побуждает ученых искать новые способы фиксации устного

языка, и обращение к первым попыткам систематизации орфографии в ранние исторические периоды английского и немецкого языков может помочь в решении этой проблемы.

Семантика и прагматика выражений «куб», «квадрат», «*n*-ая степень» в русском языке: наивное переосмысление научных терминов

Гостева Наталья Кирилловна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, асс. Е. Л. Вилинбахова

Переосмысление научных терминов носителями языка и их функционирование в речи неоднократно становилось объектом лингвистических исследований (см. работы Д. В. Сичинавы (2013), А. Д. Козеренко (2009) и Б. Л. Иомдина (2014), посвященные так называемой «народной лингвистике»). Д. В. Сичинава описывает этапы освоения носителями выражений с термином «плюсквамперфект(ум)», А. Д. Козеренко рассматривает конструкции вида «взять в /вынести за скобки», обозначающие отделение существенной информации от несущественной. Б. Л. Иомдин изучает различия между научным и бытовым употреблением слов, когда в словаре и в речи у слова оказывается два разных, иногда противоречащих друг другу, значения:

(1) «Кредитка — **кредитная** карта банка» против «кредитка — любая (включая **дебетовую**) банковская карта».

В докладе рассматривается метафоризация носителями русского языка математического термина *степень*. Рассматриваются конструкции «*X* в квадрате», «*X* в кубе» и «*X* в *n*-ой степени»:

(2) *То, что я читал в отчётах с Венеции, тоска в квадрате.*
[Одинокий мужчина (A Single Man) (2011)]

В математике операция возведения в степень обозначает умножение числа само на себя некоторое количество раз; носители языка используют данное языковое выражение как маркер высокой степени проявления признака.

В отличие от операции возведения в степень в математике, языковое выражение *степень* в «наивном» употреблении может иметь значение ‘больше в *X* раз’, где *X* — показатель степени, что противоречит математической трактовке термина.

(3) *Он какой-то **втройне** одинокий, в кубе одинокий, математически говоря.* [Сергей Юрский. Теорема Ферма (1994)]

Конструкция «*X* в квадрате» может описывать человека, у которого совпадают имя и отчество/фамилия, а «*X* в кубе» — в ситуации, когда совпадают имя и отчество, а фамилия образована от корня или части корня:

(4) — *Ива в квадрате. Догадался? — Подумаешь, задача, — сказал Вася. — Ива Иванова.* [В. А. Каверин. Верлиока (1981)]

«Начать доклад» или «начать докладывать»? Распространители при фазовых глаголах в русской устной речи

Коробейникова Ирина Игоревна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, ст. преп. Е. И. Риехакайнен

В докладе будут представлены промежуточные результаты исследования, целью которого является оценка предсказательной силы грамматического контекста в конструкциях с фазовыми глаголами в русской речи.

Фазовые глаголы — это глаголы со значением начала, конца или продолжения действия [Русская грамматика. М., 1980. §1776].

Известно, что в качестве распространителей при ряде фазовых глаголов могут выступать как инфинитив, так и прямое дополнение. «Связь примыкания инфинитива при восполняющих и объектных отношениях (*поступить работать, начать петь, решить помочь, разрешить ехать*) может варьироваться со связью управления» [Русская грамматика. §1772].

Первый этап исследования заключался в проверке того, какая из связей встречается в русской речи при различных фазовых глаголах чаще.

Для этого были проанализированы все случаи употребления пяти пар фазовых глаголов (*начинать — начать, продолжать — продолжить, кончать — кончить, заканчивать — закончить, прекращать — прекратить*), встретившиеся в устном подкорпусе Национального корпуса русского языка (объем подкорпуса — 10 754 403 словоупотреблений, <http://www.ruscorpora.ru/search-spoken.html>).

При обработке результатов разграничивались случаи употребления инфинитива и прямого дополнения в пост- и в препозиции по отношению к фазовому глаголу, учитывалось расстояние, на котором находился распространитель от фазового глагола.

В ходе исследования было обнаружено, что наиболее частотными из проанализированных глаголов в устной речи являются глаголы *начать* (общее количество контекстов — 6116) и *начинать* (3780), а наименее частотным — *прекращать* (80). С точки зрения наиболее типичного распространителя глаголы ведут себя по-разному: например, у глаголов *начать* и *начинать* преобладают в качестве распространителей инфинитивы, глаголы *закончить*, *заканчивать*, *прекращать* чаще встречаются с прямым дополнением. Отдельно стоит отметить, что разные распространители характерны для глаголов *продолжать* и *продолжить*, которые образуют видовую пару: глагол несовершенного вида чаще распространяется с помощью инфинитива, а глагол совершенного вида — с помощью прямого дополнения. Помимо этого, были выявлены случаи опущения распространителя (эллипсис), а также случаи, когда распространитель вообще отсутствует (например, *Давайте заканчивать*).

В дальнейшем планируется сопоставить полученные данные с результатами поиска по корпусу письменных текстов, а также с результатами психолингвистического эксперимента на продолжение высказывания.

Стратегии коммуникативного поведения матери в семье с низким социально-экономическим статусом

Прокофьева Виктория Игоревна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. М. Д. Воейкова

В докладе рассматриваются речевые тактики, бессознательно избираемые матерью при общении с ребенком для достижения определенных целей. Зарубежными исследователями выделяется три типа стратегий, имеющих вербальное проявление: коммуникативные стратегии руководства, контроля и отрицательного контроля (Taylor N., Donovan W., Miles S., Leavitt L. Maternal control strategies, maternal language usage and children's language usage at two years // Journal of child language. 2009. №36.). На материале речевого взаимодействия матери и ребенка (возраст последнего – 2, 1, 6 года – 3, 7, 15 года) из русской семьи с низким социально-экономическим статусом мы обнаружили использование всех трех стратегий, что является показателем высокого уровня языковой компетенции. Так, например, избыточное количество директивов, или запретов, или обещания материального поощрения за выполнение коммуникативной или физической задачи говорит об избрании взрослым стратегии контроля. (1) Ребенок: *Я пью. Водичку пить.* Мама: *Не надо водичку пить. Рассказывай стишочек.* Отрицательный контроль подразумевает под собой использование агрессивного или гневного тона при разговоре с ребенком, угрозы, резкую критику любого высказывания и действия ребенка. (2) Мама: *Ты вот этим «на-на», все сбиваешь. Весь разговор наш, то, что она разговаривает. Потому что надо разговаривать, а не мекать. Что ты там в кружке говоришь?* (агрессивный тон) Стратегия руководства включает уговоры, вопросы, предложение помощи, вербальный поиск компромиссов, поощрения. (3) Мама: *Ну что ты там делала-то? Ну, что писала?* Ребенок: *Писала?* Мама: *Да, что там писала?* Ребенок: *Домики... А, писала что? Уроки.*

Помимо анализа речевого взаимодействия матери и ребенка, мы измерили среднюю длину высказывания (MLU), количество словоформ и количество словоупотреблений обоих участников диалога, так как эти показатели свидетельствуют об уровне языковой компетенции и матери, и ребенка.

Дело (о) времени: о некоторых способах выражения времени в русском языке

Пучкова Анастасия Ильинична

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, ст.преп. Е. И. Риехакайнен

Работа посвящена исследованию частотности употребления ряда вариативных конструкций, с помощью которых в русском языке можно ответить на вопрос «Во сколько?». Анализ проводился на материале основного и устного подкорпусов Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru/>).

Первой анализируемой парой стали конструкции «без десяти + указание часа» VS «в без десяти + указание часа» (например, «без десяти пять» VS «в без десяти пять»). Согласно полученным результатам, в этой паре доминируют варианты без предлога «в» (92,4 %), а предложные конструкции встречаются лишь в немногочисленных текстах XIX века.

Результаты исследования частотности конструкций «в пол- + указание часа» VS «пол- + указание часа» (например, «в полпятого» VS «полпятого») показали, что среди них в письменных текстах более частотным является вариант с предлогом (88,4 %), тогда как данные устного корпуса отражают преобладание в речи варианта без предлога (61,5 %). При этом нельзя не отметить, что в данном случае возникает вопрос о том, насколько можно доверять результатам, полученным по устному корпусу, в котором нет возможности обратиться к звучащему тексту. Вполне возможно, что в силу существующей в языке вариативности при расшифровке записей были допущены ошибки и предлог не был записан в тех случаях, когда он был произнесен, или, наоборот, дописан, когда в исходном тексте его не было.

Из конструкций «в четверть + указание часа» VS «четверть + указание часа» (например, «в четверть пятого» VS «четверть пятого») предпочтительным является вариант с предлогом (93,6 %), но появление в письменных текстах начала XXI века беспредложного варианта свидетельствует о наличии в русском языке тенденции к употреблению при обозначении времени конструкций без предлога.

Соотношение вариантов «в половину + указание часа» VS «в половине + указание часа» (например, «в половину пятого» VS «в половине пятого») показывает значительное преобладание в письменных текстах конструкции с предложным падежом (около 98 %), однако в устной речи противоположная конструкция («в половину») увеличивает свою частотность от 1,6 % до 29,4 %.

Сравнивая соотношение по годам конструкций типа «в пол-/пол-» и «в половине/у» при обозначении времени, следует отметить, что усеченная форма «пол» в наше время начинает вытеснять полную форму слова «половина», которая еще в начале XX века была более частотной.

Таким образом, можно говорить о том, что со временем употребление в русском языке конструкций, выражающих время, меняется. Вероятно, основной причиной подобных изменений является закон экономии речевых усилий. В докладе обсуждаются и некоторые другие факторы, которые могут влиять на предпочтение одной конструкции другой.

Методы разработки анкет по сбору грамматических данных в области функционирования предложно-последовательной системы талышского языка

Сатанова Динара Сагиндыковна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, г. н. с. И. М. Стеблин-Каменский

Как известно, в талышском языке, языке северо-западной группы иранских языков, для выражения пространственных значений, а также выра-

жения отношения между объектами используются как предлоги, так и послелоги, при этом некоторые конструкции могут требовать использования их сочетания. Тем не менее стоит принять во внимание, что сфера функционирования послелогов в талышском несомненно шире. Данная работа является попыткой описать процесс разработки грамматических анкет для сбора данных в вышеупомянутых областях, опираясь на уже созданные образцы анкет, с помощью которых был собран схожий материал по другим языкам, а также с помощью некоторых рекомендательных пособий по полевой лингвистике и языковому документированию. Целью работы является создание анкеты, позволяющей исследователю наиболее подробно описать функционирование предложно-послеложной системы изучаемого им языка. Выбранные области исследования — выражение пространственных значений и отношения между объектами, для которых наиболее часто используются служебные слова, в частности предлоги, послелоги и их сочетания. Выбранный метод исследования — метод эликации, требующий непосредственной работы с информантом для перевода заданных в анкете конструкций и словосочетаний. Весьма вероятно, что какие-либо из полученных данных могут свидетельствовать о том, что некоторые предлоги и послелоги могут быть синонимичны; в данном случае можно попытаться выяснить, действительно ли данные примеры их использования имеют равное по предпочтительности и выражаемому смыслу значение или же некоторая разница все-таки существует. В работе также учитывается, что в ходе сбора данных вероятно обнаружение контактных влияний, а также вариации результатов в зависимости от диалекта и района исследования. Уделяется большое внимание работам известных ученых-иранистов, создававшим ранее описания талышского языка, и альтернативным методам сбора данных по актуальной проблематике.

Проблемы классификации предложений русского языка

Севастьянова Анна Михайловна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — д. филол. наук, проф. В. Б. Касевич

Само понятие предложения, являющееся основополагающим для нашей работы, имеет множество трактовок. Нам наиболее подходит определение, приведенное во «Введении в общий синтаксис» Я. Г. Тестельца. Согласно этому определению, предложение (англ. sentence) — это финитная клауза. В отличие от предложения инфинитивные, причастные, деепричастные, герундийные обороты лишены предикативности — соотнесённости с конкретной ситуацией. Это понимание имеет глубокие корни в отечественном языкознании. Однако не все лингвисты признают предикативными назывные предложения.

Наиболее значительным недочётом традиционной классификации, с нашей точки зрения, является привязка типа сложного предложения к союзу. Со второй половины XX века бессоюзные сложные предложения стояли вне противопоставления сложносочинённых и сложноподчинённых

предложений, поскольку типология предложений по сути приравнивалась к типологии союзов, хотя предложение *Ветер завывает, молния сверкает, гром гремит* явно можно отождествить со сложносочинённым предложением, несмотря на отсутствие союза, а в предложении *Скажешь — дам тебе конфету* увидеть подчинение (= *Если скажешь, дам тебе конфету*).

К тем параметрам, которые общепризнаны и лежат в основе школьного синтаксического разбора (цель высказывания, вопросительность, одно- или двусоставность, распространённость, полнота, осложнённость), хочется добавить эксплицитность темы /ремы /темы и ремы, наличие эмфазы и, возможно, интонационный контур.

Неоднозначным является параметр полноты /неполноты предложения. По Я. Г. Тестельцу, который, в свою очередь, ссылается на В. А. Звегинцева, пока переменные момента речи, говорящего и положения наблюдателя не заменены определенными значениями, предложение остается неполным, то есть не актуализованным и поэтому обладает неполноценным смыслом, «псевдосмыслом». Приведённое выше понимание не следует путать с определением полного предложения как предложения, в котором имеются все необходимые для понимания смысла члены предложения. Не определена чётко разница между неполными и эллиптическими предложениями. Тестелец объединяет два этих понятия. Обычно же говорят, что эллиптические предложения легко можно восполнить без контекста. Если это сложное предложение, то контекстом могут служить другие части предложения: *Вася побежал к платформе, я — за ним*. Здесь пропуск во втором предложении легко восполняется. Именно данный случай, как нам представляется, следовало бы отнести к эллипсису.

Семантика «расположение объекта ниже пространственного ориентира» в русском и английском языках (на материале русских приставочных глаголов с префиксом «под-» и английских фразовых глаголов с послелогом *under*)

Трубникова Елена Викторовна

аспирант, Томский государственный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, доц. Ю. В. Филь

Русские приставочные и английские фразовые глаголы являются особыми глагольными единицами данных языков. Префикс и послелог способны вносить в семантику глагола смыслы, так или иначе связанные с первичными пространственными ориентациями. Являясь сходными по строению (основной глагол + пространственно-направительный элемент), в отношении передачи смысла приставочные и фразовые глаголы не всегда совпадают и способны актуализировать разные представления носителей того или иного языка о пространстве. В данном исследовании рассматривается пространственная ориентация «расположение объекта ниже пространственного ориентира» в русском и английском языках на материале английских фразовых глаголов с послелогом *under* и русских приставочных глаголов с приставкой *под-*. Анализ показал, что у англий-

ских фразовых глаголов с послелогом *under* существуют значения: 1) 'нахождение / перемещение ниже пространственного ориентира' (*go under*); 2) 'действие, ассоциативное по отношению к нахождению / перемещению ниже пространственного ориентира движению вверх' (*keep under* — 'держат в подчинении'; 'контролировать'). Анализ префиксальных глаголов с префиксом *под-* выявил их следующие значения: 1) 'совершение действия снизу либо снизу и сбоку' (*подлезть, подоткнуть, подкопать* и т. д.); 2) 'совершение перемещения сбоку к нижней части чего-либо' (*подойти, подъехать, подвезти* и т. д.); 3) 'совершение действия снизу вверх' (*подкинуть, подняться, подпрыгнуть* и т. д.); 4) 'совершение действия неинтенсивно, слегка, немного' (*подбодрить, подзабыть* и т. д.); 5) 'совершение действия дополнительно и неинтенсивно' (*подсыпать, подлить, подкрасить*); 6) 'совершение действия скрытно, тайно' (*подслушать, подсмотреть* и т. д.). Данные анализа показали, что в обоих языках выделяется пространственная ориентация «расположение объекта ниже пространственного ориентира». Однако в сфере английского фразового глагола данная денотативная пространственная ситуация, его элементы не подвергаются дальнейшим семантическим модификациям. В русском языке значимыми элементами выступают не только само расположение ниже чего-либо, но и путь, направление перемещения в данную область (снизу и/или сбоку), относительная близость объекта к пространственному ориентиру, наличие расстояние между объектом и пространственным ориентиром, восприятие пространственного ориентира как верхней точки, ниже которой расположен объект, расположение объекта до пространственного ориентира, невхождение в него. Весь спектр элементов денотативной ситуации способен переосмысляться, в результате чего возникает ряд вторичных (пространственных и отпространственных) значений глаголов с префиксом-маркером *под-*.

ФОНЕТИКА

Межъязыковое исследование стратегий восприятия эмоций в детской речи (на материале русского и немецкого языков)

Шаталова Дарья Сергеевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, доц. К. В. Евграфова

Восприятие и распознавание эмоций в речи — тема, к которой начали обращаться исследователи со 2-й половины XX века. Однако на данный момент лишь некоторые работы посвящены восприятию эмоций в речи на разных языках. В рамках работы рассматривались сегментные и супraseгментные характеристики эмоциональной речи на русском и немецком материале, а также эти же записи, но с наложением белого шума. Целью работы было установление стратегий восприятия эмоций, выражающихся

в речи, в двух случаях: на языке, родном для аудиторов (русский), и неродном, которым аудиторы не владели (немецкий). Кроме того, для эксперимента были использованы записи, в которых семантическое содержание было удалено с помощью наложения на речевой сигнал белого шума. Основной задачей было установить влияние на восприятие сегментного, супraseгментного и лексико-семантического факторов.

В качестве материала исследования, используемого для перцептивных экспериментов, были взяты речевые записи двух корпусов с эмоциональной детской речью. Записи корпусов были получены в аналогичных условиях и, следовательно, сопоставимы. Для создания корпуса немецкой эмоциональной речи записывалась спонтанная речь детей в возрасте 10–13 лет в процессе игры с собакой-роботом. Корпус с русскими эмоциональными высказываниями создавался в соответствии с инструкциями немецкого эксперимента. Несмотря на то что корпусы различаются по количеству речевого сигнала и количеству дикторов (9 часов, 51 диктор — Германия; 5 часов, 15 дикторов — Россия), корпусы сравнимы и сопоставимы, поскольку содержат речевые выражения одинакового набора эмоций, а записи были сделаны в идентичных условиях.

Удалось установить, что эмоции могут быть определены правильно даже на незнакомом языке со средней вероятностью 53,75 %, что свидетельствует об универсальных способах выражения эмоций в речи. Подтвердилась гипотеза о том, что диаметрально противоположные эмоции (негативные и позитивные из перечня: радость, злость, грусть, удивление, страх) могут путаться в эксперименте, когда для прослушивания предлагалась речь зашумленная или речь на незнакомом языке, в силу отсутствия лексико-семантической составляющей. Выяснилось, что даже в таких условиях, когда аудиторы могли полагаться только на супraseгментную составляющую (мелодическая кривая, движение основного тона), практически никогда, с минимальной вероятностью (менее 10 %), удивление не оценивалось как грусть, а грусть и страх как злость и радость. Таким образом, используя лишь минимальные средства идентификации эмоций в речи, аудиторы не путают активные и пассивные эмоции.

Корреляты ударения в вокальной речи (на материале русского языка)

Басова Юлия Семёновна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — ст. преп. О. Н. Глотова

Целью исследования, представленного в докладе, является выявление коррелятов ударения в русской вокальной речи.

Ударение в русском языке реализуется за счет следующих коррелятов: длительность, качество гласного, интенсивность, изменение тона. В музыке большая часть характеристик, которые в речи соответствуют ударному слогу, обусловлены музыкальным текстом: длительность исполненных нот, выпадение ноты на сильную (относительно сильную) долю или акцентно

выделенный отрезок, а также изменение музыкальной мелодии. Качество гласного в вокальной речи зависит как от индивидуальных характеристик голоса исполнителя, так и от стиля исполнения и высоты исполняемой ноты, причем оно достаточно существенно отличается от аналогичных гласных в обычной речи, что может сильно затруднять понимание.

Одна из задач исследования — проверить, функционируют ли эти характеристики в вокальной речи как корреляты словесного ударения и опознаются ли носителями языка в качестве таковых. С этой целью был проведен перцептивный эксперимент. В качестве материала эксперимента были выбраны два музыкальных произведения (романсы «Не искушай меня без нужды» и «Горними тихо летела душа небесами»), исполненные четырьмя солистами Мариинского театра (двумя мужчинами-тенорами и двумя женщинами-сопрано). Эти же произведения были прочитаны теми же певцами. Был проведен анализ музыкального текста произведений и выбраны отдельные слова, в которых ударные слоги приходились на сильную долю и долгую ноту или только на сильную долю. Выбранные слова были представлены испытуемым с инструкцией определить место ударения в слове, эти же слова из прочтенного материала были также представлены аудиторам с той же инструкцией.

На основании сравнения двух проведенных экспериментов сделаны выводы о специфике реализации ударения в русской вокальной речи.

Импликация в английском языке и способы ее передачи в русском устном переводе (на материале контура Switchback в дублированных фильмах)

Лаврова Нелли Павловна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Н. Б. Вольская

Чем шире знания переводчика об особенностях перевода текста, тем качественнее осуществляется данная работа. Описание эмоциональных состояний и языковых средств, обслуживающих определенные сценарии, представляется интересным, так как позволяет носителю языка интерпретировать чувства и моделировать свои эмоции и отношения с другими людьми. Выявление универсальных эмоций и описание связанных с ними средств выражения дает ключ к пониманию культур. Интонация, несомненно, является одним из тех средств, которое всегда легко воспринимается и служит для выражения не только мыслей, но и эмоций. Именно благодаря интонации в воспроизводимом тексте появляются такие смыслы, которые никаким образом больше не дублируются. Исследование способов передачи таких смыслов в процессе перевода является очень важной переводческой проблемой. В данной работе осуществлен поиск таких переводческих приемов, при помощи которых можно передавать такие смыслы как интонационными средствами языка перевода, так и другими языковыми средствами, например лексическими. На основе имеющихся научных исследований интонационных систем русского и английского языков будет

произведен поиск интонационных контуров с аналогичными значениями, выполняющими одинаковые функции в системах обоих языков. Целью работы является описание интонационных характеристик как аспектов перевода и выявление интонационных контуров, способных передать дополнительные смысловые коннотации на примере устного перевода и способов их передачи. В данной работе было принято решать не всю эту широкую проблему, а сосредоточить свое внимание на контуре Switchback и показать на его примере специфику проблемы и возможные способы ее решения. Было проведено экспериментально-фонетическое исследование и сделаны выводы о способах перевода интонации. Результаты исследования могут быть полезны как в преподавании английского языка, направленном на повышение языковой компетенции, так и в процессе межкультурной коммуникации, так как помогут избежать определенных неудач и коммуникативных сбоев.

Интонация нейтрального вопроса с инверсией во французском языке

Брызгалова Анастасия Алексеевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. О. В. Камрыш

Цель доклада — описать возможные способы интонационного оформления нейтрального вопроса с инверсией в речи нормативных носителей французского языка и соотнести полученные акустические характеристики с восприятием их носителями французского языка. Для достижения цели в исследовании решались следующие задачи: 1) определить термин «интонация»; 2) провести обзор лингвистических работ по данной теме; 3) подобрать речевой материал для его последующего изучения; 4) проанализировать речевой материал; 5) выявить возможные модели интонационного оформления нейтрального вопроса с инверсией во французском языке; 6) провести перцептивный эксперимент, позволяющий оценить восприятие носителями французского языка выявленных моделей интонационного оформления нейтральных вопросов с инверсией во французском языке.

По мнению многих исследователей, интонация является комплексным явлением, включающим в себя движение основного тона, длительность, интенсивность, паузы, просодический тембр, однако в рамках данного доклада под интонацией понимается только мелодика. Основы французской интонологии были заложены Делаттром, который выделил десять базовых интонаций французского языка. Делаттр понимает интонацию в узком смысле, то есть рассматривает мелодический её компонент. Его точка зрения подвергалась критике со стороны таких учёных, как Росси, Мартэн, Ди Кристо и других. В русской традиции свои замечания по французской интонации высказали Л. В. Щерба, М. В. Гордина. О соотношении синтаксических и просодических средств писал А. М. Пешковский.

В докладе рассматривается узкая проблема описания интонации конкретного типа высказывания. В качестве речевого материала используют

ся реализации нейтрального вопроса с инверсией, вырезанные из прочтенных нормативными носителями текстов нескольких французских пьес. Таким образом, реализации можно признать максимально естественными и максимально приближенными к спонтанной речи. Перцептивный эксперимент позволяет сопоставить данные о действительной интонационной акустической картине сигналов с оценкой звучания отобранных реализаций носителями языка, а также убедиться, что в выявленных моделях реализации вопроса с инверсией они не слышат эмоциональной окраски.

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Стратегия выбора потенциальных референтов в ситуации референциальной неоднозначности

Таланина Александра Андреевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – ст. преп. В. К. Прокопеня

Референциальная неоднозначность возникает, когда как минимум два референта могут быть интерпретированы в качестве антецедента местоимения. Неразрешенным остаётся вопрос: что подталкивает адресата сообщения сделать выбор в пользу того или иного референта? Существует несколько гипотез: некоторые ученые считают, что решающим фактором в данной ситуации будет синтаксическая роль референтов, другие полагают, что важным является порядок их упоминания; также существует мнение, что основным фактором разрешения неоднозначности является позиция референта в информационной структуре предложения. Другой вопрос заключается в том, на основании чего говорящий делает референциальный выбор, то есть выбирает полное (именную группу — ИГ) или редуцированное (личное местоимение) референциальное выражение.

Одной из задач этого экспериментального исследования является выявление стратегий, используемых носителем языка при разрешении ситуации неоднозначности. Также было важно выяснить, в пользу какого из членов предложения (подлежащего или сказуемого) будет сделан референциальный выбор. Полученные в ходе эксперимента данные помогли выбрать дальнейшее направление и методы исследования.

Испытуемым было предложено 74 фрагмента (18 стимулов и 56 филлеров). Каждый фрагмент состоял из двух предложений: в первом вводились два референта одного пола, второе предложение могло относиться к любому из референтов, при этом на месте референциального выражения был пропуск:

Моя младшая сестра полюбила новую учительницу. В последнее время _____ проводила много времени в школе.

Задача испытуемых — заполнить пропуск. Никаких ограничений по вставке не было. В результате получены следующие данные: в 45 % ответов

испытуемые заполняли пропуски полными ИГ, а в 55 % случаев вставляли местоимения. Результаты эксперимента опровергают гипотезу о том, что носитель языка сознательно избегает референциальной неоднозначности, не используя местоимения там, где она может возникнуть. В 60 % случаев использование нередуцированных референциальных выражений ИГ относилось к дополнению первого предложения. Эти данные согласуются с идеей о том, что местоимения чаще употребляются вместо референта в позиции грамматического подлежащего. Мы также просили испытуемых указать, который из референтов имелся ввиду под местоимением в каждом конкретном стимуле. Ответы участников эксперимента убедили нас в необходимости провести подобный эксперимент в ином формате, так как просьба назвать референт побуждала испытуемого заново осмыслить выбор, не учитывая эффект первого прочтения предложений. Для получения более экологичных результатов решено было воспользоваться прибором для регистрации движений глаз, позволяющим отследить, на что不由自主но обращает внимание носитель языка при прочтении наших стимулов.

Некоторые факторы, влияющие на референциальный выбор в процессе порождения речи

Никифорова Александра Ильинична

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – ст. преп. В. К. Прокопеня

Предметом исследования являются некоторые способы осуществления референциальных связей в русском языке в процессе порождения речи при глаголах с имплицитной каузальностью и без неё.

Целью работы было выявление закономерностей, по которым происходит референциальный выбор одного из двух референтов при равных условиях, таких как: влияние синтаксической и/или информационной структуры предложения (является ли наиболее активированный референт топиком или фокусом, подлежащим или дополнением), влияние характеристик глагола и т. д. Ещё один вопрос, интересующий нас: каковы законы, по которым говорящий выбирает референциальные средства, в каких случаях предпочтительнее употребление местоимения, а в каких — именной группы.

С целью получения «живых данных» был проведён эксперимент на материале русского языка с использованием методики «продолжения истории» (story-continuation task). Были отобраны 15 русских глаголов с имплицитной каузальностью и раздражителем-субъектом (*раздражать, злить*), а также 15 некаузальных глаголов. В качестве стимульных предложений были представлены простые предложения с двумя одушевлёнными разнополюми потенциальными референтами. Для создания условий, максимально приближенных к реальному процессу коммуникации, испытуемых ограничили во времени прохождения эксперимента и попросили отвечать первое, что приходит в голову.

В ходе исследования была обнаружена некоторая корреляция между каузальностью глагола в предложении и предпочтительным продолжением,

касающимся субъекта (для выбранного подтипа глаголов с субъектом-раздражителем), что позволяет выдвинуть предположение о том, что имплицитная каузальность может находиться в числе факторов, существенно влияющих на референциальный выбор, наравне с грамматической и информационной структурой.

Кроме того, результаты анализа показали, что в большинстве случаев наблюдается предпочтение местоимений в качестве референциального средства, причём как в тех случаях, когда в ответах фигурирует один референт, так и в ответах с двумя референтами. Это дает основания полагать, что носители языка в силу принципа языковой экономии при отсутствии референциального конфликта склонны использовать местоимение как наиболее лаконичную и ясную форму референции вне зависимости от степени активации референта.

Также были проведены анализ роли референциального выражения в синтаксической и информационной структуре ответов испытуемых и сопоставление этих результатов с ролью референтов в стимульных предложениях, что дало возможность построения дальнейших гипотез относительно референциальных механизмов в русском языке в процессе порождения речи.

Куда вы идёте и как вы ходите? Синтагматические ассоциации на глаголы движения в русском языке

Овчаренко Екатерина Владимировна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, ст. преп. Е. И. Риехакайнен

Исследование ассоциаций на глаголы движения необходимо для получения новых сведений о роли грамматического контекста в процессе восприятия речи. В качестве источника материала в исследовании используется электронная версия «Русского ассоциативного словаря» Ю. Н. Караулова (<http://www.thesaurus.ru/dict/dict.php>; далее — РАС). В докладе рассмотрены реакции на следующие глаголы: *идти* — *ходить*, *ехать* — *ездить*, *бежать* — *бегать*. Первый из глаголов в каждой из пар обозначает однонаправленное движение. В литературе по русскому языку как иностранному такие глаголы называются глаголами первой группы. Второй глагол в каждой из пар обозначает разнонаправленное движение или многократное движение, подразумевающее возвращение. Такие глаголы называются глаголами второй группы. Цель исследования — выявить, какие валентности глаголов движения актуализируются в сознании носителей русского языка, а именно: 1) выделить все типы реализуемых валентностей; 2) отметить наиболее частотные из них; 3) сопоставить наборы валентностей для глаголов так называемой первой группы (типа *идти*) и второй группы (типа *ходить*). В ходе работы из всех реакций, представленных в РАС на каждый из глаголов, были исключены парадигматические (типа *идти* — *ехать*). Все оставшиеся реакции были разделены в зависимости от того, какая валентность глагола в них реализуется. Для обозначения валентностей исполь-

зовались вопросы «Куда?», «Как?», «Где?» и т. д. Предварительный анализ материала позволил выявить ряд тенденций. Во-первых, реакции, отвечающие на вопросы «Как?» и «Куда?», характерны для всех глаголов. При этом для глаголов первой группы *ехать* и *идти* она является наиболее частотной. Для глаголов же второй группы это валентность менее частотна, а лидирующие позиции занимают реакции, отвечающие на вопрос «Как?».

Во-вторых, можно выделить валентности, обусловленные семантикой глаголов. Например, у пары *бежать* — *бегать* встречаются реакции типа «От кого/чего?», «За чем?» и «Где?», а у пары *ехать* — *ездить* — «На/в чём?». В докладе эти результаты проиллюстрированы примерами, а также рассмотрены в сопоставлении с существующими теоретическими представлениями в данной области.

Когнитивное и речевое развитие детей среднего дошкольного возраста при освоении категории локативности русского языка

Сова Юлия Аркадьевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. М. Д. Воейкова

Для освоения языковых единиц и категорий необходимы определенные когнитивные предпосылки, позволяющие реализовывать в речи накопленный опыт. Освоение языка и когнитивные способности находятся в тесной взаимосвязи, в то время как овладение речью напрямую зависит от работы мыслительных операций и наоборот. Доклад посвящен рассмотрению результатов срезового эксперимента на выявление степени усвоения локативных конструкций русскоязычными детьми (возраст 4–5 лет). Гипотезой нашего исследования стало предположение о том, что у детей с общим недоразвитием речи (ОНР) по сравнению с нормой недостаточно сформированы пространственные представления, а усвоение тех или иных локативных показателей происходит позже, чем у детей в норме. Данные проведенного эксперимента, сравнивающего употребление локативных средств детьми с ОНР и детьми без патологии, позволили сделать следующие выводы. 1. Дети с диагнозом ОНР при ответе на вопрос, предполагающий использование предложно-падежной конструкции (ППК), чаще обращаются к группе собственно дейктических средств языка (местоименных наречий, указательных местоимений, частиц: «там», «вот»; жестов). 2. Дети успешнее усваивают ППК со значением статики. Конструкции со значением динамики скореевоспроизводятся из инпута-вопроса, а не производятся самостоятельно. 3. В речи детей с ОНР практически отсутствуют сложносоставные предлоги. 4. Дети с ОНР в 4–5 лет продолжают использовать в своей речи протопредлоги (филлеры), хотя их употребление относится к раннему этапу освоения грамматики детьми без речевых патологий. Падежные формы во всех подобных случаях выбираются правильно. Таким образом, мы можем сделать предположение о том, что диагноз ОНР влияет на усвоение выбранной семантической сферы: это выражается в заме-

не более сложных локативных конструкций на более простые, в употреблении показателей, которые уже не свойственны детям выбранного возраста с нормальным речевым развитием. Значит ли это, что уровень когнитивного развития ребенка с ОНР ниже, чем у ребенка без речевой патологии? Какова природа ошибок детей с диагнозом ОНР: только лингвистическая или все-таки мыслительная (когнитивная)?

Стратегии чтения разных типов текста детьми младшего школьного возраста

Кротова Кристина Евгеньевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, д. биол. наук, проф. Т. В. Черниговская

Исследование представляет собой сравнение стратегий чтения и качества понимания учебных текстов детьми девяти лет с различным уровнем сформированности навыка чтения. В качестве стимулов были отобраны два текста из учебников по предмету «Окружающий мир» для 3–4-х классов, отличающихся по формальным характеристикам, влияющим на «читабельность» (readability: «Readability of Research Writing and Text Variables in Readability Formulas») текстов, и по индексу плотности пропозиций. Оба текста были перестроены из монологических в диалогические без потери значимой информации и стилистических особенностей. Таким образом, в качестве стимульного материала основного эксперимента были использованы две пары текстов: «простой» монологический и «сложный» диалогический; «простой» диалогический и «сложный» монологический. В качестве испытуемых были приглашены 20 учеников 3-го класса. В предварительном эксперименте с помощью методики диагностики дислексии у детей А. Н. Корнева и О. А. Ишимовой был определен их уровень владения навыками чтения и понимания текста. Основной эксперимент проводился на аппарате для регистрации движений глаз, обрабатывался с помощью программы Nyuan Interactive Minds Eye-Tracker. Испытуемые читали текст, отвечали на вопросы и пересказывали прочитанное. В качестве гипотезы предполагалось, что «сложные» тексты будут читаться дольше, с большим количеством возвратов и фиксаций (особенно на предложениях с большим количеством пропозиций), а также то, что их пересказ и ответы на вопросы после их прочтения будут менее точными, чем после прочтения «простого» текста. Результаты проведенного анализа позволяют предположить, что сложность текста имеет значение только для детей, имеющих высокий уровень владения навыками чтения и понимания текста и читающих бегло, целыми группами слов. Дети с более низким уровнем владения навыками чтения (7 человек) одинаково плохо понимают оба текста. Кроме того, выдвигалась идея, что диалогические тексты будут проще для чтения и понимания, так как они имитируют естественную коммуникацию людей. Однако статистически значимой разницы между параметрами процесса восприятия диалога и монолога получено не было. Из этого можно сделать вывод, что монологичность /диалогичность учебного текста для школьни-

ков 3-го класса средней школы не влияет на понимание его содержания. На уровне тенденции было показано, что дети с наиболее высоким уровнем владения навыками чтения монолог воспринимают лучше, чем диалог. Результаты исследования показывают, что влияние типа текста (сложный / простой, диалог / монолог) усиливается по мере приближения к «взрослой норме»: чем выше сформированность навыков чтения, тем больше влияние фактора «тип текста».

Возможности оптимизации речевого воздействия, осуществляемого через англоязычный рекламный текст

Тюркина Ольга Алексеевна

студент 3 курса, Московский городской педагогический университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. К. С. Карданова-Бирюкова

Речевое воздействие может быть определено как воздействие человека на другого человека или группу лиц при помощи речи и сопровождающих речь невербальных средств для достижения поставленной говорящим цели. Существуют некоторые сферы жизни, в которых речевое воздействие применяется особенно часто. Одной из таких сфер является рекламная коммуникация. В наше время реклама является неотъемлемой частью жизни общества и проникает во все сферы жизнедеятельности. Реклама должна привлечь внимание потребителя, запомниться ему, помочь сформировать определенное отношение к заложенной в тексте информации и, в конечном счете, побудить приобрести товар или воспользоваться услугой. В связи с этим создатели рекламы вынуждены прибегать к различным средствам воздействия для того, чтобы потребитель делал выбор в пользу того или иного товара или определенной услуги. Однако приемы речевого воздействия являются культурно-зависимыми, поскольку в них учитываются культурные, исторические, лингвистические, религиозные и другие особенности того или иного общества. Так, частотность применения того или иного способа речевого воздействия будет отличаться в различных культурах. В свою очередь, для реализации различных приемов речевого воздействия используют всевозможные стилистические приемы, которые также являются культурно-зависимыми. Так, в рекламном тексте компании Nivea «Give your skin the care it deserves» использован глагол give в форме повелительного наклонения, позволяющий обратиться непосредственно к реципиенту этого рекламного текста и убедить приобрести рекламируемый продукт. Аналогичным образом построен русскоязычный рекламный текст «Бери от жизни все». Однако подобное совпадение наблюдается далеко не всегда. Так, в рекламном тексте «Don't drink and drive» используется прием аллитерации: три слова данного рекламного текста начинаются с одинакового согласного звука. Аллитерация является одним из наиболее частотных приемов, используемых в англоязычном рекламном дискурсе, однако в русскоязычных рекламных текстах его эффективность минимальна (он встречается в единичных случаях: «Стань самой-самой»). Поскольку способы реализации речевого воздействия в рекламном тексте обусловлены конкретной культурой, важно понять, какие

приемы являются универсальными и могут быть транслированы из одной культуры в другую, а какие — нет. Для этого целесообразным представляется проведение эксперимента, направленного на выявление степени эффективности использования того или иного приема речевого воздействия в рекламных текстах, относящихся к разным культурам (английской и русской). В докладе представлены некоторые результаты подобного экспериментального исследования, проведенного с носителями русского и английского языков, и сделаны предварительные выводы.

Анализ репрезентации речевого воздействия в англоязычных и русскоязычных предупреждающих, запрещающих и инструктирующих знаках

Гриненко Кристина Игоревна

студент 3 курса, Московский городской педагогический университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. К. С. Карданова-Бирюкова

Функция навигационных знаков состоит в обеспечении удобного и безопасного использования пространства города. Знаки регулируют отношения между гражданами, предотвращают беспорядки, вводят нормы социального поведения. Они становятся посредниками при донесении требований, предупреждений, запретов и инструкций до потенциального реципиента. От того, как они построены, зависит качество передачи информации и, следовательно, результат. Так как ожидаемый результат действия знака состоит в том, чтобы добиться послушания со стороны реципиента, правильная формулировка знака представляется важной задачей, стоящей перед создателями системы навигации. Для того, чтобы добиться обязательного подчинения и послушания со стороны реципиента, в навигационных знаках используются различные приемы речевого воздействия.

При формулировании знаков на русском и английском языках задействованы разные приемы речевого воздействия. Так, если при составлении русскоязычного знака часто используются клишированные формулировки, то в английском опора на клише минимальна: *Не курить!* — We kindly ask you to refrain from smoking.

Категоричные заявления и требования в русскоязычных объявлениях можно противопоставить подчеркнуто вежливым формулировкам, типичным для англоязычных знаков: *Машины не ставить! Работает эвакуатор* — Dear customers, please do not park your cars here. Please.

Русскоязычные объявления отличаются отсутствием какой-либо аргументации. Контрастирующие с ними англоязычные знаки содержат прозрачную аргументацию и объяснение последствий в случае невыполнения требований знака: *Внимание! Ведется видеонаблюдение!* — These premises are under CCTV surveillance. Images are being recorded for the purpose of crime prevention and public safety.

Еще одна частотная характеристика русскоязычных знаков — наличие угроз в случае неповиновения. В английском языке этот прием не отно-

сится к распространенным и, видимо, не рассматривается как действенный: *Хлопнешь дверью — станешь льготником* — Please close the door gently.

Таким образом, разница в подходах к составлению навигационных знаков в двух языках и культурах очевидна. Однако важную исследовательскую задачу составляет анализ эффективности перечисленных (и других) приемов речевого воздействия. Для ее решения был проведен эксперимент, в котором участвовали группа носителей английского языка и две группы носителей русского языка: в первую группу вошли те, кто родился после 1993 года, во вторую — те, кто родился до 1955 года. Таким образом, цель эксперимента состояла в выявлении различий в ответах как при сопоставлении ответов представителей разных культур, так и при сопоставлении ответов представителей разных возрастных групп. В докладе представлены предварительные результаты эксперимента и сопоставительный анализ полученных данных.

Особенности вербальных репрезентаций содержания понятий (на примере 10 русских существительных)

Пилатова Ольга Игоревна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, ст. преп. Е. И. Риехакайнен

В докладе представлены результаты эксперимента, направленного на выявление существенных для носителей русского языка семантических признаков ряда понятий. В основе дизайна эксперимента — исследование семантических признаков английских существительных (McRae K. et al. *Semantic feature production norms for a large set of living and nonliving things* // *Behavior Research Methods, Instruments & Computers*. 2005. №37 (4). P. 547–559).

Испытуемые получали список из 10 существительных (*книга, ножницы, рубашка* и др.) и задание записать для каждого из слов признаки понятия, которое оно обозначает.

В пилотном эксперименте приняли участие 10 человек, в настоящее время проводится основной эксперимент.

Первичная обработка результатов заключалась в объединении ответов разных испытуемых и в подсчёте частоты встречаемости различных признаков для каждого из понятий. Некоторые определения, данные участниками эксперимента, были разделены, если в ответах других испытуемых части определения встречались по отдельности (например: *с 4-мя лапами и / хвостом*, так как имеются: *есть четыре лапы и имеет хвост*). Однокоренные слова были учтены как один и тот же признак (*м/б охотником; используется на охоте; охотничьи; может быть охотничьей*).

Выявлены следующие преобладающие стратегии в выполнении задания испытуемыми:

- 1) если у слова несколько значений, перечисляются признаки одного из них;
- 2) появление признаков того или иного типа носит цепной характер;

- 3) привлекаются как языковые, так и энциклопедические знания. Среди ответов были выделены следующие типы признаков:
- 1) классифицирующие: включающие в себя описываемое понятие (РУБАШКА — *одежда*);
- 2) «вариативные»: характеризующие варианты того, что обозначено словом (КНИГА — *электронная*; КРОВАТЬ — *двуспальная*). Эти две группы самые частотные среди ответов. Причём «вариативные» признаки часто появляются раньше и встречаются чаще, чем присущие любому из представителей понятия (например, *учебник* на стимул КНИГА встречается чаще, чем *текст*);
- 3) различительные: те, которые отличают понятие от ему подобных (КРОВАТЬ — *с матрацем*);
- 4) «бросающиеся в глаза» или само собой разумеющиеся (ЧЕЛОВЕК — *имет туловище*). Наиболее редкие среди ответов. Очевидно, они отсутствуют не в содержании понятия, а в описаниях языковыми средствами, то есть они нерелевантны и/или труднодоступны для вербализации. Это, возможно, объясняется тем, что, если рассматривать их как базовые и всеобщие, нет необходимости о них сообщать.

Многие ответы имеют сходство с данными, представленными в Русском ассоциативном словаре Ю. Н. Караулова (<http://thesaurus.ru/dict/dict.php>). Вместе с тем, отмечены и закономерные различия: в описаниях понятий отсутствуют ответы по созвучию (*рубашка — барабашка*); повторения (*деньги — деньги*); частно-ситуативные (*ребёнок — 2-летний, собака — моя*).

Роль экспрессивного прайма в задачах категоризации: гендерный аспект

Хабибулина Альфия Сабитовна

студент 4 курса, Томский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. З. И. Резанова

В современной лингвистике гендерные исследования являются одним из наиболее динамично развивающихся направлений. Исследователи данного направления (Т. Б. Крючкова, Е. А. Земская) на материале письменной художественной и разговорной речи выявили общую тенденцию преобладания экспрессивности и эмоциональности в женской речи по сравнению с мужской. Проанализировав параметры, противопоставляющие мужскую и женскую речь на материале текстов коротких электронных сообщений, мы пришли к выводу, что наиболее яркими показателями отличий мужской и женской речи являются экспрессивные единицы. В результате проведенного исследования были получены данные, свидетельствующие о том, что количество употреблений экспрессивных единиц в женской речи почти в два раза больше, чем в мужской речи. Полученные результаты стали основанием гипотезы о влиянии экспрессивности языкового стимула на процесс и результат выполнения разного рода когнитивных задач, связанных с обработкой экспрессивов, а также гипотезы о том, что данное влияние может проявляться различным способом у мужчин и женщин. Для провер-

ки данной гипотезы нами была разработана процедура эксперимента с использованием программного обеспечения E-Prime 2.0, которое регистрирует время реакции на стимул. В качестве стимулов нами были выбраны личные имена мужчин и женщин (*Маша, Ваня*). Задача испытуемого — определить, кого называет данное личное имя: мужчину или женщину, при этом в качестве прайма, то есть единицы, гипотетически способной повлиять на восприятие знака, использовались экспрессивные и неэкспрессивные прилагательные, типа *усатенький vs. уважаемый*. Мы предполагаем, что, даже не находясь в фокусе сознания, экспрессивность или неэкспрессивность прайма может повлиять на выполнение задания. Для формирования классов праймов были проведены претесты, позволившие сформировать группы праймов, объединенных по признаку максимальных различий степени экспрессивности и не противопоставленных по признаку субъективной частотности. Кроме того, в системе претестов были проверены частотность имен собственных и их типичность для обозначения мужчин и женщин. Длина стимула и прайма контролировалась. В качестве испытуемых были привлечены студенты Томского государственного университета: мужчины и женщины в равном количестве. Таким образом, в эксперименте исследуется влияние двух переменных (экспрессивность прайма, пол испытуемого) на скорость выполнения гендерно маркированной задачи. В результате проведения эксперимента установлен характер влияния прайма на выполнение задачи, что является предметом обсуждения в докладе.

Когнитивная обработка вербального стимула с отрицательной коннотацией: гендерный аспект

Позовкина Ксения Сергеевна

студент 4 курса, Томский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. З. И. Резанова

Языковая репрезентация гендера как культурного феномена в настоящее время изучается в трех аспектах: в речевом поведении, в семантике языковых единиц, в языковом и метаязыковом сознании. Анализируя особенности мужской и женской речи, все исследователи отмечают, что речь женщины характеризуется большей эмоциональностью и экспрессивностью по сравнению с мужской. Этот аспект гендерных различий является объектом нашего анализа. Исследование, проведенное на материале диалогического общения, подтвердило воспроизводимость выявленных на другом речевом материале результатов, а именно — большую экспрессивность женской речи по сравнению с мужской, преобладание уменьшительно-ласкательных суффиксов, междометий, усилительных частиц типа «вообще» и в то же время малую представленность обценной и разговорно-сниженной лексики. В мужской речи были обнаружены следующие особенности: эмоциональное однообразие, использование однотипных междометий и наличие обценной и сниженной лексики. Анализ литературы и результаты наших исследований послужили основанием для выдвижения гипотезы о том, что частотность использования

экспрессивных слов в речи может повлиять на их восприятие. При этом в качестве исследуемой проблемы мы рассматриваем противодействие двух тенденций: с одной стороны, женская речь более экспрессивна, с другой стороны, мужская речь, будучи в целом менее экспрессивной, содержит большее количество слов с отрицательной коннотацией. Не ясно, какой фактор окажется в данном случае более значимым при восприятии стимула. Для проверки гипотезы нами был проведен эксперимент с помощью программы E-Prime 2.0 (Copyright 1996—2012 Psychology Software Tools). В качестве испытуемых выступили студенты томских вузов в возрасте от 18—23 лет, равное количество мужчин и женщин. Эксперимент включал в себя лексическое задание: испытуемым предлагалось решить, являлось ли слово, выведенное на экран, реальным или вымышленным. В качестве экспрессивных стимулов были выбраны глаголы с отрицательной коннотацией, например *намалеваться*, *выпендриться*, степень экспрессивности и частоты которых была проверена с помощью претестов, проведенных ранее. Таким образом, дизайн эксперимента был создан по двум независимым переменным: 1) экспрессивность (экспрессивные vs неэкспрессивные стимулы); 2) пол испытуемых (мужской vs женский). В качестве зависимой переменной выступало время реакции (Rt). Полученные данные были обработаны с использованием пакетов IPM SPSS STATISTICA и STATISTICA 21. Результаты эксперимента свидетельствуют о влиянии степени экспрессивности стимула на его обработку.

Влияние экспрессивной семантики диминутива на решение задачи lexical decision: гендерный аспект

Васильева Алина Вячеславовна

студент 4 курса, Томский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. З. И. Резанова

Повышенная эмоциональность и экспрессивность русской речи — явление, глубоко осмысленное в литературе (А. Вежбицкая, А. Д. Шмелев и др.). Одним из аспектов, в которых оно рассматривается, является способ языковой репрезентации данных смыслов. В рамках исследования в этом аспекте было выявлено, что одним из специфических средств формирования эмоционально-экспрессивного фона речи является диминутивное словообразование. При этом в гендерной лингвистике, в том ее разделе, в котором изучается своеобразие речи мужчин и женщин, в качестве значимой черты были отмечены различия ее экспрессивности, а именно — степени выраженности эмоционально-экспрессивного фона, а также использование средств различных языковых уровней, с помощью которых этот фон формируется. Ранее нами было проведено исследование различий экспрессивности коротких электронных сообщений, принадлежащих мужчинам и женщинам, в которых было выявлено значимое различие в количестве, коммуникативных позициях, а также в составе языковых средств выражения экспрессивности, в том числе — в частотности использования диминутивов. Это наблюдение послужило основанием для формулирования

общей гипотезы о том, что различие в активности использования данных единиц в речи может отразиться и в различии их восприятия мужчинами и женщинами, то есть в характере когнитивной обработки диминутивной лексики. Данная общая гипотеза была конкретизирована до более частной, явившейся основой построения экспериментального исследования. При выполнении задания на принятие лексического решения (lexical decision) когнитивная обработка диминутивов, являющихся одним из наиболее часто используемых средств экспрессивности, может быть различной у мужчин и женщин вследствие того, что мужчины и женщины используют в речи данные единицы с разной степенью частотности. Различие когнитивной обработки диминутивов может проявиться в различии времени реакции испытуемых при выполнении задания на принятие лексического решения. Данная гипотеза проверялась в эксперименте, проведенном с помощью программы E-Prime 2.0 (Copyright 1996—2012 Psychology Software Tools). В качестве испытуемых были привлечены студенты томских вузов, равное количество мужчин и женщин в возрасте от 17 до 23 лет. В качестве стимулов были выбраны лексемы с деривационными суффиксами, имеющие диминутивную семантику. Стимулы были сгруппированы по признаку: экспрессивность vs. неэкспрессивность. В ходе эксперимента испытуемым предлагалось определить, к какой группе принадлежит единица, появляющаяся на экране, — слово vs. неслово. В итоге данные, полученные в ходе эксперимента, были сравнены с данными, полученными при анализе коротких электронных сообщений. В докладе представлены результаты сравнения.

О специфике языковой номинации эмоционального состояния человека в севернорусских говорах

Кондратенко Анастасия Михайловна

студент 4 курса,

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского

Научный руководитель — к. филол. наук, доц. Т. К. Ховрина

Лексический материал говоров является хорошей основой для воссоздания и характеристики традиционного психологического портрета носителя диалекта. В этом отношении представляет интерес психолингвистическое сравнение наименований эмоционального состояния человека с точки зрения научного знания и представленного в диалекте знания «наивного», образного. В ходе работы было исследовано около 150 диалектных единиц. Согласно выбранной нами классификации К. Изарда все базовые эмоции делятся на пары. В докладе анализу подвергаются пары «горе — страдание» и «гнев — ярость». Научные знания человека об этих эмоциях передаются лексемами литературного языка и отражаются в соответствующих словарях. В частности, в Малом академическом словаре: *горевать* — «испытывать душевные страдания, глубокую печаль, скорбь», «сожалеть о ком-, чем-л»; *страдать* — «испытывать сильную физическую или нравственную боль, страдания; мучиться». Лексический материал

народных говоров, в частности севернорусских, дает иную картину представлений о данных эмоциях, представляет особый ассоциативный ряд и связь выражаемых эмоций с различными фрагментами внеязыковой действительности, в частности с некоторыми растениями, животными и различными состояниями предметов. *Грибаться* — ‘печалиться, грустить’. В Словаре русских народных говоров (СРНГ): *грибнуть* — «подвергаться брожению, кваситься, киснуть». Внутреннюю форму анализируемого глагола можно трактовать как «скиснуть от печали». *Бучениться* — ‘сердиться’. В СРНГ этот глагол дан в значении «иметь недовольный вид, сердиться, дуться». По М. Фасмеру, глагол *бучать* означает «жужжать, мычать». Значение ‘шуметь, звучать’ могло развиваться до характеристики животных (‘жужжать, мычать’), далее — до метафорической характеристики неодушевленного предмета (‘бушевать (о море)’) и эмоционального состояния человека. *Дозорить* — ‘вывести из терпения, расстроить’; в СРНГ *дозоривать* — «сильно расстроить кого-либо, вывести из себя», «доводить что-либо до спелости, зрелости». Таким образом, можно предположить, что первое значение является производным от второго, прямого, то есть метафорически обозначает ‘довести до высшей степени’ или, точнее, имеет сему ‘переспеть, довести до переспевания’. *Козлиться* — ‘гневаться, сердиться, выходить из себя». СРНГ — «вести себя подобно козе, козлу, упираться ногами, толкать», «гневаться, сердиться, выходить из себя». Значение ‘сердиться’ углагола *козлиться* приобретает трактовку ‘вести себя как козел’.

Таким образом, лексика говоров передает особенности традиционных народных представлений о сущности различных эмоциональных проявлений и состояний человека, нередко значительно отличающихся от научно-го знания о них.

О методах исследования способов выражения просьбы

Иноков Егор Андреевич

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — к. филол. наук, ст. преп. Е. И. Риехакайнен

Просьбы (наряду с извинениями), являются самыми популярными речевыми актами в сопоставительных исследованиях, что, по-видимому, объясняется их частотностью в нашей жизни.

В докладе рассмотрены преимущества и недостатки таких психо- и социолингвистических методов изучения способов выражения просьбы, как наблюдение, анкетирование, градуирование, устное и письменное завершение дискурса (DCT), интервью, ролевая игра. Кроме того, представлен план конкретного сопоставительного психолингвистического исследования способов выражения просьбы, которое будет проведено на материале польского и немецкого языков.

Первым этапом исследования будут опросы носителей немецкого и польского языков и составление на их основе перечней конструкций, которые, по мнению носителей указанных языков, могут использоваться для

выражения просьбы. Затем будет проведен эксперимент с применением методики градуального эталона. Эта методика была предложена В. Я. Шабесом и предполагает ранжирование набора слов / конструкций по каким-либо параметрам (Шабес В. Я. Событие и текст. М., 1989). Ожидается, что результаты эксперимента позволят выявить те способы выражения просьбы, которые носители немецкого и польского языков считают наиболее типичными, и определить, коррелирует ли типичность способа выражения просьбы с такими факторами, как вежливость, формальность ситуации, социальный статус адресата и др.

Подобное исследование было проведено на материале русского языка Е. И. Риехакайнен в 2006 году (Риехакайнен Е. И. Способы выражения просьбы в русском языке: экспериментальное исследование. СПб., 2006. Рукопись), поэтому одной из задач настоящего исследования является сопоставление результатов, полученных на материале немецкого, польского и русского языков. В частности, планируется сравнить разнообразие способов выражения просьбы в этих языках, определить, одинаково ли используются *ты/Вы*-формы, а также сопоставить результаты, полученные в экспериментах, с корпусными данными, например попытаться проверить, зависит ли типичность способа выражения просьбы от частотности ее употребления.

ПРИКЛАДНАЯ И МАТЕМАТИЧЕСКАЯ ЛИНГВИСТИКА

Исследование префиксальных
словообразовательных моделей как один из подходов
к морфологическому анализу

Годгильдиева Мария Михайловна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. В. П. Захаров

Русский язык обладает высокой способностью к производству новых слов с помощью определенных повторяющихся компонентов. В связи с этим часть несловарных слов, с трудом поддающихся автоматическому морфологическому анализу, составляют сложные слова, состоящие из подобного компонента, т. н. префиксоида, и некоего остатка. В ходе работы был составлен список из 123 префиксоидов, для которых были подсчитаны приблизительные частоты в корпусах НКРЯ и Araneum Russicum Minus. При составлении списка учитывались наиболее известные префиксоиды, а при подсчете частот были отсеяны слова, где компонент является частью основы или омонимичен её началу. Таким образом, исследование показывает, насколько эффективным станет подход к морфологическому анализу, учитывающий подобные модели.

Классификация компонентов актуального членения в простом и сложном предложениях

Шакурова Дина Гильмановна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. И. В. Азарова

Ключевыми понятиями при изучении вопросов актуального членения предложения являются понятия темы и ремы. Как известно, существует несколько возможных вариантов наименования этой дихотомии («психологический субъект» и «психологический предикат» в ранних работах второй половины XIX века, «исходная точка» и «ядро высказывания» в работах В. Матезиуса, «данное» и «новое» в трудах К. Г. Крушельницкой и т. д.). Стоит, однако, отметить, что некоторые из упомянутых терминов не являются во всех случаях тождественными понятиям темы и ремы, а другие были оценены рядом исследователей как не совсем удачные.

Согласно Матезиусу, стандартными способами выражения актуального членения предложения являются объективный и субъективный порядок слов (ср.: «Я отдала за нее 20 крон» и «20 крон я за нее дала»). Однако существуют более сложные случаи, в которых отнесение компонентов предложения к теме или реме не может быть определено лишь с опорой на линейный порядок следования. В такой ситуации простой дихотомии «тема — рема» оказывается недостаточно, что приводит нас к необходимости ввести некоторые дополнительные элементы.

Для последующей реализации автоматического анализа коммуникативной структуры предложения были поставлены следующие задачи: 1) выделить и классифицировать неоднозначные с точки зрения темарематической принадлежности компоненты (т. н. «внерематические» компоненты); 2) представить тема-рематическую структуру сложных высказываний.

Следуя идеям И. Ф. Вардуля, а также классификации, разработанной И. В. Азаровой и С. С. Гордеевым, в ходе исследования были выделены следующие элементы:

- 1) собственно тема (нечто, представляемое говорящим как «данное»);
- 2) собственно рема (нечто, представляемое говорящим как «новое»);
- 3) ситуативы (обстоятельства, конструкции со значением кванторов вроде «во всех случаях», «иногда, но далеко не всегда» и т. д., которые относятся ко всему предложению в целом и задают условия реализации данного тема-рематического членения);
- 4) модальные слова и вводные конструкции (компоненты, представляющие данную тему в модальном плане: «как удалось установить», «вероятно» и т. п.);
- 5) связки (слова, указывающие на различные причинно-следственные отношения);
- 6) репрезентативы (компоненты, поясняющие или иллюстрирующие рему: формулы, информация в скобках, кавычках, курсив).

Выявление лексико-грамматических контекстных маркеров для снятия лексической неоднозначности слов

Седова Анастасия Георгиевна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. И. В. Азарова

Задача снятия лексической неоднозначности слов является одной из наиболее актуальных при разработке методов автоматического анализа текста и информационного поиска. Для её решения активно применяются словари типа WordNet, базовыми структурными единицами которых являются синонимические ряды (синсеты), связанные между собой различными семантическими отношениями (родовидовыми отношениями, отношениями часть — целое и др.).

Данное исследование выполняется в рамках проекта RussNet — разработки компьютерного словаря типа WordNet для русского языка. Оно направлено на решение задачи снятия неоднозначности с помощью контекстных маркеров, на основании которых можно выбрать нужное значение полисемантического слова. Для выполнения поставленной задачи исследовались выборки контекстов высокочастотных слов из корпуса текстов, где фиксировались семантические классы, в функции которых употреблялись рассматриваемые лексемы, лексические и грамматические характеристики контекстов, указывающие семантическую характеристику.

Исследование позволило выявить наборы лексико-грамматических маркеров и различных семантических структур, в которых то или иное слово употребляется в зависимости от значения. Например, для слова «город» характерно использование в значении ‘населенный пункт, место обитания людей’ в конструкции «житель города», «население города», однако в конструкции «в городе» реализуется несколько значений: ‘пространственный объект’, ‘место обитания людей’ и др. На основании анализа контекстов были выделены наборы грамматических форм, предложные конструкции и лексические сочетания, характерные для семантических классов значений. Они являются предметом обсуждения в докладе.

Автоматизация маркирования оценочной лексики в экспертных текстах

Кочергина Кристина Сергеевна

магистрант 1 курса, Томский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Т. А. Демешкина

Экспертная оценка конфликтных текстов в большинстве случаев проводится экспертами-лингвистами традиционным способом — вручную, с опорой на данные толковых словарей русского языка. Актуальным является разработка и применение автоматизированных способов анализа конфликтных текстов. Цель доклада — описание разработанной методики для автоматизации процедуры лингвистической экспертизы. Процесс автоматизации заключается в поиске в конфликтных текстах оценочной лексики,

представленной в словаре. Основные этапы работы: 1) составление словаря оценочной лексики, 2) разработка алгоритма поиска оценочной лексики в конфликтных текстах и 3) его реализация на языке программирования C++. Составление словаря производится ручным способом с опорой на «Русский семантический словарь» под редакцией Н. Ю. Шведовой. Выбор данного словаря обусловлен идеографическим принципом его построения: в тематических разделах присутствуют наименования лиц с оценочными пометами, а также выделяется раздел «Брань, хула». Алгоритм поиска оценочной лексики основан на технологии sentiment analysis (анализ тональности текста), описанной в работах В. Pang, L. Lee, B. Liu и др. Инвективная лексика разделяется на 5 классов в зависимости от степени выраженности отрицательной оценки (каждому слову присваивается значение от 1 до 5): 1) амбивалентная лексика, 2) лексика с семантикой положительной оценки в сочетании со словами-отрицаниями, 3) лексика с негативным оценочным компонентом, 4) брань, хула, 5) обценная лексика. Работа программы, реализующей алгоритм поиска оценочной лексики, заключается в выводе соответствующих контекстов, маркировании лексических единиц и их оценивании по шкале от 1 до 5 (по степени выраженности отрицательной оценки). Внимание эксперта обращается на эти «сигналы»: на основе полученных данных лингвист-эксперт интерпретирует результаты работы программы, опираясь на свои профессиональные знания. Использование программы в качестве поддержки процедуры проведения судебной лингвистической экспертизы позволяет повысить степень объективации полученных результатов, оптимизировать процесс анализа конфликтных текстов.

Автоматическое выделение количественных конструкций в русскоязычных научно-популярных текстах

Харабет Якуб Константинович

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. О. А. Митрофанова

Целью исследования является автоматическое выделение особого класса лексико-грамматических конструкций, а именно количественных конструкций, которые характеризуют научные и научно-популярные тексты. В текстах данного типа наряду с конструкциями, включающими модификаторы «много», «мало», «значительно», часто встречаются контексты, содержащие выраженные количественных показателей с указанием точных величин («находиться в 5 км от X», «полоса шириной 30 мм» и т. д.). Материалом исследования являются все конструкции, использующие меры длины в системе СИ (нм, мкм, мм, м, км). В ходе работы был сформирован корпус научно-популярных текстов общим объемом около 100 тыс. словоупотреблений. Корпус включает в себя статьи, опубликованные в различных журналах («Наука и жизнь», «Наука из первых рук», «Природа», «Троицкий вариант»). Особое внимание уделялось текстам из естественнонаучных областей (биология, физика, космология). Для автоматического выделения

конструкций нами использовался морфосинтаксический анализатор Томи-та-парсер (<https://tech.yandex.ru/tomita/>). В Томи-та-парсере были составлены машиночитаемые словарь и грамматика, описывающие конструкции с использованием единиц длины. На основе подаваемых на вход словарей и грамматик Томи-та-парсер выполняет семантическую интерпретацию найденных в корпусе конструкций и выделяет следующие сущности: «количество», «единица измерения», «параметр», «объект».

Примеры автоматической обработки конструкций:

(1) контекст: ... «застежка, шириной около 100 нм...»; количество: 100, единицы: нм, параметр: ширина, объект: застежка;

(2) контекст: «... α -спираль определенной длины около 40 нм...»; количество: 40, единицы: нм, параметр: длина, объект: α -спираль;

(3) контекст: «...комплекс (его сечение — порядка 150-200 нм...»; количество: 150—200, единицы: нм, параметр: сечение, объект: комплекс.

Опытным путем удалось выяснить, что конструкции, использующие единицы длины, служат для описания ситуаций двух типов. В конструкции указываются 1) физические размеры отдельных объектов или 2) расстояние между двумя объектами. В первом случае используются такие параметры, как «сечение», «толщина». Во втором — эксплицитные указания двух объектов в выражениях вида «от А до Б», «между А и Б», а также явное упоминание таких характеристик, как «расстояние», «удаление» и т. п. При этом данные группы частично пересекаются. Существуют пограничные случаи конструкций вида «зазор шириной...». Имеется также значительная часть примеров, которые можно классифицировать двояко («глубина дна» как характеристика объекта «дно» и как расстояние до поверхности).

О моделировании системы терминов «Мастерство актера»

Кривоносов Илья Игоревич

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — д. филол. наук, проф. А. С. Герд

При изучении любой логико-понятийной системы и соответствующей ей системы терминов неизбежно встает вопрос о подходах к их описанию. Определение процедуры зачастую связано со спецификой предметной области знания. В большинстве работ, посвященных анализу и упорядочиванию лексики техники, точных и естественных наук, в качестве одного из ключевых используется тезаурусный подход, позволяющий под парадигматическим углом зрения отразить существующие в системе связи и отношения (см. работы А. С. Герда, С. Д. Шелова, В. М. Лейчика, В. Д. Табановой и др.). На материале терминов предмета «Мастерство актера» рассматривается применение тезаурусного подхода к организации и моделированию слабо структурированной специальной лексики с высокой диффузностью в значениях. Процедура моделирования терминосистемы пред-

полагает два основных этапа: создание терминологической базы и графической модели терминосистемы. Первый из них — создание базы данных, в которую включаются терминоподобные единицы и максимально выделяемая информация для каждой из них. На данном этапе также решается ряд частных задач: выбор рабочего определения термина и подхода к выделению терминов, создание корпуса основных текстов по предмету (в корпус вошли основные методические работы К. С. Станиславского для актеров и режиссеров), выбор корпус-менеджера, выделение для каждой единицы дефиниций и репрезентативных контекстов из корпуса. Ключевым моментом является описание существующих в системе отношений гипонимии, синонимии и ассоциации с соответствующим уточнением каждого типа связи: относительной синонимии / вариантности, разных иерархических структур, типологии ассоциативных связей. На этапе создания модели терминосистемы описанные в терминологической базе единицы получают визуальное представление в графическом редакторе. В одной плоскости все термины располагаются в составе тематических групп, формируемых на основе дефиниций и контекстов. Существующие отношения эксплицитно представляются при помощи дуг и специальной системы помет. Таким образом, для организации терминологии актерского мастерства, имеющей относительно нечеткую структуру, тезаурусный подход представляется эффективным, поскольку позволяет задать содержание термина через его место в системе.

Особенности языка исламской финансовой сферы

Розов Владимир Андреевич

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. филол. наук, проф. О. И. Редькин

Использование языка, являющегося «домом бытия» (М. Хайдеггер), отражает и формирует внеязыковую реальность, поэтому изучение идеологии и деятельности тех или иных социальных, профессиональных, политических групп и организаций невозможно без изучения используемых ими систем терминов и определений.

Сегодня исламские финансы являются стремительно развивающимся сектором экономики мусульманских стран. Исламский банковский сектор появился относительно недавно — в середине XX в., что не мешает ему при коммуникации с потенциальными клиентами и партнерами активно использовать лексику, заимствованную из священной книги мусульман — Корана, а также из хадисов, то есть рассказов о словах и поступках пророка Мухаммеда. Подавляющее число терминов, специфичных для исламского финансового сектора, заимствовано из текста Корана и хадисов. Эта лексика описывает реалии доисламской и раннеисламской Аравии так, как они представлены в исламской традиции. При коммуникации не на арабском языке в сфере исламских финансов используются заимствованные арабские термины, которые остаются без перевода. Это связано как с отсутствием аналогов в других языках, так и со стремлением подчеркнуть

религиозную составляющую сферы экономики и ее принципиальное отличие от прочих форм финансовой деятельности. Вся система терминов исламских финансов подчиняется жесткой дихотомии, противопоставляющей «дозволенное» (*халал*) и «запретное» (*харам*). Это выражается в стремлении избежать использования лексики, отягощенной коннотациями, которые могли бы ассоциироваться с порицаемыми исламом явлениями, поведением и способами ведения бизнеса. Ключевыми правилами исламской экономики является запрет на ростовщичество (*риба*) и неприятие спекулятивного риска или неопределенности в предмете договора (*гарар*).

Анализ риторики, которую используют исламские финансовые институты, показывает, что ключевыми преимуществами, служащими для привлечения клиентов и партнеров, считаются приверженность традиционным и религиозным ценностям, социальная ответственность, понимаемая также в религиозном ключе, исламская история. При этом идея прогресса не противопоставлена следованию традициям, в том числе и самым ортодоксальным.

Таким образом, особенности языка, используемого в исламских финансах, являются важным инструментом создания образа этой сферы экономики и противопоставления ее другим формам хозяйственной деятельности. Анализ этих особенностей позволяет выделить ключевые для исламской финансовой сферы ценности и идеи, что позволяет предугадать пути ее дальнейшего развития.

Сравнение методов извлечения двуязычных терминов и терминологических словосочетаний на основе параллельного англо-русского корпуса текстов по языкам программирования

Коцеева Светлана Сергеевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. В. П. Захаров

Параллельные корпуса текстов широко используются в корпусной лингвистике для выделения терминов и терминологических словосочетаний. Современные исследования показывают, что извлечённые из параллельных корпусов двуязычные термины (однословные и многословные) можно применять в качестве основы для машинного перевода, создания терминологических словарей и тезаурусов предметной области, а также для верификации уже зафиксированных значений терминов и оценки адекватности их перевода. Цель данного исследования заключается в том, чтобы на основе параллельного англо-русского корпуса текстов по языкам программирования изучить и сравнить различные методы выделения терминов и терминологических сочетаний. В наиболее общем смысле термин — это слово или словосочетание, соотносимое с определённым понятием в той или иной отрасли знаний. В соответствии с задачами параллельных корпусных исследований общеязыковое понятие термина переосмысливается и выделяются следующие его признаки: 1) практически полное отсутствие омонимии с другими словами; 2) высокая относительная частота в специальном корпусе в срав-

нении с общезыковым корпусом текстов; 3) наличие адекватного переводного эквивалента в параллельных текстах. В корпусной лингвистике были разработаны различные методы извлечения терминов и терминологических сочетаний. Среди методов выделения однословных терминов различают методы ключевых слов и использование моделей дистрибутивной семантики. Основные подходы к извлечению терминологических словосочетаний включают в себя статистические методы (меры ассоциации), лингвистические (морфо-синтаксические шаблоны) и смешанные (сочетание статистических и лингвистического методов). В ходе экспериментальной части данной работы предполагается определить эффективность статистического и лингвистического метода извлечения терминов. Для этой цели был создан тестовый корпус параллельных текстов объёмом около 100 000 слов для каждого языка (русского и английского). Изучение статистического метода заключается в применении методов ключевых слов для однословных терминов и мер ассоциации для терминологических сочетаний. Для оценки лингвистического метода используются морфо-синтаксические шаблоны. Предполагается, что более полное использование информации о морфологических особенностях терминопотреблений повышает качество извлечения терминов из параллельных корпусов текстов.

ФИННО-УГОРСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Стилистические сдвиги
при переводе поэзии И. А. Бродского на финский язык

Звездина Екатерина Викторовна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – асс. Я. В. Новикова

Юкка Малинен — единственный на сегодняшний день переводчик поэзии Бродского. Его переводы буквальны и полностью передают основную идею каждого стихотворения, но в них наблюдаются стилистические изменения по отношению к оригиналу. В докладе рассматривается характер этих изменений на материале конкретных стихотворений: «Письма римскому другу», «Остановка в пустыне» и «Одному тирану». Цель анализа — проследить изменения поэтического текста при переводе на язык, отличный от русского по своей грамматической структуре. Особенность перевода поэтических произведений Бродского состоит в трудности основной задачи: передать в максимально полном объеме систему образов и метафоричный язык поэта. Приводится сравнение перевода Юкки Малинена с более вольным переводом на английский язык. Английский язык позволяет создавать переводы с сохранением рифмы и общей стилистики стихотворения, и эти переводы служат контрастирующим примером. На основе сравнения предложена стратегия финского перевода с минимизированным количеством сдвигов.

Средства передачи языковой экспрессии при переводе с финского на русский (на материале перевода романа К. Хотакайнена «Juoksuhaudantie»)

Прохорова Александра Алексеевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – ст. преп. А. Н. Мизонова

Переводчики художественной литературы часто сталкиваются с проблемой передачи языковой экспрессии. Это связано прежде всего с тем, что экспрессия является важнейшим свойством художественного текста, его основополагающим элементом. С одной стороны, средства экспрессии помогают автору оживить речь, повлиять на читателя определенным образом. С другой стороны, они в значительной степени осложняют работу переводчика, так как при переводе в его задачу входит не только понять интенцию автора, но и найти передающее ее языковое соответствие, которое воздействовало бы на читателя так же, как оригинал. Финский язык вербоцентричен, а глагол является основным средством выражения экспрессии на лексическом уровне. По этой причине мы решили сосредоточить свое внимание на особенностях перевода финских экспрессивных глаголов. Цель нашей работы состояла в описании основных средств передачи финских экспрессивных глаголов при переводе на русский. В качестве теоретической опоры исследования мы использовали труды как финской, так и русской семантической школы. Мы ориентировались на работы таких учёных, как Н. Д. Арутюнова, В. Н. Комиссаров, Т. А. Казакова, Н. А. Лукьянова. Кроме этого, мы обращаемся к новейшим работам таких ученых, как Веса Ярва, Ева Миконе, Матти Ларьяваара и Улла-Майя Кулонен. Для проведения анализа методом сплошной выборки был составлен корпус экспрессивных глаголов, а затем рассматривались общие принципы и методы их перевода. Русская и финская семантические школы имеют различное представление об экспрессивности. Представители русской школы уделяют особое внимание соотношению категорий экспрессивности, эмоциональности и оценочности. Представители финской школы уделяют больше внимания иконической природе экспрессивных слов. Одно из основных свойств экспрессивной лексики, которое выделяют как русские, так и финские исследователи, — это её воздействующая функция, её свойство вызывать у адресата эмоции.

Экспрессивные глаголы появляются в тексте оригинала в тех моментах, когда автор даёт характеристику персонажам. В этих случаях неточный перевод может в значительной степени повлиять на правильное восприятие читателем авторской позиции. Перевод экспрессивных глаголов должен начинаться с внимательного изучения словарной статьи толкового словаря. Далее переводчик должен сделать поправку на культуру принимающего языка, учесть авторскую интенцию и нормы принимающего языка. Экспрессивная лексика как передающий эмоцию и оценку инструмент воздействия на слушателя может быть ключом к пониманию особенностей языковых картин мира. В свою очередь, понимание этих особенностей может значительно увеличить качество перевода в языковой паре финского и русского языков.

Сложные слова при переводе безэквивалентной лексики с русского языка на эстонский

Беспалова Юлия Станиславовна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – ст. преп. Л. Ю. Муковская

В докладе на примере перевода романа М. Е. Салтыкова-Щедрина «История одного города» рассмотрены стратегии перевода, избранные Хенриком Сепамая для передачи безэквивалентной лексики, среди которых в качестве основных можно выделить транслитерацию, калькирование, а также подбор эквивалентов из эстонского культурного материала. Помимо этого, в исследовании анализируется работа переводчика, в частности использованные им возможности художественного перевода. При проведении исследования был применен метод словообразовательного, семантического анализа и сделана попытка оценки: 1) выбора стратегии переводчика; 2) качества перевода.

Сложные слова как средство описания внешности в языке Э. Вильде

Колосова Лилия Валерьевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – ст. преп. Л. Ю. Муковская

Доклад освещает особенности употребления сложных существительных и прилагательных в художественном тексте при описании внешности человека. В качестве источника материала использован роман Э. Вильде «Mäeküla piimamees» («Молочник из Мяэкюла»). В своем произведении выдающийся писатель начала XX века использует богатые словообразовательные возможности эстонского языка, привлекает лексический материал из диалектов и эстонской части словаря Видеманна. Рассматриваемые сложные прилагательные и существительные подвергаются структурной классификации, выделяются основные модели их образования. Предлагаемая структурная классификация неразрывно связана с семантическими особенностями этих сложных слов. При проведении исследования был применен метод словообразовательного и семантического анализа.

Эквиваленты придаточного предложения как средство актуализации причинно-следственных отношений в эстонском языке

Вяхирев Дмитрий Андреевич

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – ст. преп. Л. Ю. Муковская

Доклад затрагивает одну из самых актуальных областей синтаксиса в прибалтийско-финском языкознании. Предмет исследования – конструкции со свернутым предикатом, эквивалентные придаточным пред-

ложениям, в эстонском языке. Цель исследования — показать, как данные конструкции принимают на себя дополнительное значение причины и участвуют в актуализации причинно-следственных отношений. Материалом исследования выступили фрагменты из эстонской художественной литературы. Применялись методы синтаксического и семантического анализа.

Венгероязычные писатели Закарпатья как представители венгерской литературы, существующей на бывших венгерских территориях

Удальцова Любовь Эмериковна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – ст. преп. О. А. Якименко

Литература национальных меньшинств всегда представляла собой интерес для историков литературы, литературных критиков, этнографов и социологов. Ведь литература — это один из способов сохранения языка, обычаев и традиций народа. Особенно если этот народ проживает на территории государства с другим официальным языком.

В докладе рассматривается литература венгров, проживающих за пределами Венгрии, в частности на территории Украины в Закарпатской области.

Актуальность этой темы состоит в том, что исследование истории и литературы закарпатских венгров дает возможность ближе познакомиться с этими представителями венгерского народа, с их традициями. Также важен тот факт, что на русском языке крайне редко появляются работы по данной теме и мало что известно о состоянии современной венгероязычной литературы Закарпатья, о темах, которые поднимаются в ней, о самих авторах.

Цель доклада — определить понятие закарпатской венгероязычной литературы и охарактеризовать ее особенности. Для этого необходимо: 1) определить происхождение понятия «зарубежный венгр»; 2) рассмотреть, как развивалась литература Закарпатья в XX веке, какие жанры в ней господствовали; 3) описать современную венгероязычную литературу Закарпатья.

Оценочные имена в венгерском языке

Халимонова Виктория Николаевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Н. Н. Колпакова

В докладе рассматриваются способы выражения оценки в венгерском и русском языках. Данная тема является актуальной, так как может помочь при составлении языковой картины мира того или иного народа. Целью работы является изучение оценочности в венгерском языке и сравнение венгерских способов оценивания с русскими.

В последние десятилетия наблюдается возрастающий интерес лингвистов к категории оценки. Оценка выражает отношение говорящего к тому, что сообщается в его высказываниях. Важную роль в выражении оценки играет эмотивность. Эмоционально окрашенная лексика делает язык богаче и помогает говорящему (субъекту оценки) более точно выразить свое отношение к тому или иному предмету или явлению. Оценки и эмоции играют большую роль в организации поведения человека, а также в организации его речевой деятельности. Самой важной особенностью оценки является то, что в ней всегда присутствует «субъективный фактор», который взаимодействует с объективным. Оценочное высказывание всегда подразумевает ценностное отношение между субъектом и объектом, даже если в нем прямо не выражен субъект оценки. Всякое оценочное суждение предполагает субъект суждения, то есть то лицо (индивидуум, социум), от которого исходит оценка, и его объект, то есть тот предмет или явление, к которому оценка относится. Субъект суждения может быть представлен как конкретным индивидом, так и определенной социальной группой или обществом в целом. Наличие субъекта оценки подразумевает возможность спора об оценках, при котором сталкиваются разные мнения. Субъективный компонент предполагает положительное или отрицательное отношение субъекта оценки к ее объекту (иногда его представляют в виде отношений «нравиться — не нравиться», «ценить — не ценить», «одобрять — не одобрять» и т. п.), в то время как объективный (дескриптивный, признаковый) компонент оценки ориентируется на собственные свойства предметов или явлений, на основе которых выносятся оценка.

КИНО|ТЕКСТ

Две модели возникновения punctum'a,
или Фотографическое в кино: Пелешьян / Штрогейм

Щербакова Мария Сергеевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филос. наук, доц. А. Е. Радеев

В своей работе «Camera lucida» Ролан Барт вводит понятие punctum'a — точки, раны, укола, которая воздействует на зрителя, проникает в него особым образом, того пространства, где фотография «прерывает свою обычную трепотню» (Барт) и достигает аффективного слоя сознания, преодолевая семиологические основания восприятия. Розалинд Краусс связывает это досемиотическое воздействие фотографии с индексальной природой фотографического образа, то есть с его принципиальной не-интерпретируемостью, что заставляет ее вспомнить о триаде Лакана и дает возможность обозначить punctum как место прорыва в Реальное воспринимающего субъекта. Распространяя теорию Барта и Краусс на кинематограф, можно представить варианты бытования punctum'a (Барт) или «фотографического» (Краусс) в кинообразе. Барт связывает punctum с деталью, дисгармоничной по отношению к целостности фотографии, именно с этой позиции мы предлагаем сравнить образы, появляющиеся в фильмах Пелешьяна («Мы», противопоставленный фильму Виолы «Гимн») и Штрогейма («Алчность»), иллюстрирующие два принципиально разных способа образования и бытования «точки интенсивности» смысла. Пелешьян, задействуя теорию дистанционного монтажа, выводит punctum из логики переизбытка, излишка, что отсылает нас к постструктуралистскому дискурсу. Повторение образа армянской девочки приводит к перенасыщению знака (кадра) различными значениями. Знак приобретает свойство итерабельности (Деррида), и за счет гиперинформативности, переизбытка означаемых за одним означающим кадр становится точкой интенсивности, подрывающей целое фильма. Этот процесс иллюстрирует сравнение с фильмом Виолы «Гимн», который построен также вокруг образа девочки. Он, однако, не приобретает свойства итерабельности, как в случае Пелешьяна, а служит «стержнем» повествования, вокруг которого разворачивается и образная, и нарративная схема фильма. Все кадры, находящиеся вокруг этого образа, вносят дополнительные контексты в его определение. Однако этот объект (кричащая девочка) изначально определен. Поэтому, несмотря на внешнее сходство, логика создания образов разная. Другой моделью возникновения «раны»

пользуется Штрогейм. Для анализа мы взяли знаменитую начальную сцену «Алчности» и внезапно появляющиеся крупные планы рук и птицы, знаки, которые, в противоположность уже описанной схеме, теряют означаемое, оставляя пустоту, лакуну. В этом случае punctum возникает на поле нехватки, недостатка означаемого, «пустого знака». Два описанных случая можно считать двумя моделями образования punctum'a, которые легко распространить на любые последующие примеры. Кроме того, они позволяют пересмотреть понятие кинематографического знака.

Феномен пропаганды в кинематографе Третьего рейха

Капралова Каролина Владимировна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филос. наук, доц. А. Е. Радеев

Кинофильм как особый вид текста выполняет не только развлекательную и познавательную функцию, но и функцию эмоционального воздействия на массы. Являясь креолизированным текстом, из всех текстов именно кино в большей степени способно оказать на зрителя влияние в кратчайшие сроки — всего за несколько часов просмотра фильма. Специфический способ подачи информации, в котором задействованы и вербальные, и невербальные приемы, не только отличает кино от других видов искусств, но и открывает широкие возможности для скрытого манипулирования. Благодаря этому кинотекст, осознанно построенный определенным образом, становится пропагандистским. Кинематограф всегда проявлял себя как средство скрытой пропаганды чего-либо. Тем не менее представляющей наибольший интерес и общественную значимость в наши дни является идеологическая пропаганда в кино, широко применяющаяся при тоталитарных и авторитарных режимах власти. Вообще, пропагандистский кинематограф отразил многие социальные и исторические явления XX века, в том числе и повлекшие за собой глобальные для человечества последствия. Ярчайшим примером такого кинотекста является кино Третьего рейха. В эпоху нацизма кинотекст рассматривался в первую очередь как инструмент пропаганды. В немецком министерстве народного просвещения и пропаганды был создан специальный отдел кино, функция которого заключалась в абсолютном контроле над выпуском кинопродукции. Таким образом, члены правительственной верхушки, в частности министр пропаганды Йозеф Геббельс, принимали феноменальное по масштабам участие в разработке выпускаемых в прокат фильмов. С учетом факта национализации кинематографа и отсутствия возможности снимать кино без непосредственного участия властей общая картина создания и проката кино в эпоху Третьего рейха сильно отличалась от стандартной. Так, важнейшая структурная составляющая кинотекста, его основа — авторский сценарий — переставал быть по своей сути авторским. Это привело к тому, что любой фильм, снятый в Германии в этот период, стало возможным расценивать как пропагандистский. Элементы идеологической пропаганды проявлялись даже в таких жанрах кино, как

мелодрама или комедия. В отличие от явно пропагандистских фильмов, зрителей на которые приходило немного, такие кинотексты являлись гораздо более опасными с точки зрения их подсознательного воздействия на сознание масс. В целом, необходимо отметить следующее: в пропагандистском кинотексте пропаганда осуществлялась на всех уровнях восприятия, начиная от универсального, то есть общего для носителей всех культур, и заканчивая национальным или индивидуальным. Чаще всего это делалось явно («Триумф воли», «Олимпия»), иногда — скрыто («Концерт по заявкам», «Великая любовь» и т. д.).

Античный сюжет в кинематографе П. П. Пазолини

Цыганова Валерия Андреевна

студент 5 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. искусств., доц. Е. С. Кашченко

Снятые П. П. Пазолини двенадцать полнометражных картин, на первый взгляд, представляются неоднородными и по тематике, и по стилю. Тем не менее в каждой из них неизменно находит отражение ряд тем, являющихся наиболее значимыми для режиссёра и в совокупности отражающих суть его представлений о мире. Одной из таких тем для Пазолини была идея историчности развития общества, желание подчеркнуть связь времён. Иррациональной составляющей этой идеи стала склонность режиссёра к тотальной мифологизации мира.

Ленты «Царь Эдип» и «Медея» стали первыми, в которых эта особенность кинематографического мировоззрения Пазолини предстала перед зрителем со всей очевидностью, что стало возможным именно благодаря обращению режиссёра к античным трагедиям.

Работа представляет собой попытку сравнительного анализа данных картин и их литературных источников и показывает, что режиссер, обращаясь к античной трагедии, не ставит перед собой цель «экранизации» в традиционном значении этого слова. Он выбирает эти сюжеты по причине их вневременной универсальности. Действие трагедии как таковой мало волнует режиссёра; его герои не рефлексируют, они движимы инстинктами, иррациональны. Пазолини, подобно мифотворцу, приводит прецедент из прошлого, отражая в нём сегодняшний день. Или, наоборот, показывает глубинную архетипическую перспективу внутри современной проблемы. Посредством статичности камеры, монтажных ритмов и цветовых решений режиссёр конструирует особое пространство, где сопрягаются античный и современный сюжеты, насыщая, расширяя смыслы и придавая значимость друг другу.

Такой подход, хоть и кажется новым для творчества Пазолини этого периода, совершенно естественно вырастает из всего предыдущего творчества режиссёра и полностью вписывается в его теоретическую концепцию кино, что нашло подтверждение в последующих работах, каждая из которых также стала авторской интерпретацией памятников мировой литературы («Трилогия жизни», «Сало, или 120 дней Содомы»).

Поле техники: кино

Сергеев Андрей Павлович

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филос. наук, асс. М. Н. Могилевич

1. Кинематограф неотделим от техники. Он стал возможен, развернулся из технических изобретений, которые позволили ухватывать кадры из действительности, а затем размещать эти кадры действительности, открывая в ней новую область, новое поле и создавая эффект непрерывности.
2. Ракурс камеры — средство выбора желаемого языка перевода; собственная речь камеры, переводящая действительность на заданный ракурсом язык.
3. Монтаж — подвижный лингвист, владеющий всеми языками кино-поля, переводящий на язык, освоенный в ранней части путешествия по кино-полю, более поздние языка-части, составляющие в сумме мультязыковое кино-поле.
4. Техника кино как техника комбинирования других искусств скорее является знанием, умением-пониманием ведения хозяйства, это та искусная умственная деятельность, которая стала возможна с открытием кино-поля техникой.
5. Кино-поле не иллюзия, а то, что становится лишь частью идеальной действительности, работающей без ошибок во второй, созданной человеком, природе.

Праведники Ларса фон Триера: художественное пространство картин кинотрилогии «Золотое сердце»

Жворонкова Анна Николаевна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д.искусств., проф. В. Ф. Познин

Работа посвящена исследованию творчества Ларса фон Триера. Датского кинорежиссера постоянно сравнивают с С. Дали, манеру письма которого критики не могли причислить ни к одному из существующих жанров, ведь свой стиль мастер постоянно подвергал кардинальным изменениям. Нас заинтересовал момент изменения творческого мышления режиссера фон Триера, ведущий за собой и трансформацию изобразительно-выразительных средств, используемых мастером в своих картинах. За основу для анализа кинотекста фон Триера были взяты фильмы, объединенные в трилогию под названием «Золотое сердце»: «Рассекая волны» (1996), «Идиоты» (1998), «Танцующая в темноте» (2000). Центральное место в каждом из названных фильмов занимает женщина, наделенная чертами блаженной — искренняя и непосредственная, свято верящая в любовь, своими действиями подсознательно вызывающая людей к состраданию и в итоге становящаяся жертвой «естественного отбора». И здесь фон Триер прибегает к прямому цитированию, отсылая зрителей к произведениям люби-

мого писателя — Федора Достоевского. Сельма («Танцующая в темноте»), Карен («Идиоты») и Бесс («Рассекая волны») являют собой, по Триеру, ипостаси лишь одного персонажа — князя Мышкина из романа классика «Идиот». Генеральная идея режиссера находит свое воплощение в изобразительно-выразительных средствах кино. Так, среди основных приемов мы выделили прием «лоскутного монтажа» — порядок следования кадров друг за другом в хаотичной последовательности, — благодаря которому достигается эффект «грязного изображения». Идеальное воплощение данный прием нашел в музыкальных вкраплениях к «Танцующей в темноте», которые снимались с использованием ста камер, установленных по разным точкам съемочной площадки. Кроме того, в своей трилогии фон Триер прибегает к приему «живой камеры»: снимая «с плеча», режиссер стремится приблизить картину к манере документального кино, полностью отказываясь от «красивостей» в кадре. Использование этого приема фон Триером оправдано не только с эстетической точки зрения, но и функционально: «живая камера» позволила ему не прекращать съемку, а актерам фильма — играть без перерыва до тех пор, пока не будет достигнут идеальный результат. Камера могла быть включенной на протяжении нескольких часов. Данный прием был использован при съемках картин «Идиоты» и «Рассекая волны». Таким образом, намеренный отказ фон Триера от «красивых кадров», попытки добиться «грязного изображения» напрямую связаны со сверхзадачей режиссера — воплотить в женских образах идеал абсолютной чистоты, лишенный всего наносного, дать свое понимание феномену праведника в мировой культуре.

«Raajneeti»: синтез традиции и современности в фильме индийского режиссёра Пракаша Джа

Маретина Ксения Александровна

аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, доц. Е. К. Бросалина

В докладе рассмотрена специфика построения сюжета фильма «Raajneeti» (в переводе с хинди «Политика», 2010) индийского режиссера Пракаша Джа и связанные с ней особенности восприятия фильма индийской и западной аудиториями. В своем фильме, снятом в жанре политического триллера, Пракаш Джа освещает темы, пользующиеся повышенным вниманием в современной Индии: коррупция, борьба за власть, политические интриги. При этом сюжет и образная система фильма сформированы на основе древнеиндийского эпоса Махабхараты, а также культового фильма «Крестный отец» Ф. Копполы. Фильм обладает сложной системой аллюзий на оба эти произведения. Причем оба источника цитирования прекрасно знакомы индийской аудитории и пользуются у нее должным уважением. Здесь важно отметить, что кино в Индии формировалось под большим влиянием индийского театрального искусства, в котором предпочтение отдавалось не новизне сюжета, а мастерству передачи заведомо известной истории. Одними из наиболее популярных историй были Махабхарата и Рамаяна, два древних эпоса. По-

ставленные по их сюжетам представления могли продолжаться в течение всей ночи (например, в театре катхакали).

В случае с фильмом Пракаша Джа индийский зритель, знакомый и с Махабхаратой, и с фильмом Копполы, заранее знает, чем кончится эта история, и, вероятно, получает удовольствие именно от того, каким образом знакомые сюжеты разворачиваются на экране в новой, современной форме. При этом заимствованные из «Крестного отца» элементы придают фильму в глазах индийского зрителя особый «голливудский отпечаток». В фильме Джа зритель получает возможность заново открыть для себя и Махабхарату, и «Крестного отца». Отзывы о «Политике» индийских критиков и зрителей подтверждают подобный вывод. На Западе фильм, однако, получил по большей части негативные рецензии: отрицательно оценивалась и его затянутость, и крайне запутанный сюжет. В целом западными критиками фильм был расценен как индианизированный вариант «Крестного отца», не имеющий особой ценности как самостоятельное произведение. Что касается заимствований из Махабхараты, общий ход мысли кинокритиков можно выразить словами одного из американских рецензентов: «Этот фильм представляет собой также современный пересказ древней эпической поэмы „Махабхарата“, что увеличивает восприятие фильма индийской аудиторией и уменьшает его жизнеспособность на американских экранах».

И в выборе сюжета, и в некоторых особенностях его презентации фильм Пракаша Джа сохраняет безусловную связь с индийской, в том числе театральной, традицией, и в этом можно видеть одну из причин его положительной оценки в Индии и неприятия за ее пределами.

Код модернизма в «Ритме» Чаплина

Кочергина Полина Александровна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – д. пед. наук, проф. Л. С. Илюшин

Теоретики и практики кинематографа сходятся в одном: кино как техническое изобретение было лишь «движущейся фотографией». Оно (немое кино) как особый жанр кинематографического искусства со своим специфическим семиотическим языком является системой предъязыковых образов и знаков, для понимания которых в полной мере часто требуется процедура «раскодирования» (расшифровывания).

Целью исследования была попытка проанализировать новеллу Ч. Чаплина «Ритм» (1938) с позиций семиологии, авангардизма и философских концепций модернизма (психоанализ, ницшеанство), а также проследить пути трансформации текста в киносценарий (фильм «Ритм», 2011 — по мотивам одноименной новеллы, фильм «Чаплин», 1992 — на основе книги Ч. Чаплина «Моя автобиография»).

Используя новый тип образности, литература (начиная с 1920-х гг.) постепенно становится кинематографичной. Становится невозможным игнорировать интерференцию кино в литературный мир. Поэтому в работе еще одной ключевой задачей было провести сравнительный анализ

новеллы «Ритм» (Rhythm: A story of men in macabre movement) и фильма «Новые времена» (Modern Times, 1936): вычленив сходные и различные приемы, техники, визуальные средства (зрительные метафоры, концепты), образы и мотивы.

В результате выяснилось, что код модернизма зашифрован как в литературном, так и кинематографическом дискурсе Чаплина на самых разных уровнях. Мотивы (ритма, времени и пространства, сновидений, отчуждения, стремления к смерти) и образы (индустриальное общество, конвейерное производство, люди-машины, часы), которые использовались в его работах, полностью соответствуют духу эпохи модернизма и принципам авангардного искусства.

**«Кинематограф абсурда»:
фильм «Счастливые дни» — авторский взгляд
Алексея Балабанова на творчество Самюэля Беккета**

Поликарпова Дарина Александровна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — к. искусств., доц. Е. С. Кащенко

Пьеса «Счастливые дни», заглавие которой было выбрано Балабановым для фильма, появилась в 1960г. — в наиболее плодотворный парижский период творчества писателя. Наравне с другими пьесами Беккета «Счастливые дни» заложили основу для создания «театра абсурда». Этот термин в истории драматургии укоренился и со временем обрел четкую специфику. Мы пытаемся ответить на вопрос, можно ли назвать творческий метод Балабанова «кинематографом абсурда».

«Счастливые дни» не подходят под определение простой экранизации. Главное, что взял Балабанов от Беккета, — дух иррациональности и алогичности. Если все-таки говорить о сюжетных заимствованиях, стоит упомянуть пьесу Беккета «Конец игры» (1957), повествующую о поколении бродяг, умирающих от нищеты. Эта линия у Балабанова присутствует, хоть и выступает в качестве побочной.

В фильме Балабанова взаимоотношения главного героя (Виктор Сухоруков) и загадочной женщины (Анжелика Неволина), которая регулярно приходит на кладбище, где происходят их встречи, можно найти реминисценции из пьесы «Счастливые дни», проявляющиеся как в деталях, так и в общем абсурдном характере действия.

Еще более тесную связь фильм имеет с двумя рассказами Беккета: «Первая любовь» и «Конец». Первый рассказ — также основа для сюжетной линии Сухорукова и Неволиной. Некоторые диалоги героев в фильме почти полностью списаны с текста Беккета, как и образ молодой проститутки, в которую влюбляется главный герой. Прототипом героя Сухорукова можно назвать только молодого человека без имени из рассказа «Конец». Однако у экранного воплощения есть существенные отличия, поскольку у Беккета повествование идет от первого лица, а Балабанов скрывает истинные намерения и чувства своего героя под маской молчаливой тоски.

Коллажный сценарий Балабанова представляет собой совершенно самостоятельную по фабуле историю. Простая фабула, выстроенная режиссером на основе беккетовских мотивов, обрастает в фильме метафоричными образами и деталями, усложняя восприятие сюжета. В визуальном отношении фильм близок эстетике немецких киноэкспрессионистов: резкие переходы от света к тени, движение по диагоналям, субъективная камера. Как режиссер Балабанов создает целостную атмосферу, способствующую той степени погружения со стороны реципиента, которой сложно добиться с помощью литературного текста, где вчувствование происходит за счет того смысла, что автор помещает «между строк». В то же время то, что у Беккета не вербализовано (в том числе абсурдистский дух), Балабановым схватывается и переводится на язык кинематографа настолько точно, что принадлежность картины к жанру экранизаций не вызывает сомнений.

«Брат» Балабанова.

Из авторского фильма – в фольклорную формулу

Скочиленко Александра Юрьевна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. И. А. Калинин

Традиция изучения кинематографа через призму постфольклора сама по себе не нова. В России она, например, представлена работой Колотаева (Колотаев В. А. Метаидентичность: киноискусство и телевидение в системе построения способов жизни. Вильнюс, 2010), а о западноевропейской традиции можно узнать из статьи Ковена (Koven M. J. Folklore studies and popular film and television: A necessary critical survey // *Journal of American Folklore*. 2003. Т. 116. №. 460. P. 176–195). Особенно очевидными параллели с фольклорным текстом становятся при пристальном взгляде на продукцию массового кино, где из фильма в фильм кочуют известные формулы и сюжеты. Однако в условиях изучения авторского кино эта методология неизбежно сталкивает исследователя с противоречием. Наличие творческого высказывания новаторского характера идейно противоположно природе искусства канонического, по крайней мере, в том виде, каким его определяет Лотман (Лотман Ю. М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб., 2002. С. 314–321). Между тем нередки случаи возникновения авторского кино, которое так или иначе соприкасается со сферой фольклорного. Показательным примером этой ситуации является фильм «Брат» А. Балабанова, растащенный на рингтоны для мобильных телефонов, граффити, демотиваторы и цитаты. К тому же кинокритики открыто говорят о мифологическом и народном звучании этого произведения и его героя.

Однако очевидно, что авторский фильм порождает не время – его порождает автор. Последний скорее обладает сверхчувствительностью и предсказательной силой по отношению к среде. Среда конца девяностых была готова разродиться мифом и нуждалась в культурном герое (что подтверждают многочисленные дискуссии, посвященные этой теме, а позже возникновение целого проекта, конструирующего героическое; ср. телепередачу 2001 г. «По-

следний герой»). Этим героем стал вышедший за рамки балабановского текста Бодров-младший, намертво сцепленный со своим кинодвойником Данилой Багровым. В этом смысле кинотекст «Брата» — это скорее описание и предсказание общей ситуации: ощущения безыдейности, ожидания, сиротства и потерянности среди огромного хаотичного мира, состоящего из людей, которые не привыкли жить без моральных ориентиров, однако пока никак не могут их изобрести. Балабанов рефлексировал над этой ситуацией, однако не пытается эти ориентиры дать. Миф о «Брате» запускает не текст кинофильма, но «текст» отсоединения героя от нарратива, находящийся за пределами кино, принадлежащий более широкому медиаконтексту. Данила — это только часть истории «Брата», выдернутая из повествования и обращенная в формулу, которой с тех пор будет суждено обслуживать не только ожидания народа от «народного героя», но и государственную идеологию.

Речемыслительные процессы режиссера. «Восемь с половиной» Федерико Феллини

Кирсанов Александр Сергеевич

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — к. психол. наук, доц. О. В. Щербакова

Картина «Восемь с половиной» — одна из ярчайших работ Ф. Феллини, приподнимающая завесу над «кухней киноварения». Лента отражает наиболее тонкие моменты режиссерской жизни, полутона сомнений и яркой решительности, растерянность и творческое озорство. Центральным моментом в произведении выступает кризис творящего.

Рассматривая кинокартину как текст, стоит обратить пристальное внимание на неповторимый слог повествования. Внутренний психический язык творца живет в 138 минутах путешествия в жанре трагикомедии. Раскрываясь, на первый взгляд бессвязные высказывания показывают процесс создания и созидания, поток бурной реки жизни творящего и разрушения.

Техника, применяемая в «Восемь с половиной», заимствована режиссером у Ингмара Бергмана, писавшего сценарии самостоятельно. Суть техники передается словосочетанием «поток сознания». Текст повествования состоит из множества предложений-кадров, скрывающих под собой целый мир, будто бы хемингуэвский принцип айсберга видим мы перед собой, но айсберга, несущегося на огромной скорости с ослепительным сиянием.

Уильям Фолкнер и Никита Тягунов: киноинтерпретация рассказа «Нога»

Муздыбаева Мария Куанышбековна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — к. филол. наук, доц. Д. И. Синицына

В докладе исследуется ранний рассказ Уильяма Фолкнера «Нога» (1934) и одноименный фильм, снятый по его мотивам Никитой Тягуновым (1991). Производится сравнительный анализ этих произведений.

Ранний рассказ Фолкнера «Нога» обычно рассматривается как произведение на антивоенную тему. Главный герой, Дэви, — участник Первой мировой войны. Его близкий друг погибает, в то время как сам герой выживает, но лишается ноги. Постепенно читатель замечает, что Дэви потерял часть себя не только в физическом смысле: автор показывает нам, как деформируется личность героя. В этом рассказе Фолкнер создает мистическую атмосферу, прибегая к приему двойничества. Становится ясно, что это не только антивоенный рассказ, но тонкое и мрачное наблюдение о человеческой природе.

Фильм «Нога» был снят режиссером Никитой Тягуновым по сценарию Надежды Кожушаной. Создатели картины приняли решение применить идею американского писателя к актуальной для них российской теме — теме Афганской войны. Главную роль в фильме исполнил Иван Охлобыстин (в титрах — Иван Чужой).

В докладе затрагивается как проблема перенесения сюжета на материал российской действительности, так и вопрос об авторской интерпретации идеи. Несомненно также, что два эти аспекта оказываются взаимосвязаны, так как буквальное перенесение рассказа в реальность России 1980 года было бы невозможно. Расхождения в мировоззрении автора рассказа и создателей фильма порождают множество различий: например, в некоторых деталях сюжета, в том, как используется прием двойничества, на котором построено повествование, и, наконец, в финале.

Соотношение литературного и кинематографического текста
(на материале образа собора в фильме А. Хржановского
«Полторы комнаты, или Сентиментальное путешествие
на родину»)

Грунтовская Алевтина Дмитриевна

студент 4 курса, Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
Научный руководитель — д. филол. наук, проф. Е. Г. Елина

Для того, чтобы рассмотреть интертекстуальные связи образа Спасо-Преображенского собора в фильме, мы сочли необходимым воссоздать связанную с религией часть картины мира Иосифа Бродского, попытаться определить его отношение к религии и Богу, опираясь на его художественные и публицистические тексты. Вера и агностицизм всегда соседствовали у Бродского, но поэт не любил говорить на тему религии. Иосиф Бродский не получил религиозного воспитания, основы веры не были заложены в него в готовом виде, он осваивал все сам. Бродский говорил, что Библию впервые взял в руки в двадцать три года. Говоря о религиозном и философском мировоззрении Бродского, нельзя не упомянуть о традициях платонизма и неоплатонизма, но найти у него выпады против этих традиций не составит труда. Его стремление к философским концепциям было обусловлено прежде всего «историко-культурной ситуацией». Художественное воплощение вопроса религии и веры нашло отражение в многочисленных произведениях Бродского. Насколько он не любил рассуждать на эту тему с окружающими людьми

ми, настолько полно он раскрыл ее в своих произведениях. Иосиф Бродский не был приверженцем религиозных ритуалов или формальных богослужений. Для него вера была явлением внутренней жизни, а не внешним атрибутом, поэтому особой тяги к церкви как к месту совершения христианских ритуалов он не имел. Эта тема нечасто поднималась в его интервью, но в художественных текстах Бродский со всей полнотой отразил свое религиозное мировоззрение. Оно часто колеблется: от атеизма, горечи и негодования по отношению к вере до беззаветного отречения от себя и прославления Бога всемогущего и всекарающего. Здесь же нужно сказать и о зачастую эклектичном сочетании элементов философских традиций и философских школ с религиозными канонами у Бродского.

Все вышесказанное относительно веры и религии в жизни Иосифа Бродского так или иначе нашло отражение в фильме. Художественное повествование в фильме показывает реальное отношение Бродского к религии. Бродский не любил высказываться о религии, и режиссер учел его жизненное правило и не стал подробно развивать тему религии в фильме. И только на примере единственного отрывка режиссер заостряет внимание читателя на этой теме — это эпизод, связанный со Спасо-Преображенским собором. Образ собора появляется в фильме лишь однажды, в самом его начале, и является важным примером интертекстуальности в фильме. Он связан с образами из автобиографического эссе поэта, основан на информации из интервью и других текстов, посвященных Бродскому. Режиссёр фильма синтезирует материал, имеющий отношение к взглядам Бродского на религию, и выстраивает художественный образ, вписывающийся в фильм о поэте.

Киносценарная трансформация пьесы Г. Горина «Дом, который построил Свифт»

Богданова Наталья Владимировна

студент 3 курса, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
Научный руководитель — д. филол. наук, проф. И. А. Мартыанова

До сих пор остается дискуссионным вопрос о квалификации сценария. Распространенной является точка зрения, что киносценарий — разновидность драматургии. Однако существует взгляд на него и как на особый, формирующий род литературы. Нередко исследователи задаются вопросом, как и почему пьеса становится сценарием.

В этом отношении интересно обращение к творчеству Г. Горина — одного из ведущих отечественных драматургов второй половины XX века. Его пьесы, ставшие основой репертуара «Ленкома», и сегодня привлекают внимание режиссеров. Их постановки пользуются успехом у зрителей, как и фильмы, снятые по сценариям этого автора. Кинематографические по своей природе драматические тексты Г. Горин считал необходимым трансформировать при переводе на язык кино.

Сопоставление пьесы «Дом, который построил Свифт» и одноименного киносценария отражает количественные изменения: увеличивается со-

став персонажей по сравнению с пьесой-первоисточником; меняется хронотоп: действие выходит на улицы города. Характер модальной организации текста усложняется: в киносценарии переплетаются возможные миры первоисточника, творимого кинотекста и романа Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера». Разнообразные модальные движения в плане реального / ирреального, связанные с парадоксальной фигурой самого Свифта, приобретают наглядность. Наконец, два типа текста различаются своей рецептивной программой, что выражается в разном характере регулирования планов: в киносценарии актуализирован крупный план изображения.

Перевод драматического текста на язык кино привел к изменению соотношения наблюдаемого / слышимого. Если в большей части пьесы, где актуализировано именно ее драматическое начало, текст состоит из реплик и ремарок, то облик киносценария совершенно иной: слышимое по-прежнему предстает в диалогах и монологах, но оно подчинено изображению наблюдаемого (сфера наблюдаемого / ненаблюдаемого уже не может квалифицироваться как ремарка).

Таким образом, сопоставление пьесы Г. Горина «Дом, который построил Свифт» и одноименного сценария этого же автора свидетельствует об их принципиальных текстовых различиях, что предполагает потенциальную возможность выделения киносценария как четвертого рода литературы.

Молодежный жаргон и его функции в фильме «Мы из будущего»

Фу Вэньмин

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, доц. Л. Д. Бугаева

Доклад посвящен молодежной речи в современном российском кинематографе. Молодежь, как известно, наиболее активная часть общества, которая живо откликается на все изменения, происходящие в нем, в том числе и в языке. Поэтому речь молодежи — уникальное языковое явление, которое оказывает значительное влияние на язык всего общества.

Кинофильмы, которые переносят на экран речь современных молодых людей, с одной стороны, отражают актуальные тенденции в языке и речи, а с другой — формируют определенный стиль общения. В то же время звучащая речь на экране становится речевой характеристикой героев фильма и участвует в реализации режиссерского замысла фильма в целом.

В докладе мы рассматриваем фильм «Мы из будущего» (2008, реж. Андрей Мажуков) о путешествии во времени наших современников. События фильма разворачиваются в двух временных пластах: в наши дни и в годы войны, во время тяжелых оборонительных боев августа 1942 г. Главные герои ленты — молодые люди, «черные следопыты» (их называют также «черными копателями»), которые ведут раскопки в тех местах, где когда-то шли бои, чтобы потом продать найденные медали, ордена, документы и немецкое оружие.

Интерес представляет речь главных героев, «вынутая» из соответствующей языковой среды и помещенная в контекст, удаленный во времени.

«Черные следопыты» активно употребляют просторечие, молодежный жаргон, в том числе жаргон наркоманов (*ширево, наркот, обдолбанный*). В их речи много и заимствованных иностранных слов из разных языков: английского, немецкого, итальянского; присутствуют лексические единицы молодежного сленга, обозначающие ситуации, в которых они испытывают чувство страха, опасности (*А вообще то в разведку идти стремно; А тут вообще все стремно. Лично я каждый раз очкую, когда мы в блиндаж входим; ... Ну, следопыты — слабое у вас очко*).

Речь молодежи XXI века в большинстве случаев непонятна персонажам фильма из XX века, которые принадлежат к другому поколению. Столкновение различных дискурсов проявляется в различных ситуациях по-разному, что и рассматривается в докладе. Конфликт двух эпох и их перекличка представлены в фильме в том числе и на лексическом уровне — как противостояние и соотношение слов и лексических смыслов.

Речевое поведение былинно-сказочных персонажей в современной интерпретации (на примере серии мультфильмов)

Чжао Цзюньтао

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — к. пед. наук, доц. А. С. Шатилов

Персонажи сказки, которые содействуют развитию сюжета, являются важной частью сказок. В сказках положительный герой всегда имеет одинаковые качества — он умный, добрый, честный, благородный, храбрый, у него всегда есть волшебные помощники. В современных художественных произведениях тоже встречаются герои сказок, но их черты, характеры и речевое поведение уже несколько изменились. Такие изменения трудны для понимания и восприятия иностранцев. Чтобы правильно оценить этих героев, нужно знать, какую смысловую нагрузку несли они в фольклоре. В работе мы хотели бы показать, как изменились поведение и речевые характеристики персонажей в современных художественных произведениях на примере речевого поведения героев мультфильмов «Алеша Попович и Змей Горыныч», «Илья Муромец и Соловей-Разбойник», «Добрыня Никитич и Тугарин-Змей», путем сравнения с традиционными сказками. Это поможет яснее понять мотивы и действия героев современных. Мы предполагаем, что былинные персонажи в современных мультфильмах сохраняют те качества, которыми они отличались в традиционных сказках, но их речевое поведение существенно изменилось. В сказках характеристика героев передается описательным путем, в то время как в современной интерпретации сами герои выражают свою позицию. Кроме того, в их речевом поведении можно обнаружить «вторичные» тексты, заимствованные из различных источников, что весьма характерно для эпохи постмодернизма, например: *Могу работу предложить, оплата высокая, жильем обеспечу, страховка — Как так, кем? — В шоу-бизнесе! Это на социальные нужды, а это на прочие расходы; Вы подтверждаете отставку Ильи Муром-*

ца? Слушай, гонец, даже если и так, запомни: я работаю один; так, гонец, упал-отжался; Так, ну-ка, все вон! А тебя, Добрыня, я попрошу остаться; Папаша, огоньку не найдется? и т. п. Чтобы адекватно оценить эти тексты, нужно представлять источник их происхождения, что требует дополнительного комментирования.

Мастерская анализа кинотекста «ЛЕВИАФАН» АНДРЕЯ ЗВЯГИНЦЕВА

Мифологический и символический подтекст фильма
А. Звягинцева «Левиафан»

Козюк Евгения Юрьевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, доц. Л. Д. Бугаева

Сюжет фильма «Левиафан» отсылает нас к известному библейскому сюжету книги Иова. Возникает вопрос об интерпретации данного сюжета и способе его подачи зрителю. За основу ответа был взят метод сравнения. Проведен сравнительный анализ фильма «Левиафан» и фильма братьев Коэн «Серьезный человек». Следует отметить, что фильм «Серьезный человек» также отсылает нас к сюжету книги Иова. В нашем анализе освещаются следующие аспекты: 1) интерпретация сюжета книги Иова в фильме; 2) трудности, с которыми сталкивается главный герой; 3) сферы жизни, в которых возникают трудности у главного героя; 4) отношение главного героя к возникающим трудностям. Таким образом, в результате анализа приходим к выводу, что проблемы, поднятые в фильме «Левиафан» Звягинцева, представляют собой открытый моральный посыл зрителю. Что же касается фильма «Серьезный человек», то братья Коэны затрагивают, с одной стороны, те же проблемы, но способ подачи совершенно иной — явная ирония.

Левиафан. Сюжет и фабула. Система персонажей

Фарран Екатерина Олеговна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, доц. Л. Д. Бугаева

После просмотра фильма «Левиафан» не у всех зрителей возникает чувство психологической достоверности. Возникают различные вопросы, которые заставляют зрителя сомневаться в реалистичности происходящего на экране именно с точки зрения житейской логики (Почему церковь строится именно на месте дома главного героя, когда вокруг свободен весь берег? Почему адвокат садится в машину мэра, зная, что у того «руки по локоть в крови»? Почему опытный адвокат из Москвы не может подать заявление ни в одну из инстанций? и т. д.) Отсутствуют элементы фабулы,

главным из которых является, наверное, смерть Лили (убийство или самоубийство?). Таким образом, мы видим, что бытовая логика здесь неприменима, а рациональное объяснение невозможно. Но если не применима бытовая логика, то какая логика здесь присутствует? Исходя из подхода о цельности и идеальном построении авторского произведения, в котором невозможны «огрехи» сценариста, приходим к выводу, что сценарий подчиняется какой-то другой логике. Возможно, это логика книги Иова, отсылка к которому в фильме очевидна. «Пути Господни неисповедимы», непостижимость человеком божественной сути — это, по-видимому, и есть тот тезис, который может ответить на все те вопросы, которые возникают у зрителя после просмотра.

Что касается системы персонажей, то здесь мы видим некоторую двоичность, но эта двоичность не фиксированная. Пары, просматривающиеся в фильме, составляют Николай и его друг — московский адвокат, Лиля и Анжела, архиерей и отец Василий и т. п. Однако размытость этих бинарных пар не дает возможности понять, по какому принципу они слагаются. Это не оппозиции «позитивный — негативный персонаж», зрителю непонятно, к какому полюсу относятся герои. То есть оказывается, что структурировать систему персонажей тоже не совсем удастся. Почему возникает эта размытость? Сложно ответить на этот вопрос.

Если мы принимаем тот факт, что в основе всех вышеизложенных противоречий и лакун лежит-таки замысел автора, то приходим к выводу, что этот замысел подчинен каким-то неведомым для зрителя логическим объяснениям, которые могут быть сформулированы не только исходя из анализа сюжета, но и из мифологического контекста, социального и политического контекста современности.

Мизансцена (работа оператора, организация пространства) в фильме А. Звягинцева «Левиафан»

Удовиченко Дарья Николаевна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — д. филол. наук, доц. Л. Д. Бугаева

При наблюдении за построением мизансцен проводился обзор и анализ как основных сцен фильма, так и всего пространства длительностью в 142 минуты. Перечислим основные моменты, которые удалось отметить:

- преимущественно фронтальная и плоскостная композиция кадра приводит к тому, что изображение теряет глубину пространства, пропадает объемность;
- склейка кадров по типу сериала: отсутствуют плавные переходы, явно прослеживаются стыки;
- используется статичная камера, с редкими наездами и отъездами;
- кадры-маячки (иконы в машине, рыба на конвейере, бюст Иисуса Христа) расставляют нужные акценты;
- киноосвещение «природное», «бытовое», подчеркивающее естественность, типичность происходящих событий;

- состояние природы (поднявшаяся пыль, сумерки, бушующее море) соответствует внутренним переживаниям героев;
- интеллектуальный монтаж кадров, использующий специально подобранные детали, сюжетно не связанные, но создающие эффект третьего смысла (покупка хлеба святым отцом, а далее свиньи в хлеву);
- использование преимущественно среднего плана и отсутствие проработки деталей заднего плана заставляет зрителя акцентировать внимание на мимике героев, направлении взгляда, выразительности черт лица.

Таким образом, все основные черты советской кинооператорской школы нашли отражение в работе режиссера Андрея Звягинцева, которая стала достойным образцом российского киноискусства.

БУДЕТЛЯНЕ

БУДЕТЛЯНЕ. ГИПОТЕЗА В ФИЛОЛОГИИ: TED TALKS

Будетлянский алфавит: о графическом обозначении фонологических признаков как еще одной ступени в общей истории развития письма

Спиричева Маргарита Вадимовна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. А. В. Андронов

В некоторых алфавитах, созданных в разное время для разных языков, можно наблюдать связь между начертанием графемы и положением соответствующей фонемы в системе.

Уже в деванагари отдельными знаками обозначается фонологический признак долготы, для японских слоговых азбук характерно единообразное графическое отображение звонкости. Нечто подобное, однако менее последовательно, наблюдается в скандинавских пунктированных рунах. В латышском алфавите единое графическое оформление имеют долгие гласные, среднеязычные, шипящие согласные.

Можно отметить и систему Международного фонетического алфавита, в символах которого отображаются фонетические признаки, которые в конкретных языках могут выступать как фонологические. В указанных выше системах различительные признаки обозначаются дополнительными знаками, в то время как сами начертания букв никаких отношений не выражают (за исключением, пожалуй, некоторых фонетических значков, не имеющих латинских аналогов).

На принципах соответствия начертания буквы месту фонемы в системе построен тенгвар, придуманный Дж. Р. Р. Толкиным. Любую букву тенгвара можно условно разделить на элементы, каждый из которых выражал бы определенный дифференциальный признак обозначаемой фонемы.

Связь начертания графемы с дифференциальными признаками обозначаемой фонемы также наблюдается в таких научных проектах, как «Shavian alphabet», «Visible Speech», обозначение фонемы через указание ее признаков лежит в основе «безалфавитной нотации» О. Есперсена.

Стремление к поиску подобных соответствий свойственно и некоторым наивным носителям языка. Оно заключается как в интерпретациях старых алфавитов, так и в создании собственных систем письма.

Таким образом, выражение на письме дифференциальных признаков фонемы является возможным. Для обозначения графем, передающих определенный дифференциальный признак («меризм», по терминологии Э. Бенвениста), Ю. С. Масловым было введено понятие «меризмограмма».

Существование алфавитов, основной принцип которых состоит в последовательном отражении меризмов, позволяет предположить, что фонемография не является конечной ступенью в общей истории развития письма. Еще одной, гипотетической, ступени присущи следующие свойства: 1) выражение дифференциальных признаков фонем через дифференциальные признаки графем; 2) связь с фонемографией (дифференциальные признаки хоть и выделяются некоторыми учеными в отдельный уровень языка, не существуют вне фонемы).

Перспективы развития такого рода систем письма актуальны и подлежат дальнейшему обсуждению.

«Вокруг Вавилонских башен»: многоязычие Хулио Кортасара

Муздыбаева Мария Куанышбековна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Д. И. Синицына

Доклад посвящен проблеме литературного многоязычия. Литературное многоязычие — часто используемый прием, который, однако, недостаточно освещен в отечественной традиции. Данное исследование проводится на материале культового романа «Игра в классики» (1963) аргентинского писателя Хулио Кортасара.

Целью работы является установление мотивов и функций употребления этого приема в романе. Рассматриваются различные предпосылки, которые могли побудить Кортасара обратиться к использованию многоязычия: от биографии писателя (в сравнении с работой Жака Деррида «Монолингвизм другого, или Протез первоначала») до литературной традиции Латинской Америки и Европы. В исследовании производится классификация и анализ случаев употребления других языков в тексте романа.

В ходе исследования затрагиваются такие вопросы, как поиск идеального языка и решение проблемы интерпретации. Представляется возможным установить связь между использованием приема многоязычия и стремлением найти совершенный язык. Как пишет Умберто Эко, «человек, говорящий на всех языках, был бы похож на Фунеса, чудо памяти, персонажа Борхеса, чей мозг загроможден бесконечными образами», — характеристика, приближающаяся к описанию главного героя романа Орасио Оливейры, который, остро ощущая свою несвободу от бесконечных образов, мечтал о появлении расы, «которая могла объясняться при помощи рисунка, танца, макраме или абстрактной мимики», и размышлял, «удалось ли бы им избежать словесной подтасовки, в которой коренится обман». Эти двоящиеся, троящиеся языковые образы демонстрируют несовершенство отдельных языков и приводят к идее о новом языке, так волновавшей Кортасара.

Окей, Гугл, меня никто не понимает

Генералова Валерия Антоновна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. О. А. Митрофанова

В современном мире трудно представить себе жизнь не просто без технологий, а без мобильных технологий, среди которых всё больше развиваются так называемые «помощники», то есть программы, призванные понять нужды и желания человека и выполнить необходимые действия. Роль лингвистики в развитии этих технологий очень велика. Большинство таких помощников являются голосовыми, то есть основаны на устных командах, отдаваемых человеком машине. Это диктует необходимость использования хорошо разработанного модуля фонетической обработки естественной речи. Притом что в этой области достигнуто уже немало, исследования продолжаются, и технологии с каждым годом становятся всё совершеннее. Однако не стоит думать, что вклад лингвистики в развитие программ-помощников ограничивается фонетикой. В последние годы возросли потребности в качественном синтаксическом и дискурсивном анализе диалогов между машиной и человеком. Действительно, для большего удобства пользователя помощник должен не просто принимать запросы, но зачастую и восстанавливать недостающую информацию. Для этого была разработана сначала гипотеза, а затем и технология контекстной обработки диалогов. Она основывается на принципе существования некоторого информационного поля, где хранятся вопросы пользователя, разбитые на значимые для отвечающей системы части. Такие части называются параметрами. Они могут касаться как содержания высказывания, так и его оформления. Например, если пользователь обращается к помощнику с вопросом: «Слушай, что идёт завтра в Колизее?», параметры могут быть следующими: 1) дата: завтра, 2) место: кинотеатр «Колизей», 3) стиль речи: разговорный. Соответственно, программа должна дать ответ, соблюдая заданные параметры. Диалог может разворачиваться дальше, и по правилам естественной речи вовсе не обязательно снова повторять все детали, а можно переспросить что-то одно. Например, если пользователь после вышеописанного вопроса произнесёт фразу «А в Художественном?», скорее всего это будет значить «Какие фильмы идут завтра в кинотеатре „Художественный?“». До введения контекстов в таких случаях системы либо вообще не распознавали запрос, либо требовали внести сведения об остальных параметрах. Теперь система может восстановить параметры, недостающие во втором запросе, используя параметры первого, сохранённые в поле контекста, и поддержать диалог почти так же, как это сделал бы в такой ситуации человек. В докладе освещены различные сферы и способы употребления контекстных диалоговых систем.

К вопросу о контактных глаголах устной речи

Маслова Елена Руслановна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Н. В. Богданова-Бегларян

При изучении живой, повседневной устной речи есть вероятность столкнуться с явлениями, которым трудно дать однозначную грамма-

тическую трактовку. Но, помимо изучения отдельных единиц речи, исследователи все чаще анализируют весь разговор, который происходит в естественных ситуациях. Конверсационный анализ связан с обнаружением структур разговора, лежащих в основе взаимодействия людей, и достижением порядка через взаимодействие. Одним из ярких маркеров подобного взаимодействия коммуникантов является интенсификация фатики, то есть использование различных контактных слов.

Материалом для исследования послужили данные подкорпуса «Один речевой день». Объектом исследования стали глаголы, привлекающие внимание адресата к высказыванию (обычно в императиве или во 2 л.), например *понимаешь / понимаете, знаешь / знаете, видишь / видите, (по)смотри(те), (по)слушай(те)* и др.:

- 1) *нет / они они обязаны принести сдачу / *П а дальше если ты желаешь / *П ты им оставляешь // @ *Н // @ *П и отдаешь им обратно // # *Н мы не уходили / а сидели там ещё / **понимаешь**;*
- 2) *я уже думал / может опять отправить их одних // *П всё-таки с ребёнком / там море такое **знаешь**(...) опасное;*
- 3) *я доверчивая / **видишь** мне можно (...) всё что угодно сказать // # никто бы не разрешил такое сделать / ты чего;*
- 4) *ну вот **смотри** / получается тринадцать оклад / но это уже после испытательного срока;*
- 5) ***слушай** / я тебя хотела спросить / я тебе звонила (э...э) это (...) баклажаны / как готовить.*

При детальном анализе употреблений данных слов удалось установить, что они полифункциональны и вариативны. Среди функций, выполняемых подобными словами, можно выделить дискурсивную, поисковую, hesitantную и, конечно, метакоммуникативную. Часто исследуемые слова сопровождаются частицами *вот, да, ну* или местоименными словами *что, какой, сколько*, образуя при этом особые указательно-риторические конструкции. Подобное разнообразие функций позволяет нам взглянуть на контактные слова и с точки зрения прагматики, и с точки зрения грамматики конструкций.

Кроме того, слова *знаешь, понимаешь* и *видишь* могут являться результатом метакогнитивных процессов, которые позволяют человеку осознавать содержание как собственной памяти, внимания, мышления, так и представлять содержание сознания другого человека. Следовательно, подобные слова могут выражать намерение относительно коммуниканта (например, намерение добиться одинакового восприятия и понимания информации).

Таким образом, можно сделать вывод, что наиболее полно описать глаголы, привлекающие внимание адресата к высказыванию, можно лишь используя термины разных направлений лингвистики: грамматики конструкций, теории речевых актов, прагмалингвистики.

Гетеротопии в романе-травелоге А. Стасюка «На пути в Бабадаг»

Касумова Екатерина Владимировна

магистрант 1 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. А. А. Аствацатуров

Вышедшую в свет в 2004 году книгу польского писателя Анджея Стасюка «На пути в Бабадаг» (перевод на русский язык 2009 года) можно заслуженно назвать одним из самых значительных романов современности. Написанная в форме травелога, она раздвигает границы исходного жанра, полностью изменяя представления читателя о том, что такое, собственно, физическое тело, его перемещение, пространство и время.

Переводя свой художественный мир в пространство геополитики, Стасюк ставит два не связанных на первый взгляд (но сливающихся в результате в один) вопроса: что такое физическое пространство и какова природа политики?

Одной из важнейших задач для писателя становится концептуализация той части мира, по которой пролегает его путешествие, поиск ответов на вопросы политики и истории через соприкосновение с повседневностью.

Для исследования приемов, использованных Стасюком в травелоге «На пути в Бабадаг» с целью создания специфического восточноевропейского пространства, предлагается применить разработанную Мишелем Фуко концепцию гетеротопии. Данное понятие было представлено Фуко в 1968 году в статье «О других пространствах». Гетеротопия, по Фуко, есть контрпространство, в котором время противостоит антропологическому и в котором все времена и все пространства встречаются вопреки своей природе. Гетеротопии соединены с остальным миром, но противопоставлены ему; они связаны со всем миром в целом и при этом ни с одним объектом конкретно.

В гетеротопии наиболее ярко выражается иерархия пространств, их негомогенность, их предназначенность для определенной цели. Гетеротопии также отражают иерархичность времени и пространства, представляя время как десакрализованную производную пространства.

Гетеротопия есть место вне мест, место, которое лишь отсылает к другому месту, протяженность в котором заменяет конкретную локализацию.

Гетеротопии есть реальные места, которые служат контрместоположением, это реализованные утопии, которые оспаривают, переворачивают и одновременно представляют через себя все другие места, выражающие данную культуру. Гетеротопия включает в себе кризис, девиацию, она находится везде и нигде; попасть в нее можно, лишь пройдя через виртуальную точку, в которой сходятся границы абсолютно реального и абсолютно нереального. Таким образом, гетеротопии проницаемы и изолированы одновременно, вход в них открыт каждому, однако в реальности проникновение внутрь гетеротопии есть лишь иллюзия. Это лишь пространство, которое подчеркивает своим существованием сюрреализм всего остального окружающего мира, представляет инвариантный порядок следования вещей и их порождения.

Таким образом, представляется возможным применить концепт М. Фуко к современной прозе и провести новое исследование геопоэтики и литературных хронотопов.

Игры с психоанализом в культуре постмодерна

Соломонова Алина Алексеевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. А. Д. Степанов

В докладе анализируются пути взаимодействия с дискурсами власти на примере игр писателей-постмодернистов с психоанализом. Рассматривается отношение к психоанализу в рамках предыдущего направления — модерна. С помощью сопоставления эстетической системы и установок модерна и постмодерна мы можем глубже проанализировать и понять особенности каждого из художественных направлений. На примере творчества В. В. Набокова можно проиллюстрировать переходную, пограничную ситуацию между модерном и постмодерном. Помимо этого, на материале произведений таких российских авторов-постмодернистов, как В. Г. Сорокин, В. О. Пелевин, Ю. В. Мамлеев, А. Д. Синявский, Саша Соколов, была сделана попытка выявить методы и приемы работы с психоанализом: деконструкцию, иронию и т. д. На примере рассказа В. О. Пелевина «Зигмунд в кафе» мы анализируем философский подход постмодернистов к системам познания мира и пытаемся доказать, что постмодернизм как художественное направление — не отказ от прошлого, а тотальное припоминание всей истории культуры и синтез накопленных знаний.

Твиттер-репортаж как новый жанр информационной интернет-журналистики

Неневолина Полина Николаевна

студент 4 курса, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

Научный руководитель – д. филол. наук, проф. Н. А. Кузьмина

Тенденцией последних лет в российской журналистике стало освоение СМИ различных форм социальных медиа. Это связано с расширением аудитории, поиском новых технологий взаимодействия с адресатами, «ухаживающими» в интернет. У пользователей интернет-СМИ формируется новое медиапотребление. Как следствие, происходят перемены во взаимодействии СМИ и аудитории, появляются новые жанровые формы. Лингвисты все чаще обращают внимание на развитие нового направления в науке — интернет-жанроведения. Сферой наших научных интересов стало изучение феномена твиттер-репортажа как гибридного жанра, появившегося на стыке сервиса микроблога Twitter и формы классического журналистского репортажа. В исследовании поставлена задача определения статуса твиттер-репортажа, обозначения конститутивных признаков, выявления и описания прагматических, медийных, структурно-семантических, лингвостилистических пара-

метров данного жанра. Таким образом, мы относим понятие «твиттер-репортаж» к сфере информативных речевых жанров и даем ему следующее определение: «медиатекст, состоящий из совокупности связанных между собой сообщений длиной не более 140 символов в микроблоге, созданный журналистом или группой журналистов в режиме реального времени». Цель — мгновенно и коротко передавать информацию аудитории. Твиттер-репортаж сравнивается с репортажами прессы, а не с радиийными или телевизионными. Он соотносится с классическим жанром по следующим дифференциальным признакам: предмет отображения, целевая установка, метод и способ отображения. Принципиальные отличия видны в формате издания, композиционной схеме, языковых ресурсах. Жанр отличается возможностью непрофессионального авторства, гипертекстуальностью, мультимедийностью, интерактивностью. Журналисты (Лента.ру, Эхо Москвы, Дождь) обращаются к жанру во время политических или социальных событий, пресс-конференций лидеров государства, заседаний в суде. Специфической особенностью жанра является то, что текст может публиковаться в твиттер-аккаунте журналиста или СМИ и на сайте СМИ. Функциональный стиль твиттер-репортажа — разговорный. Он характеризуется просторечными словами, экспрессивностью, эмоциональностью, обценной лексикой, отсутствием каких-либо языковых образных средств. Синтаксис твиттер-репортажа стремится к компрессии смысла, увеличению смысловой нагрузки при одновременном сокращении формы, что обусловлено формальными условиями его написания. Применяется прием конспектирования речи. В связи с этим автор прибегает к эллиптичности, намеренному сокращению высказывания, а также игнорированию норм пунктуации. Таким образом, исследуемый жанр становится продуктивной нетрадиционной формой размещения текстов, приобретающей устойчивые характеристики, и выступает модификацией классического репортажа.

Скатерть-самобранка: как научить ее говорить?

Асиновская Елена Юрьевна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель — к. филол. наук, доц. О. В. Митренина

Смогут ли роботы заменить официантов в ресторане? Да, но для этого они должны научиться беседовать с человеком на его родном языке. Попытка создать машину, которая умела бы общаться с человеком на равных, активно обсуждается после появления в 1950 году статьи Алана Тьюринга «Может ли машина мыслить». С тех пор было предпринято много попыток создания диалоговых систем. Одними из лучших были признаны программы Eliza (1969) и A.L.I.C.E. (1995). В 2014 году на соревнованиях, организованных университетом Рединга, 33 % судей приняли чатбот Eugene Goostman за человека, так впервые был пройден тест Тьюринга на искусственный интеллект. Однако по сей день в данной области остаётся много проблем. Диалоговые системы — одна из самых сложных областей автоматической обработки текста, так как при их создании оказываются задействованы все уровни языка.

Доклад описывает попытку создания диалогового агента SAMOBRANKA, который сможет принимать заказы у посетителя ресторана. Что такое диалоговый агент? Это система, которая общается с пользователем (в нашем случае с посетителем) на естественном языке. Она должна не только знать названия блюд, но и уметь анализировать высказывания, реагировать на просьбы и даже понимать шутки.

Для выполнения этой задачи мы используем язык разметки ChatScript. При помощи этого языка создаётся база всех возможных вопросов и ответов, которые называются правилами. Вот одно из простейших правил нашей системы: ? : VEGETARIAN (have a vegetarian menu) Yes, we have. Любое правило делится на тип высказывания (вопросительный знак в начале строки говорит о том, что правило будет выполняться, только если посетитель задаёт вопрос), тему (в нашем случае это вегетарианская еда), образец и ответ. Если в сообщении посетителя содержится образец (например, Do you have a vegetarian menu?), система выдаёт ответ (Yes, we have).

Конечно, не все правила такие простые; ChatScript позволяет включать условные операторы, задействовать переменные и работать с онтологией WordNet.

Сейчас программа умеет поддерживать диалог на простые темы, в дальнейшем мы планируем её совершенствовать и значительно расширить её диалоговые возможности.

О чём не знал Ролан Барт?

Мину Друэ и Ника Турбина в зеркале мифологизации

Возняк Александр Сергеевич

студент 3 курса, Пермский государственный национальный исследовательский университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. И. В. Суслова

В работе проведён сравнительный анализ творчества Мину Друэ и Ники Турбиной. Материалом послужили избранные стихотворения М. Друэ и два сборника Н. Турбиной: «Черновик» и «Ступеньки вверх, ступеньки вниз...». В процессе работы мы столкнулись с двумя основными проблемами: почти полное отсутствие научной литературы по вопросу и отсутствие переводов поэзии М. Друэ на русский язык. Необходимые переводы мы выполнили самостоятельно. При анализе внимание уделялось архитектонике, особенностям поэтики, мотивной структуре текстов, системе образов. На основании анализа мы попытались выявить механизмы мифологизации творчества изучаемых авторов. Сравнение творчества двух поэтов даёт возможность поставить под сомнение гипотезу Р. Барта о том, что популярность М. Друэ заключалась не в её таланте, а в том, что буржуазное общество мифологизировало её личность и творчество. Ведь в случае Н. Турбиной речь идёт о социалистическом обществе, в котором мифологизация прошла также успешно, как и в буржуазном. Есть основания полагать, что литературная мифологизация и в том, и в ином типе обществ происходит идентично с привлечением одних и тех же механизмов. На наш взгляд, творчество Н. Турбиной и М. Друэ должно быть актуализировано в современном литературоведческом

дискурсе, ведь на данный момент оно находится лишь на уровне публицистического осмысления. Литературоведческое осмысление творчества данных авторов способствует углублению в актуальные проблемы современной науки о литературе (вопросы художественности текста, явление графомании, проблема массовой литературы, феномен современной поэзии).

Почему лингвисты радуются, когда вы допускаете грамматические ошибки?

Никулина Екатерина Вячеславовна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Н. А. Слюсарь

Изучение различных грамматических ошибок, которые люди допускают в естественной речи и в экспериментальных условиях, а также того, как люди реагируют на них при чтении, — один из основных способов узнать что-то о ментальной грамматике: о том, как грамматическая система родного языка представлена у нас в голове и как мы пользуемся ею при порождении и восприятии предложений. Согласование — одна из важнейших грамматических операций, поэтому многих ученых интересует, как оно осуществляется при порождении и восприятии речи. В целом ряде работ, посвященных этой теме, изучались ошибки согласования с интерференцией, где сказуемое согласуется не с главным словом группы подлежащего, а с зависимым (например, *Билет на концерты потерялись*). В частности, было обнаружено, что такие ошибки появляются чаще других при порождении речи и менее заметны при восприятии. Русский язык с его морфологическим богатством открывает новые горизонты в исследовании этой проблемы. Ранее было показано, что для тех языков, где есть падежные различия, в ошибках согласования, помимо прочих факторов, важную роль играет формальное сходство вызывающего интерференцию слова с подлежащим. В нашем исследовании мы изучили это явление при восприятии речи на материале русского языка. Результаты исследования дополнили полученные ранее данные экспериментов на порождение речи на русском и ряде других языков. Нами был проведен эксперимент на чтение предложений с ошибками согласования по числу. Было обнаружено, что при восприятии речи наименее заметны ошибки, где зависимое слово стоит во множественном числе и совпадает по форме с подлежащим (например, *Тропинка через луга были протоптаны во время деревенской ярмарки*). Соответственно, в этих условиях интерференция максимальна, как и при порождении. При этом ошибки в предложениях, где зависимое слово совпадает с подлежащим только по форме (например, *Пристань для яхты были мокрыми из-за высоких штормовых волн*), заметнее ошибок, где зависимое слово стоит во множественном числе (например, *Пристань для яхт были мокрыми из-за высоких штормовых волн*). В эксперименте на порождение на материале русского языка был получен противоположный результат. Это позволяет говорить о разнице в механизмах обработки речи при порождении и восприятии.

«Просто нет слов»:

альтернативный метод анализа графической поэзии

Русакович Александра Ивановна

студент 4 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Е. В. Трощенкова

Визуальная (графическая) поэзия — явление, находящееся на стыке литературы и изобразительных искусств. Вероятно, именно по этой причине она нечасто становится объектом исследования как литературоведов, так и искусствоведов. Существуют современные работы, вписывающие графические стихотворения в культурно-исторический контекст, но не подвергающие их формальному анализу — для такого анализа не хватает соответствующего инструментария.

Графическая поэзия поддается классическим методам исследования, если ее форма и содержание изоморфны и/или вступают во взаимосвязь друг с другом. В тех случаях, когда содержание не считается (если мы имеем дело с визуальной поэзией, компонентами которой являются отдельные слова / морфемы / звуки / изображения, и эти компоненты не складываются в единое целое неким очевидным способом), нам приходится обращаться к инструментам анализа, которые выработали художники-модернисты для исследования чужих картин. Результатами таких исследований являются, как правило, деконструктивные визуальные «очерки».

Метафоры, метафоры, сложные метафоры

Матюшкина Татьяна Владимировна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Научный руководитель – к. филол. наук, доц. Д. Н. Ахапкин

Данная работа предполагает совмещение двух исследовательских подходов: аналитическое исследование литературного (поэтического) текста и эмпирическое исследование восприятия такого текста читателем. В своем исследовании мы попытаемся ответить на вопрос, какими свойствами должно обладать метафорическое выражение, чтобы, согласно когнитивной теории метафоры Лакоффа, в сознании читателя происходил процесс структурного отображения (mapping) области-источника на область-цель. Согласно Лакоффу и Джонсону, человеческая концептуальная система в большой степени метафоризирована. Например: «Идеи — это еда». Можно «усвоить», «переварить» новую идею, «проглотить» обман, идея может быть «совсем сырой».

Объектом исследования является свободный читательский пересказ стихотворения И. Бродского «Осенний крик ястреба». Исследование основывается на трехмерной модели метафоры, предложенной Джерардом Стеном, согласно которой метафора обладает лингвистическими, концептуальными и коммуникативными свойствами, вносящими свой вклад в построение ментальной репрезентации.

Экспериментальная часть строится на свободном пересказе. В исследовании участвуют носители русского языка. Полученные пересказы ана-

лизируются на предмет вхождения в них метафор, как непосредственно встречавшихся в исходном тексте, так и пересказанных словами из того же семантического ряда, что и использованные метафоры (intrusions). Например, вхождение *бусинки городов* учитывается как модификация исходного метафорического выражения «схожие с бисером городки». Такая модификация исходного выражения дает нам основания предполагать процесс концептуализации через метафорический перенос.

Анализируется корреляция вхождений обоих типов с такими параметрами, как эксплицитность и новизна метафоры, а также с положением метафорического выражения в позиции рифмы.

Результаты исследования показали, что наиболее сильное влияние на количество употреблений в пересказах оказывает позиция метафоры: метафоры, находящиеся в исходном тексте в позиции рифмы, и их модификации встречаются в пересказах в два раза чаще, чем метафоры в других позициях. Эксплицитность же в наибольшей степени влияет на пропорцию точных вхождений и модификаций. Модификации эксплицитных метафор встречаются в четыре раза чаще, чем точные употребления.

Круглый стол БЛАГОДАРЯ ЧЕМУ (ИЛИ БЛАГОДАРЯ КОМУ?) ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ СТАНОВЯТСЯ КЛАССИКОЙ?

Как соотносятся понятия «классика» и «канон»?

Павлова Ангелина Викторовна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Классическая литература — это корпус произведений, считающихся образцовыми для той или иной эпохи. Понятие классики в литературе складывается в три последних столетия античности: оно обозначало определённую категорию писателей, которые по не всегда ясным причинам считались достойными служить образцами и наставниками во всём, что касается владения словом и получения знаний. Современный смысл понятия «классическая литература» уходит корнями в эпоху Возрождения, когда в процессе секуляризации европейской культуры писатели обратили своё внимание на античных авторов. Канон классической драмы описан в работе Николая Буало «Поэтическое искусство». С тех пор в узком смысле слова «классическая литература» означает всю античную литературу, а в широком смысле слова понятие «классический» стало употребляться по отношению к любому произведению, которое задало канон для своего жанра.

В «Словаре литературоведческих терминов» И. А. Книгина канон определяется как «система устойчивых норм и правил создания словесно-ху-

дожественных произведений определенного стиля, сформированного мировоззрением и идеологией эпохи». Согласно данной формулировке, каноном является не само произведение, но те правила, по которым оно было создано. М. Н. Виролайн в работе «Четыре типа русской словесности» также подчеркивает, что канон — это «особый принцип регуляции законов и устройства культурного космоса», он «не эксплицирован, не предъявлен, внеположен всякому наличному бытию — но нигде непосредственно не воплощаясь, не поддаваясь ни позитивному описанию, ни прямому называнию, он проявляется во всем, организуя и упорядочивая активные проявления культурной жизни».

Однако не все исследователи придерживаются данного мнения. М. Ямпольский в статье «Литературный канон и теория „сильного автора“», опираясь на книгу американского литературоведа Харольда Блума «Западный канон», понимает под «каноном» не свод неписанных правил, а непосредственно литературные тексты: «Канон, конечно, чрезвычайно размытое явление. В его центре находятся абсолютно незабываемые авторитеты вроде Шекспира, Данте или Сервантеса. Но канон включает и менее бесспорные произведения». Рассматривая мировую литературу в подобном ключе, автор статьи пытается выявить закономерности, приводящие к становлению произведения каноническим, называя в числе прочего гениальность писателя, комментарии к тексту последователей и критиков, а также определенные социальные и культурные обстоятельства.

Таким образом, вопрос о границах между понятиями «классика» и «канон» остается открытым, до сих пор литературоведы не смогли прийти к единому мнению.

Становление Карамзина как классика: литературная репутация писателя в первой половине XIX века

Цылина Анастасия Алексеевна

магистрант 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет
Научный руководитель — д. филол. наук, проф. П. Е. Бухаркин

Литературная репутация Н. М. Карамзина в первой трети XIX века, без сомнения, была очень высокой, о чем свидетельствуют высказывания А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, П. А. Вяземского, Н. И. Греча и др. Лишь в середине 30-х годов литературная репутация Н. М. Карамзина начинает заметно падать, в своих статьях В. Г. Белинский агрессивно отзывается о Карамзине. Однако вскоре отношение к писателю меняется, и в «Сочинениях Александра Пушкина» Белинского Карамзин уже становится фигурой далекого прошлого русской литературы, попадая в исторический обзор.

Между тем при рассмотрении литературной репутации Карамзина первой половины XIX века, нельзя не обратить внимания на то, что еще задолго до критических работ Белинского о Карамзине перестают говорить как о живой литературной силе. Никто из авторов первой трети XIX века

не обращает внимания на сугубо литературные достоинства Карамзина, никто не говорит о его литературном значении для себя и о его творчестве как источнике дальнейшего развития русской литературы.

О репутации позволяет судить не только литературная критика, но и другие источники. Мы обратились к хрестоматиям и учебным книгам первой половины — середины XIX в. (Н. И. Греча, А. Д. Галахова, Ф. Н. Святого). И судя по количеству отрывков из Карамзина, в них изданных, он оказывается наиболее активно востребованным русским автором, его тексты полностью доминируют. Уточним, что при составлении статистики учитывалось не количество произведений, а количество отрывков из текстов каждого автора, включенного в хрестоматию.

Преподавание в России того времени было обращено на образцы и носило старый риторико-дидактический характер. Но при этом в учебных книгах произведения Карамзина соседствуют не только с творениями М. В. Ломоносова и Д. И. Фонвизина, но и с сочинениями К. Н. Батюшкова, Пушкина, Д. В. Давыдова, А. Марлинского, Ф. В. Булгарина, Н. В. Гоголя, М. Ю. Лермонтова. Хрестоматии создали образцовый литературный канон, в котором Карамзин занимал центральное место. По-видимому, этот автор идеально сочетал в себе специфические качества, обусловившие столь высокую его востребованность. С одной стороны, он воспринимался как признанный классик русской литературы наряду с Ломоносовым, с другой стороны, был значительно более близок читателю первой половины XIX века. Подобная популярность этого писателя отчасти может быть связана и с разнообразием типов речи, представленных в творчестве Карамзина, и с охранительной направленностью русского образования в XIX веке. Для человека этой эпохи Карамзин был не только великим автором, но бесспорным нравственным авторитетом и ориентиром, влияние произведений которого на юного читателя мыслилось как исключительно полезное и благотворное. Все это сделало Карамзина крайне «удобным» автором для составителей хрестоматий.

Круглый стол ЧЕГО МЫ НИКОГДА НЕ УЗНАЕМ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯЗЫКА?

О генетических коррелятах языковой способности

Суханова Алёна Игоревна

студент 3 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

В докладе рассматривается связь человеческого генома и языковой способности. Ещё Н. Хомскому принадлежала идея о том, что элементы языка должны быть врождёнными, поскольку языковая способность доступна всем людям от рождения. Это замечание было подкреплено наблю-

днями за развитием речевых расстройств в семьях: действительно, риск обнаружения нарушений речи у члена семьи, уже имеющего подобное нарушение, оказался существенно выше, чем статистически в среднем по населению. Более того, у членов монозиготных пар близнецов этот риск превышает таковой у гетерозиготных пар, что указывает на явную генетическую природу подобных явлений. История британской семьи КЕ, примерно половина членов которой имела специфическое нарушение речи (SLI, specific language impairment), позволила пролить свет на природу этого синдрома, причиной которого оказалась мутация в единственном нуклеотидном основании белка, кодируемого геном FOXP2. Но при том, что впервые было найдено прямое влияние генов на развитие СНР, FOXP2 оказался фактором транскрипции, а значит его связь с языком представляется весьма опосредованной. До сих пор существовали разные точки зрения на природу языковой способности: в своё время обнаружение FOXP2 позволило высказать мысль о том, что причиной появления языка у человека могла бы быть одна-единственная мутация в определённом гене или же макромутация, вызвавшая цепь мутаций в других генах. Однако на сегодня наиболее вероятным вариантом событий многие учёные считают полигенную теорию происхождения, то есть связь целого ряда генов с языковой способностью. Ежегодно обнаруживаемые новые ассоциации определённых генов с языком подтверждают эту теорию. В докладе обсуждается влияние некоторых из этих генов (ROBO2, MYH16, CNTNAP2 и др.) на развитие языка, хотя остаётся невыясненным, закреплялись ли человеческие варианты этих генов всегда направленным отбором или же они представляют собой набор случайных мутаций, породивших языковую способность как побочный эффект. Кроме того, многие другие гены, не оказывающие прямого влияния на язык (например, MCPH120 и ASPM21, регулирующие объем мозга), тем не менее обеспечивают его нормальное функционирование, из-за чего нельзя с большой долей уверенности сказать, что языковая способность у людей представлена в виде единого генетического основания. Новые открытия, несомненно, будут способны рассказать нам ещё больше о природе языка.

Звуковая теория происхождения языка и связанные с ней эволюционные изменения в организме человека

Кондратенко Полина Игоревна

студент 2 курса, Санкт-Петербургский государственный университет

Вопрос о происхождении языка (глоттогенезе), интересующий человечество со времён античности и с XIX века находящийся в центре пристального внимания исследователей, по сей день остается без однозначного ответа. Современная наука располагает данными, достаточными лишь для выдвижения общих гипотез, часть которых со временем превращается в теории.

Все множество существующих теорий о происхождении языка можно разделить на две основные группы: теории биологические и теории соци-

альные. В фокусе настоящего доклада находятся биологические теории, объясняющие происхождение языка эволюцией человеческого организма: органов чувств, речевого аппарата и мозга. К биологическим теориям относятся прежде всего междометная теория и теория звукоподражания.

В то время как сторонники теории звукоподражания объясняют появление первых слов подражанием звукам природы, распространяя принцип звукового подражания и на отражение в звучании слова незвукового признака называемого предмета или явления, приверженцы междометной (рефлексной, эмоциональной) теории переносят акцент на переживания человека, сопровождаемые междометиями, из которых якобы произошли все иные слова.

Наряду с обобщением и критическим анализом существующих биологических теорий глоттогенеза в докладе уделено особое внимание анатомическим изменениям, связанным с развитием членораздельной звучащей речи, которые затронули как речевой аппарат, так и слуховой анализатор у *Homo sapiens*.

СОДЕРЖАНИЕ

РУССКИЙ ЯЗЫК	3
Пленарное заседание	3
История русского языка	5
Народная культура в древнем и новом слове	13
Лексикология и стилистика русского языка	19
Грамматика и семантика русского языка	37
Лингвометодические основы описания и изучения русского языка как иностранного	50
ЛИТЕРАТУРА И ФОЛЬКЛОР	73
Пленарное заседание	73
Русская литература: теория, поэтика	75
Русская литература: история	85
История зарубежных литератур	106
Фольклор и мифология	126
СЛАВЯНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ	133
Пленарное заседание	133
Славянская филология: языкознание	135
Славянская филология: литературоведение	139
Славяно-германская компаративистика	143
РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ	146
Пленарное заседание	146
Лексикология (романо-германская филология)	151
Грамматика (романо-германская филология)	168
Переводоведение (романо-германская филология)	180
ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГИИ ДО НЕОЭЛЛИНИСТИКИ	200
Пленарное заседание	200
Классическая филология	201
Библеистика	205
Балканистика. Византистика. Неоэллинистика	213
ОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ	217
Пленарное заседание	217
Общее языкознание	219
Фонетика	228

Психолингвистика	232
Прикладная и математическая лингвистика	245
Финно-угорская филология	252
КИНО ТЕКСТ	257
Кино Текст	257
Мастерская анализа кинотекста. «Левиафан» Андрея Звягинцева	270
БУДЕТЛЯНЕ	273
Будетляне. Гипотеза в филологии: TED TALKS	273
<i>Круглый стол</i> . Благодаря чему (или благодаря кому?) литературные произведения становятся классикой?	283
<i>Круглый стол</i> . Чего мы никогда не узнаем о происхождении языка?	285